

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2011

ПРИОКСКИЕ ЗОРЬ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2011 — 1(22)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Год новый, а заботы старые	3
Манифест нового русского критического реализма (Проект для обсуждения)	7

К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ НИКОЛАЯ СЕМЕНОВИЧА ЛЕСКОВА (1831—1895)

Николай Семенович Лесков. Левша (Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе)	11
--	----

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

«Степень мертвенности нашего общества сегодня очень велика»	31
---	----

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Тимур Зульфикаров. Книга детства Иисуса Христа	35
Ирина Кедрова. Пред иконой Владимирской Богоматери	45
Сергей Крестьянкин. Весомая копейка Советского Союза	52
Алексей Яшин. Коллоквиум на помойке	62
Роза Нарышкина. Катя	80
Лев Дуров. Странные мы люди	87
Борис Кобринский. Уход	107
Рудольф Артамонов. Повесть о русской Сольвейг	111
Геннадий Маркин. В городе	130

В МИРЕ ПОЭЗИИ: НОВЫЕ СТИХИ

Игорь Лукьянов. <i>Personalia</i>	134
Валентин Киреев. <i>Personalia</i>	146
Владимир Резцов. Прогноз на будущее	154
Юрий Мизерницкий. Закат	156
Валерий Ксенофонтов. Война миров	159
Лев Соловьев. Наш паровоз	160
Николай Титов. Красивая Меча	162
Владимир Сапожников. Омар Хайям	165
Игорь Нехамес. Доверие женщины	168
Виктор Харлашкин. Генерал	172
Сергей Лебедев. Ташкентский пленник	176
Александр Хадарцев. От Дагестана до Египта	181

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

Сергей Прокопьев. Odnoklassniki.ru	187
Валентина Ерофеева-Тверская. Моя тоска	192
Владимир Корнилов. Русь православная	195

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Ефим Гаммер. Присказка. Затмение	198
Сергей Гора. Болезнь о прошлом	204

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Юрий Иванов. Рассказ матери	206
-----------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА МОЛОДАЯ	
Александр Томазов. Девушка и арфа. Вентал	210
Наталья Шепеленко. Телевидение для молодежи: Образы и смыслы	217
ПОЛИТЗАНАТИИ	
Олег Емельянов. Управлять по-русски, или управленческие максимы в национальном фольклоре	219
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Леонид Ханбеков. Свой взгляд (Первое впечатление).....	235
Алексей Третьяков. Комплекс вины и аутопсихоанализ художника. Пример Николая Лескова ...	238
КРАЕВЕДЕНИЕ: ТОПОНИМИКА С «ТУЛЬСКИМИ КОРНЯМИ»	
Николай Макаров. Имена туляков на карте мира	240
Вячеслав Горчаков. Наследственность тульских корней	245
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	251

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300025, Тула, а/я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@mail.ru; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зам. главного редактора по сибирским регионам
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ (Сокольники)
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент Академии российской литературы
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы

Информационная поддержка:

- *Литературное агентство «Московский Парнас»*
- *журнал «Подъем» (Воронеж)*
- *«Литературная газета»*
- *газета «Российский писатель»*
- *газета «Тульский литератор»*
- *газета «Щекинский вестник»*
- *газета «Слобода» (Тула)*
- *газета «Марийская правда» (Йошкар-Ола)*
- *газета «Тульская правда»*

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.medtsu.tula.ru (в PDF формате)

Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)

© «Приокские зори», 2011

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГОД НОВЫЙ, А ЗАБОТЫ СТАРЫЕ...

Старые заботы русской литературы переступили уже четвертую пятилетку новейшего времени. Переступили — и вступили в пятую. Дальше будем перефразировать классиков различных отраслей знаний и занятий в истории России.

Главнейшим из искусств является... ну, это вы все помните. А вот главнейшей из забот нашей современной литературы является, понятно, финансовая. Избави, бог, даже на секунду подумать, что речь идет об оплате литературного труда! За редким исключением творцов запиаренной печатной продукции — язык не поворачивается назвать ее литературой... — понятие гонорара давным давно приобрело качество артефакта; что-то наравне с палеонтологическими окаменелостями. Кстати, у меня в рабочем кабинете Медицинского института, как у любителя различных кунштюков, есть несколько образцов таковых. И когда я в рассеянности перебираю их, то совершенно произвольно возникает такая матримонимальная мыслишка: а когда я в последний по времени раз получал этот самый гонорар?

Память же услужливо подсказывает: за последние двадцать лет получал его всего два раза: в 2007 и в 2008 годах, когда один из черноземных журналов, едва ли не ровесник первой сталинской пятилетки, напечатал мою повесть и роман. Правда, удивительнейшим образом сократив последний в четыре (!) раза. Но и на том спасибо.

Понятно, что чернозем не наш тульский суглинок, но все же: где редакция уважаемого журнала берет деньги на издание ежемесячного журнала предельным сейчас тысячным тиражом, умудряясь даже авторов одарять умеренными гонорарами? — Ответ на титульном листе: «Государственное учреждение культуры журнал такой-то». Значит, администрация черноземной области хорошо понимает: «толстый» литературный журнал является своего рода визитной карточкой культурной жизни региона.

...Мы же вновь перефразируем — на этот раз одесских классиков, авторов эпопеи об Остапе Ибрагимовиче Бендере: не сбылась мечта идиота (это мы о себе самокритично)! — Два года назад чиновник департамента культуры областной администрации, курирующий тульскую писательскую организацию, с воодушевлением демонстрировал мне прикидку плана мероприятий по дополнению культурной программы области, где значилось и финансирование издания «Приокских зорь», начиная с 2011 года.

...Увы, скоро сказка сказывается. Эти строки пишутся накануне этого самого Нового, 2011-го года, а областная администрация и вовсе перестала отвечать на наши официальные запросы-письма уже давно, а точнее с той памятной встречи премьер-министра с видными писателями страны, на которой — на вопрос Валентина Распутина о финансировании «толстых» литературных журналов — премьер в общем и в целом эту идею одобрил.

Что ж, у областных и городских властей хозяйство большое, забот-хлопот выше головы. Не будем им докучать, уповав только на посильную помощь Тульского госуниверситета и его ректора Михаила Васильевича Грязева. Главное, что журнал де-факто уже стал всероссийским явлением, а принятая нами — в условиях ограниченного тиража — библиотечная форма распространения обеспечивает «Приок-

ским зорям» достаточно широкую читательскую аудиторию в Туле, ее области, крупнейших городах России. Поскольку же журнал уже пятый год в полном объеме публикуется на сайте Интернета, то он доступен всем читающим по-русски в стране и в мире.

Как нам представляется — в свете активно сейчас обсуждаемого в СМИ вопроса о соотношении «печатного» и «электронного», — для современной России оптимальным является для литературных изданий периодики следующий постфактум. При всех *pro et contra* защитников и противников как печатной, так и электронной литературной периодики, та и другая востребованы в настоящее время и в перспективе до середины нашего века. Дальнейший прогноз затруднен ввиду экспоненциально ускоряющегося течения эволюционного времени.*

Выполненный анализ показал, что таким оптимумом для современной российской периодики в форме «толстых» литературно-художественных и публицистических журналов является «бумажное издание» тиражом 1...3 тыс. экземпляров и параллельное выставление на сайты Интернета издания в полном объеме. Причем печатный вариант должен ориентироваться преимущественно на библиотечную формы распространения, сочетаемую с индивидуальной подпиской и розничной продажей.

Опять же, как нам вполне обоснованно представляется, оба варианта — печатный и электронный, сетевой — имеют свои достоинства, причем гармонично дополняющие друг друга, а именно. Электронный, сетевой вариант обеспечивает мировую доступность, включая низкие материальные затраты читателя, а также относительную неподцензурность; речь идет, понятно, не о «ботанье по фене...».

Печатный вариант, во-первых, более близок традиционному читателю, который сейчас в России, в части чтения художественной литературы, является преобладающим. И это преобладание, хотя и снижаясь, сохранится в обозримом будущем. Во-вторых, современная малотиражная полиграфия является оперативной, что значительно снижает стоимость издания журнала. Это очень даже немаловажно, ибо литературную периодику сейчас читают (равно как и вообще художественную литературу) люди, которых в СМИ брезгливо именуют «несостоятельными». Все же остальные читают на ночь свою чековую книжку. Но под девяносто процентов «россиян и россиянок» (термин Б. Н. Ельцина, будь он не к ночи помянут...), если что и читают, то телевизионную программу и ценники в продуктовых лавках.

В-третьих, само чтение «в бумаге» интеллектуально дисциплинирует. Это известное положение психологии творчества, обучения и восприятия.

Наконец, пожалуй, самое важное именно на сегодняшний день очень активного возрастания числа интернет-пользователей в России (на Западе этот фактор уже стабилизировался): печатные издания литературной периодики, как требующие достаточных интеллектуальных, организационных коллегальных, материальных и пр. затрат, опосредованно и/или директивно (редакция, редколлегия) стремятся выдерживать высокий уровень публикаций в журнале. Даже исходя из чисто житейского принципа: не стоит и стараться, если не стремиться стать лучше чем есть! Тем самым печатные литературные журналы (и, конечно, их электронные, сетевые варианты) самим фактом своего существования противодействуют тому «мусору», из которого на 95—96 % состоит нынешний русскоязычный литинтернет... Речь идет, понятно, об интернетовской периодике.

...Разумеется, сказанное выше есть «срез» на сегодняшний день. Все течет, все изменяется; тем более в наше ускоряющееся время (см. выше и «Феноменологию ноосферы»). Изменится Интернет, прежде всего по части его нынешней «неподцен-

* Интересующиеся данным аспектом могут обратиться к изданию: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Предтеча ноосферы. В 2-х тт. / Предисл. акад РАН В. Г. Зилова. — М.: ЛКИ/УРСС, 2010. (См. также на сайте www.URSS.ru).

зурности». Уже в ближайшие 3—4 года он станет очень даже подцензурным. При чем здесь ожидается не столько госцензура, но «опека» глобалистского характера. Это учитывая выраженную тенденцию к глобализации* нашей «голубой планеты» (не подумайте чего в стиле современного новояза-сленга; это слова Юрия Гагарина). Здесь — прямо лыко в строку: в дни, когда пишется эта колонка главного редактора, в мире разразился грандиозный скандал с деятельностью австралийца Джулиана Асанджа и его сайта «Викиликс», на котором были опубликованы сотни тысяч секретных документов, прежде всего из госдепа США. Вне всякого сомнения, эта «оборзцовая порка» возмутителя спокойствия знаменует собой начало глобализованного контроля над Интернетом...

Вполне возможно, и сам доступ физических лиц в Интернет будет со временем ограничен, сама всемирная сеть секторизована и так далее. Но и печатная продукция может быть модернизирована — уже сейчас традиционный бумажный носитель становится архаичным. Скорее всего форма книги останется, но в форме книги электронной, не зависимой от глобальных и локальных телекоммуникационных сетей.

...Однако перейдем от прогнозов к другим нашим старым заботам, но более приятным, чем огорчительные финансовые или сумбурные электронно-сетевые. Поговорим о чем мы будем рассказывать нашим читателям со страниц «Приокских зорь» в наступившем году.

Среди многих традиций, сложившихся в нашем журнале к седьмому году его издания, самая отличительная — без излишней скромности: от всех остальных «толстых» периодических изданий России — суть тематические номера к юбилеям наиболее значимых русских писателей, а именно тех, кто и создал в XIX веке мировой феномен русской литературы. Причем это не мартиролог или отдание чести вежливости, но серьезный повод в очередной раз привлечь внимание читателей и авторов к нашему общему классическому наследию, а в его преломлении — к современному литературному процессу, как новому русскому критическому реализму (см. приложение к колонке главного редактора).

...В смысле таких юбилеев наступивший год необычайно богат и разнообразен: 185 лет со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина (январь); 175 лет Н. А. Добролюбову (февраль); 180 лет Н. С. Лескову (февраль); 190 лет А. Ф. Писемскому (март); весной и летом — юбилеи Н. С. Гумилева, М. А. Булгакова, В. Г. Белинского, Д. С. Мережковского и Л. Н. Андреева. Еще более «урожайной» на юбилеи будет и осень — начало зимы 2011 года: И. Ф. Анненский, С. Т. Аксаков, Ф. М. Достоевский, М. В. Ломоносов, В. И. Даль, Н. А. Некрасов, Н. М. Карамзин и А. А. Фадеев. Можно назвать еще два десятка имен, значимых для русской и советской литературы.

Аж дух захватывает... Кстати, на заметку нашим постоянным и потенциальным авторам: мы надеемся, что вы обратите внимание на указанные ориентировочные даты юбилеев. Этот на тот случай, если у вас возникнет желание что-либо предложить нашей редакции к юбилеям названных классиков отечественной литературы.

Среди чреды юбилеев особо отметим 300-летие со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765); дата рождения — 19 ноября. В школьных и университетских курсах русской литературы как-то вежливо-вскользь упоминается о вкладе Ломоносова как поэта и, как бы мы сейчас сказали, научного публициста, популяризатора, что входит в ареал расширенно понимаемой литературной публицистики.

Но ведь в части русской поэзии Михайло Васильевич смело может быть отнесен к ее родоначальникам! Опять же перефразируя классика политико-философской

* См. очерки Джульетто Кьеза «Куда девать квадриллион деривативов?» и Алексея Третьякова «Глобализация как ноосферный процесс» в «ПЗ» № 3, 2009.

мысли Нового времени, можно сказать: мастера силлабо-тонического стихосложения Ломоносов, Херасков, Тредиаковский перекинули мостик между старорусской, церковно-славянской в основе, поэзией и переходной к ритмически рифмованной у поэтов круга Гаврилы Романовича Державина. А «старик Державин» благословил в лице юного Пушкина ту русскую поэзию, которая уже перешагнула в третий век своего творческого горения.

...Настоящий же номер журнала мы посвящаем 180-летию со дня рождения (12 февраля) Николая Семеновича Лескова (1831—1895), выдающегося русского писателя, замечательного рассказчика, почти что нашего земляка (орловца), человека нелегкой литературной судьбы (см. рубрику «Литературная учеба»). Николай Семенович — «литературный покровитель» нашего журнала, в котором особое внимание уделяется лесковской манере пространного, неторопливого рассказа. Именно поэтому учрежденная нами всероссийская литературная премия «Левша» носит имя великолепного и самобытного писателя. Символично, что в настоящем номере мы объявляем имена лауреатов «Левши» за 2010-й год.

Памятуя юбилей Н. С. Лескова, мы открываем номер журнала его знаменитым сказанием о тульском косом левше. Опять же напомним — в контексте сказанного выше — нашим читателям и авторам, что редакция и редколлегия «Приокских зорь» придерживается той концепции организации журнального дела, идущей от «Современника» А. С. Пушкина и от того же «Современника» и «Отечественных записок» Н. А. Некрасова, что журнал, в отличие, например, от альманаха или сборника, то есть каждый его номер (выпуск), является идейно и композиционно законченным коллективным произведением.

Поэтому тематический номер журнала не надо понимать как однозначно насыщенный материалами, посвященными событию, юбилею и пр. Но вместе с тем мы подбираем из имеющейся в портфеле редакции прозы, поэзии, публицистики и так далее те произведения, которые создают необходимый контекст тематике номера... И авторам не следует обижаться, что порой их предложения достаточно долго ждут своей «тематической очереди».

Что же еще осталось сказать о наших традиционных заботах? — Главное, чтобы расширился круг наших авторов и читателей. Первых — желательно не столько числом, сколько умением...

В текущем году мы продолжим ставшие уже традиционными рубрики журнала, в том числе и недавно появившиеся: «Современные писатели Сибири», которую ведет зам. главного редактора по сибирским регионам Тамара Булевич (Красноярск), «Русское литературное Зарубежье», «Тверской бульвар — 25 в «Приокских зорях». Новый импульс получают рубрики 2006—2008 гг.: «Православие в наших душах» и «Литературная учеба».

За прошедшие пять лет издания мы представили практически все сколько-либо значимые по своему творческому потенциалу литературные объединения Тулы и Тульской области. Набирает силу рубрика «Представляем литературные объединения городов России». Все большее внимание журнал уделяет молодым, одаренным авторам. Будущее русской литературы за ними.

...И еще одна *nota bene* с продолжением. Как некогда говорил на известной дискуссии по созданию базового учебника политэкономии социализма создатель сверхдержавы СССР: «Без теории нам двигаться дальше нельзя». Очевидно, пришла пора продекларировать (в порядке проекта) и концепцию содержания и развития современной русской литературы (см. далее).

МАНИФЕСТ нового русского критического реализма (Проект для обсуждения)

Пreamбула. Проект настоящего манифеста имеет целью и воспоследующими из нее задачами сформулировать сущность нового критического реализма как основного действенного творческого метода, соотнесенного с современным литературным процессом в творчестве писателей, следующих базовым традициям великой русской и советской литературы XIX—XX веков.

◆ Критический реализм является доминирующим творческим методом в мировой литературе и искусстве, начиная с их оформления в виды творческого самовыражения в античные времена в странах Средиземноморья. Данное определение не исключает аналогичные процессы в Древней Индии, в Древнем Китае, в иных (локальных) центрах цивилизации — принцип полицентричности, свидетельствующий об онтологической априорности доминирования критического реализма в мировой литературе.

◆ Онтологическая априорность метода критического реализма вытекает однозначно и логически непротиворечиво из базовых законов диалектики Гегеля: единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания и перехода количества в качество.

◆ Онтологическая сущность метода критического реализма заключается в социобиологически обусловленном устремлении человека разумного — человека общественного (*homo sapiens* — *homo publicus*) к социально-ориентированному сообществу любой формы: от семьи («ячейки общества») до государства, а в реальной перспективе — глобализованного мира.

◆ Данное устремление является *идеалом*, то есть недостижимой целью, как, например, идеальное государство Платона, утопии Мора, Кампанеллы, Кабэ и пр.; это означает, что сам процесс названного устремления является перманентным, не имеющим останова — естественного или директивного — до того времени, пока творческое самовыражение будет востребовано человечеством. При этом следует учитывать, что в будущем формы такого самовыражения могут значительно отличаться от современных, традиционных.

◆ Из всех видов непатологического и/или предельно неформализованного («Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд». — Б. Шоу) творческого самовыражения именно литературное творчество, в силу своей специфики воздействия на сознание и подсознание человека, является наиболее адекватным цели и задачам феномена критического реализма.

◆ Творческий метод критического реализма в русской литературе является исторически и в современной действительности составной частью мирового, прежде всего европейского, опыта данного феномена, в то же время обладая своей, только ему присущей спецификой.

◆ Спецификой русского критического реализма, обусловленной относительной молодостью отечественной литературы, общинной традицией мироустройства русской жизни, врожденной — генофенотипически — идеологией византийского православия, дополненного опытом социально ориентированного государства СССР, является абсолютное неприятие частнособственничества, стяжательства и накопительства, примат коллективизма, вера народа в верховную власть при полярном же неверии власти исполнительной. Это выражено в формуле русского фольклора: «Царь-батюшка дал народу жалованную грамоту, но бояре ее украли и спрятали».

◆ Метод критического реализма, как в русской, так и в общемировой литературе, по своему определению и самоназванию (терминологии) предполагает *конструк-*

тивную лево- или праворадикальную оппозицию явлениям (институтам), составляющим объект художественной критики: государственная власть, исполнительная власть, тенденции общемирового характера, церковь как учреждение, негативные общественные тенденции, антисоциальные проявления, факторы, тормозящие развитие социально ориентированного общества (государства) и так далее. Писатель, по определению, всегда находится в оппозиции к власти.

◆ Для русского литературного критического реализма такими, основными объектами являлись и являются: в последней трети XVIII — первой половине XIX века. суть институт крепостничества, образованщина (выражаясь словами классика русской литературы), слабость госвласти, которую можно охарактеризовать как устойчивое неравновесие, либо неравновесную устойчивость (термин теоретической биологии); во второй половине XIX — начале XX веков — это самодержавие и огосударствленная церковь — с одной стороны; нигилизм (критики — Писемский, Достоевский, *Лесков*) — с другой. Причем критику этих объектов неправомерно рассматривать как полярную, взаимоисключающую; в итоге-то объектом *ob ovo* у тех и у других оказывался народившийся капитализм, в спешке своего явления в России перескочивший через положенные стадии переходного периода от «задержавшегося» в России феодализма.

◆ В силу указанной выше специфики русского критического реализма конкретным объектом критики нарождающегося капитализма в последней трети XIX века и перехода его в стадию империализма в начале XX века явилось триединство неприемлемых для творчества русских писателей факторов: разрушение патриархальной крестьянской общины, пауперизм городского населения и невиданное ранее в истории России возобладание частнособственнического, накопительского инстинкта. Знаковым произведением явился «Челкаш» Горького.

◆ В период советской государственной оформленности России (1917—1991 гг.), учитывая социальную ориентированность СССР, объектом конструктивного критического реализма до середины 60-х гг. являлись негативные явления, препятствующие построению и функционированию социального государства. Знаковыми, величайшими произведениями здесь являются «Тихий Дон» и «Поднятая целина» (до сих пор недооцененная...) М. А. Шолохова, произведения Андрея Платонова (при всей их аллегоричности), поэзия Маяковского, проза и поэзия писателей-фронтовиков.

◆ В указанный выше период метод критического реализма оставался основным, действенным, но с изменением объектов критики. Инсинуации с перевоплощением критического реализма в «социалистический реализм» — девиз его: «борьба более лучшего с менее лучшим», — приписываемый то Горькому, то Гладкову, принадлежит Пролеткульту с его экстремизмом («сбросить Пушкина с корабля истории» и пр.), потому во внимание приниматься сейчас не должны.

◆ В советский период истории России с середины 60-х гг. и до окончания существования СССР, то есть время «шестидесятников», объект критики перманентно перемещаются от объективных негативных явлений, препятствующих функционированию социального государства, к субъективным, обусловленным партократическим перерождением правящей верхушки СССР и административно-партийным слиянием в среднем звене управления, стагнацией многомиллионных партийных масс, уклоном в карьеризм и пр. Все это как следствие нарастающего с середины 50-х гг. дисбаланса между стремительной динамикой экономического развития («сталинский разбег») и отсутствием новой — взамен устаревшего марксизма-ленинизма — общественно-социальной и политэкономической теории, о чем в последние годы своей жизни предупреждал Иосиф Виссарионович. Таким образом, в 60—80-е гг. социализм с советским базисом выродился в социализм троцкистского толка: движение — все, цель —

ничто. Хотя бы эта «цель» и декларировалась умозрительно: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

◆ Выразителями и наиболее активными движителями этого варианта критического реализма явились в 60—80-е гг. писатели когорты «шестидесятников» (имен называть не будем); кто-то из них действовал художественно-интуитивно, но другие, не декларируя этого, понимали существо изменения объектов критики. Соответственно, в указанный период истории русской, советской литературы критический реализм размывался между конструктивной (Байкал, несостоявшийся поворот сибирских рек в Среднюю Азию и пр.) и глухо-оппозиционной доминантами.

◆ Параллельно развивавшаяся в 60—80-е гг. так называемая диссидентская русская, точнее — русскоязычная, антисоветская литература в СССР и за рубежом методологически не подпадала под действенность критического реализма, поскольку полностью лишена качества критического конструктивизма (см. выше) и преследовала иные, отличные от творческих, цели и задачи. Апофеозом здесь явились сочинения А. И. Солженицына. Впрочем, и в рамках этого течения были исключения, например, в творчестве «двойного диссидента» (в СССР и на Западе) А. А. Зиновьева, у которого превалировал критический реализм.

◆ В последние два десятилетия с момента разрушения (не распада! — это фактологически неверно) СССР в русской, российской литературе наблюдается «разноцветье» творческих методов, в том числе и *неконструктивного* критического реализма. Прояснять это не будем, учитывая, что все происходит на наших глазах.

◆ Отход современной русской литературы, равно как и почти всей мировой, от канонов классического критического реализма XIX и XX веков является симптомом естественной исчерпанности данного творческого метода в названных канонах.

◆ Исчерпанность на рубеже XX и XXI веков классического метода критического реализма обусловлена кардинальной сменой геополитических ориентиров в планетарном масштабе, а именно: эксперимент истории (имеется в виду целеуказание в эволюции человечества) с постепенным переходом к единому, социально ориентированному планетарному сообществу через социализацию (советского, шведского и пр. типов) отдельных государств и их групп-блоков завершился, показав тупиковость такого хода. Имеется в виду общеэволюционный принцип «отсечения тупиковых ходов».

◆ На нынешнем, активно и экспоненциально усиливающемся этапе изменения биогеохимической оболочки Земли, то есть переходе биосферы в ноосферу (по теории В. И. Вернадского), справедливым все же оказался тезис Маркса об одновременности перехода всего земного сообщества к единому, социально ориентированному, мировому государственному образованию через достаточно жесткий и жестокий процесс глобализации, у истоков которой мы сейчас находимся.

◆ Соответственно, объектом конструктивной критики нового литературного критического реализма являются процессы глобализации, включая национальную (государственную) их специфику. То же самое относится к новому русскому критическому реализму.

◆ Поскольку в эпоху глобализации отсутствует, по определению, «сравнительная база» национальных литератур, то объектом критики, в том числе конструктивной, становится не геополитика, социальные и экологические коллизии, но во главу угла ставится объект *расчеловеченья* человека ноосферного (*homo noospheres*).

◆ Сама методология нового критического реализма в указанном аспекте зиждется на сохранении в реальном временном процессе формирования человека ноосферного средствами литературы — художественной и публицистической — тех черт человека личного, общественного и творческого, которые противостоят расчеловеченью, то есть превращению человека в нивелированный винтик глобального механизма ноосферы Земли.

◆ Разумеется, процесс глобализации и перехода к ноосферному единому земному сообществу эволюционно предрешен и неостановим, расчеловеченье неотвратимо, но задача литературы и творчества в целом суть максимально длительно имманентными им средствами конструктивно противостоять этому процессу.

◆ В отличии от западно-восточной (это по И. Гёте) литературы, уже сейчас приобретающей характер «оазисной» и *business*-пиарной, то есть сдающей свои позиции перед натиском глобализма, у классической современной русской литературы, учитывая остающиеся значительными традиции великой литературы XIX и XX веков, имеется намного более прочный и долговременный «запас прочности» для реализации целей и задач настоящего Манифеста.

Резюме. Публикуя настоящий проект Манифеста, приглашаем от имени редколлегии журнала «Приокские зори» широкую литературную общественность страны, русскоязычных читателей и писателей ближнего и дальнего Зарубежья принять участие в его обсуждении, дополнении, критике и пр. для выработки окончательного варианта, который мог бы служить программным документом в рамках отечественного литературного процесса.

*Член правления Академии российской литературы,
профессор Алексей Яшин*

**К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ
НИКОЛАЯ СЕМЕНОВИЧА ЛЕСКОВА
(1831—1895)**

Николай Семенович Лесков

ЛЕВША

(СКАЗ О ТУЛЬСКОМ КОСОМ ЛЕВШЕ
И О СТАЛЬНОЙ БЛОХЕ)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда император Александр Павлович окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междоусобные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели, но при нем был донской казак Платов, который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то все провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: так и так, и у нас дома свое не хуже есть,— и чем-нибудь отведет.

Англичане это знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить и от русских отвлечь, и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях, где Платов не мог по-французски вполне говорить; но он этим мало и интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения. А когда англичане стали звать государя во всякие свои цейгаузы, оружейные и мыльно-пильные заводы, чтобы показать свое над нами во всех вещах преимущество и тем славиться,— Платов сказал себе:

— Ну уж тут шабаш. До этих пор еще я терпел, а дальше нельзя. Сумею я или не сумею говорить, а своих людей не выдам.

И только он сказал себе такое слово, как государь ему говорит:

— Так и так, завтра мы с тобою едем их оружейную кунсткамеру смотреть. Там,— говорит,— такие природы совершенства, что как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся.

Платов ничего государю не ответил, только свой грабоватый нос в лохматую бурку спустил, а пришел в свою квартиру, велел денщику подать из погребца фляжку

* Печатается по изданию: Н. С. Лесков. Собрание сочинений в 11 тт. Т. 7.— М.: Госиздат художеств. лит-ры, 1958.— С. 26—59.

кавказской водки-кислярки^{*}, дерябнул хороший стакан, на дорожный складень богу помолился, буркой укрылся и захрапел так, что во всем доме англичанам никому спать нельзя было.

Думал: утро ночи мудренее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На другой день поехали государь с Платовым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухсестную.

Приезжают в пребольшое здание — подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромные бюстры, и посредине под валдахином стоит Аболон полведерский.

Государь оглядывается на Платова: очень ли он удивлен и на что смотрит; а тот идет глаза опустивши, как будто ничего не видит, — только из усов кольца вьет.

Англичане сразу стали показывать разные удивления и пояснять, что к чему у них приноровлено для военных обстоятельств: буреметры морские, мерблюзьи мантоны пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли. Государь на все это радуется, все кажется ему очень хорошо, а Платов держит свою ажидацию, что для него все ничего не значит. Государь говорит:

— Как это возможно — отчего в тебе такое бесчувствие? Неужто тебе здесь ничто не удивительно?

А Платов отвечает:

— Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и дванадесять язык прогнали.

Государь говорит:

— Это безрассудок.

Платов отвечает:

— Не знаю, к чему отнести, но спорить не смею и должен молчать.

А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчас подвели его к самому Аболону полведерскому и берут у того из одной руки Мортимерово ружье, а из другой пистолю.

— Вот, — говорят, — какая у нас производительность, — и подают ружье.

Государь на Мортимерово ружье посмотрел спокойно, потому что у него такие в Царском Селе есть, а они потом дают ему пистолю и говорят:

— Это пистоля неизвестного, неподражаемого мастерства — ее наш адмирал у разбойничьего атамана в Кандеабрии из-за пояса выдернул.

Государь взглянул на пистолю и наглядеться не может.

Взахался ужасно.

— Ах, ах, ах, — говорит, — как это так... как это даже можно так тонко сделать! — И к Платову по-русски оборачивается и говорит: — Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сейчас же благородным бы сделал.

А Платов на эти слова в ту же минуту опустил правую руку в свои большие шаровары и тащит оттуда ружейную отвертку. Англичане говорят: «Это не отворяется», а он, внимания не обращая, ну замок ковырять. Повернул раз, повернул два — замок и вынул. Платов показывает государю собачку, а там на самом сугибе сделана русская надпись: «Иван Москвин во граде Туле».

Англичане удивляются и друг дружку поталкивают:

— Ох-де, мы маху дали!

А государь Платову грустно говорит:

— Зачем ты их очень сконфузил, мне их теперь очень жалко. Поедем.

^{*} Кизлярки (Прим. автора).

Сели опять в ту же двухсестную карету и поехали, и государь в этот день на бале был, а Платов еще больший стакан кислярки выдушил и спал крепким казачьим сном.

Было ему и радостно, что он англичан оконфузил, а тульского мастера на точку вида поставил, но было и досадно: зачем государь под такой случай англичан сожалел!

«Через что это государь огорчился? — думал Платов.— Совсем того не понимаю»,— и в таком рассуждении он два раза вставал, крестился и водку пил, пока насильно на себя крепкий сон навел.

А англичане же в это самое время тоже не спали, потому что и им завертело. Пока государь на бале веселился, они ему такое новое удивление подстроили, что у Платова всю фантазию отняли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и говорит:

— Пусть сейчас заложат двухсестную карету, и поедем в новые кунсткамеры смотреть.

Платов даже осмелился доложить, что не довольно ли, мол, чужеземные продукты смотреть и не лучше ли к себе в Россию собираться, но государь говорит:

— Нет, я еще желаю другие новости видеть: мне хвалили, как у них первый сорт сахар делают.

Поехали.

Англичане все государю показывают: какие у них разные первые сорта, а Платов смотрел, смотрел да вдруг говорит:

— А покажите-ка нам ваших заводов сахар *молво*?

А англичане и не знают, что это такое *молво*. Перешептываются, перемигиваются, твердят друг дружке: «Молво, молво», а понять не могут, что это у нас такой сахар делается, и должны сознаться, что у них все сахара есть, а «молва» нет. Платов говорит:

— Ну, так и нечем хвастаться. Приезжайте к нам, мы вас напоим чаем с настоящим молво Бобринского завода.

А государь его за рукав дернул и тихо сказал:

— Пожалуста, не порть мне политики.

Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру, где у них со всего света собраны минеральные камни и нимфозории, начиная с самой огромнейшей египетской керамиды до закожной блохи, которую глазам видеть невозможно, а угрызение ее между кожей и телом.

Государь поехал.

Осмотрели керамиды и всякие чучелы и выходят вон, а Платов думает себе:

«Вот, славу богу, все благополучно: государь ничему не удивляется».

Но только пришли в самую последнюю комнату, а тут стоят их рабочие в тужурных жилетках и в фартуках и держат поднос, на котором ничего нет.

Государь вдруг и удивился, что ему подают пустой поднос.

— Что это такое значит? — спрашивает; а аглицкие мастера отвечают:

— Это вашему величеству наше покорное поднесение.

— Что же это?

— А вот,— говорят,— изволите видеть сориночку?

Государь посмотрел и видит: точно, лежит на серебряном подносе самая крошечная соринка.

Работники говорят:

— Извольте пальчик послюнить и ее на ладошку взять.

— На что же мне эта соринка?

— Это,— отвечают,— не соринка, а нимфозория.

— Живая она?

— Никак нет,— отвечают,— не живая, а из чистой из аглицкой стали в изображении блохи нами выкована, и в середине в ней завод и пружина. Извольте ключиком повернуть: она сейчас начнет дансе танцевать.

Государь залюбопытствовал и спрашивает:

— А где же ключик?

А англичане говорят:

— Здесь и ключ перед вашими очами.

— Отчего же,— государь говорит,— я его не вижу?

— Потому,— отвечают,— что это надо в мелкоскоп.

Подали мелкоскоп, и государь увидел, что возле блохи действительно на подносе ключик лежит.

— Извольте,— говорят,— взять ее на ладошечку — у нее в пузичке заводная дырка, а ключ семь поворотов имеет, и тогда она пойдет дансе...

Насилу государь этот ключик ухватил и насилу его в щепотке мог удержать, а в другую щепотку блошку взял и только ключик вставил, как почувствовал, что она начинает усиками водить, потом ножками стала перебирать, а наконец вдруг прыгнула и на одном лету прямое дансе и две верояции в сторону, потом в другую, и так в три верояции всю кавриль станцевала.

Государь сразу же велел англичанам миллион дать, какими сами захотят деньгами,— хотя бы серебряными пяточками, хотя бы мелкими ассигнациями.

Англичане попросили, чтобы им серебром отпустили, потому что в бумажках они толку не знают; а потом сейчас и другую свою хитрость показали: блоху в дар подали, а футляра на нее не принесли: без футляра же ни ее, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются и в сору их так и выбросят. А футляр на нее у них сделан из цельного бриллиантового ореха — и ей местечко в середине выдавлено. Этого они не подали, потому что футляр, говорят, будто казенный, а у них насчет казенного строго, хоть и для государя — нельзя жертвовать.

Платов было очень рассердился, потому что, говорит:

— Для чего такое мошенничество! Дар сделали и миллион за то получили, и все еще недостаточно! Футляр,— говорит,— всегда при всякой вещи принадлежит.

Но государь говорит:

— Оставь, пожалуйста, это не твое дело — не порть мне политики. У них свой обычай.— И спрашивает: — Сколько тот орех стоит, в котором блоха местится?

Англичане положили за это еще пять тысяч.

Государь Александр Павлович сказал: «Выплатить», а сам спустил блошку в этот орешек, а с нею вместе и ключик, а чтобы не потерять самый орех, опустил его в свою золотую табакерку, а табакерку велел положить в свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана преламутом и рыбьей костью. Аглицких же мастеров государь с честью отпустил и сказал им: «Вы есть первые мастера на всем свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут».

Те остались этим очень довольны, а Платов ничего против слов государя произнести не мог. Только взял мелкоскоп да, ничего не говоря, себе в карман спустил, потому что «он сюда же,— говорит,— принадлежит, а денег вы и без того у нас много взяли».

Государь этого не знал до самого приезда в Россию, а уехали они скоро, потому что у государя от военных дел сделалась меланхолия, и он захотел духовную исповедь иметь в Таганроге у попа Федота.* Дорогой у них с Платовым очень мало при-

* «Поп Федот» не с ветра взят: император Александр Павлович перед своею кончиною в Таганроге исповедовался у священника Алексея *Федотова*-Чеховского, который после того именовался «духовником его величества» и любил ставить всем на вид это совершенно случайное обстоятельство. Вот этот-то *Федотов*-Чеховский, очевидно, и есть легендарный «поп Федот». (Прим. автора).

ятного разговора было, потому они совсем разных мыслей сделались: государь так соображал, что англичанам нет равных в искусстве, а Платов доводил, что и наши на что взглянут — все могут сделать, но только им полезного ученья нет. И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на все другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл.

Государь этого не хотел долго слушать, а Платов, видя это, не стал усиливаться. Так они и ехали молча, только Платов на каждой станции выйдет и с досады квасной стакан водки выпьет, соленым бараночком закусит, закурит свою корешковую трубку, в которую сразу целый фунт Жукова табаку входило, а потом сядет и сидит рядом с царем в карете молча. Государь в одну сторону глядит, а Платов в другое окно чубук высунет и дымит на ветер. Так они и доехали до Петербурга, а к попу Федоту государь Платова уже совсем не взял.

— Ты,— говорит,— к духовной беседе невовдержен и так очень много куришь, что у меня от твоего дыму в голове копоть стоит.

Платов остался с обидою и лег дома на досадную укушетку, да так все и лежал да покуривал Жуков табак без перестачи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Удивительная блоха из аглицкой вороненой стали оставалась у Александра Павловича в шкатулке под рыбьей костью, пока он скончался в Таганроге, отдав ее попу Федоту, чтобы сдал после государыне, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексеевна посмотрела блохины верояции и усмехнулась, но заниматься ею не стала.

— Мое,— говорит,— теперь дело вдовье, и мне никакие забавы не обольстительны,— а вернувшись в Петербург, передала эту диковину со всеми иными драгоценностями в наследство новому государю.

Император Николай Павлович поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил, потому что при восходе его было смятение, но потом один раз стал пересматривать доставшуюся ему от брата шкатулку и достал из нее табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, и в нем нашел стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не действовала, а лежала смирно, как коченелая.

Государь посмотрел и удивился.

— Что это еще за пустяковина, и к чему она тут у моего брата в таком сохранении!

Придворные хотели выбросить, но государь говорит:

— Нет, это что-нибудь значит.

Позвали от Аничкина моста из противной аптеки химика, который на самых мелких весах яды взвешивал, и ему показали, а тот сейчас взял блоху, положил на язык и говорит: «Чувствую холод, как от крепкого металла». А потом зубом ее слегка помял и объявил:

— Как вам угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозория, и она сотворена из металла, и работа эта не наша, не русская.

Государь велел сейчас разузнать: откуда это и что такое означает?

Бросились смотреть в дела и в списки,— но в делах ничего не записано. Стали того, другого спрашивать,— никто ничего не знает. Но, по счастью, донской казак Платов был еще жив и даже все еще на своей досадной укушетке, лежал и трубку курил. Он как услышал, что во дворце такое беспокойство, сейчас с укушетки поднялся, трубку бросил и явился к государю во всех орденах. Государь говорит:

— Что тебе, мужественный старик, от меня надобно?

А Платов отвечает:

— Мне, ваше величество, ничего для себя не надо, так как я пью-ем что хочу и

всем доволен, а я,— говорит,— пришел доложить насчет этой нимфозории, которую отыскали: это,— говорит,— так и так было, и вот как происходило при моих глазах в Англии,— и тут при ней есть ключик, а у меня есть их же мелкоскоп, в который можно его видеть, и сим ключом через пузичко эту нимфозорию можно завести, и она будет скакать в каком угодно пространстве и в стороны верояции делать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платов говорит:

— Это,— говорит,— ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы подвергнуть ее русским пересмотрам в Туле или в Сестербеке,— тогда еще Сестрорецк Сестербеком звали,— не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвосхизались.

Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил, он и ответил Платову:

— Это ты, мужественный старик, хорошо говоришь, и я тебе это дело поручаю поверить. Мне эта коробочка все равно теперь при моих хлопотах не нужна, а ты возьми ее с собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поезжай на тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности, и что им нравится. А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту нимфозорию, и пусть они о ней подумают. Скажи им от меня, что брат мой этой вещи удивлялся и чужих людей, которые делали нимфозорию, больше всех хвалил, а я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Платов взял стальную блоху и, как поехал через Тулу на Дон, показал ее тульским оружейникам и слова государевы им передал, а потом спрашивает:

— Как нам теперь быть, православные?

Оружейники отвечают:

— Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуем и никогда его забыть не можем за то, что он на своих людей надеется, а как нам в настоящем случае быть, того мы в одну минуту сказать не можем, потому что аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство в ней с большим смыслом. Против нее,— говорят,— надо взяться подумавши и с божьим благословением. А ты, если твоя милость, как и государь наш, имеешь к нам доверие, поезжай к себе на тихий Дон, а нам эту блошку оставь, как она есть, в футляре и в золотой царской табакерочке. Гуляй себе по Дону и заживляй раны, которые приял за отечество, а когда назад будешь через Тулу ехать,— остановись и спыслай за нами: мы к той поре, бог даст, что-нибудь придумаем.

Платов не совсем доволен был тем, что туляки так много времени требуют и притом не говорят ясно: что такое именно они надеются устроить. Спрашивал он их так и иначе и на все манеры с ними хитро по-донски заговаривал; но туляки ему в хитрости нимало не уступили, потому что имели они сразу же такой замысел, по которому не надеялись даже, чтобы и Платов им поверил, а хотели прямо свое смелое воображение исполнить, да тогда и отдать.

Говорят:

— Мы еще и сами не знаем, что учиним, а только будем на бога надеяться, и авось слово царское ради нас в постыждении не будет.

Так и Платов умом виляет, и туляки тоже.

Платов вилял, вилял, да увидал, что туляка ему не перевилять, подал им табакерку с нимфозорией и говорит:

— Ну, нечего делать, пусть,— говорит,— будет по-вашему; я вас знаю, какие вы,

ну, иначе, делать нечего,— я вам верю, но только смотрите, бриллиант чтобы не подменить и аглицкой тонкой работы не испортите, да недолго возитесь, потому что я шибко езжу: двух недель не пройдет, как я с тихого Дона спять в Петербург поворочу,— тогда мне чтоб непременно было что государю показать.

Оружейники его вполне успокоили:

— Тонкой работы,— говорят,— мы не повредим и бриллианта не обменим, а две недели нам времени довольно, а к тому случаю, когда назад возвратишься, будет тебе *что-нибудь* государеву великолепию достойное представить.

А что именно, этого так-таки и не сказали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Платов из Тулы уехал, а оружейники три человека, самые искусные из них, один косою левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны, попрощались с товарищами и с своими домашними да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съестного и скрылись из города.

Заметили за ними только то, что они пошли не в Московскую заставу, а в противоположную, киевскую сторону, и думали, что они пошли в Киев почивающим угодникам поклониться или посоветовать там с кем-нибудь из живых святых мужей, всегда пребывающих в Киеве в изобилии.

Но это было только близко к истине, а не самая истина. Ни время, ни расстояние не позволяли тульским мастерам сходить в три недели пешком в Киев да еще потом успеть сделать посрамительную для аглицкой нации работу. Лучше бы они могли сходить помолиться в Москву, до которой всего «два девяносто верст», а святых угодников и там почивает немало. А в другую сторону, до Орла, такие же «два девяносто», да за Орел до Киева снова еще добрых пять сот верст. Этакого пути скоро не сделаешь, да и сделавши его, не скоро отдохнешь — долго еще будут ноги остекливши и руки трястись.

Иным даже думалось, что мастера набахвалили перед Платовым, а потом как побдумались, то и струсили и теперь совсем сбежали, унеся с собою и царскую золотую табакерку, и бриллиант, и наделавшую им хлопот аглицкую стальную блоху в футляре.

Однако такое предположение было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусных людей, на которых теперь почивала надежда нации.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Туляки, люди умные и сведущие в металлическом деле, известны также как первые знатоки в религии. Их славою в этом отношении полна и родная земля, и даже святой Афон: они не только мастера петь с вавилонами, но они знают, как пишется картина «вечерний звон», а если кто из них посвятит себя большему служению и пойдет в монашество, то таковые слывут лучшими монастырскими экономами, и из них выходят самые способные сборщики. На святом Афоне знают, что туляки — народ самый выгодный, и если бы не они, то темные утолки России, наверно, не видали бы очень многих святостей отдаленного Востока, а Афон лишился бы многих полезных приношений от русских щедрот и благочестия. Теперь «афонские туляки» обвозят святости по всей нашей родине и мастерски собирают сборы даже там, где взять нечего. Туляк полон церковного благочестия и великий практик этого дела, а потому и те три мастера, которые взялись поддержать Платова и с ним всю Россию, не делали ошибки, направляясь не к Москве, а на юг. Они шли вовсе не в Киев, а к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя «камнесеченная»

икона св. Николая, приплывшая сюда в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше. Икона эта вида «грозного и претрашного» — святитель Мир-Ликийскпх изображен на ней «в рост», весь одет в сребропозлащенной одежде, а лицом темен и на одной руке держит храм, а в другой меч — «военное одоление». Вот в этом «одолении» и заключался смысл вещи: св. Николай вообще покровитель торгового и военного дела, а «мценский Никола» в особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебен у самой иконы, потом у каменного креста и, наконец, возвратились домой «нощию» и, ничего никому не рассказывая, принялись за дело в ужасном секрете. Сошлись они все трое в один домик к левше, двери заперли, ставни в окнах закрыли, перед Николиным образом лампадку затеплили и начали работать.

День, два, три сидят и никуда не выходят, все молоточками потюкивают. Куют что-то такое, а что куют — ничего неизвестно.

Всем любопытно, а никто ничего не может узнать, потому что работающие ничего не рассказывают и наружу не показываются. Ходили к домику разные люди, стучались в двери под разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спрос не отпираются, и даже чем питаются — неизвестно. Пробовали их пугать, будто по соседству дом горит, — не выскочут ли в перепуге и не объявятся ли тогда, что ими выковано, но ничто не брало этих хитрых мастеров; один раз только левша высунулся по плечи и крикнул:

— Горите себе, а нам некогда, — и опять свою щипаную голову спрятал, ставню захлопнул, и за свое дело принялся.

Только сквозь малые щелочки было видно, как внутри дома огонек блестит, да слышно, что тонкие молоточки по звонким наковальням вытюкивают.

Словом, все дело велось в таком страшном секрете, что ничего нельзя было узнать, и притом продолжалось оно до самого возвращения казака Платова с тихого Дона к государю, и во все это время мастера ни с кем не видались и не разговаривали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Платов ехал очень спешно и с церемонией: сам он сидел в коляске, а на козлах два свистовые казака с нагайками по обе стороны ямщика садились и так его и поливали без милосердия, чтобы скакал. А если какой казак задремлет, Платов его сам из коляски ногою ткнет, и еще злее понесутся. Эти меры побуждения действовали до того успешно, что нигде лошадей ни у одной станции нельзя было удержать, а всегда сто скачков мимо остановочного места перескакивали. Тогда опять казак над ямщиком обратным действует, и к подъезду возвратятся.

Так они и в Тулу прикатили, — тоже пролетели сначала сто скачков дальше Московской заставы, а потом казак действовал над ямщиком нагайкою в обратную сторону, и стали у крыльца новых коней запрягать. Платов же из коляски не вышел, а только велел свистовому как можно скорее привести к себе мастеровых, которым блоху оставил.

Побежал один свистовой, чтобы шли как можно скорее и несли ему работу, которою должны были англичан посрамить, и еще мало этот свистовой отбежал, как Платов вдогонку за ним раз за разом новых шлет, чтобы как можно скорее.

Всех свистовых разогнал и стал уже простых людей из любопытной публики посылать, да даже и сам от нетерпения ноги из коляски выставляет и сам от нетерпеливости бежать хочет, а зубами так и скрипит — все ему еще нескоро показывается.

Так в тогдaшнее время все требовалось очень в аккурате и в скорости, чтобы ни одна минута для русской пользы не пропадала.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тульские мастера, которые удивительное дело делали, в это время как раз только свою работу оканчивали. Свистовые прибежали к ним запыхавшись, а простые люди из любопытной публики — те и вовсе не добежали, потому что с непривычки по дороге ноги рассыпали и повалились, а потом от страха, чтобы не глядеть на Платова, ударились домой да где попало спрятались.

Свистовые же как прискочили, сейчас вскрикнули и как видят, что те не отпирают, сейчас без церемонии рванули болты у ставень, но болты были такие крепкие, что нимало не поддались, дернули двери, а двери изнутри заложены на дубовый засов. Тогда свистовые взяли с улицы бревно, поддели им на пожарный манер под кровельную застреху да всю крышу с маленького домика сразу и своротили. Но крышу сняли, да и сами сейчас повалились, потому что у мастеров в их тесней хороминке от безотдышной работы в воздухе такая потная спираль сделалась, что непривычному человеку с свежего поветрия и одного раза нельзя было продохнуть.

Послы закричали:

— Что же вы, такие-сякие, сволочи, делаете, да еще этакою спиралью ошибаться смеете! Или в вас после этого бога нет!

А те отвечают:

— Мы сейчас, последний гвоздик заколачиваем и, как забьем, тогда нашу работу вынесем.

А послы говорят:

— Он нас до того часу живьем съест и на помин души не оставит.

Но мастера отвечают:

— Не успеет он вас поглотить, потому вот пока вы тут говорили, у нас уже и этот последний гвоздь заколочен. Бегите и скажите, что сейчас несем.

Свистовые побежали, но не с уверкою: думали, что мастера их обманут; а потому бежат, бежат да оглянутся; но мастера за ними шли и так очень скоро поспешали, что даже не вполне как следует для явления важному лицу оделись, а на ходу крючки в кафтанах застегивают. У двух у них в руках ничего не содержалось, а у третьего, у левши, в зеленом чехле царская шкатулка с аглицкой стальной блохой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Свистовые подбежали к Платову и говорят:

— Вот они сами здесь!

Платов сейчас к мастерам:

— Готово ли?

— Все, — отвечают, — готово.

— Подавай сюда. — Подали.

А экипаж уже запряжен, и ямщик и фореитор на месте. Казаки сейчас же рядом с ямщиком уселись и нагайки над ним подняли и так замахнувши и держат.

Платов сорвал зеленый чехол, открыл шкатулку, вынул из ваты золотую табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, — видит: аглицкая блоха лежит там какая была, а кроме ее ничего больше нет.

Платов говорит:

— Это что же такое? А где же ваша работа, которою вы хотели государя утешить?

Оружейники отвечали:

— Тут и наша работа. — Платов спрашивает:

— В чем же она себя заключает? — А оружейники отвечают:

— Зачем это объяснять? Все здесь в вашем виду, — и предусматривайте.

Платов плечами вздвигнул и закричал:

— Где ключ от блохи?

— А тут же, — отвечают. — Где блоха, тут и ключ, в одном орехе.

Хотел Платов взять ключ, но пальцы у него были куцапые: ловил, ловил, — никак не мог ухватить ни блохи, ни ключика от ее брюшного завода и вдруг рассердился и начал ругаться словами на казацкий манер.

Кричал:

— Что вы, подлецы, ничего не сделали, да еще, пожалуй, всю вещь испортили! Я вам голову сниму!

А туляки ему в ответ:

— Напрасно так нас обижаете, — мы от вас, как от государева посла, все обиды должны стерпеть, но только за то, что вы в нас усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны, — мы вам секрета нашей работы теперь не скажем, а извольте к государю отвезти — он увидит, каковы мы у него люди и есть ли ему за нас постыждение.

А Платов крикнул:

— Ну, так врете же вы, подлецы, я с вами так не расстануся, а один из вас со мною в Петербург поедет, и я его там допытаюсь, какие есть ваши хитрости.

И с этим протянул руку, схватил своими куцапыми пальцами за шивороток косо-го левшу, так что у того, все крючочки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги.

— Сиди, — говорит, — здесь до самого Петербурга вроде пубеля, — ты мне за всех ответишь. А вы, — говорит свистовым, — теперь гайда! Не зевайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был.

Мастера ему только осмелились сказать за товарища, что как же, мол, вы его от нас так без тугаменту увозите? Ему нельзя будет назад следовать! А Платов им вместо ответа показал кулак — такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся — и, погрозивши, говорит: «Вот вам тугамент!» А казакам говорит:

— Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони — все враз заработало и умчали левшу без тугаменту, а через день, как приказал Платов, так его и подкатили к государеву дворцу и даже, рассказавшись как следует, мимо колонн проехали.

Платов встал, подцепил на себя ордена и пошел к государю, а косо-го левшу велел свистовым казакам при подъезде, караулить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Платов боялся к государю на глаза показаться, потому что Николай Павлович был ужасно какой замечательный и памятный — ничего не забывал. Платов знал, что он непременно его о блохе спросит. И вот он хоть никакого в свете неприятеля не пугался, а тут струсил: вошел во дворец со шкатулочкою да потихонечку ее в зале за печкой и поставил. Спрятавши шкатулку, Платов предстал к государю в кабинет и начал поскорее докладывать, какие у казаков на тихом Дону междоусобные разговоры. Думал он так: чтобы этим государя занять, и тогда, если государь сам вспомнит и заговорит про блоху, надо подать и ответить, а если не заговорит, то промолчать; шкатулку кабинетному камердинеру велеть спрятать, а тульского левшу в крепостной каземат без срока посадить, чтобы посидел там до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павлович ни о чем не забывал, и чуть Платов насчет междоусобных разговоров кончил, он его сейчас же и спрашивает:

— А что же, как мои тульские мастера против аглицкой нимфозории себя оправдали?

Платов отвечал в том роде, как ему дело казалось.

— Нимфозория,— говорит,— ваше величество, все в том же пространстве, и я ее назад привез, а тульские мастера ничего удивительнее сделать не могли.

Государь ответил:

— Ты — старик мужественный, а этого, что ты мне докладываешь, быть не может.

Платов стал его уверять и рассказал, как все дело было, и как досказал до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павлович его по плечу хлопнул и говорит:

— Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделано.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вынесли из-за печки шкатулку, сняли с нее суконный покров, открыли золотую табакерку и бриллиантовый орех,— а в нем блоха лежит, какая прежде была и как лежала.

Государь посмотрел и сказал:

— Что за лихо! — Но веры своей в русских мастеров не убавил, а велел позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказал ей:

— У тебя на руках персты тонкие — возьми маленький ключик и заведи поскорее в этой нимфозории брюшную машинку.

Принцесса стала крутить ключиком, и блоха сейчас усиками зашевелила, но ногами не трогает. Александра Николаевна весь завод натянула, а нимфозория все-таки ни дансе не танцует и ни одной верояции, как прежде, не выкидывает.

Платов весь позеленел и закричал:

— Ах они, шельмы собаческие! Теперь понимаю, зачем они ничего мне там сказать не хотели. Хорошо еще, что я одного ихнего дурака с собой захватил.

С этими словами выбежал на подъезд, словил левшу за волосы и начал туда-сюда трепать так, что клочья полетели. А тот, когда его Платов перестал бить, поправился и говорит:

— У меня и так все волосья при учебе выдраны, а не знаю теперь, за какую надобность надо мною такое повторение?

— Это за то,— говорит Платов,— что я на вас надеялся и заручался, а вы редкостную вещь испортили.

Левша отвечает:

— Мы много довольны, что ты за нас ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, в самый сильный мелкоскоп смотрите.

Платов назад побежал про мелкоскоп сказывать, а левше только погрозились:

— Я тебе,— говорит,— такой-сякой-этакой, еще задам.

И велел свистовым, чтобы левше еще крепче локти назад закрутить, а сам поднимается по ступеням, запыхался и читает молитву: «Благого царя благая мати, пречистая и чистая», и дальше, как надобно. А царедворцы, которые на ступенях стоят, все от него отворачиваются, думают: попался Платов и сейчас его из дворца вон погонят,— потому они его терпеть не могли за храбрость.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Как довел Платов левшины слова государю, тот сейчас с радостью говорит:

— Я знаю, что мои русские люди меня не обманут.— И приказал подать мелкоскоп на подушке.

В ту же минуту мелкоскоп был подан, и государь взял блоху и положил ее под стекло сначала кверху спинкою, потом бочком, потом пузичком,— словом сказать,

на все стороны ее повернули, а видеть нечего. Но государь и тут своей веры не потерял, а только сказал:

— Привести сейчас ко мне сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платов докладывает:

— Его бы приодеть надо — он в чем был взят, и теперь очень в злом виде.

А государь отвечает:

— Ничего — ввести как он есть.

Платов говорит:

— Вот иди теперь сам, такой-этакой, перед очами государю отвечай.

А левша отвечает:

— Что ж, такой и пойду, и отвечу.

Идет в чем был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегаются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится.

«Что же такое? — думает. — Если государю угодно меня видеть, я должен идти; а если при мне тугамента нет, так я тому не причинен и скажу, отчего так дело было».

Как взошел левша и поклонился, государь ему сейчас и говорит:

— Что это такое, братец, значит, что мы и так и этак смотрели, и под мелкоскоп клали, а ничего замечательного не усматриваем?

А левша отвечает:

— Так ли вы, ваше величество, изволили смотреть?

Вельможи ему кивают: дескать, не так говоришь! а он не понимает, как надо по-придворному, с лестью или с хитростью, а говорит просто.

Государь говорит:

— Оставьте над ним мудрить, — пусть его отвечает, как он умеет.

И сейчас ему пояснил:

— Мы, — говорит, — вот как клали. — И положил блоху под мелкоскоп. — Смотри, — говорит, — сам — ничего не видно.

Левша отвечает:

— Этак, ваше величество, ничего и невозможно видеть, потому что наша работа против такого размера гораздо секретнее.

Государь спросил:

— А как же надо?

— Надо, — говорит, — всего одну ее ножку в подробности под весь мелкоскоп подвести и отдельно смотреть на всякую пяточку, которой она ступает.

— Помилуй, скажи, — говорит государь, — это уже очень сильно мелко!

— А что же делать, — отвечает левша, — если только так нашу работу и заметить можно: тогда все и удивление окажется.

Положили, как левша сказал, и государь как только глянул в верхнее стекло, так весь и просиял — взял левшу, какой он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал, а потом обернулся ко всем придворным и сказал:

— Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Глядите, пожалуйста: ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Стали все подходить и смотреть: блоха действительно была на все ноги подкована на настоящие подковы, а левша доложил, что и это еще не все удивительное.

— Если бы, — говорит, — был лучше мелкоскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы, — говорит, — увидеть, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал.

— И твое имя тут есть? — спросил государь.

— Никак нет,— отвечает левша,— моего одного и нет.
— Почему же?
— А потому,— говорит,— что я мельче этих подковак работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты,— там уже никакой мелкоскоп взять не может.
Государь спросил:
— Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление?
А левша ответил:
— Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши.
Тут и другие придворные, видя, что левши дело выгорело, начали его целовать, а Платов ему сто рублей дал и говорит:
— Прости меня, братец, что я тебя за волосья отодрал.
Левша отвечает:
— Бог простит,— это нам не впервые такой снег на голову.
А больше и говорить не стал, да и некогда ему было ни с кем разговаривать, потому что государь приказал сейчас же эту подкованную нимфозорию уложить и отослать назад в Англию — вроде подарка, чтобы там поняли, что нам это не удивительно. И велел государь, чтобы вез блоху особый курьер, который на все языки учен, а при нем чтобы и левша находился, и чтобы он сам англичанам мог показать работу и каковы у нас в Туле мастера есть.
Платов его перекрестил.
— Пусть,— говорит — над тобою будет благословение, а на дорогу я тебе моей собственной кислярки пришло. Не пей мало, не пей много, а пей средственно.
Так и сделал — прислал.
А граф Кисельвроде велел, чтобы обмыли левшу в Туляковских всенародных банях, остригли в парикмахерской и одели в парадный кафтан с придворного певчего, для того, дабы похоже было, будто и на нем какой-нибудь жалованный чин есть.
Как его таким манером обформировали, напоили на дорогу чаем с платовского кисляркою, затянули ремненным поясом как можно туже, чтобы кишки не тряслись, и повезли в Лондон. Отсюда с левшой и пошли заграничные виды.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ехали курьер с левшой очень скоро, так что от Петербурга до Лондона нигде отдыхать не останавливались, а только на каждой станции пояса на один значок еще уже перетягивали, чтобы кишки с легкими не перепутались; но как левше после представления государю, по платовскому приказанию, от казны винная порция вволю полагалась, то он, не евши, этим одним себя поддерживал и на всю Европу русские песни пел, только припев делал по-иностранному: *«Ай люли — се тре жули»*.

Курьер как привез его в Лондон, так появился кому надо и отдал шкатулку, а левшу в гостинице в номер посадил, но ему тут скоро скучно стало, да и есть захотелось. Он постучал в дверь и показал служащему себе на рот, а тот сейчас его и свел в пищеприемную комнату.

Сел тут левша за стол и сидит, а как чего-нибудь по-аглицки спросить — не умеет. Но потом догадался: опять просто по столу перстом постучит да в рот себе покажет,— англичане догадываются и подают, только не всегда того, что надобно, но он что ему не подходящее не принимает. Подали ему ихнего приготовления горячий студинг в огне,— он говорит: «Это я не знаю, чтобы такое можно есть», и вкушать не стал; они ему переменили и другого кушанья поставили. Также и водки их пить не стал, потому что она зеленая — вроде как будто купоросом заправлена, а выбрал, что всего натуральнее, и ждет курьера в прохладе за баклажечкой.

А те лица, которым курьер нимфозорию сдал, сию же минуту ее рассмотрели в самый сильный мелкоскоп и сейчас в публицейские ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветой вышел.

— А самого этого мастера,— говорят,— мы сейчас хотим видеть.

Курьер их препроводил в номер, а оттуда в пищеприемную залу, где наш левша порядочно уже поддурманился, и говорит: «Вот он!»

Англичане левшу сейчас хлоп-хлоп по плечу и как ровного себе — за руки. «Камрад,— говорят,— камрад — хороший мастер,— разговаривать с тобой со временем, после будем, а теперь выпьем за твое благополучие».

Спросили много вина, и левше первую чарку, а он с вежливостью первый пить не стал: думает,— может быть, отравить с досады хотите.

— Нет,— говорит,— это не порядок: и в Польше нет хозяина больше,— сами вперед кушайте.

Англичане всех вин перед ним опробовали и тогда ему стали наливать. Он встал, левой рукой перекрестился и за всех их здоровье выпил.

Они заметили, что он левой рукою крестится, и спрашивают у курьера:

— Что он — лютеранец или протестантист?

Курьер отвечает:

— Нет, он не лютеранец и не протестантист, а русской веры.

— А зачем же он левой рукою крестится?

Курьер сказал:

— Он — левша и все левой рукой делает.

Англичане еще более стали удивляться и начали накачивать вином и левшу и курьера и так целые три дня обходились, а потом говорят: «Теперь довольно». По симфону воды с ерфиксом приняли и, совсем освежившись, начали расспрашивать левшу: где он и чему учился и до каких пор арифметику знает?

Левша отвечает:

— Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусоннику, а арифметики мы нимало не знаем.

Англичане переглянулись и говорят:

— Это удивительно.

А левша им отвечает:

— У нас это так повсеместно.

— А что же это,— спрашивают,— за книга в России «Полусонник»?

— Это,— говорит,— книга, к тому относящая, что если в Псалтире что-нибудь насчет гаданья царь Давид неясно открыл, то в Полусоннике угадывают дополнение.

Они говорят:

— Это жалко, лучше бы, если б вы из арифметики по крайности хоть четыре правила сложения знали, то бы вам было гораздо полезнее, чем весь Полусонник. Тогда бы вы могли сообразить, что в каждой машине расчет силы есть, а то вот хоша вы очень в руках искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, как в нимфозории, на самую аккуратную точность рассчитана и ее подковой несть не может. Через это теперь нимфозория и не прыгает и дансе не танцует.

Левша согласился.

— Об этом,— говорит,— спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные.

А англичане сказывают ему:

— Оставайтесь у нас, мы вам большую образованность передадим, и из вас удивительный мастер выйдет.

Но на это левша не согласился.

— У меня,— говорит,— дома родители есть.

Англичане назвали, чтобы его родителям деньги посылать, но левша не взял.

— Мы,— говорит,— к своей родине привержены, и тятенька мой уже старичок, а родительница — старушка и привыкли в свой приход в церковь ходить, да и мне тут в одиночестве очень скучно будет, потому что я еще в холостом знании.

— Вы,— говорят,— обвыкнете, наш закон примете, и мы вас женим.

— Этого,— ответил левша,— никогда быть не может.

— Почему так?

— Потому,— отвечает,— что наша русская вера самая правильная, и как верили наши правотцы, так же точно должны верить и потомцы.

— Вы,— говорят англичане,— нашей веры не знаете: мы того же закона христианского и то же самое евангелие содержим.

— Евангелие,— отвечает левша,— действительно у всех одно, а только наши книги против ваших толще, и вера у нас полнее.

— Почему вы так это можете судить?

— У нас тому,— отвечает,— есть все очевидные доказательства.

— Какие?

— А такие,— говорит,— что у нас есть и боготворные иконы и гроботочивые главы и мощи, а у вас ничего, и даже, кроме одного воскресенья, никаких экстренных праздников нет, а по второй причине — мне с англичанкою, хоть и повенчавшись в законе, жить конфузно будет.

— Отчего же так? — спрашивают.— Вы не пренебрегайте: наши тоже очень чисто одеваются и хозяйственные.

А левша говорит:

— Я их не знаю.

Англичане отвечают:

— Это не важно суть — узнать можете: мы вам грандеву сделаем.

Левша застыдился.

— Зачем,— говорит,— напрасно девушек морочить.— И отнекался.— Грандеву,— говорит,— это дело господское, а нам нейдет, и если об этом дома, в Туле, узнают, надо мною большую насмешку сделают.

Англичане любопытствовали:

— А если,— говорят,— без грандеву, то как же у вас в таких случаях поступают, чтобы приятный выбор сделать?

Левша им объяснил наше положение.

— У нас,— говорит,— когда человек хочет насчет девушки обстоятельное намерение обнаружить, посылает разговорную женщину, и как она предлог сделает, тогда вместе в дом идут вежливо и девушку смотрят не таясь, а при всей родственности.

Они поняли, но отвечали, что у них разговорных женщин нет и такого обыкновения не водится, а левша говорит:

— Это тем и приятнее, потому что таким делом если заняться, то надо с обстоятельным намерением, а как я сего к чужой нации не чувствую, то зачем девушек морочить?

Он англичанам и в этих своих суждениях понравился, так что они его опять пошли по плечам и по коленям с приятством ладошками охлопывать, а сами спрашивают:

— Мы бы,— говорят,— только через одно любопытство знать желали: какие вы порочные приметы в наших девицах приметили и за что их обегаете?

Тут левша им уже откровенно ответил:

— Я их не порочу, а только мне то не нравится, что одежда на них как-то машется, и не разобрать, что такое надето и для какой надобности; тут одно что-нибудь, а ниже еще другое пришпилено, а на руках какие-то ногавочки. Совсем точно обезьяна-сапажу — плисовая тальма.

Англичане засмеялись и говорят:
— Какое же вам в этом препятствие?
— Препятствия,— отвечает левша,— нет, а только опасаясь, что стыдно будет смотреть и дожидаться, как она изо всего из этого разбираться станет.
— Неужели же,— говорят,— ваш фасон лучше?
— Наш фасон,— отвечает,— в Туле простой: всякая в своих кружевцах, и наши кружева даже и большие дамы носят.
Они его тоже и своим дамам казали, и там ему чай наливали и спрашивали:
— Для чего вы морщитесь?
Он отвечал, что мы, говорит, очень сладко не приучены.
Тогда ему по-русски вприкуску подали.
Им показывается, что этак будто хуже, а он говорит:
— На наш вкус этак вкуснее.
Ничем его англичане не могли сбить, чтобы он на их жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они его в это время по разным заводам водить будут и все свое искусство покажут.
— А потом,— говорят,— мы его на своем корабле привезем и *живого в Петербург доставим*.
На это он согласился.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Взяли англичане левшу на свои руки, а русского курьера назад в Россию отправили. Курьер хотя и чин имел и на разные языки был учен, но они им не интересовались, а левшу интересовались,— и пошли они левшу водить и все ему показывать. Он смотрел все их производство: и металлические фабрики и мыльно-пильные заводы, и все хозяйственные порядки их ему очень нравились, особенно насчет рабочего содержания. Всякий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые щиглеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с бойлом, а с обучением и имеет себе понятия. Перед каждым на виду висит долбица умножения, а под рукою стирабельная дощечка: все, что который мастер делает,— на долбицу смотрит и с понятием сверяет, а потом на дощечке одно пишет, другое стирает и в аккурат сводит: что на цифирях написано, то и на деле выходит. А придет праздник, соберутся по парочке, возьмут в руки по палочке и идут гулять чинно-благородно, как следует.

Левша на все их житье и на все их работы насмотрелся, но больше всего внимание обращал на такой предмет, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, как новые ружья делают, сколь то, как старые в каком виде состоят. Все обойдет и хвалит, и говорит:

— Это и мы так можем.

А как до старого ружья дойдет,— засунет палец в дуло, поводит по стенкам и вздохнет:

— Это,— говорит,— против нашего не в пример превосходнейше.

Англичане никак не могли отгадать, что такое левша замечает, а он спрашивает:

— Не могу ли,— говорит,— я знать, что наши генералы это когда-нибудь глядели или нет?

Ему говорят:

— Которые тут были, те, должно быть, глядели.

— А как,— говорит,— они были: в перчатке или без перчатки?

— Ваши генералы,— говорят,— парадные, они всегда в перчатках ходят; значит, и здесь так были.

Левша ничего не сказал. Но вдруг начал беспокойно скучать. Затосковал и затосковал и говорит англичанам:

— Покорно благодарствуйте на всем угощении, и я всем у вас очень доволен и все, что мне нужно было видеть, уже видел, а теперь я скорее домой хочу.

Никак его более удержать не могли. По суше его пустить нельзя, потому что он на все языки не умел, а по воде плыть нехорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но он пристал: отпустите.

— Мы на буреметр,— говорят,— смотрели: буря будет, потонуть можешь; это ведь не то, что у вас Финский залив, а тут настоящее Твердиземное море.

— Это все равно,— отвечает,— где умереть,— все единственно, воля божия, а я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помешательства достать.

Его силом не удерживали: наплатили, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы с трепетиром, а для морской прохлады на поздний осенний путь дали байковое пальто с ветряной нахлобучкою на голову. Очень тепло одели и отвезли левшу на корабль, который в Россию шел. Тут поместили левшу в лучшем виде, как настоящего барина, но он с другими господами в закрытии сидеть не любил и совестился, а уйдет на палубу, под презент сядет и спросит: «Где наша Россия?»

Англичанин, которого он спрашивает, рукою ему в ту сторону покажет или головою махнет, а он туда лицом оборотится и нетерпеливо в родную сторону смотрит.

Как вышли из буфты в Твердиземное море, так стремление его к России такое сделалось, что никак его нельзя было успокоить. Водопление стало ужасное, а левша все вниз в каюты нейдет — под презентом сидит, нахлобучку надвинул и к отечеству смотрит.

Много раз англичане приходили его в теплое место вниз звать, но он, чтобы ему не докучали, даже отлыгаться начал.

— Нет,— отвечает,— мне тут наружи лучше; а то со мною под крышей от колтыхания морская свинка сделается.

Так все время и не сходил до особого случая и через это очень понравился одному подшкиперу, который, на горе нашего левши, умел по-русски говорить. Этот подшкипер не мог надивиться, что русский сухопутный человек и так все непогоды выдерживает.

— Молодец,— говорит,— рус! Выпьем!

Левша выпил.

А подшкипер говорит:

— Еще!

Левша и еще выпил, и напились.

Подшкипер его и спрашивает:

— Ты какой от нашего государства в Россию секрет везешь?

Левша отвечает:

— Это мое дело.

— А если так,— отвечал подшкипер,— так давай держать с тобой аглицкое парей.

Левша спрашивает:

— Какое?

— Такое, чтобы ничего в одиночку не пить, а всего пить заровно: что один, то непременно и другой, и кто кого перепьет, того и горка.

Левша думает: небо тучится, брюхо пучится,— скука большая, а путина длинная, и родного места за волною не видно — пари держать все-таки веселее будет.

— Хорошо,— говорит,— идет!

— Только чтоб честно.

— Да уж это,— говорит,— не беспокойтесь.

Согласились и по рукам ударили.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Началось у них пари еще в Твердиземном море, и пили они до рижского Динаминде, но шли все наравне и друг другу не уступали и до того аккуратно равнялись, что когда один, глянув в море, увидал, как из воды черт лезет, так сейчас то же самое и другому объявилось. Только подшкипер видит черта рыжего, а левша говорит, будто он темен, как мурин.

Левша говорит:

— Перекрестись и отворотись — это черт из пучины.

А англичанин спорит, что «это морской водоглаз».

— Хочешь, — говорит, — я тебя в море швырну? Ты не бойся — он мне тебя сейчас назад подаст.

А левша отвечает:

— Если так, то швыряй.

Подшкипер его взял на закорки и понес к борту.

Матросы это увидели, остановили их и доложили капитану, а тот велел их обоих вниз запереть и дать им рому и вина и холодной пищи, чтобы могли и пить и есть и свое пари выдержать, — а горячего студингу с огнем им не подавать, потому что у них в нутре может спирт загореться.

Так их и привезли взаперти до Петербурга, и пари из них ни один друг у друга не выиграл; а тут расклали их на разные повозки и повезли англичанина в посланнический дом на Аглицкую набережную, а левшу — в квартал.

Отсюда судьба их начала сильно разниться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Англичанина как привезли в посольский дом, сейчас сразу позвали к нему лекаря и аптекаря. Лекарь велел его при себе в теплую ванну всадить, а аптекарь сейчас же скатал гуттаперчевую пилюлю и сам в рот ему всунул, а потом оба вместе взялись и положили на перину и сверху шубой покрыли и оставили потеть, а чтобы ему никто не мешал, по всему посольству приказ дан, чтобы никто чихать не смел. Дождались лекарь с аптекарем, пока подшкипер заснул, и тогда другую гуттаперчевую пилюлю ему приготовили, возле его изголовья на столик положили и ушли.

А левшу свалили в квартале на пол и спрашивают:

— Кто такой и откуда, и есть ли паспорт или какой другой тугамент?

А он от болезни, от питья и от долгого колтыханья так ослабел, что ни слова не отвечает, а только стонет.

Тогда его сейчас обыскали, пестрое платье с него сняли и часы с трепетиром, и деньги обрали, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить.

Повел городской левшу на санки сажать, да долго ни одного встречника поймать не мог, потому извозчики от полицейских бегают. А левша все это время на холодном парате лежал; потом поймал городской извозчика, только без теплой лисы, потому что они лису в санях в таком разе под себя прячут, чтобы у полицейских скорей ноги стыли. Везли левшу так непокрытого, да как с одного извозчика на другого станут пересаживать, все роняют, а поднимать станут — уши рвут, чтобы в память пришел. Привезли в одну больницу — не принимают без тугамента, привезли в другую — и там не принимают, и так в третью, и в четвертую — до самого утра его по всем отдаленным кривопуткам таскали и все пересаживали, так что он весь избился. Тогда один подлекарь сказал городскому везти его в простонародную Обухвинскую больницу, где неведомого сословия всех умирать принимают.

Тут велели расписку дать, а левшу до разборки на полу в коридор посадить.
А аглицкий подшкипер в это самое время на другой день встал, другую гуттаперчевую пилюлю в нутро проглотил, на легкий завтрак курицу с рысью съел, ерфиксом запил и говорит:
— Где мой русский камрад? Я его искать пойду.
Оделся и побежал.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Удивительным манером подшкипер как-то очень скоро левшу нашел, только его еще на кровать не уложили, а он в коридоре на полу лежал и жаловался англичанину.
— Мне бы,— говорит,— два слова государю непременно надо сказать.
Англичанин побежал к графу Клейнмихелю и зашумел:
— Разве так можно! У него,— говорит,— хоть и шуба овечкина, так душа человечкина.

Англичанина сейчас оттуда за это рассуждение вон, чтобы не смел поминать душу человечкину. А потом ему кто-то сказал: «Сходил бы ты лучше к казаку Платову — он простые чувства имеет».

Англичанин достиг Платова, который теперь опять на укушетке лежал. Платов его выслушал и про левшу вспомнил.

— Как же, братец,— говорит,— очень коротко с ним знаком, даже за волоса его драл, только не знаю, как ему в таком несчастном разе помочь; потому что я уже совсем отслужился и полную пуплекцию получил — теперь меня больше не уважают,— а ты беги скорее к коменданту Скобелеву, он в силах и тоже в этой части опытный, он что-нибудь сделает.

Полшкипер пошел и к Скобелеву и все рассказал: какая у левши болезнь и отчего сделалась. Скобелев говорит:

— Я эту болезнь понимаю, только немцы ее лечить не могут, а тут надо какого-нибудь доктора из духовного звания, потому что те в этих примерах выросли и помогать могут; я сейчас пошлю туда русского доктора Мартын-Сольского.

Но только когда Мартын-Сольский приехал, левша уже кончался, потому что у него затылок о парат раскололся, и он одно только мог внятно выговорить:

— Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся.

И с этою верностью левша перекрестился и помер.

Мартын-Сольский сейчас же поехал, об этом графу Чернышеву доложил, чтобы до государя довести, а граф Чернышев на него закричал:

— Знай,— говорит,— свое рвотное да слабительное, а не в свое дело не мешайся: в России на это генералы есть.

Государю так и не сказали, и чистка все продолжалась до самой Крымской кампании. В тогдaшнее время как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены.

Тут Мартын-Сольский Чернышеву о левше и напомнил, а граф Чернышев и говорит:

— Пошел к черту, плезирная трубка, не в свое дело не мешайся, а не то я отопрусь, что никогда от тебя об этом не слыхал,— тебе же и достанется.

Мартын-Сольский подумал: «И вправду отопрется»,— так и молчал.

А доведи они левшины слова в свое время до государя,— в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Теперь все это уже «дела минувших дней» и «преданья старины», хотя и не глубоко, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный склад легенды и эпический характер ее главного героя. Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворенный народной фантазией миф он интересен, а его похождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно.

Таких мастеров, как баснословный левша, теперь, разумеется, уже нет в Туле: машины сравнивали неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию к сочинению подобных нынешней баснословных легенд.

Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью. Это их эпос, и притом с очень «человечкиной душой».

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Тимур Зульфикаров
(г. Москва)

«СТЕПЕНЬ МЕРТВЕННОСТИ НАШЕГО ОБЩЕСТВА СЕГОДНЯ ОЧЕНЬ ВЕЛИКА»

(Автобиографическую справку см. ниже в разделе прозы)

— Тимур Касымович, в прошлом нашем с Вами интервью, Вы сравнили произведения некоторых отечественных авторов с грязной лужей, из которой советовали не пить, даже если мучит жажда. Прошло пять лет, скажите, изменилась ли за это время наша отечественная литература?

— К сожалению, не изменилась. Более того, она ухудшилась. Сегодня обманывают читателя, подсовывая ему не настоящую литературу, а муляж. Все те книги, которыми сегодня завалены прилавки магазинов — это муляжи. Человек, смотря телевизор, слышит из телепередачи хвалебные разговоры, о каком-то писателе, о его якобы хорошей книге и спешит в магазин. Отдает последние деньги, приходит домой, начинает читать, а это не литература, а муляж. Его обманули. Мы сегодня живем в мире обмана. Все, начиная от власти и кончая дворником, друг друга обманывают. Делают вид, что находятся на своих местах, что умеют что-то делать, но на самом деле — это обман, блеф. Мы сегодня утонули в океане блефа. Так создана сегодня система, где все не на своих местах, и все друг друга обманывают. Хорошая литература сегодня до читателя не доходит, она изгнана. Когда государство скрывает от своего собственного народа настоящее искусство, изгоняет его, когда младенца не допускают к сосцам матери, а кормят какими-то химическими заменителями, это всегда очень страшно и опасно — младенец либо погибнет, либо вырастет страшным и опасным мутантом.

— Сегодня на телевидение и радио чаще приглашаются писатели либеральной направленности, произведения которых, скажем так, не отвечают морально-нравственным ценностям и, к сожалению, практически невозможно услышать голос серьезных, думающих писателей. Как Вы считаете, не оказался ли в данном случае либеральный литературный истеблишмент гораздо агрессивнее в отстаивании своей монополии на печатное слово, или здесь кроется что-то другое?

— В Вашем вопросе уже есть и ответ. Телевидение сейчас, к сожалению, главный источник информации. Господь попустил телевидение для того, чтобы к нему, как к костру в холодную погоду, тянулись люди. Только раньше у костра сидели пророки, мыслители и апостолы, а теперь мыслители изгнаны от костра, и у него собрались сомнительные люди и безумцы, которым практически нечего сказать людям. Сегодняшнему телевидению даже придумали такое название, как «Говорящая голова». Но говорящая голова — это самое лучшее, что создал Господь, но только в том

случае, если этой голове есть что сказать. Эти нынешние псевдописатели, о которых Вы говорите, как о писателях либеральной направленности, существуют только благодаря СМИ и в первую очередь телевидению. Когда человеку становится нечем дышать, ему дают кислородную подушку. Сегодняшние СМИ и телевидение служит той кислородной подушкой для графоманов, для людей бездарных, которым Господь не дал писательского дара. А тех писателей, которым есть что сказать людям, к сегодняшнему костру не пускают. Мыслители безумцам не нужны.

— *Председатель Союза писателей России Валерий Ганичев на одном из заседаний по подведению итогов за прошедший литературный год отмечал творческую и материальную бедность отечественной литературы. Затем писателям был задан вопрос: что нужно сделать для возвращения писателю былого авторитета? Как бы Вы ответили на этот вопрос?*

— Чтобы писателю вернуть былой авторитет, нужно дать ему возможность говорить. Ему нужны средства информации, в которых он мог бы выступать, рассказать о своем творчестве, печатать свои произведения, где читатели могли получить полную информацию о его книгах. Сегодня настоящих писателей не пропагандируют, и новое поколение читателей просто не знает, где настоящая литература, а где подделка. Ницше говорил о том, что двадцатый век будет веком лицедеев, веком блефа, где все будут не на своих местах.

— *В 2009 году в издательстве «Художественная литература» было издано Ваше семитомное собрание сочинений, в которое вошли наиболее значительные произведения, созданные Вами в различных жанрах: проза, поэзия, публицистика, драматургия, киносценарии. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее и где Ваши собрания сочинений можно приобрести?*

— К моему великому удивлению увидело свет мое семитомное собрание сочинений, куда вошло все, что я написал за свою жизнь. Я полагаю, что это роскошное семитомное собрание сочинений (а книги очень красочно оформлены), вышло в первую очередь для всей русской словесности, причем этот проект гуманитарный, эти книги бесплатны и идут в библиотеки, причем не только московские, но и библиотеки других регионов. В продажу поступила только одна тысяча экземпляров, а общий тираж собрания сочинений составляет пять тысяч экземпляров. Кроме небольшого сообщения в «Литературной газете» в других СМИ об этом замечательном благотворительном проекте ничего не упоминалось. Ни одной статьи, ни одного комментария не было, а ведь издатели сделали большое благородное дело. Я очень благодарен этим людям. Желаясь ознакомиться с моими сочинениями, можно обратиться в городские библиотеки.

— *Тимур Касымович, Вы автор свыше двадцати книг, но одно из Ваших произведений мне хочется отметить особенно. Это «Книга Детства Иисуса Христа». Это очень серьезная работа. Боюсь ошибиться, но как мне показалось, — это произведение не что иное, как недостающее звено Библии, в которой фактически не описано детство Спасителя Рода Человеческого. Скажите, пожалуйста, что предшествовало написанию данной книги, откуда брали информацию, и не было ли страшно браться за такую тему?*

— Книга «Детство Иисуса Христа» — это, конечно, главный труд моей жизни, и я даже не знаю, как его называть: произведением или сочинением. Я думаю, что это принадлежит к откровению человеческой души. Две тысячи лет человечество всматривается в жизнь Спасителя, а вот его детство, оно словно в тумане, его никто не знает, никто не видел этого мальчика, есть только какие-то далекие, тысячелетней давности проблески. Спаситель тоже был ребенком, бегал по двору, ступал по древней библейской пыли, общался с родителями, друзьями. На создание этой книги меня благословил Афонский монах Алексей. Естественно, я был напуган этим предложе-

нием, этой непосильной ношей для человека. Я не претендую на детство Спасителя, это просто несколько эпизодов из жизни маленького мальчика. Я счастлив, что в какой-то момент своей жизни увидел эти события, где Богочеловек был еще ребенком. Но ребенок — он всегда ближе к Богу, потому что и Бог всегда ближе к детям. Они окружены Его любовью, находятся в Божественном облаке любви. Кстати, недавно я написал маленькое сочинение, о жизни пророка Муххамада. Маленькие откровения о восьмилетнем мальчике, который в пустыне ждет караван. Как соединить Божественное и детское? Ребенок — он еще ребенок, но одновременно он уже и Бог.

— *Как к этой книге отнесся Христианский мир и Церковь?*

— На книгу откликнулись только несколько священников и три монахини. Я не хотел бы называть их имена, потому, что они все мне говорили о том, что не следует рассказывать об этом творении, потому, что это не принадлежит человеку. Просто я был таким неким передатчиком поступившей мне информации. Больше на эту книгу никто не откликнулся. Меня поразила мертвенность нашего общества. Если кто-то написал книгу о детстве Иисуса Христа, то такая книга, как мне кажется, не может не вызвать интерес общественности. Неважно какой, критический или хвалебный, но интерес. Но если людей не интересует даже это, то, что же тогда их интересует?! Детективы? Сериалы? К сожалению, сегодня наша тысячелетняя Россия находится в самой нижней точке своего духовного состояния. И произошедшее летом страшное национальное бедствие в виде пожара лесов, в виде того адского дыма, когда уже деревья восстали против бесовщины, тому подтверждение. Природа начинает кричать тогда, когда безмолвствуют люди, а молчанием, как известно, предается Бог. Степень мертвенности нашего общества сегодня очень велика.

— *Вы автор сценариев ко многим художественным и документальным фильмам, таким как, «Белый рояль», «Человек уходит от погони», «Черная курица или подземные жители», «Миражи любви», «Возвращение Ходжи Насреддина», «Официант с золотым подносом» и другим. Скажите, поступают ли Вам в настоящее время предложения от кинорежиссеров о сотрудничестве?*

— Кино сегодня упало ниже... Я не люблю слово плинтус, но оно упало даже еще ниже. Кино настолько деградировало, что даже подумать страшно. Сегодняшним режиссерам не нужны сценарии, написанные по произведениям таких писателей, как Распутин, Личутин, Белов, Искандер. Эти писатели с мировым именем нынешнему кино оказались не нужны. Писать сценарии для сериалов о стрельбе, деньгах, голых девицах? Нет уж извините, лучше жить впроголодь, с единственным сухарем в зубах, чем писать такую галиматью, по которой сегодня снимают картинки, называемые кино. Сейчас, если я слышу о каком-то писателе, что распродают его книги, что его пригласили к сотрудничеству кинорежиссеры, то я знаю, в его книгах заключена какая-то гниль, какой-то червь. Сегодняшние гниль и червь у нас называют кино. Конфуций говорил: «Самое великое творение человека — это государство, а те, кто его разрушают, — это хулиганы». Сегодняшнее кино пропагандирует насилие, развращает души, особенно молодых людей. Оно нам говорит, что милиционеры негодяи, а бандиты хорошие, что государство не нужно. Сегодняшнее кино направлено на уничтожение государства, а современные кинематографисты в большинстве своем — это хулиганье.

— *А театр? Вот, например, Душанбинский творческий коллектив Русского драматического театра имени В. Маяковского представил премьерный спектакль «Первая любовь Ходжи Насреддина» в постановке Баходура Миралибекова по Вашей пьесе. Затем спектакль с таким же названием был поставлен в Ташкенте в Молодежном театре.*

— Некоторые театры еще сохранили что-то человеческое. Мои пьесы идут в различных театрах уже двадцать лет. Я сам видел, как спектакли, поставленные по моим пьесам, зрители смотрят со слезами на глазах, а слезы целительны, они очищают ду-

шу. Настоящее искусство — оно всегда целительно, а настоящие писатели — это целители человеческих душ.

— *Тимур Касымович, Вы пишете романы, одновременно являетесь автором текстов и музыки. Ваши песни исполняет замечательная певица Ирина Дмитриева-Ванн. Вместе Вы создали театр песни «Хризантема в метели». Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее и где можно приобрести записи Ваших выступлений?*

— Мы с Ириной Дмитриевой-Ванн создали дуэт и назвали его по нашему романсу «Хризантемы в метели». Наш дуэт завоевал первое место на конкурсе романсов. К сожалению, наши выступления ограничены, потому что не дают площадок, не приглашают на телевидение или радио. Писать в стол я привык, но петь в стол тяжело. Сегодня песен — океан, но если в них вслушаться, то становится ясно — это океан мусора. За последние двадцать лет я не знаю ни одной новой хорошей песни похожих на те, которые пели такие певцы, как Утесов, Шульженко, Вертинский.

— *Вы поэт, прозаик и сценарист, создатель необычного литературного стиля, пишете книги глубокого поэтического и философского содержания. Ваши произведения переведены на 12 языков мира, западные литературные критики называют Вас «Данте русской литературы». Скажите, пожалуйста, что Вам помогает остаться порядочным и простым в общении человеком, проходя тяжкое испытание славой?*

— Если человек думает о вечности, нацелен на вечность, то он может спокойно относиться к тому, что «госпожа Слава» не приходит к нему сейчас. «Госпожа Слава» сейчас тоже стала «женщиной по вызову», ее вызывают за деньги. Она тоже испортилась. Но дело не в «госпоже Славе». Мечтать о славе в моем возрасте просто смешно. Грех славолубия — печален. Нужно думать о небесных путях, о загробном великом мире, который нас всех ждет. Вот, кстати, последние мои новеллы посвящены смерти, посвящены уходу человека из этой жизни, посвящены тому, что мучило великого Льва Толстого — надвигающийся переход в мир иной. Мир так устроен, что у каждого человека очень много учителей жизни, но когда приходит время человеку умирать, учителей смерти нет. То есть тех, кто мог бы утешить человека в его исходе, кто смог бы наложить холодный бинт на его горячую рану, к великому сожалению, нет. Я написал несколько новелл «Смерти нет», «Чайхана над бездной», «Смерть Ходжи Насреддина», отражающих жизнь и смерть человека.

— *Тимур Касымович, что бы Вы пожелали всем читателям литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»?*

— С детства помню такие названия, как приокские дали, приокские зори, и вот когда я впервые увидел эти уходящие дали, эти переливающиеся фантастические необъятные зори, эти русские безбрежные горизонты, был заворожен и потрясен до слез. И мой великий тысячелетний персонаж Ходжа Насреддин сказал, что сейчас два самых несчастных народа в мире. Это афганский народ и русский. Эти народы объаты войной, и по Афганистану бродит пророк на рыжей верблюдице, и кровь народа доходит до брюха верблюдице. А по России, когда был этот тотальный страшный дым, когда ад вышел на дороги русские, я видел, бродит на белой ослице Спаситель. И кровь русского народа доходит до брюха ослицы. Вот такие два видения мне видятся. Бог всегда там, где самый несчастный народ. Я желаю всем читателям журнала «Приокские зори», как и всему русскому народу, всем нам, всегда находиться под защитой Спасителя, преодолеть все сегодняшние трудности и невзгоды и жить благополучной жизнью достойной звания человека, созданного по образу и подобию Божьему, в счастливой, прекрасной и справедливой стране, которой, я уверен, станет Россия.

Беседовал Геннадий Маркин

От редакции: Тимур Касымович впервые публикуется в нашем журнале, поэтому следующий раздел мы открываем его произведением.

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Тимур Зульфикаров
(г. Москва)

КНИГА ДЕТСТВА ИИСУСА ХРИСТА

Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амуре Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) «За лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» «За выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек уходит за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица, или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Сабля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.

Регулярно печатается в газете «Завтра».

«Выслушайте меня, благочестивые дети, и растите, как роза, растущая при потоке. Издавайте благоухание, как ливан, цветите, как лилии, распространяйте благоволение и пойте песнь»

СИРАХ XXXIX 16—18

«Многое и другое сотворил Иисус. Но если бы писать о том подробно, то думаю — и самому миру не вместить бы написанных книг»

ИОАНН XXI 25

«В то время, продолжая речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господа неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных, и открыл то младенцам»

ОТ МАТФЕЯ XI 25

Афонский монах позвал меня и сказал:

— После Золотого и Серебряного века русской поэзии вдруг явился век Алмазный — твоя поэзия. Господь наш дал тебе алмазное перо. Хватит тебе заниматься

литературой. Напиши о Детстве Иисуса Христа, нашего Спасителя. Алмаз режет камень. Пусть простые Слова твои будут, как высеченные, выбитые на камне.

Я сказал сокрушенно:

— Батюшка, непосильная ноша. Не для человека. Кому Господь дал алмазное перо рассказать, хоть смутно, об этих затерянных алмазных днях? О том Святом Агнце? О том Отроке вечноюном, вечновесеннем? Ты видишь — я только подумал о Нем, как слезы застилают глаза... Разве Святое молчанье Евангелистов не выше всех поэтических видений и фантазий?

Монах сказал:

— Две тысячи лет человечество всматривается в те Святые первоначальные Дни Детства Христа! Во Дни Святого Гнезда и Святого Птенца! И ты взглядишь! Ведь эти Дни были. Господь даст тебе мимолетно свято увидеть те ускользающие, обветренные Дни, Дни, Дни, когда Спаситель был еще более Человеком, чем Богом... Из бездны, тьмы времен вдруг явятся те пресветлые Дни. И уж невозможно будет отойти, отлепиться, отстраниться от Них всем человекам на земле... Только очисти душу от суеты, как древнее зеркало от жемчужной пожирающей пыли...

Я сказал:

— Отец, пыль столетий пожирает не только глаза людей, но и зеркала... А тут пыль тысячелетий... Как глядеть чрез нее?

Вот он — тысячелетний песчаный хамсин, хамсин — Великий Ветер Пустынь!.. Ветер непобедимого Забвенья... Как узреть Те Дни чрез него?.. Хамсин, хамсин, лишь ты вечен и неизменен... И две тысячи лет назад ты стоишь, течешь летучими песками над Назаретом...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

...Хамсин, хамсин, ты вечен и течешь над Назаретом...

— Ах, иму, иму, мама, мама, маа! Как сладко пахнет в хамсине сирийская снежная роза, роза! На крыше назаретского нашего домика, вылепленного из глины и дикого острого камня.

И стены домика похожи на наши рваные и оттого еще более родные одеяла.

Мама, мать, как роза попала на крышу? Отец мой Иосиф посадил ее на крыше? Иль ветер занес семя ее? Я вдыхаю ее аромат. Тяну телячьими ноздрями. Я встал на колени, склонился над розой над самым краем крыши и дышу ароматами.

Тогда Мать говорит:

— Сын, ты уже давно дышишь розой. Сходи с крыши.

Он говорит:

— Мама, я сойду, когда осыпятся все лепестки... Они такие недолговечные. Так быстра весна в Галилее... Ветрена... Хамсин пожирает ее...

Она говорит:

— Ты ничего не ешь... Похудел от этой розы... от хамсина слепого...

Он говорит:

— Мудрецы говорят, что в раю люди ничего не едят, а только вдыхают ароматы вечноцветущих деревьев и кустов... Я в раю, мама? Я хочу, чтобы все люди были в раю, и добрые, и злые... Люди вышли из рая и идут в рай. Жизнь — это мост между раем и раем. Все идет в рай, и все будет в раю... И добрые, и злые... Ада нет в небесах... Ад только на земле...

Он говорит:

— Вчера по Назарету проходил персидский караван с хной, басмой и горной бирюзой. Перс-зороастриец сказал: «Рай находится у подножья наших матерей...»

Караван ушел бесследно, остались только эти Слова? От всех караванов остаются

только Слова? Иму, иму, мама, пока я не вырос, пока я брожу у твоих колен, пока я дитя — я в раю.

Царство божие у колен матерей? Царствие божие среди детей?.. А раввины говорят, что рай — это награда за гостеприимство... Но этого мало...

Хамсин, хамсин вечный стоит над Назаретом... Как быстротечна роза, как скоротечна весна в хамсине... Иму, и мы уйдем, опадём, как роза, а хамсин будет веять вечно... И мы станем хамсином, хамсином... вечным... вечным...

...Лепестки розы осыпались от набежавшего ветра. Лепестки осыпались, и Он сошел с крыши к Матери своей.

В раю не опадают лепестки... В раю нет хамсина...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Абу, абу, отец, отец мой! Старый, покосившийся Иосиф в дряхлом таллифе с древнеиудейскими голубыми кистями — «цицит» на краях, согласно Закону Моисея, но не в простых, пальмовых, а в кожаных римских сандалиях! Ах, отец мой! Откуда у вас эти кожаные сандалии патрициев, ведь вы простой плотник? Кто в сиятельном Риме слышал о пыльном Назарете?.. Но ноги ваши бегут к Риму? К патрициям сонным с вечно сладкими губами... которые они хищно облизывают и хотят облизывать до смерти, и готовы погубить мир для этого. Абу, абу, отец, после запаха снежной розы так терпко, тепло пахнет потом ваш таллиф, на котором всегда блестят и колются мелкие стружки и щепки от обструганных деревьев, когда вы делаете плуги и ярма. Отец, когда Господь дает человеку мудрость в детстве иль в молодости его, то зачем ему старость с ее печалью слезной и болезнями неизбежными? Ведь старость дана для мудрости. А если мудрость приходит в детстве, то зачем юность и зрелость мужа, и ветхость старца? Эллины говорят, что Господь забирает своих мудрецов, любимцев в молодости, чтобы избавить их от мук земной жизни. Я хочу уйти к Господу на детских упругих ногах, а не на старых, шатких, отец...

Мальчик печально глядит на отца, на его изношенные ноги в сизых венах. Он едва доходит отцу до живота.

Иосиф невысок, но крепок, широк, как старая олива. Плотнику нужно крепкое, приземистое тело.

Иосиф говорит:

— Кто сказал тебе эти Слова? В каких синагогах фарисеи, саддукеи, книжники-соферимы сказали тебе это? Иль Моисей в пустыне иль на Синае говорил? Иль царь Давид среди стад пылящих? Иль Илия среди шатров бедуинов?

— Отец, и что, есть люди, которые получают мудрость не от людей, не от Книг, не от школ земных мудрецов, а от Бога? а от Небес?

Как одинокие пастухи, которые в ночах говорят с овцами, с травами, с камнями, с водами, со звездами и с их Творцом? И таких ненавидят человеки и хотят убить, как чужих.

Отец, и что я так возлюбил пастухов, и бегу к ним на горы, и в долины прохладные их. А в больших городах гнездятся смерть и диавол. И я не хочу никуда уходить из нашего малого Назарета, а только к пустынным, молчаливым пастухам галилейским...

Отец, однажды шел близ Назарета китайский караван с барусовой камфарой. И там сидел на верблюде китаец-даос с косой. Глаза его были закрыты, и он сладостно играл на свирели.

Я сказал ему: «Учитель, куда идет твой караван?» Он сказал: «Я никуда не иду. Я

недвижно сажу в Китае на крыше фанзы недвижимой моей... Это барусовая камфара идет, кочует...»

И еще он сказал: «Бойся больших городов и далеких путешествий...»

Отец, я знаю, что все дороги и тропы из Назарета идут к смерти моей... И зачем рожденный для бесед с Господом должен идти к людям?.. Пророк должен беседовать с Богом, а не с народом...

— Чадо! вот змея мудра потому, что всем телом лепится, льнет, струится по земле. И не ползает далеко, а зиму и лето проводит в жилище своем. А глупые птицы перелетные летят над землями и народами, и многие охотники убивают их. Чадо! Сын мой! будь как змея, а не птица...

— Отец, но я возлюбил птиц... Вот они!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Чадо! Чадо! Сын мой, Иешуа, Иисус, ты где?

— Абу, абу, отец, отец, опять я на крыше камышовой дома нашего, где земляца для прохлады насыпана, и вот роза снежная взялась и поднялась тут.

Отец, тут я птиц кормлю, и голуби берут с руки моей прирученно. А горлицы, и черные дрозды, и жаворонки хохлатые пугливы и клюют с земляцы на крыше хлеб разбросанный мой, и пьют воду из двух кувшинов глиняных...

Отец, глядите, глядите,— а весенние перелетные великие птицы, журавли и аисты, с ликующего аметистового неба слетают на малую крышу мою и плещутся крыльями усталыми, покрывая бедную крышу нашу...

— Чадо, чадо, гляди — и что птицы тысячелетние свои пути небесные оставили, и сходят с путей, и садятся на крышу нашу?

О, Боже! Сын, иль такое тепло, ласкание, любовь идут от ладоней Твоих, и птица кочевая, осторожная чует эту любовь, восходящую, как пар от внешней земли, и сходит с путей своих.

О, Боже! А потом человеки пойдут, сойдут с путей своих тысячелетних и пойдут за Тобой, Дитя, Чадо Авраамово, аки эти птенцы смиренные...

О, Боже! Но я не доживу, не увижу, не пойду за Тобой...

— Отец, отец, я так люблю гладить птиц по перьям их. Всегда я хотел погладить летящую птицу, иль стрекозу парящую, иль горлицу причудливую, затейливую, иль жаворонка по хохлатой головешке... И вот птицы пришли на крышу мою, и я глажу их. И их множество крылатое, трепещущее, и тесно мне от птиц слетающих...

— Чадо! Сын мой, уже хлеб и вода кончились в доме нашем...

— Отец, но есть еще тайное, сладкое, дурманящее сирийское вино в медном ху-ме-кувшине вашем... То вино, которое по римским законам дают осужденным на казнь на кресте, чтобы смирить муку их... И мне будут давать...

Но этих слов Иосиф не слышит... Слышит... Иосиф смиренно опускает голову, и страждет, и шепчет неслышно, для себя:

— Мальчик, откуда Ты знаешь о кресте и вине крестном?

О, Боже! как хорошо, что я не доживу до тех дней, до того Креста, до того вина... А Мария Матерь доживет... а жены сильнее мужей... а я стар и не увижу...

О, Боже!..

— Отец, отец, куда ушли вы? Давайте дадим птицам крестное вино, и они станут пиаными и добрыми, как наш вечнопьяный сосед Малх, служитель храмовый, книжник-соферим-«кипай». Который блаженно закрывает глаза, когда проходят молодые жены и девы, иль накидывает на голову глухое покрывало, чтобы не соблазниться, не искушиться, и оттого слепо ударяется, тычется больно о стены домов и ограды ост-

рые, но не впускает в душу древний соблазн, поядающий грешных мужей и жен. О, лучше избить слепое тело, чем искусить праведную душу. Да, отец?..

Мальчик улыбается на крыше среди птиц несметных.

— Отец, а вы соблазнили Матерью моей?..

И тут слезы явились в очах Дитя и в глазах отца.

— Абу, абу, отец, отец, не печальтесь, не клоните голову многоседую в жемчужных стружках, щепках плотника. Отец, я знаю тайну. В дальном, дальном поле у горы Сулем, где живут филины, и куда не ходят даже пастухи со стадами своими, Ангел Господень поведал мне...

— Чадо Небесное, и я не знал, пока не увидел того Ангела...

Мальчик, мальчик, как же Ты любишь всех живых на земле! С самого дня, как пошли Твои ножки по земле — Ты любишь всех... И как новорожденный теленок тычешься во все колени, упираешься во все подолы, как в соски млечной матери... И убегаешь со всеми караванами... И я закрываю глухо двери, когда идут караваны... Иль Тебе не хватает любви Матери и отца Твоих? И сестер, и братьев Твоих?.. Иль Ты не наш?.. И во всяком прохожем муже — видишь отца... И во всякой жене — мать...

Дитя любит всех и ждет любви от всех, а все равнодушно проходят мимо и далее любви его.

Бог — это любовь ко всем человекам.

Чадо — и Ты пойдешь искать эту любовь...

И потому мать, отец, семья, дети, народ, земля, родина, дом, язык, родня, соседи — это сладкая пыль под босыми ногами Странника Апостола Любви... Под Твоими ногами, Чадо...

Но гляди, Сын,— хлеб и вода иссякли, и птицы поднялись и ушли на пути свои. И Ты один остался на крыше средь палых перьев...

Великая Любовь ко всем — это великое одиночество...

— Отец, а птицам не хлеб и вода нужны, а любовь, а я устал ласкать их.

Отец, отец, а почему люди всегда печалются и плачут, когда видят перелетных, высоких, вольных, уходящих птиц, птиц, птиц?

По каким дальным, прошлым богам, кумирам, гнездам, рожденьям, языкам, соседям томится некрылатый человек? Что чувствует в птицах уходящих?

Какие родины вспоминает? Почему человек так неотвязно, жгуче любит этот земной мир? Потому что он много раз жил в этом мире и узнает его, как родной пыльный дом... Почему человек так любит путешествовать по миру? Потому что он ищет дом, где когда-то, в других рожденьях и землях, тысячи лет назад, был более всего счастлив и любим...

А весной птицы летят в северные снежные земли, а осенью в жаркие Индию и Персию, откуда пришли Балтасар, Гаспар и Мельхиор — Волхвы Рожденья моего.

И я пойду за весенними журавлями в северные страны и народы. И я пойду за осенними журавлями в Индию Шакья Муни и в Персию Огненного Заратустры...

— Чадо, Чадо, так долго ждали мы Рожденья Твоего, а Ты уже хочешь покинуть нас. А я уже стар и не выдержу прощанья...

Но тут на пустынную крышу опустился пеликан, летящий от потока-вади Киссона к озеру Галилейскому. И в клюве у него была живая рыба, и он сложил ее у ног Иисуса, и поднялся, полетел к озеру своему.

Тогда Иисус сказал отцу своему:

— Вы видите — он прилетел не из-за хлеба и воды. И принес нам пищу нашу...

Но тут над щедро осыпанной перьями крышей низко пролетел аист. И в клюве его маялась малая речная черепаха, и Мальчик воскричал:

— Отец, зачем аист несет черепаху? Разве жизнь ее не в воде, а в небе?

Иосиф сказал печально:

— Аист несет черепаху для птенцов своих. И смерть черепахи — их жизнь.

Тогда Мальчик, тогда шестилетний Мальчик — еще Дитя, Агнец в пуху — зарыдал... И отец удержал Его, потому что от слез и горя Он мог упасть с крыши.

Но Иисус побежал к старой пыльной акации, желтые цветы которой Он любил есть, и которые помогали от зубной боли. Он побежал к акации, на вершине которой, в ветвях раскидистых, сотворил широкое гнездо аист, и Иосиф помогал ему строить, и спугнул птицу, и осторожно, чтобы не тронуть птенца в пуховой сокровенности родильной его, снял, спас черепаху и больно оцарапался, окровавился о жесткие ветви. Но Он не радовался, а рыдал...

— Абу, абу, отец, отец, я вернул черепаху в реку, но разве вернуть всех черепах, которых аисты несут в гнезда свои, чтобы убить для птенцов своих? Отец?.. Господь?.. Ты так сотворил жизнь?.. Жизнь-смерть, жизнь-смерть... жизнь через смерть... А я не хочу смерти... Я хочу вечной жизни для всех людей, для всех зверей, для всех птиц... И для себя... Я хочу вечно сидеть на вечной крыше среди вечных птиц среди вечной весны... Господь?..

— Отец! А по римским законам — распятых оставляют на крестах, чтобы птицы расклевали их... А птицы не будут клевать меня...

...А в маленьком каменистом, глиняном лазоревом затаившемся Назарете стали говорить, что мальчик Иисус останавливает и опускает перелетных птиц с небес...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Абу! Абу! Отец! Отец! Сегодня мне десять лет, а по древнему Закону я могу выходить к людям и учить только после тридцати лет, лет, лет. Двадцать лет мне осталось... А я не хочу, чтобы мне было даже одиннадцать лет... Лето уж раннее, уже душное, и я полюбил спать на крыше... Абу! Отец! тут звезды близки, и они жаркие, а холодные... И я люблю сонными руками воздетыми трогать, лелеять их холодные лампы, их вечные колосистые факелы прохладные. И в доме нашем душно, а на крыше камышовой веет холод от звезд, холод от Плеяд. Абу! Абу! Отец, отец, а мне сегодня стало десять лет, но когда я гляжу на эти холодные Плеяды, на это бездонное Мирозданье — я чувю, что мне десять миллиардов лет и более...

Когда я был немой младенец — я знал, я чувал эту летящую, безмолвную Вселенную и Тайны Божии Ее, и я чувал, знал, как жил до Пирамид, до Фараонов, до Авраама, до Моисея, но потом стал говорить язык мой словами человеческими, и я забыл Тайну Вселенной за словами...

Язык человеческий убивает Тайну... Вселенная нема. Бог нем. И только в немоте можно заглянуть в бездонность Его. Абу! Абу! Отец, отец, глядите, как летит, сыплется звезда во Вселенной! Отец, и что я чувю, вспоминаю на крыше камышовой нашего летящего во Вселенной домика?

Абу! Отец, и что в этой летящей, рассыпающейся, как звезда, Вселенной Грядущая Судьба моя? Грядущий Крест мой? Соломинка в звездном поле, поле, поле, божья коровка, стрекозка, муравей, травинка, звезда рассыпчатая?

Иосиф вздрагивает:

— Чадо, Чадо, и что Ты все время шепчешь о Кресте? Где Ты видел кресты эти? Что зовешь Крест в жизнь незаметную тихую свою? Сынок, Ты уже с детских лепетных лет, когда помогал мне в плотницких работах моих, тайно строил, крепил, слагал Кресты из стружек и щепок... Детские кресты...

— Абу! Абу! Отец, я так возлюбил запах свежесрубленных деревьев — кипарисов, маслин, дубов, олив, кедров, сосен-певг... Особенно терпкий материнский дух кипа-

риса, кедра и сосны-певг... Эти деревья пахнут свежим тестом хлебным. А что слаще духа перворожденного печеного хлеба, хлеба, хлеба, отец мой? Только запах матери и отца... Вот из этих трех деревьев и будет составлен Крест мой. И три Его смолистых хлебных запаха будут утешать меня на Кресте моем, отец, отец мой... И вы знаете...

— Чадо, где Ты подглядел эти кресты? На римских, кровавых, имперских дорогах, где подолгу в мухах и птицах трупоядных всяких увядают Распятые? Мальчик, Иешуа, где Ты видел эти живые придорожные Знаки, Иероглифы Великой, Проклятой иудеями, Римской Империи? Эти кровавые Слова, Буквы, Письмена всех великих Империй?

О, человеке вольный! вот ты восстал с нищим ножом в обреченных руках против журавлиных римских легионов железных в шлемах, в орлах и с широкими, мягкими, бесшумными двуострыми мечами.

О, человеке восставший! Вот ты тайно шепнул древнему другу своему ночному против Империи, против похожего на грифа-могильника императора Октавиана Августа...

И вот уже утром вянешь на забытой дороге, на кресте углом среди мух трупных, изумрудных (вот он — изумруд нищих и праведных!) и трупоедов-грифов, похожих на императора Октавиана...

— Ужель Распятый в мухах и грифах сокрушит железные легионы? и саму Империю? Ужель, отец мой?... И вот безвинно убитые встают из могил и сокрушают Империю, убившую их... Отец, отец, а кроме плугов и ярма, вы тайно, в ночах, не строили кресты? И тайные щепки не оседали в волосах и в глазах ваших? Римляне не приказывали вам? Легионы римские в шлемах, в орлах, с широкими мечами не приказывали вам?

Император Октавиан-гриф не приказывал вам?

Царь Тетрарх Ирод Антипа не приказывал вам?

Прокуратор Понтий Пилат не приказывал вам?

Синедрион первосвященников Каиафы и Анны в пурпурных широких одеждах, которые одне движутся в их недвижимой ветхозаветной жизни, не приказывал вам?

И вот слепец-отец вытачивает крест на Сына своего?..

Иосиф мается:

— Откуда Он знает? видит?..

Однажды римляне приказали ему сбить, выделать, сложить крест, и он тайно, ночью, в безлунье сотворил то.

И впервые, впервые в жизни плотнические ножи и топоры порезали, порубили ему густо, многажды руки и вены его дрожащие во тьме — он не зажигал огней, чтоб соседи не знали.

И впервые порезал, повредил руки — и крест весь кровавый был.

Текущий алый крест тот был...

Словно его распяли на нем...

И с той поры руки его стали дрожать, и ножи его стали резать его, и топоры рубить его, и ремесло его зачахло, ибо стал бояться орудий своих, которые восстали на него...

Тогда Иосиф зовет жену свою Марию бессонную:

— Мария, мать Иисуса и жена моя... Ты вечно молчишь, когда глядишь на Чадо наше... И готова рыдать... Пойди на крышу и утешь Его под звездами, ибо я рыдаю от слов Его и заворачиваюсь зябко в ветхозаветный таллиф мой с кистями-«цицит» утомительными, словно он и кисти его могут спасти меня от зябкой бессонницы, старости моей и муки, боли за Сына моего... Господь, Господь, Яхве всемилостивый, Адонай, скоро ль возьмешь, упокоишь меня, ибо любовь отцовская беспощадная разрывает сосуды мои...

Матерь Мария безмолвная всходит на крыше камышовой рядом с Сыном своим.
Как Звезда безмолвная Она безмолвствует. Она потом будет говорить. Когда Он замолкнет. После Креста. После Святого Воскресенья.

Она знает. И бережет Слова.

— Абу!.. Отец мой, не говорите Матери моей о Смерти моей... О Кресте моем...
А Матерь моя ткёт дорогой синдон и шьёт погребальные плащаницы для богатых иудеев. И не знает, что шьёт и ткёт для Сына Своего. И отец не знает, что творил Крест для Сына Своего.

О, Отец Небесный мой! Ужель они не знают, не чувят, не ведают?..

Но! На вершине горы Сулем, где живут совы, стоит ветхая, древнезаветная, седая сосна-певг. Дети любят лазать по деревьям.

И я часто влезаю по опасным ветвям на вершину сосны, и оттуда сиреневые, млечно-малахитовые, сердоликовые бальзамические плоскогорья Кармея, Магеддо, и гористая страна Сихем, и горы Гельбоэ, и женовидная гора Фавор прельстительно, колыбельно колеблются, открываются мне и зовут растаять навек в священной мгле их вместе с древними, святыми могилами патриархов... Так хочется мне умереть, улететь с сосны и стать горами этими... Так хочется бродить здесь и после смерти. И Я буду.

Абу! Отец! Но еще я вижу какую-то гору, и на ней три креста, и трех распятых. И я гляжу через мглу гор и лет, и двух распятых не узнаю, но чую, вижу, узнаю Третьего... Отец, я не скажу вам, кто Третий...

Тут ветвь пошла, обломилась под ногами Мальчика, но Он успел нежно схватиться за другие...

Потом Иосиф ночью подрубил сосну и сказал: «Сын, сосна рухнула от древности своей. Она была наклонной, опасной — и вот обреченно упала...»

...Отец мой, абу, но Я знаю, кто Третий... Я и со свежего пня вижу... Открылось...

Но не говорите безмолвной Матери Моей...

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Абу, Авва, отец, не говорите матери моей о смерти моей... Но вот Она пришла на крышу ночную мою и льнет ко мне в звездопадах, как душистый, медовый сноп свежей пшеницы в блаженной долине Азохис...

— Иму, Матерь моя, ты пахнешь пшеницами медвяными...

Но Она безмолвная, как пшеницы скошенные, как дальные и ближние звездопады, но в зрачках Ея звезды летят, пылают, но не сгорают... вечные звезды материнской любви. Китайские мудрецы говорят, что падающие звезды — это зрачки усопших матерей... они вечные...

— Иму, Матерь, мама, на свете нет любви сильнее, чем любовь Матери и Сына. Только любовь к Богу превышает ее.

Но любовь матери и сына — первая и на земле, и в Царствии Небесном.

Иму, Матерь, матушко, а помните, как Волхвы привели Звезду Рождества, и с Ней смирну, золото и ладан.

Смирну принесли — как человеку, золото — как царю, ладан — как Богу...

Золото — за племя Сима...

Смирну — за племя Хама...

Ладан — за племя Иафета...

А еще они принесли персидский пурпурный мак-текун отцу моему Иосифу. Пурпурный, как одежды первосвященников иудейских...

Но мак слаще, чем их кровавые одежды, чей пурпур загустеет, увеличится от крови моей...

И отец посадил мак-текун тайно на крыше моей... Пианный, блаженный пурпур мака-текуна, умиротворяющий печаль... Но брал ли? но берет ли отец мой сок мака? сон мака? не знаю, не знаю... Подрезает ли отец мой тайно мак-текун и вкушает для изгнания печали? Иль мак-текун сам сыплется, опадает — не знаю, не знаю... Я за отцом моим не хожу, не подглядываю...

Иму! Матерь, матушко моя, мама, маа, а я вижу и доньне воспоминаю, как три дня мы бежали в Египет от царя Ирода и от приказа его избить, окровавить млечных младенцев.

И как на третий день сверкнула египетская спасительница — река Риноколура, и как в ночах все звезды падучие бежали с нами.

И все скарабеи, и все василиски, и все аспиды, и все львы, и все лани, и все пальмы, и все кедры ливанские, и все колодцы пустыни с нами бежали, бежали, бежали и нас ласкали, лелеяли и упасали...

И мы поселились в Матарее, близ Нила, где некогда под именем Осарсифа Моисей был священником... И тут я увидел Пирамиды Фараонов, и все бежали, а Они стояли.

Иму, Матерь безмолвная моя, а какие Слова родились перед этими Пирамидами? Предшествовали Им? Какие Слова стояли пред этими Пирамидами? где Они? Какие Слова эти Пирамиды поставили, родили? Кто знает? Только Фараоны и Жрецы знали Слова эти, но унесли с собой в глухие саркофаги?

И эти Слова замурованы, погребены бесследно в Пирамидах? Но и эти Пирамиды истают, сокрушатся в камни, а камни изойдут в пески.

А Где Те Слова? А Слова Моисея не станут песком и камнем забвенья?

А вдруг я скажу Слова Пирамиды Вечной Жизни?.. Матерь! А Бог был всегда. И до человека. Но Бог был нем. Но вот Он впервые заговорил с человеком. С Моисеем на Синае...

А скоро Бог заговорит и явится в живом Человеке... В Богочеловеке...

А если во Мне, Матерь?..

Мария хотела сказать Ему, что Он кощунствует, но вспомнила Ангела Господня, который явился к ней перед Его рождением, и вспомнила, что Она была единственной на земле женой, чья девья пелена нарушилась не от мужа, а от новорожденного Дитя, и с тревогой и восторгом приняла истину Его Слов.

И вот Мария молчит и только гладит Его ягнячьи кудри. Кудри льются в Ея перстах, похожих на юные изумрудные камыши бродов Иордана...

Камыши гибкие, певучие, атласные, текучие...

Блаженно, сонно агнцу, дитяти в перстах матери... Зыбко, звездно, сонно, сонно, тепло... Сонно...

— Иму... Мама... маа, я засыпаю, но в глазах моих сонных стоят те Пирамиды Фараонов под теми звездами и луною... Тогда была разливчатая луна, как Нил в разливе... Иму! Матушко, но Ваши груди, исполненные сладчайшего родильного, кормильного, творильного млека, молока, молозива, плескались, как два Нила.

Вот они — облитые млечною необъятной луной — две материнские родильные Пирамиды стоят у губ Моих кормильно и закрывают Пирамиды Фараонов.

И уйдут, сойдут Пирамиды Фараонов, а вечно будут стоять, плескаться Пирамиды Святых рожениц, матерей земли. И за этими Святыми Живыми, Дышащими Пирамидами — я не вижу, я не видел каменных... Иль Пирамиды Фараонов — не Знаки Вечной загробной Жизни, а только Груды кормильных плодоточащих матерей...

Матерь, но почему там, в яслях ягнячьих сырых, под грудями пирамидами млечковыми Вашими, почему Звезда Волхвов?

Звезда Рождества неповинного?

Звезда колыбели?
Звезда Вифлеема сразу стала и Звездой Смерти?
Звездой Херема — последнего отлученья при реве 400 храмовых бараньих оглушительных рогов, рогов? И приговора Синедриона смертного?
И эта Звезда сразу пошла за Мной от яслей Вифлеема?
И вот царь Ирод Антипа возжелал убить Меня, птенца в гнезде, и приговорил к смерти всех младенцев до двух лет. И возрыдали сыро, оцепенело млековые матери с грудями-пирамидами, и никого не стало у пирамид их опустелых. И даже праматерь иудеев Рахиль вышла из гробницы и возрыдала, усопшая, на дорогах избитых, зеленых младенцев...
Матерь!..
И вот пришли цари, от которых даже мертвые выходят из могил и рыдают громче, чем живые.
И я, младенец, слышал эти крики. И слышу досель... И при таких владыках длится жизнь моя, и при таких рыданиях и криках...
Матерь, матерь, но если б тогда, до двух лет, убили Меня, поникли бы тогда Пирамиды Ваши, но нынче уже бы утихли Вы, а не предстояло бы Вам более мучительное...
О, Господь мой!..
Но, Матерь, Вы со Мной на крыше детства моего, и блаженно, сонно мне, и отстраняю я дни грядущие мои... Но, Матерь моя, не говорите старому отцу моему о Звезде Смерти, кочующей ближе и ближе над головой моей...

...Спит мальчик Иисус на крыше под звездами, и Матерь безмолвная преклонилась над Ним...
Она потом отворит богоглагольные, богоколокольные лепестки-уста... После Креста.
А пока вешний, теплый, назаретский оливковый ветер вместо одеяла веет над Ними...

Ирина Кедрова
(г. Москва)

ПРЕД ИКОНОЙ ВЛАДИМИРСКОЙ БОГОМАТЕРИ

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас».

Я смотрю в глаза Богоматери и вдруг ясно вижу: темный храм, заполненный страдающими людьми. Здесь все: богатые и бедные, мужчины и женщины. Стон стоит, молятся люди перед иконой: «Мать Божья, спаси и сохрани от врагов».

В углу храма сидит женщина лет тридцати. Ее светлые волосы пробиваются сквозь белый платок. Голубые глаза наполнены слезами и страхом. Не за себя она боится — за детей своих. Рядом два крепких подростка двенадцати и девяти лет. В колени женщины прячутся девушки: одной лет семь, другой — шесть. Женщину зовут Ириной. Думает она о трудной доле, выпавшей всем, собравшимся в храме, вспоминает свою жизнь.

Ирина была счастливой женой и матерью. Много лет назад сильный и смелый Петр, сын воеводы князя Константина, взял ее в жены. Любили друг друга так, что песни можно слагать о той любви. От любви каждый год рождались дети, только их забирал к себе Господь: кого сразу, кого чуть погодя, давая насладиться счастьем матери да отцу. Плакала Ирина, провожая в последний путь умершего дитятку:

— Ой, ягодка моя светлая, зачем же ты нас так рано покинул?

— Не плачь, Иринушка,— успокаивал муж.— Видно, Господу так угодно. Малыш наш точно в рай попадет. Он и грешить-то еще не умел.

Четверых детей Господь не взял. Василька и Глебушка росли, похожие на отца. Василька — высокий, Глебка — коренастый. У обоих волосы черные, кудрявые. А глаза у старшего — карие, у младшего — голубые. Мать любит их темными вихрастыми губами, сильными руками, размашистыми плечами.

— Батюшка,— требовательно говорит Василька отцу,— мне пора с тобой в поход отправляться. Что я дома сижу, когда город наш славный защищать надо?

— Погоди,— отвечает отец,— не время еще. Немного подрасти, чтобы конем и копьем управлять.

— Я лучше всех ребят на коне держусь, и копье метать умею.

— В бою сила большая нужна, ее тебе скопить надо.

На этом разговор и заканчивается. Ирина не против удали молодецкой, только не хочется ей с сыном расставаться.

Глебушка тоже силой похвастается, но больше мечтать охоч и желает в далекие страны отправиться, мир посмотреть. Подружился с купцом новгородским, пропадает в купеческой лавке часами, слушая рассказы о дальних землях.

— Матушка, был бы я купцом, все края бы объездил. Привез бы тебе украшения и наряды царские. Ты бы красавицей по дому ходила.

— Матушка твоя, — вставляет отец, недовольный купеческими настроениями сына, — и без нарядов заморских красавица.

Он прижимает жену к себе так, что косточки трещат, но от этого не становится больно, а приятно растекается по телу призывная на мужскую любовь волна.

Ирина не соответствовала облику русской стыдливой женщины, она была пламенем, разгоравшимся от мужниной искры. Впрочем, и стыдливость ей присуща. Куда денешься от обычаев и воспитания? И все же, глядя на нее, Петр любовно повторял:

— Ты, Ирина, не такая, как другие бабы. Потому, наверное, и любя мне.

Нет, не совсем обычной была их семья, и не такими, как у других, были супружеские отношения. В любви зарождались дети, в любви и росли они. Две дочки-погодки внешне более походили на мать — светловолосые, голубоглазые, а по характеру различные. Евдокия — тихая и рассудительная, первая помощница в семье. Зря слова не скажет, но что решит, то накрепко, не свернешь ее с пути. Настасья — веселая щечетунья и выдумщица. Отец в них души не чает, задумываясь уже о том, с кем через дочерей породниться.

Дом Петра и Ирины славился достатком. Петр, так получилось, вышел из-под власти князя Константина и служил князю Юрию. Два брата Всеволодовича не ладили между собой. Константин, старший сын Всеволода, — ученый книжник — дружил с ростовскими боярами и желал первенства Ростова. Отец передал княжение второму сыну — Юрию, и началась между братьями борьба не на жизнь, а на смерть. Победил Константин, и Юрию пришлось бежать из Владимира со своей семьей. Только недолго длилось изгнание, года через два старший брат умер и на престоле Владимирском вновь восстановился Юрий.

Петр тогда был молодым и способным к ратному делу. Это и привлекло к нему внимание князя, стал он брать молодца во все походы и сражения. Счастливая звезда светила Петру. Она же привела его в дом родителей Ирины, которые с радостью выдали дочь за княжеского любимца.

Впервые увидел он свою избранницу у ворот Святой Ирины, когда въезжал в город с группой всадников. Молодой воин обратил внимание на смелую девушку, внимательно разглядывавшую всадников.

— Кого высматриваешь, красавица? — хотел смутить незнакомку Петр своим вопросом.

— Жениха, конечно, — смеясь, откликнулась девушка.

— И кого же ты в женихи хочешь?

— Храброго, сильного и добросердечного, — ответила та и, развернувшись, пошла прочь.

Непривычно было слышать от молоденькой горожанки такую речь. Девушки все больше по домам сидели. Знатных дочерей родители на улицу не пускали, а тут не только по улице ходит, но и в разговор вступает. Кто она такая, Петр не знал и жалел потом, что не выспросил. А судьба привела его в дом Михайлы, знатного владимирского дружинника, с которым не раз вместе сражались в сечах. Там-то и повстречалась покорившая его сердце девушка, оказавшаяся сестрой приятеля.

Пятнадцать лет прожили Петр и Ирина счастливо. Она вела хозяйство, растила детей. Смелая и упрямая, добилась от мужа значительной свободы в решениях и поступках. Любила свой дом и город.

Часто гуляла вместе с детьми, заводя их в заповедные места. Белокаменная башня с двумя боевыми площадками и высокой аркой, построенная много-много лет назад и прозываемая Золотыми воротами, украшала въезд в город. Над рекой Клязьмой возвышался Успенский собор: огромный, казавшийся еще более значительным благодаря галереям, пристроенным с трех сторон. Поражало и удивляло странное сочетание тончайшего, будто женского, пояса, охватывавшего храм, мощных стен и гроз-

ных шлемов, глядящих сверху. Стоял храм, словно храбрый воин, готовый сразиться за землю русскую.

А чуть поодаль красуется любимый собор Ирины, названный в народе Дмитриевским. Стоишь перед ним и любишься невиданными украшениями. Растения, животные, всадники, чудища наполняют твой взгляд, устремленный на стены, и не встречается ни одной повторяющейся фигуры.

— Матушка, красота такая, что хочется встать перед храмом на колени и молиться! — говорит Евдокия.

Ирина думает, откуда возникают у девочки такие чувства? Видно, начала взрослеть, ищет себя в людском мире. «Ох, — думает мать, — не заметишь, как вырастет и покинет отцовский дом. Уже и жених есть у Евдокии, сын воеводы князя Владимира из Москвы.

А на главном торжище городском чего только ни увидишь. Богат город Владимир, едут сюда купцы из далеких стран и других городов. Владимирские мастера крепко держатся за славу первых русских искусников. Но постоянные княжеские ссоры, приводящие к боевым стычкам, мешают жителям насладиться красотой и богатством города. Да еще набег иноплеменников.

В год рождения Василька появились в русских землях неведомые доселе татары. Разные слухи о них ходили. Одни говорили, что татары — ратники плохие и уважения недостойны. Другие, и среди них Петр, убеждали, что, напротив, они — воины опытные, а стреляют намного лучше половцев.

Тогда, рассказывал ей муж, собрались русские князья на совет и порешили объединиться для защиты земли русской. Да владимирского князя Юрия Всеволодовича на совет не позвали. Обиделся тот сильно и не пошел на всеобщую брань.

На реке Калке первый раз в большом бою встретили русские воины татар. Погибли многие. Один князь — Даниил — раненный копьем в грудь, в пылу битвы не заметил, что кровь сочилась из него. Другой — Мстислав Киевский — огордился кольем и бился три дня, не сходя с места. Татары обещали ему за храбрость свободу и жизнь. Поверил князь — за то и поплатился: изрубили его. Нескольких захваченных в плен князей нехристи удушили под досками, на которых развернули гнусное пиршество.

В том сражении русским воинам изменили половцы: почувствовав скорое поражение, стали убивать русичей, захватывая их коней и одежду.

С горечью говорил Петр о битве на Калке, сожалея, что его там не было. Ирина принимала его чувства, хотя в душе радовалась: жив Петруша, а в битве на далекой реке наверняка бы погиб.

Несколько лет слуху о татарах не было, и вдруг поздней осенью вышли они внезапно из густых лесов близ Рязани, требуя от рязанских князей десятую часть всего достояния: людей, коней, товаров. Всего-всего. Рязанский князь Юрий ответил им: «Когда нас в живых не останется, тогда все и возьмете». А затем направил во Владимир послов с просьбой о помощи. Отказал Юрий Всеволодович, надменный в своем могуществе, один хотел управиться с татарами.

— Эх, не надо бы так, — с горечью выговорил Петр-воевода. — Надо бы всем вместе на врага навалиться.

Да разве послушает его князь, уверенный в силе и в величии своем?

А события развивались трагично, с трудом добираясь до ушей жителей Владимира.

Послал рязанский князь к Батыю сына своего Федора с богатыми дарами и предложением о примирении. Обрадовался татарский хан легкости победы, да кто-то донес ему, что жена Федора — красавица писаная.

— Ну-ка, привези ее, дай полюбоваться красотой женскою.

— Не бывать тому, — отвечивал Федор. — Не показывают христиане своих жен злостивым язычникам.

— Тогда сам умрешь, как собака, — разозлился Батый и повелел убить княжеского сына и посланника.

Евпраксия, жена Федора, узнав о гибели мужа, выкинулась из высокого терема, держа на руках младенца.

Тяжело на сердце Ирины. Никак она в толк не возьмет, что заставило мать убить крошку-сына? Наверное, жить без любимого невозможно. Раздумывает Ирина, что же с ней будет, если ее Петруша погибнет? И гонит от себя эту мысль треклятую.

А события разворачиваются страшные. Уничтожив Рязань, пошли несметные полчища дальше, сжигая русские города. Вот и Москва пала, в которой управлял Владимир Юрьевич, сын великого князя.

Собрал князь Юрий совет и сказал сыновьям и племянникам, детям Константиновым:

— Сыновья мои, Всеволод и Мстислав, оставляю вас для защиты Владимира, а сам поеду с малою дружиной собирать подмогу.

— На кого же ты рассчитываешь, отец? — спросили сыновья.

— Думаю призвать братьев своих, особенно надеюсь на Ярослава, он — умный и храбрый. С вами оставляю воеводу Петра. Успокойте горожан. Пусть, не тревожась, помощи дожидаются. За нашими стенами никакой враг не страшен. Я же быстро обернусь и ударю в спину татарскую.

После этого разговора пришел Петр домой туча тучей. Собрал совет семейный. На каждого ему хотелось посмотреть, каждого приласкать и подбодрить.

— Тяжелое время наступило. Мы с князьями станем готовиться к отпору вражескому, а вы, дети, мать слушайте, ей помогайте.

— Нет, отец, — проговорил твердо Василька, — я с тобой пойду. Пора и мне встать на стены города.

— Пора, сын, только у города есть и без тебя защитники. Случись что со мной, кто в семье главным будет? Кто мать и сестер защитит? Ты в доме за старшего остаешься.

Ирина неслышно плакала. Чужало сердце беду. Но слов успокоительных найти не могла, потому и молчала. Смотрела на сынов своих, готовых к бою, на дочерей, входящих в расцветную пору, на мужа, сурово глядевшего. И от мужниной суровости становилось еще страшнее и безысходнее.

Как остались вдвоем, обнял Петр Ирину, прижал к себе.

— Ладушка моя светлая, вся моя жизнь тобою наполнена. Да, видно, настало время расставаться.

— Ты чаешь, что мы больше не увидимся?

— Не знаю. В Рязани татары ни одного жителя в живых не оставили. Всех убили, резали, сожгли. Сказывают: живых людей к бревнам привязывали и стреляли в них для развлечения. Ошибся князь, когда отказал в помощи. Страшная расплата нас ждет за ту ошибку.

— Любый мой, сердце болит за тебя и детей. Да ты за нас не бойся. Господь не допустит нашей гибели.

Провели они ночь свою. Счастливой была та ночь, потому что любили друг друга мужчина и женщина. Однако тяжелой тоже была, поскольку понимали — последнею может стать. И не знала Ирина, что в ту ночь зародилась в ней еще одна жизнь, так и не увидевшая земного света.

А наутро, чуть рассвело, обнаружили жители города, что вокруг, куда глаз ни кинь, стоят татары ненавистные, шатры свои укрепляют.

Князья Всеволод и Мстислав вместе с воеводой и дружинниками поднялись на городские стены и били стрелами приближавшихся захватчиков. «Не стреляйте, не стреляйте!» — кричали те, но вовсе не от испуга. К Золотым воротам подъехал не-

большой отряд. Выдвинули вперед пленного — измученного русского воина, и узнали в нем Всеволод и Мстислав юного брата своего Владимира, князя Московского.

— Узнаете ли князя? — крикнул татарский предводитель. — Передайте князю Юрию, что мы на переговоры зовем его. Откажется — сына убьем.

— Братья! — крикнул, собрав последние силы плененный Владимир. — Лучше умереть перед Золотыми воротами за Богородицу, за дело наше правое, нежели быть в их воле нечестивой!

Слезы катились по щекам тех, кто стоял на городских стенах, и желание немедленной битвы охватило всех.

— Немедленно идем в бой! Лучше погибнуть, нежели смотреть на такое злодейство, — твердо сказал Всеволод.

— Позволь, княже, слово молвить, — не согласился с призывом Петр, опытный воевода. — Юрий Всеволодович отправился за войском. Надо ждать. Князь спасет столицу.

Татары поняв, что владимирцы ворота добровольно не откроют, стали готовиться к осаде. Прошло несколько дней, горожане наблюдали со стен, как злые вороги обнесли город бревенчатым тыном, подвезли стенобитные машины, подготовили лестницы.

Ожидая самого худшего, князя с семьями собрались в соборе Богоматери и потребовали от епископа Митрофана, чтобы тот постриг их в монахи. Обряд был быстро совершен.

Горожане, наблюдавшие происходящее, молили небо о спасении. Ирина молилась перед иконой Божьей матери о своем муже и детях, и ей казалось, что по щеке Богоматери течет, не останавливаясь, святая слеза.

«Матерь божья, — страстно шептала Ирина, — если нельзя нам остаться живыми, помоги уйти в мир иной без мучений. Пусть Петр будет внезапно пронзен вражеской стрелой. Только бы его не рубили и не мучили. Пусть дети примут смерть быструю и легкую. Хорошо бы девчушки ничего не поняли. Хотя рассудительная Евдокия давно все поняла, а Настенька пусть не спознается с горечью взрослой. Матерь, заступница, если необходимо принять боль великую, я возьму ее на себя».

В холодный февральский день, в воскресенье, начали татары штурм города. Полетели на его улицы зажженные стрелы, приносившие разрушительный огонь. Били в крепкие каменные стены страшные орудия так, что гул стоял несмолкаемый.

Большая часть горожан собралась в храме Богоматери, все молились о спасении земли русской от страшного врага. «Коль не суждено нам спастись, пусть не погибнет земля русская и народ русский. Да не погибнет навеки слава наша!» Епископ Митрофан укреплял дух людей: «Братья и сестры, не бойтесь. Господь защитит нас от врагов-нехристей. Он всех нас возьмет к себе! Молитесь усердно!» Ирина с детьми молилась.

К полудню татары ворвались в Новый город с нескольких сторон: у Золотых, Медных и Волжских ворот, а также у ворот Святой Ирины. Князя с дружиной бежали в Старый город.

Татарские воины никого не оставляли в живых. Текли по улицам реки крови городских защитников. Начался разбой. Захватчики тащили все, что попадалось на пути. Но главное богатство, и они это знали, хранилось в русских соборах. Там было золото, серебро, драгоценные украшения, древние княжеские одежды, роскошные оклады икон и книг. Рвались захватчики в храм Богоматери, пытались сбить его крепкие запоры, поджечь его стрелами, чтобы жители, спасаясь от дыма, открыли им двери. Внутри собора начался пожар, дым закрывал людей друг от друга.

Просила у Господа защиты княгиня Агафья, жена князя Юрия. Увидев Ирину,

подошла к ней. Никогда бы раньше гордая княгиня не заговорила с женой воеводы.

— Вижу и ты с детьми здесь,— тихо сказала она.— И мы все собрались: дочь моя, снохи, внучата. Я-то пожила на земле, а дети? — горько залилась княгиня слезами.— Что же делать?

— Ждать, матушка-княгиня. Одна у нас забота: ждать, надеяться и молиться.

— Господи! — раздался громогласный голос епископа.— Простри невидимую руку свою. Прими в мире души рабов твоих. Благослови людей на смерть неизбежную.

— Матушка, матушка, почему так трудно дышать? — плакала Настенька.

— Ничего, ягодка моя, потерпи. Скоро полегче будет.

— А где батюшка? Матушка, он нас спасет? Правда?

— Обязательно, Настенька, он нас в беде не оставит.

Огонь разгорался все сильнее, и Ирина молила Бога, чтобы дети ее скорее умерли, не испытывая страшную муку.

Василька и Глеб протиснулись сквозь людей, задумав вылезти из храма где-то сверху. Ирина следила за ними глазами. Вдруг огромная горящая балка сорвалась и рухнула вниз там, где находились ее сыновья. Страшный крик потряс храм. Огонь, взметнувшийся вверх, сжигал людей, и среди них были сыновья Ирины. «Мама! — показался ей голос Глеба.— Спаси, мама! Боль жуткая!» Она не могла этого слышать, заткнула уши. В какой-то момент глянула на дочерей: Настенька, любимица ее младшая, лежала бездыханная, закрыв глаза и неестественно вытянув шею, а Евдокия ловила ртом остатки воздуха и не могла их поймать. Ирина кинулась к дочери.

— Дуняша, сердечко мое, не оставляй меня. Мы выживем. Немножко потерпи.

— Матушка, дышать трудно. В груди все больно, в голове гудит нестерпимо.

— Это ничего, детонька моя, это пройдет. Скоро все кончится. Мы с тобой выберемся. В реке искупаемся.

— В какой реке? Мороз на улице. Ой, мати моя, не могу,— все тише звучал голос Евдокии.

Ирина говорила без умолку. Ей казалось, что если она замолчит, дочь уйдет навсегда. Невозможно было молчать еще и потому, что тогда она станет думать. А думы лезли в голову страшные.

Последний вздох Евдокии был тих и спокоен. Ирина закрыла глаза дочери. Больше у нее никого не осталось, жить было незачем.

Ворвались в храм татары. Началась резня. Лишь некоторых брали в плен и выводили из храма нагими на мороз.

В скорбном безразличии Ирина подняла глаза и вдруг увидела Василька — живого, черного от дыма и огня, с ожогами и ранами, со связанными руками. Татарин вел его на улицу — в мороз жгучий, от которого невозможно спастись, как и от насильников. С последними силами рванулась она к татарину: «Не пушу! Отдай сына, убивец!»

Она накинулась на него в твердой уверенности, что спасет Василька — чудом выбравшегося живым из огненного столба, последнюю ее надежду. Острый нож ударил в живот, боль пронзила сердце. Что сравнится с той болью, которую она уже пережила? Падая на холодные камни собора, Ирина увидела, как кинулся Василька защищать мать. Ничего у него в руках не было, да и руки его связаны, и все же он ударил обидчика головой, а потом и сам, сраженный мечом, упал рядом с матерью. Наступила черная ночь.

Чудотворная икона смотрела на все происходящее. Она была ободрана захватчиками, позарившимися на богатый оклад. Валялась в углу, ждала своего часа. И час настал.

Ушли татары из города, вышли из леса жители, спасавшиеся там. Предстояла им страшная работа: предать земле тела защитников и погибших горожан. Трупы русских воинов, запорошенные снегом, лежали на улицах. Нашли среди них и тело воеводы Петра, сражавшегося до последней своей минуты недалеко от собора Богородицы. В соборе же от огня, дыма и татарского меча погибли все, кто искал здесь защиты.

Нашли в углу чудотворную икону. Собрались перед ней все, кто остался в живых, и молились долгие часы.

Княжеские сыны Всеволод и Мстислав положили головы за городскими стенами, желая отомстить завоевателям земли русской. Князь Юрий Всеволодович пал в бою на берегу реки Сити. Туловище его долго лежало без головы. Потом отыскивали голову. В ростовском храме Богоматери захоронили князя Юрия вместе с племянником Василько, храбро сражавшимся рядом с дядей. Так примирились русские города Ростов и Владимир, когда-то боровшиеся за первенство над русскими землями...

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ВЕСОМАЯ КОПЕЙКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Часть 1. Обмен

Алексей сидел на диване в гостях у Бориса и внимательно наблюдал, как тот старательно просовывал в горлышко бутылки из-под «Советского» шампанского десятикопеечные монеты.

— Ну вот, еще семь монет, — удовлетворенно потирая руки, произнес Борис, когда последнюю десятикопеечную монету удалось пропихнуть внутрь бутылки, и она с характерным звоном оказалась в куче других.

— Сколько у тебя там уже? — поинтересовался Леша.

— Полбутылки, — не моргнув глазом, ответил Боря.

— Молодец! Я оценил соль твоего юмора, — похвалил Алексей, — А в денежном эквиваленте?

— Точно не знаю, но думаю, что уже рублей сто есть

— И долго собираешь?

— Да уже больше года.

— А зачем тебе это вообще нужно? — удивился Алексей.

— Да ты знаешь, три года назад, когда я учился в десятом классе, у нас поговаривали, что в бутылку из-под «Советского» шампанского помещается ровно двести рублей десятикопеечными монетами. Вот я и решил проверить это.

— Такими темпами тебе собирать еще года два. А не проще сразу наменять в магазине по десять копеек и засунуть все это в бутылку. Или ты растягиваешь удовольствие?

— Нет, конечно. Но ты ведь знаешь, что в магазинах у нас всегда говорят: «Готовьте мелочь». Я думаю, что во всем Советском Союзе, в любой республике не найдется такого магазина, где смогут обменять сто или двести рублей по одной, три, пять или десять копеек.

— Слушай, интересная мысль, — встрепенулся Алексей. — А действительно могут в нашем государстве обменять двести рублей, скажем, самыми мелкими монетами по одной копейке?

Ребята задумались.

— Я предлагаю вот что, — продолжил развивать свою мысль Леша. — У тебя двести рублей найдется?

— Конечно. Я же в стройотряде заработал. Еще рублей пятьсот осталось.

— Пятьсот — это много, а двести — в самый раз. Ты мне даешь двести рублей, и я в течение десяти дней пытаюсь обменять их на копейки. Если мне удастся задуманное, то ты покупаешь билеты в кинотеатр на фильм Тарковского «Сталкер», который

начинают показывать через две недели, и угощаешь эклером, песочным пирожным с грибочками и «Тархуном». А если не удастся, то мы проделываем все то же самое, но только уже за мой счет.

На том и порешили.

Первый день Алексей пытался обменять деньги в продуктовых и промтоварных магазинах, а так же на рынках.

На него смотрели, как на идиота, воспринимали это как шутку и в одном случае предлагали обменять рубль-два по десять, двадцать копеек. Но по условиям договоренности такое не подходило.

Второй день Алексей потратил на посещение почтовых отделений в разных районах города, но все так же безрезультатно.

На третий день он взял паспорт и пошел в сберкасса в самом центре города.

Надо было видеть выражение лица охранника, когда Леша зашел в учреждение, заведующее деньгами. Оно вытянулось от приподнятых бровей и отвисшей челюсти, и взгляд был удивленно-настороженный.

И было отчего, стоило только глянуть на Лешу.

Густая борода, заросшие щеки, волосы прямые и длинные до плеч. Синие брюки, слегка расклешенные, на ногах кеды, куртка-ветровка темно-синего цвета. И завершала эту картину черная огромная спортивная сумка через плечо.

Охранник — молодой парень, уже около года работающий в сберкассе и привыкший видеть людей в пиджаках, галстуках, аккуратно подстриженных и с кейсами или портфелями в руках, несколько опешил от такого вида необычного посетителя.

— Вы куда? — попытался как можно строже спросить парень.

— В кассу, — ответил Алексей.

— Зачем? — наверное, не найдя ничего лучшего задал дурацкий вопрос охранник.

— Станный вопрос, — удивился Леха. — А действительно зачем? За мороженым, конечно, люблю пломбир.

Леша улыбнувшись, засмеялся.

Охраннику не понравилась веселость посетителя. В его понятии, наверное, все сюда приходящие должны выглядеть сосредоточенно серьезными, а веселиться надо в цирке.

Он незаметно нажал на кнопку. Из боковой двери вышел еще один охранник постарше — лет пятидесяти.

— Вы что, перепутали? Это не магазин — это сберкасса, и мороженое здесь не продается, — строго сказал мужчина в возрасте, который, оказывается, все прекрасно слышал, хотя и находился в комнате за закрытой дверью.

Дальше юморить Леше расхотелось, так как он почувствовал, что этот разговор затягивается, а продолжение его может оказаться в отделении милиции, откуда его, конечно же, отпустят, но время будет безвозвратно потерянным.

— Человек пришел в сберкасса, конечно же, не за пломбиром, а для того, чтобы получить деньги.

«Мыслит, вроде бы, логично», — подумал о посетителе старший охранник, но все-таки попросил показать паспорт.

Пролистав каждую страничку документа, сравнив фотографию с оригиналом и не найдя ничего криминального (а чего он там надеялся найти?), был вынужден отдать его обратно владельцу.

— А что у вас в сумке? — неожиданно подал голос молодой.

Старший посмотрел на молодого и одобрительно качнул головой, как бы говоря «Молодец!»

Леха раскрыл сумку и достал из нее еще одну спортивную сумку, только синего

цвета с красным кантом по краям и надписью «Спорт». Она была совершенно пуста.

— Просто у нас с такими сумками в кассу не ходят,— начал оправдываться старший, отдавая паспорт.— Извините. Николай, проводи товарища в кассу.

Хоть к окошку кассы Алексей и подошел один, но спиной чувствовал внимательный взгляд молодого охранника, стоящего в шагах пяти от него и не уходившего.

«За кого они меня принимают? — стал размышлять Леша.— Если учесть большие сумки, наверное, за возможного грабителя, а после упоминания мороженого — скорее всего за ненормального. Что же в итоге: ненормальный грабитель. А если бы я им сказал свою цель визита, то меня бы точно проводили, но не к кассе, а в сумасшедший дом».

— Что вы хотели? — отвлек Алексея от дальнейших размышлений голос кассирши.

Он посмотрел на табличку, стоящую на столе.

«Мария Сергеевна Золина».

— Мария Сергеевна, у меня к вам может быть несколько необычная просьба. У меня есть деньги бумажные по десять и двадцать пять рублей, всего на сумму двести рублей. Мне их нужно обменять на монетки достоинством по одной копейке. Вы сможете в этом помочь?

— А зачем вам это нужно? — задала стандартный вопрос Золина.

— Да мне интересно, может нам Советский банк удовлетворить такую простую просьбу рядового гражданина.

— Вы что, хотите подорвать экономику Советского Союза? — задала неожиданный вопрос кассир.

— А что, вся экономика такой огромной страны держится на копеечных монетах, и если изъять их в количестве двухсот рублей, то экономика даст трещину и начнет трещать по швам? — удивленно проговорил Алексей.

— Да нет, конечно,— улыбнулась Мария Сергеевна.— Это я пошутила.

Леша решил пойти на хитрость, пока у Золиной появилось хорошее настроение.

— Дело в том, что моя старшая сестра, а ей тридцать лет, выходит, наконец-то, замуж. Возраст, сами понимаете, критический. И чтобы у нее все сложилось хорошо, мы решили при выходе молодых из ЗАГСА закидывать их цветами и монетами. А каких больше всего? Конечно, копеечных. И потом: «Копейка — рубль бережет», «Копейка — основа всего»,— на ходу начал придумывать Леша.

Что подействовало на Марию Сергеевну — трудно сказать. Может быть, она вспомнила свою молодость, а может, ей понравился этот странно выглядевший и нестандартно мыслящий молодой человек, проявляющий такую заботу о своей сестре. Но она не стала задавать больше никаких вопросов.

— Сегодня пятница. Я вам столько мелочи не наберу, а деньги уже заказала на следующую неделю. Попробуйте зайти в понедельник, часам к одиннадцати. Может быть, что-нибудь получится. Только вы представляете вес этих копеек? Каждая копейка весит один грамм. Значит, один рубль — сто грамм, а сто рублей — десять килограммов. Соответственно, двести рублей будут весить двадцать килограммов. Дотащите?

— Я две сумки взял,— показал кассиру Леша емкости,— На случай, если ручки порвутся.

В понедельник Алексей ровно в одиннадцать часов вошел в сберкасса.

Дежурил тот же молодой охранник. Он молча посмотрел на Лешу, узнал его и, не препятствуя, пропустил в кассу.

Золина узнала посетителя и кивнула ему. После этого взяла в руки приспособление похожее на большую мясорубку и стала сыпать в отверстия этой самой «мясорубки» монеты.

Там что-то звенело, громыхало и шелкало.

Через некоторое время Мария Сергеевна наклонялась, доставала небольшой холщовый мешок, ставила его на стол, скрепляла какими-то скобами и запечатывала специальной лентой, на которой было написано «Гос. банк СССР. Монеты. Номинал 1 коп. Сумма: 30 рублей».

Затем она опять переключалась на «мясорубку» — счетную машинку и все повторялось.

После того, как был запечатан третий мешок, она подняла глаза и сказала:

— Пока удалось набрать только восемьдесят рублей. Но я заказала деньги, и в среду оставшиеся сто двадцать рублей по одной копейке вы сможете дополучить.

Алексей поблагодарил Золину, загрузил свою сумку денежными мешками и перекинул ее через плечо. Тяжесть оказалась довольно приличная — восемь килограммов, как-никак. Лямка сумки больно врезалась в плечо, пока он тащил свой груз до автобусной остановки.

В среду Алексея встречали как своего. Охранник с ним поздоровался, записав его в своей памяти как постоянного клиента. Да и куда деваться: ходит и ходит с большими сумками, а к внешнему виду уже привыкать стал.

Кассир улыбнулась, как хорошему знакомому и обменяла сто двадцать рублей на шесть холщовых мешочков, приготовленных заранее, по двадцать рублей в каждом, о чем свидетельствовали ленты на упаковках с надписью «Госбанк СССР».

— Удачи вашей сестре! — напоследок пожелала Золина.

И тут Алексею стало как-то неуютно и очень стыдно оттого, что он соврал этой женщине. Ведь никакой тридцатилетней сестры у него нет, и замуж никто не выходит. Он уже хотел признаться в своем обмане, но посмотрел в добрые глаза Марии Сергеевны, увидел ее счастливую улыбку, улыбку человека, умеющего радоваться за других, совершенно чужих людей и понял, что язык не повернется все это испортить. Ему показалось, что она даже как-то помолодела. Так зачем разрушать эту иллюзию. Зачем ей знать правду, тем более что при первой их встрече он честно называл истинную причину обмена денег. Для чего ей проза жизни? Пусть будет поэзия. Сказка. Вранье, которое всем во благо.

Он улыбнулся в ответ:

— Спасибо. Я думаю, что у нее все сложится хорошо.

И, взвалив на плечо свою двенадцатикилограммовую ношу металлических кругляшек, он отправился на остановку.

Вечером Алексей был у Бориса.

— Принимай свои двести рублей обратно,— он указал на кучку банковских мешочков лежащих на полу.— Пересчитывать будешь?

— Нет. Я же вижу, банковская упаковка. Значит, все-таки удалось?!

— И заметь: не за десять, а за восемь дней,— уточнил Леха удовлетворенно.

— И что мне теперь делать со всем этим богатством?

— А это не мое дело. Я свои условия выполнил и теперь нахожусь в предвкушении поедания пирожных и просмотра «Сталкера». Ты, кстати, билеты еще не покупал? Жаль. А то может не хватить, ведь он идет всего три дня. По поводу денег не переживай. Избавишься постепенно.

— Да как-то жалко. Ведь столько усилий ты потратил, чтобы добыть эти копейки, а мы их просто так отдадим в магазин.

— Ну почему просто так. Предложение интересное,— задумался Алексей.— Давай теперь что-нибудь придумаем с этими копейками, ведь не обратно же их нести, в самом деле. Мы, можно сказать, остановились посередине повести,— загорелись глаза Леши.— Значит, нам нужно будет дописать несколько глав, чтобы получилась картина целостной, и мы пришли к какому-то логическому завершению. Давай ду-

мать. Как говорится «Продолжение следует».

Часть 2. Ресторан

Спустя несколько дней после удачного обмена двухсот рублей на однокопеечные монеты, Алексей и Борис сидели дома у Бориса и придумывали, куда же их теперь потратить, чтобы это было оригинально, интересно, неожиданно и запоминаемо.

— Все-таки больше всего мне понравилось твое предложение о посещении ресторана, хотя я не любитель таких заведений,— сказал Борис.— Только вот расплачиваться будет неудобно. Горстями считать.

— А давай купим материал, нашьем мешочки и разложим в них по одному рублю. Всего-то двести мешочков. И считать удобнее будет,— предложил Леша.

— Мысль интересная,— согласился Боря.— Поедим, отдохнем, повеселимся, а когда станем расплачиваться, попросим принести поднос и начнем на него выкладывать эти мешочки с деньгами. Вот хохма-то будет.

— Самое главное,— подхватил мысль Алексей — Все это проделывать с совершенно серьезными лицами.

— В милицию-то нас не заберут?

— А что мы делаем предосудительного? — удивился Леха.— Мы же не украли ничего и не сбегали из ресторана. И платим не марками, пфеннигами, злотыми или тугриками, а нашими советскими деньгами: мелкими, но весомыми. Кстати, ты сам знаешь, на одну копейку можно попить газированной воды без сиропа, либо купить коробок спичек или даже два не маркированных конверта. Так что все нормально.

— Вообще интересный может получиться эксперимент,— улыбнулся Борис.

— Не просто эксперимент, а продолжение его,— чувствуется, мысль у Лехи заработала четко.— Я бы даже сказал, завершающая его стадия. У тебя, кстати, есть знакомая девушка, которая умеет шить?

— Да, есть, Лена Капустина из моей группы, пожалуй, и еще несколько найдутся. Институт-то большой.

— Вот и отлично. Я через два дня еду в Москву,— проговорил Алексей.— Куплю там шоколадку «Сказки Пушкина» или «Аленку», и ты отдашь ее Капустиной в благодарность за то, что она сошьет из нашего материала двести мешочков. Для нее это раз плюнуть, а нитки мы ей тоже купим.

— Ну, хорошо, этот вопрос мы, наверное, сможем решить, а как быть с кошельком? Куда мы деньги положим? Не в карманах же тащить двадцать килограммов, да и с огромной спортивной сумкой в ресторан могут не пустить.

— Нам нужно что-то компактное, емкое и прочное,— задумался Леша.— А что если взять для этой цели «дипломат-атташе» типа кейс?

— Рука не выдержит,— убедительно сказал Боря.

— Ну, тогда — два по десять килограммов,— сразу сориентировался Алексей.

— Уже лучше,— согласился Борис.— Но это надо пробовать экспериментальным путем: выдержат ли кейсы такой вес. Так что, шьем мешочки, заполняем их деньгами, укладываем в кейсы и проверяем. Один кейс у меня есть, а второй возьму у Сашки.

Через десять дней друзья собрались вновь. Кейсы и мешочки были на месте.

Сначала Лена Капустина согласилась помочь ребятам и нашить мешочков, но потом все-таки попыталась выяснить, для каких целей им нужно такое большое количество.

Борис, как мог, попытался объяснить цель эксперимента, как говорится — соль юмора, но Лена так и не смогла понять суть данного действия, назвала это чудачеством, бесполезным времяпрепровождением, но мешочки все-таки сшила качественно и быстро.

Друзья вскрывали банковские упаковки, отсчитывали копейки по рублю, пересыпали их в мешочки и завязывали тесемками, пришитыми к каждому мешочку добросовестной Леной.

Работа была кропотливая, трудоемкая и очень нудная, требующая терпения и усидчивости.

Но, в конце концов, она оказалась завершена.

Ребята облегченно вздохнули, автоматически отряхнули руки, ставшими черными от монет, и начали укладывать мешочки в дипломаты, по сто в каждый.

Кейсы оказались разными. Один был полностью кожаным, хоть и стареньким, но очень крепким, а другой — новый пластмассовый с серебристой металлической окантовкой по центру.

Щелкнули замки, закрывая кейсы, и мини-чемоданчики были поставлены на пол вертикально.

— Ну что, пробуем? — Борис посмотрел на Алексея.

— Ты, знаешь, лучше сам. А то оторвется ручка у твоего кожаного дипломата... Не хочу быть виноватым.

— Ну, ладно, — произнес Борис и приподнял очень аккуратно кейс над полом.

Дипломат был разбухшим от денег, словно какое-то беременное существо.

Тяжесть была приличная, ведь никто не рассчитывал, что кейсы будут нагружать до такой степени.

Но самое главное — он выдержал. Борис походил с ним по комнате, потряс, переложил из руки в руку. Ручка оказалась сделанной на совесть.

Пластмассовый кейс так же выдержал проверку.

— Леха, вес взят! — радостно прокричал Боря. — Осталось дотащить их до ресторана.

— Кстати, по поводу ресторана, — оживился Алексей. — Мы не пойдем в ресторан в нашем городе, а поедем в какой-нибудь другой. Но не в провинциальный: Рязань, Тамбов или Калугу, а в чванливый город снобов.

— В Москву что ли? — поинтересовался Боря.

— Точно. Мне интересно посмотреть на их выражения лиц.

— Здорово. Это мне нравится, — одобрил друга Борис.

Через неделю эксперимент под названием «Копейка» вступил в свою завершающую стадию.

Леша договорился со своими знакомыми девчонками, актрисами театра, Ирой Голубевой и Ольгой Лукиной подыграть им в ресторане, то есть вести себя естественно, особенно во время, когда они будут расплачиваться, как будто для них это не впервой, а наоборот, почти каждый день они сами расплачиваются в магазинах только копейками.

Выражаясь театральным языком, Ирине с Ольгой нужно будет сыграть этюд на тему «Я в предлагаемых обстоятельствах».

И вот — Москва.

Друзья побродили по городу, полюбовались достопримечательностями, сфотографировались и, наконец, сильно проголодавшись и устав (а носить полдня в руках десятикилограммовую тяжесть, удовольствие, прямо скажем, не из разряда приятных), решили ехать в ресторан.

Такси поймали, на удивление, почти сразу. Наверное, проезжающий водитель, увидев молодых симпатичных девушек и парней в костюмах, галстуках и с дипломами в руках, подумал, считая наверняка себя разбирающимся в людях, что сможет хорошо подзаработать на таких пассажирах, получив щедрые чаевые.

— Нам в «Токио», пожалуйста, — произнес один из молодых людей, когда они

расселись в салоне «Волги».

— Токио находится очень далеко, тем более на острове. Тяжело будет туда доехать на машине,— водитель решил, что клиенты попались с юмором, и посмотрел на них с усмешкой: «Мол, и мы не лыком шиты».

— Да, не-е, нам в ресторан,— уточнил Алексей с заднего сидения.

— «Токио» в Москве я не знаю,— сказал мужчина средних лет.— Хотя за рулем уже около десяти лет. Может все-таки в «Пекин»?

— Вот, точно, в «Пекин».

— Это другое дело. Поехали,— мужчина включил счетчик, дернул за рычаг коробки передач, переключая скорость, посмотрел налево, нет ли помехи, надавил на педаль и плавно отъехал от бордюра.

Водитель ухмыльнулся своим мыслям. «Не москвичи, раз не знают таких очевидных вещей. Периферия приехала кутить».

Пассажиры о чем-то переговаривались, шутили, девчонки смеялись.

Водитель не гнал, ехал осторожно. Путь не близкий — в другой конец города. Куда спешить? Счетчик-то тикает.

За разговором время пролетело незаметно быстро.

Машина затормозила. Шофер остановил счетчик. Там было 4 рубля 60 копеек.

Борис, сидевший на переднем сиденье, раскрыл кейс, лежавший у него на коленях, достал оттуда пять мешочков и вручил водителю со словами:

— Спасибо. Сдачи не надо.

— А что это? — опешил мужчина.

— Здесь пять рублей,— стал разяснять Борис.— В каждом мешочке по одному рублю. Пересчитывать будете?

— Да вообще-то надо бы посчитать,— неуверенно глядя на горку мелочи, произнес водитель. Его надменно-пренебрежительное выражение лица и ухмылка, когда он смотрел на людей с периферии, хотя сам не являлся коренным москвичом, но об этом он как-то давно уже забыл и предпочитал никогда не вспоминать, куда-то сразу улетучились.

— Это — пожалуйста, мы не торопимся,— проговорил Боря и посмотрел на товарищей.

Те молча смеялись, показывая большой палец направленный вверх.

Шофер трясущимися руками развязал мешочек и стал пересчитывать деньги. Через некоторое время он сказал:

— Все правильно. Сто копеек — один рубль.

Он развязал оставшиеся мешочки и заглянул в каждый, но там везде оказались деньги, а не что-то другое. Пересчитывать остальное не стал. Взвесил на руке:

— Похоже — пять рублей. Надеюсь без обмана.

— А то,— промолвил Алексей, и они стали вылезать из «Волги».

Автомобиль отъехал.

Молодежь рассмеялась:

— А вы видели его выражение лица, когда он увидел эту гору мелочи.

— От спеси и следа не осталось.

— Ну что ж: один ноль в нашу пользу!

Они вошли в ресторан. Им опять повезло: там оказались свободные столики, а они боялись, что им может не хватить места. Но заказывали столики на более позднее время обычно. Поэтому ребята заняли один из свободных столиков на четверых.

Осмотрелись.

Тихая, спокойная обстановка. Вечер только начинался, поэтому посетителей было не так много. Музыканты не в полном составе наигрывали какую-то медленную мелодию. В центре зала танцевали три пары.

Официанты, в белых рубашках и при бабочках, шествовали по залу с гордо поднятыми головами и даже, можно сказать, со вздернутыми кверху носами, и со стороны казалось — надменно и пренебрежительно взирали с высоты своего роста на сгорбившихся людей, уткнувшихся в тарелки, стоящие перед ними на столах.

Чувствовалось, что в «Пекине» привыкли видеть не только москвичей, приезжих из периферийных городов, но и всевозможные иностранцы были тоже частыми гостями этого заведения.

Если бы друзья находились в Англии, и официанты были гораздо старше этих двадцатилетних молодых людей, то можно было бы поверить, что они так вышколены, — это их манера, их стиль так работать и обслуживать каждого клиента с достоинством, с которым обслуживают только королевских особ.

Но четверка экспериментаторов находилась в Советском Союзе...

Ребята сделали заказ. Тут были и бифштексы, и котлеты по-киевски, антрекоты и картофель «фри», всевозможные салаты, заливная рыба, экзотические жареные угри, яблоки, апельсины, мандарины, вино, чай, кофе, несколько видов пирожных и на десерт, конечно, мороженое.

Они танцевали, веселились, шутили, заказывали грибочки, телячью отбивную и еще всякую всячину.

В общем, два часа пролетели незаметно, и пришло время расплачиваться, чтобы не опоздать на электричку и вернуться домой.

Официант принес счет, где в итоге было написано: 138 руб. 75 коп.

За два часа проели хорошую месячную зарплату, а если вспомнить студентов, которые получают стипендию всего сорок рублей, то получается, что удалось потратить три с половиной стипендии. Нехило.

Алексей переглянулся с Борисом и, открыв кейс, стал доставать из него мешочки с деньгами и выкладывать на стол.

— Это что такое? — удивился официант.

— Деньги, — Алексей развязал тесемку одного из мешочков и высыпал на ладонь копейки.

— И что вы делаете? — спесь представителя ресторана начала улетучиваться.

— Мы расплачиваемся за ужин.

Вся четверка сидящая за столом внимательно наблюдала за официантом.

Он изменился в лице, оно как-то сразу вытянулось, глаза широко раскрылись:

— Не, я такое не возьму.

— Почему? — сделав большие глаза, невинно спросила Голубева. — Это наши с вами советские деньги.

— Но ведь там одни копейки.

— И что это меняет? — вступила в разговор до этого молчавшая Лукина. — Мы всегда и везде расплачиваемся копейками. У нас, как видите, все цивилично и мешочки специальные есть. А потом: «копейка — рубль бережет». Поэтому мы рубли бережем, а копейками расплачиваемся.

После такого сольного выступления Ольги, официант совсем сник и не знал, что делать. Было видно, что с такой ситуацией он сталкивается впервые, и как он должен поступить, не понимал.

А в это время Алексей опорожнил свой кейс полностью, закрыл и поставил его рядом с собой, после чего дипломат открыл Борис и так же стал доставать на стол серые мешочки.

Увидев эту картину, официант сказал, что сейчас позовет метрдотеля, и быстро пошел в сторону служебных помещений.

— Два ноль в нашу пользу, — сказал Алексей удовлетворенно.

Метрдотель появился у стола минут через пять. Это был мужчина лет пятидеся-

ти, среднего роста с маленькими усиками и небольшой лысиной на затылке.

Когда ему объяснили сложившуюся ситуацию, он, неожиданно, громко рассмеялся.

Было видно, что он оказался подготовленным к такому повороту событий, тем самым официантом, который его позвал.

Но смеялся он как-то странно: вроде бы открыто, от души, даже несколько громковато, но вот глаза совершенно не выражали восторга всего организма, были серьезны, и, можно сказать, напряженно-внимательно анализировали окружающее пространство.

Группа экспериментаторов, наоборот, была обескуражена действием очередного подопытного. Они многозначительно переглянулись между собой, скривили губы и широко раскрыли глаза, как бы говоря: «А теперь: один ноль в пользу метрдотеля».

Представитель ресторана, после того, как закончил смеяться, сделал небольшую паузу, любясь произведенным эффектом и начал говорить:

— Я вижу здесь представителей молодого поколения. Прекрасных молодых людей и леди, обладающих веселым нравом и развитым чувством юмора. Несомненно, интеллигентных и наверняка читающих в подлиннике Уильяма Шекспира и Ларошфуко.

На этих словах он бросил быстрый взгляд на ребят, словно профессионал-психиатр, оценивающий, в правильном ли направлении протекает беседа, и остался доволен собой.

По лицам сидящих за столом было ясно, что о Шекспире все слышали и даже читали, но кто такой Ларошфуко, знали немногие.

— Вы прекрасно провели время, повеселились, хорошо отдохнули? Есть ли какие-нибудь претензии к качеству подаваемых блюд или обслуживания?

— Нет. Спасибо,— ответила Голубева.— Все было очень вкусно.

— Замечательно,— обрадовался метрдотель и, сказав что-то официанту, но за громкой музыкой ничего не было слышно, отослал его.— Дело в том, что вы, наверное, издалека и не совсем в курсе наших порядков: деньги у нас подаются в открытом виде, так же как подаваемая вам пища: вы же не ели ее в темной комнате, да еще и с завязанными глазами.

— Да мы с приисков приехали,— подал голос Леша, решивший разнообразить ситуацию и внести кое-какие поправки в этот спектакль.— А там все, что намыли — храним в мешочках и расплачиваемся так же.

— Bravo! Мои аплодисменты! — обрадовался мужчина и захлопал в ладоши.— Конечно-конечно. Как же я сам не догадался. Это многое объясняет.

— Нет, ну если вы хотите, мы можем все высыпать из мешочков на стол или скажем — поднос,— продолжил разговор Алексей.

— Что вы, что вы,— замахал обеими руками метрдотель.— После вашего объяснения для дорогих гостей сделаем маленькое исключение. Только скажите: в каждом мешочке — ровно рубль и именно по одной копейке; не по две, три, пять?

— Совершенно верно,— подтвердил Борис.

— Очень хорошо,— промолвил мужчина и посмотрел через зал.

Молодые люди проследили за направлением его взгляда и увидели того самого официанта, который обслуживал их. Он толкал перед собой сервировочный столик, на котором что-то стояло, и было накрыто то ли скатертью, то ли каким-то покрывалом белого цвета.

Звучала музыка. Зал заполнялся народом. Кто-то танцевал. Кто-то сидел в ожидании заказа. Естественно, многие обратили внимание на необычную картину. Хотя, что в этом необычного? У кого-то — юбилей или, может быть, очередная годовщина свадьбы, и люди естественно заказали торт. Поэтому, когда официант подошел к сто-

лику, почти никто уже не смотрел в их сторону.

— Как вам, конечно же, известно, молодые люди,— продолжил свою речь метрдотель.— Советские деньги весомые. То есть каждая монетка имеет свой вес. Копейка, например, весит ровно один грамм. Поэтому, чтобы вас не задерживать, мы не будем пересчитывать эти деньги, мы их взвесим.

И с этими словами он, словно фокусник, сдернул скатерть.

На сервировочном столике стояли самые обычные весы серого цвета с облупившейся краской выпуска 1972 года. Такие весы с двумя чашками, одна поменьше для гирь, а другая в два-три раза побольше для взвешивания любого товара есть во всех продуктовых магазинах и на рынках.

Метрдотель стал быстрыми движениями забрасывать мешочки на широкую чашку весов, а на маленькую чашку он установил несколько гирек разного веса стоящих тут же рядом с весами.

Мужчина смотрел надвигающуюся стрелку весов, после чего скидывал мешочки с деньгами на сервировочный столик и нагружал на весы следующую партию.

На все про все ему потребовалось от силы минут пять.

Когда все мешочки перекочевали на сервировочный столик, метрдотель сказал:

— Сто сорок рублей ровно. Вам отсчитать сдачи рубль двадцать пять копеек вашими же металлом, намытым на приисках?

— Да нет, не стоит,— ответил Борис.

— Как скажете,— согласился работник ресторана, накинул скатерть на сервировочный столик и отослал официанта обратно.

«Кто эти клиенты, сидящие за столом? — думал метрдотель.— Золотая молодежь? Дети партийных боссов? Или высокопоставленных начальников, развлекающихся таким образом? Никогда не угадаешь, чьим сынкам или племянникам может оказаться очередной посетитель ресторана».

— Ну, так мы можем идти? — вывел из задумчивости метрдотеля голос Алексея.

— Конечно-конечно, все улажено. Мы всегда рады вас видеть в числе наших клиентов. Так что, когда намоете очередную порцию металла на приисках,— заходите.

Молодые люди поднялись и пошли к выходу.

— Кстати, лет тридцать назад,— крикнул им вслед метрдотель.— Когда я был молодым, я носил другую прическу и брюки-дудочки.

— Я не поняла, а причем здесь брюки-дудочки,— спросила Ольга, когда они оказались на улице.

— Наверное, он хотел сказать,— начал объяснять Леша.— Что в молодости мы все такие: хотим выделиться из толпы и изменить мир. А потом: работа, семья, дети и все куда-то исчезает. Пропадает дух эксперимента, молодецкой удали и начинаем перелопачивать ежедневную рутину.

— Не знаю, как там по очкам, но эксперимент завершился, спектакль закончен,— вступил в разговор Борис.— И этот раунд, надо признаться, мы проиграли. Красиво он нас все-таки сделал. Один ноль в пользу метрдотеля.

Алексей Яшин
(г. Тула)

КОЛЛОКВИУМ НА ПОМОЙКЕ

◆ Перейдя на преподавательскую службу в университет, Николай Андреевич на сто восемьдесят градусов поменял утренний и вечерний маршруты: на работу и с работы. Если доселе, выйдя из подъезда, он сворачивал четко влево и торопился на недалеко стоящий служебный автобус, что через весь немалый город вез его с коллегами в «лес», то есть в загородное НПО «Меткость», то теперь он с первого сентября до конца июня, исключая выходные и праздники, брал курс направо. Усмехался сам себе: был ты, Андреевич, ходоком налево, а стал — направо!

Далее, закулив утреннюю сигарету, по внутриквартальному тротуару проходил мимо палисадника соседнего дома и еще одного, который глухим углом срачивался с перпендикулярным к нему таким же пятиэтажным домом, пронумерованным уже по другой улице. На угловом стыке в трехкомнатной квартире первого этажа располагался ЖЭК их квартала. Пренебрегая протоптанной тропинкой кратчайшего пути, четко, с поворотом *на-а-лево*, огибал внутренний угол сброшенных, как сиамские близнецы, пятиэтажек, затем по тротуару же, между торцом «перпендикулярного» дома и скороспелой избушкой ночника «Трианон-24» выходил на «перпендикулярную» же улицу, через дом впадавшую в проспект, а через пару минут ходьбы нырял в переход через проспект и выходил прямо на свой первый учебный корпус — «пентагон». Вся ходьба, даже в октябрьский проливной дождь или в раннефевральскую вьюгу-метель, занимала менее десяти минут. «Половина подлетного времени американских крылатых ракет и «томагавков» из Европы до Москвы», — как бы сказал коллега, полковник Хмуров, приучивший всю их ракетостроительную кафедру к образному военному мышлению.

...Огибая внутренний домовый угол, Николай Андреевич боковым зрением фиксировал помойку, располагавшуюся напротив угла с ЖЭК-овской конторой, на расстоянии метров сорока на небольшом пустыре. Как матерый инженер Николай Андреевич уточнял для себя: помойка расположена в сорока метрах, плюс-минус пять, от вершины внутреннего домового угла четко на биссектрисе этого угла. Естественно, условно проведенной. Далее, миновав помойку, биссектриса упиралась за пустырем в ограду детского сада. Поскольку детсад имел специализацию по части заикающихся детишек, то он один из немногих в их районе уцелел в динамичные девяностые годы, когда здания этих богоугодных заведений почему-то облюбовали новосоздаемые полукриминальные банки с уставным капиталом в стоимость детской же коляски...

А миновав с опаской — от ребячьего гомона — садик, биссектриса упиралась во вторую помойку их двухпомоечного квартала... Но этот санитарно-коммунальный объект как раз был хорошо знаком нашему новоиспеченному доценту: географически она являлась ближайшей к его дому, туда он по вечерам и ходил с мусорным ведром — его забота по разнарядке домашних дел.

Обе помойки, равно как и другие в городе Тулуповске, были братьями... то есть сестрами-близнецами и предметом гордости руководителя соответствующей коммунально-хозяйственной службы Тулуповска и бессменного городского депутата Прокопайко Дмитрия Федоровича. Еще на излете бывшей родной советской власти, ныне тоталитаризма, он склонил горисполком к унификации помоечного хозяйства. На одном из метизных заводов, которыми изобилует промышленный тогда город, по централизованному заказу были изготовлены мусорные контейнеры, по размеру и, главное, по абрису формы, очень схожие с английскими громоздкими танками времен Империалистической войны. Только без пулеметной башни сверху и без колес и гусениц снизу. Такой танк воочию Николай Андреянович некогда видел на родине своей матери, в Архангельске, будучи там в командировке. Так сказать, памятник-напоминание об интервенции Антанты в Гражданскую войну. Сходство дополнялось и тем, что посудины эти были сварены из полудюймовых, почти что броневых листов. По всей видимости, в тогдашнем, военно-промышленном Тулуповске, другим железом брезговали.

...Николай Андреянович усмехнулся: вечно живая Антанта! Только сегодняшним утром услышал из кухонного репродуктора: вновь французский Саркази подписал с «двуспальным английским левою» договор об усилении военного сотрудничества.

Другим же, не видевшим староанглийского танка, контейнеры казались похожими на *БМП*. Кому что кажется.

Начав трудиться в университете, вынося мусор в родную и дважды за день проходя мимо ранее малознакомой ему *ЖЭК*-овской помойки-танка, Николай Андреянович, несмотря на их близнецовую похожесть, невольно отмечал и существенные различия.

Родная помойка ютилась на юру, зажата торцами двух пятиэтажек. Пожалуй что знаменита была она в квартале тем, что постоянная зловонная лужа около нее не высыхала даже в самые знойные июни-июли; даже в только что минувшее лето, когда американцы испытывали на Аляске станцию *HAARP* глобального управления погодой и устроили для европейской России двухмесячную сорокаградусную баню, лужа позеленела, но не сдалась. Зимой эта лужа, к ее сожалению, замерзала, но коварно превращалась в каток. То есть в любое время года клиент помойки, опасливо обходя лужу или ледяной каток, заходил к бронированному монстру с тыла, откуда и вымещивал содержимое ведра через высоту двухметровой стальной стенки.

А вот *ЖЭК*-овская совершенно другое дело: расположена просторно, на пустыре, никаких луж, главное — вокруг ее всегда многолюдно. Но откуда солидный такой пустырь, причем явно часть его занял детсад, построенный уже в обжитом пятиэтажном квартале — пустырь посреди плотно застроенного места?

Докуку эту сняла супруга, поселившаяся здесь еще школьницей, когда пятиэтажки еще только начали возводить (Николай Андреянович уже под тридцать лет жил примаком) вместо сносимого частного сектора: «Так ведь там раньше зеленка находилась!» И здесь Николаю Андреяновичу все стало яснее ясного.

◆ Мигом он вспомнил давний свой приезд в Тулуповск после окончания школы в Заполярье. Вышло время северного житья-бытья, и вся их большая семья собиралась по ранней осени сюда переезжать: дядька Лазарь Федорович, муж сестры Николкиного отца, за умеренную плату заканчивал строительство-расширение своего дома в Косолучье, рабочей окраине Тулуповска — под семейство Андреяна. Захотелось Лазарю на старости лет пожить обок с родичами. Да и северные деньги Андреяна нелишними были при их с женой пенсиях и сыном, сорокалетним инвалидом-надомником.

А вот Николку отправили к дядьке на постой раньше, сразу после выпускных экзаменов в школе: осмотреться, подготовиться к экзаменам в Тулуповский политехнический институт и далее их сдавать.

И весь июль с августом все дни, исключая экзаменационные, где он без напряга получал отличные оценки, проходили по четкому графику: с утра до обеда подготовка к экзаменам, затем пару-тройку часов Николка осваивал строительные специальности — помогал дядьке и двум наемным рабочим достраивать новую половину дома и отливать из шлакобетона два хозяйственных сарая на условно поделенных на два семейства приусадебных сотках. Затем, до ужина снова учебники и пособия для поступающих вузы.

С наступлением вечера — не светового, но по времени — дядька звал Николку из отведенной ему небольшой «своей» комнатки смотреть футбол: почти весь июль-месяц по телевизору транслировали матчи знаменитого чемпионата мира по футболу, где наша команда впервые заняла полупризровое четвертое место, а героический Лев Иванович Яшин вратарил в матчах такого ранга в последний раз.

Часов в одиннадцать, когда летнее солнце уже зашло за горизонт, но и оттуда еще слегка продолжало освещать косолученские дома и улицы, Николка выходил подышать перед сном праведника, пройтись вдоль короткой своей улицы с одним рядом домов, схожих с дядькиным; вместо второго ряда порастал молодой, некультивированный еще парк.

В этих прогулках скоро познакомился с соседскими ребятами. Тем более, что они от родителей, а те от Лазаря и тетки, уже знали все о Николке и скоро приезжающем его семействе. А с Вовкой Семченко, жившем в крайнем доме их однорядной улицы, и вовсе скорешился, благо тот тоже в этом году окончил школу, интересы у них общими оказались. Правда, Вовка имел в запасе еще полтора доармейских года, собиравшись устроиться лаборантом на металлургический завод, окормлявший косолученский поселок, и ждать на следующее лето направления в юридический институт в Саратове, которое обещал «устроить» милицейский майор из косолученского отделения, которому отец Вовки срубил бревенчатую дачу.

«Вовка — парень бойкий, но не хулиганистый, себе на уме, даром что родители его из выселенных после войны западных хохлов,— как-то завел разговор Лазарь, приметив в свете заходящего солнца беседующих у ворот дома племянника и соседского парня,— вот послезавтра чемпионат заканчивается, Беккенбауэр немецкую команду в чемпионы все же выведет, а ты с утра до ночи над учебниками не корпи, и так уже готов к экзаменам. Давай-ка после ужина гуляй с тем же Вовкой. Тебе здесь жить теперь, надо нравы и порядки здешние освоить. У вас там на Севере все другое было. И голова к экзаменам свежей должна себя чувствовать. Главное — не перестань!»

А Николка вспомнил наставления отца при отъезде в Тулуповск: дескать, Лазарь не такой простой, каким старается казаться. В жизни многоопытен, все испытал: взлеты и падения оземь. Двадцать лет по хозяйственной части в органах служил, в войну до высокого чина в НКВД дослужился, а потом на чем-то попался, опять же по хозяйственной части: лагерь, высылка на поселение в Тулуповск, работа горновым на домне... При Сталине все одинаково, независимо от чина, перед законом были равны. Поэтому ты к его словам прислушивайся. Прибаутки мимо ушей пропускай, а по делу — наматывай на ус.

... «Что ж,— решил Николка,— буду здешние нравы осваивать под руководством Вовки».

◆ И начал Николка-абитуриент выходить из дядькиного дома на однорядную свою улицу еще засветло, все же после ужина прорешав по паре задачек из пособия для поступающих — по математике, физике и химии, тогда обязательной при поступлении во все технические вузы. Хотя уже страной «рулил» молодцеватый Ильич Второй, но хрущевский скорректированный девиз: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация и химизация всей страны» — еще действовал по накатанной.

...Доходил до Вовкиного дома, стучал в окошко. Затем до темноты, сидя на лавочке у ворот, либо же неспешно прогуливаясь по молодому парку, они мечтательно рассуждали о будущей учебе в институте, о жизненных планах. Николка рассказывал о флотском Севере, а Вовка ненавязчиво поучал новичка в части местных порядков: общегородских и автономных кособлуденских поселковых. После жаркого дня налетал приятный предночной ветерок, шумел в десятке метров молодой парк, со стороны открытой танцверанды Дома культуры металлургов доносилась ритмическая музыка твиста, только-только по всей стране сменившего возрожденный было чарльстон... Свежайший воздух городской окраины, ласковый ветерок, далекая веселая музыка настраивала сдружившихся ребят на мечтательную романтику. Юность, благодать!

«Хорошо бы на танцы в ДК сходить, но здесь принято со своей чувихой там появляться,— как-то заметил Вовка,— а моя школьная подруга сейчас в Москве, в Текстильный институт поступает, модельершей не терпится стать. А у тебя еще такой не образовалось. Ничего, поступишь в институт, сразу из своих студенток найдешь. Или вон в четвертом нашем доме у отставного майора, что недавно прибыл со службы в Венгрии, три дочери, все симпатичные, даже красивые. Средняя как раз под тебя. Но сейчас ей не до танцев — зубрит к экзаменам, не хуже тебя, в наш пединститут. Сегодня уже поздно, а завтра давай засветло двинем на нашу зеленку, пять минут ходьбы, за Севастопольской улицей, в волейбольчик разомнемся».

Николка согласно кивнул, но расспрашивать — что такое зеленка? — не стал. Дескать, еще совсем дикарем сочтут, с Северного полюса прибывшим в цивилизный город!

...На Томку же, среднюю дочь «майоровской», как их по-деревенски называла вся улица по чину главы дома, семьи он и сам глаз положил, даже пару раз поговорил об их абитуриентских заботах. Она же собиралась на филологический факультет и даже дала почитать вошедший в том году в моду роман «Консуэло»: «На штамп внимания не обращай,— хихикнула она,— не успела перед отъездом в библиотеку сдать!»

Действительно, на первой и шестнадцатой страницах зачитанной книги стоял библиотечный штамп: в/ч такая-то, город Секешфехешвар.

А о зеленке спросил у дядьки Лазаря. Из его обстоятельного рассказа с историко-культурными экскурсами (полковники *НКВД*, даже хозяйственники, много чего в жизни знали), а потом и личного знакомства с зеленкой, Николка составил самое полное представление об этом предмете.

◆ Получалось так, что где-то сразу после военного лихолетья, при восстановлении разрушенного и строительстве новых домов, как многоэтажных, так и частнопоселковых на окраинах городов, архитектурные управления в генеральных и местных планах застройки обязательно предусматривали, следуя директиве партии и правительства, в каждом квартале место под своеобразную культурно-политпросветительную и физкультурно-оздоровительную площадку.

Такая же располагалась и в их квартале частной застройки, примыкая к соседней улице Севастопольской. Размером с половину футбольного поля, обсаженная по периметру уже подросшими деревьями, отделявшими ее от домов и приусадебных участков улиц Севастопольской и Горновой. За эти деревья и травяной покров и провали эти площадки зеленками. По крайней мере так они именовались в просторечье в Тулуповске.

Две трети зеленки занимала физкультурная часть: в середине ее небольшое поле для дворового футбола — с сетчатыми воротами. С одного края — волейбольная площадка, но сетку на ночь и на осень-зиму убирали. С другого — баскетбольная с простенькими щитами и корзиной, поднятыми на вкопанных в землю столбах. Остальную территорию зеленки занимала агитплощадка: с десятков рядов длинных досчатых скамеек на коротких пеньках-столбиках. Перед ними сколоченный из горбылей, но оструганных с фасада, и покрашенная охрой, сцена-подиум. С правого края

сцены — трибуна, сколоченная уже из досок, впрочем, простых, нешпунтованных. Полупериметром подиум и скамейки охватывают прибитые к двухметровой высоты столбам фанерные щиты с централизованно нарисованными плакатами: пункты морального кодекса строителя коммунизма, портреты Маркса — Энгельса (вместе), Ленина, свежей краской — Леонида Ильича и почему-то Отто Вильгельмовича Куусинена, бывшего коминтерновца и генерального секретаря компартии Финляндии в советской эмиграции. Где он и остался членом ЦК.

Самое интересное: Томка майоровская, которую они с Вовкой как-то уговорили отвлечься от зубрежки и сходить на зеленку — послушать выступление молодых поэтов из литобъединения при ДК металлургов, заметила: у них в военном городке в Секешфехешваре на агитплощадке были те же самые портреты вождей, только вместо Брежнева, понятно, Хрущев, а вместо кодекса — воинская присяга. Но Куусинен тоже с финской суровостью смотрел на бойцов Южной группы советских войск.

Еще на диагональных углах зеленки располагались водоразборные колонки — для жителей Севастопольской и Горновой: частный сектор не имел водопроводной сети. Газ подвел, и когда Николка заканчивал институт.

◆ В компании с Вовкой, пару раз за то абитуриентское лето и с зазванной ими Томкой, Николка познакомился с вечерней жизнью зеленки. Но уже учась в институте, с прибывшей в Тулуповск семьей, он лицезрел ее и утром, и днем. Дело в том, что его домашней обязанностью стало назначенное матерью водоснабжение. То есть он выкатывал за веревку из ворот колесную тачку, на площадке которой закреплен сорокалитровый молочный бидон, и тащил ее за собой к ближайшей колонке. Ближайшая располагалась через два дома улицы и далее через главную дорогу Косолучья. Почему-то колонку устроили на той стороне дороги, где стояли пятиэтажные дома со своей водой. Поскольку во всем Косолучье по поселковой простоте светофоров не имелось, то приходилось дважды — туда и обратно — выжидать паузу между бешено мчащимися в сторону металлоставки и обратно тяжело нагруженными грузовиками. Это надоело, Николка переориентировался на колонку в углу зеленки. Путь туда в два раза длиннее, зато по утрамбованным земляным тротуарам: те же два дома до верхушки их улицы, затем влево до верхушки же соседней, параллельной ихней Севастопольской — и вдоль нее до колонки. А от нее вся площадка как на ладони. Пока бидон наполняется, глаза фиксируют все там происходящее.

Это ведь самое людное от восхода и до захода солнца место большого квартала с семью улицами шлакобетонных — дармовой стройматериал с металлоставки — частных домов, домиков и даже домищ — в основном у выселенных с Западной Украины хохлов. Как пояснял дядька Лазарь — это мирные люди, а выселяли их оттуда чтобы лишить бандеровцев людского резерва. И, конечно, заполнить нехватку работ в городах центральной России.

С конца апреля, когда земля подсохнет от сошедшего снега, до второй декады октября, особенно если тот выдастся без особых дождей, едва веселое солнце выпрыгнет из-за самого окраинного, такого же частнособственнического сорок восьмого квартала и высветит вышки далеких отсюда домен, градилен и труб металлургического завода, почти что комбината, на зеленке появляются бабы из соседних с ней домов. Почти все население квартала из деревенских: наших и хохлацких. Сейчас им не надо доить коров, разве что некоторые задают хлебово свиньям, которых воспитывают в шлакобетонных же хлевушках. Но переучиться они не могут, а потому встают спозаранку, идут к обеим колонкам за водой, снимают высохшие за ночь простыни и прочую мануфактуру, сматывают бельевые веревки, с позднего вечера растянутые между плакатными столбами.

Перерыв людей на завтрак и уход на работу используют коты, также расходящиеся по домам после ночных бдений на лавках и трибуне зеленки. Они торопятся;

во-первых, к своим завтракам в дома поспеть; во-вторых, успеть разминуться с собаками, которых хозяева выпускают на зеленку порезвиться за верную ночную службу во дворах. Вослед за псами за ворота выходят опять же бабы. Они зорко посматривают поочередно на два дома: один на Севастопольской, в котором проживает их участковый Пал Никитич, другой на Горновой, где уже опохмеляется самогоновкой Трофим — штатный дворник и вообще ответственный за все на зеленке.

Только-только Трофим закусит огурцом и заматерится, направляясь с метлой к выходу из дома, либо заскрипит калитка со стороны владения Пал Никитича, как хозяйки начинают выкликать своих собак и загонять во дворы. Иначе участковый громко начнет грозить протоколом и штрафом. Впрочем, больше для острастки и поддержания авторитета власти: его овчарка Верный тоже иногда утром выпускается на зеленку, где на правах своего размера и значимости хозяина руководит всеми окрестными псами «дворовой» породы.

А увидев разъяренного Трофима с размахренной метлой, собачки, поджав хвосты, и сами в панике разбегаются по домам. Тот же орет на всю ивановскую, пробуждая самых сонь двух-трех улиц квартала: «Мать вашу перемать! Опять зас... всю зеленку! Доберусь я до вас, шелудивых!» — И далее в той же лексике и тональности.

На площадке остается один Верный. Со строгим выражением морды лица он наблюдает, как Трофим выметает между лавками семечковую шелуху и обертки от конфет. Затем участковый пес, подняв морду, принюхивается по курсу рассветного ветерка, степенно заходит за сцену, выносит оттуда в зубах бутылку «ноль-семь» из-под самого дешевого портвешка, кладет ее под ноги негласного подчиненного своего хозяина. Ориентируется он на сходство запахов от Трофима и бутылки... Затем направляется к угловому дереву площадки и приносит водочную тару. «Ну, собачка, ну, молодец! — восхищается Трофим. — Вот и на пиво мне собрал. Иди домой, умница; тебя, наверное, Катерина Ивановна зажала с завтраком. Да-а, жаль, что ты водовку и самогоновку не потребляешь!»

◆ Проводив мужиков на работу, дождавшись пока озлобленный с утра Трофим выметет вчерашний мусор с агитплощадки и уйдет в ближний «трестовский» магазин обменивать бутылки на пиво, бабы выходят на зеленку, кучкуясь группками по ее периметру, судачат.

Наискосок через зеленку идет Пал Никитич с потертой кожаной папкой подмышкой, приветствуя соседок прикладыванием ладони к милицейской фуражке. Бабы уже знают: идет в двенадцатый дом по Горновой, куда позавчера вернулся с двухгодичной отсидки Витька Манохин, по дури молодой ввязавшийся в свадебную драку на улице Бункерной. Кого-то там слегка порезали, а пьяный и мало что соображающий Витька зачем-то подобрал скинутый финку-нож, с которым его и взял подехавший наряд.

Идет Пал Никитич по долгу службы и по человечности принять покаянную исповедь злосчастного Витьки, отпустить навешанный на него чужой грех, ободрить и наставить на путь истинный. Опосля и всему кварталу объявить: исправленному, мол, надо верить! Сам Пал Никитич худощав, по-военному подтянут, с добрыми пшеничными усами. Первого послевоенного армейского призыва, прослужил со сверхсрочной восемь лет в погранвойсках — вернулся со щенком овчарки, папашей нынешнего Верного, в звании ротного старшины при пограничной же медали с зеленого цвета колодкой.

Уже в военкомате, где он вставал на учет, ему дали направление в райотдел колхозенского рабочего поселка-пригорода, а там, обрадовавшись, мигом определили участковым в его родной, еще только на треть застроенный квартал. Через полгода упали две звездочки на погон, а через десять лет добавилась еще одна. Теперь старлеем до пенсии.

...Часам к одиннадцати зеленка заполнена людьми и детским гомоном: молодые мамы, двигая коляски с сосунками, попарно разгуливают по спортивной площадке. Октябрята и младшие пионеры вьюнами вьются и такими чертенятами скачут вокруг сцены и лавок агитплощадки. Но вот со стороны Горновой на зеленку, прямо к сцене, въезжает старенький грузовик поселкового коммунхоза. Пристойно матерясь, ведь дети и бабы тотчас вокруг скучковались, прыгнувшие с кузова работяги под руководством вышедшего из водительской кабины техника разгружают грузовик: свежескошенные столбы, лопаты, ящики картонные с чем-то бьющимся осторожно с кузова снимают. Бабы довольно улыбаются, а младшие пионеры в восторге заходятся в криках: наконец-то дошла коммунхозовская очередь до их квартала: теперь зимой, когда футбольное поле зеленки расчищают от снега и всем кагалом заливают каток, уже не будут вечером, в темноте, только в отвесах из окошек домов, носы об лед расшибать!

А между тем работяги выкапывают аршинной глубины ямы по обе стороны сцены и впритык к ней, а затем по углам зеленки на ее Севастопольской окраине. В ямы устанавливают осмоленными концами, обернутыми рубероидом, столбы с уже навешенными поверху их простенькими фонарями — жестяными конусами с лампочкой внутри. За это время грузовичок уже обернулся, привез щебенку для грунтовок ям, кирпичный лом для их же засыпки и бадью с цементным раствором. На другой день тот же грузовичок привозит электрохозяйство; уже другие рабочие, про которых сочинен обидный стишок-загадка «с когтями, но не птица, летит и матерится», залезают на новоиспеченные столбы, тянут «воздушки» от их к ближайшим фонарным столбам на Севастопольской и Горновой. В середине дня на старенькой же райкомовской «Победе» приезжает партийный инструктор и велит рабочим укрепить на растяжке между столбами со сторон сцены сразу — один над другим — два кумачных полотна. На одном золотыми буквами значатся бессмертные слова основоположника: «Искусство принадлежит народу». Прочитав же содержание второго, бабы постарше суеверно, но незаметно осеняют себя крестным знамением: «Политическая грамотность народа — залог скорого построения коммунизма». И подпись: «*О. В. Куусинен*». Шепчутся между собой, опасливо оглядываясь на довольно потирающего трудовые руки инструктора: да, мол, бабы, наверное этот *Куусинен* будет следующим партийным главным секретарем. Дай, конечно, *нам Бог* здоровья и многих лет Леониду Ильичу...

И снова грузовичок обернулся, а под двойным руководством инструктора и техника на правом, если смотреть с лавок на сцену, столбе укрепили тарельчатый громкоговоритель, соединив тож «воздушкой» его с тем же ближайшим фонарным столбом на Горновой. Пониже электрических там протянуты и провода радиовещания. От громкоговорителя по столбу вниз протянули провод к выключателю-выключателю, помещенному в жестяную коробку с крышкой на простеньком навесном замочке. Инструктор торжественно вручил ключ от замочка Трофиму, разъяснив: включать радио с девяти утра до двух дня, а вечером с семи до одиннадцати.

«А если война начнется, например, в шесть вечера? Как оповещать?» — съехидничал кто-то молодой из толпы зевак. Инструктор, на сей раз прибывший со своим помощником, не поддаваясь на провокацию, тихо сказал ему: «Впиши-ка, Егоров, в план *наших* мероприятий до конца года две дополнительные политбеседы в этом куркульском квартале».

◆ Но это экстраординарные три дня, когда нормальная жизнь зеленки прервана такими важными событиями. В размеренной же обыденности к часу дня мамы с колясочными младенцами и малышня, последняя с угрозой легкой порки, расходятся по домам обедать. Уходят и хозяйки, все мучимые догадками о какой-то тайной роли Отто Вильгельмовича Куусинена в Кремле. Правда, на днях студент пединститута

Сергея Варфоломеева из седьмого дома на Севастопольской, услышав бабьи толки, рассмеялся: «Если Куусинен еще жив, о чем мне неизвестно, то ему должно быть лет восемьдесят. Тут какое-то недоразумение у райкомовцев вышло».

...То ли Серегины слова через баб достигли нужных ушей, то ли еще что, но вскоре растяжку с изречением Отто Вильгельмовича сняли, а его портрет заменили (тоже волевым) лицом Михаила Андреевича Сулова — главного идеолога партии и ответственного за движение культуры в массы. Это бабам Серега пояснил, чтобы и здесь голову не ломали.

После обеда пионеры с октябрятами убегают в ближний — через главную косо-лученскую дорогу и мимо поселковой больницы — «трестовский» кинозал на детский, десятикопеечный сеанс. А зеленку плотно обкладывают комсомольцы: старшие школьники, что уже брезгают пионерлагерями, студентки (студенты же летом в стройотрядах) и отоспавшаяся после ночной смены у домен рабочая молодежь. Ребята гоняют-бросают мячи на всех трех спортплощадках зеленки: кому что нравится. Умные студентки, что в очках, и старшие школьницы, живописно в своих цветастых юбках-платьях рассеявшиеся по скамейкам, читают свежие номера «Юности» и взятые в библиотеке ДК металлургов переводные французские романы Франсуазы Саган и стихи Евтушенки с Вознесенским.

Вздremнув после обеда с рюмкой-другой самогонки или казенной, выходят на променады и взрослые мужики. Сначала это работяги, что идут в ночную доменную смену, ближе к вечеру их сменяют пришедшие со смены дневной и поужинавшие. Тоже с рюмками. В доменном цеху иначе не потянешь. И те, и другие забивают козла в домино на высадку и под малый интерес навроде пива. Длинный дощатый стол на две четверки игроков и лавки при нем на врытых в землю столбиках принаитованы в самом правом углу зеленки со стороны Горновой. Два матерых клена, посаженных еще неким довоенным мичуринцем и не тронутые при планировке микрорайона, создают доминошникам освежающую тень. В документации на зеленку стол значится как «уголок шахматно-шашечных игр с соответствующим им инвентарем». Впрочем, иногда здесь действительно играют в шахматы, но чаще в шашки. В шахматы же обычно сражаются политически грамотный Сергей Варфоломеев и учитель на пенсии Григорий Кузьмич с Индустриальной улицы, что сразу за Горновой и Доменной. Доминошники ворчат, но, потеснившись, уступают им краешек стола, уважая староиндийскую забаву...

К этому времени возвращается из кино ребятыня, мамыши с грудничками вновь выходят на прогулку, бабы, сготовив ужин, тоже кучкуются по периметру зеленки, ожидая мужиков с дневной смены, задержавшихся в пивной.

Но это все в обычные дни, то есть не в выходное воскресенье (суббота тогда еще не стала нерабочей) и не в среду — всесоюзный партийный день. Еще имел место быть всесоюзный же рыбный день — четверг, но он относился только к общепиту.

В воскресенье и в среду, тем более в табельные дни праздников, особенно Дня металлургов, обычное расписание деятельности зеленки меняется. Наименьшие изменения в среду: между полуднем и двумя часами дня приходит в сопровождении давешнего Егорова из райкома лектор из общества «Знание», вернее, его областного отделения. Вчерашний еще выпускник истфака пединститута Егоров, засматриваясь на коленки читающих Евтушенку девиц, четверть часа что-то путано рассказывает подтягивающимся на агитплощадку бабам и пенсионерам об особенностях взаимоотношения Никарагуа с Гондурасом и миротворческой роли здесь ЦК КПСС и лично дорогого товарища Леонида Ильича Брежнева. Затем он представляет уже профессионального лектора от «Знания», который хорошо поставленным голосом в течение часа — и еще полчаса ответов на вопросы заинтересовавшихся пенсионеров — занимательно рассказывает об успехах советской космонавтики и, конечно, о личном вкладе дорогого товарища...

В воскресенье, если день «летний», то есть не дождливый, приезжает целая агитбригада. Сначала кто-либо из поселкового совета отчитывается перед трудящимися квартала о планах местного благоустройства и скором подведении в их квартал газа. Затем на сцену выходит баянист-виртуоз от тулуповской филармонии. Ему аплодируют. Потом под аккомпанемент уже своего баяниста поют и пляшут три-четыре девушки в холстинковых сарафанах и кокошниках — из музыкально-танцевальной студии ДК металлургов.

По табельным праздникам, а в День металлурга — храмовый праздник квартала и всего Косолучья с прилегающими селами и деревнями — и с накрытием столов, выносимых на зеленку из окрестных ее домов, веселье с полудня до темноты. — У Трофима-дворника с шести утра; ради такого дня он похмеляется не домашним напитком, но дорогостоящей, за три-двенадцать, очищенной «Экстрой» или, как он произносит, «пашеничной». В такие дни на сцене не редкость увидеть и четверть (больше на сцене не поместится) Тулуповского народного хора профсоюзов. Остальные три «четвертинки» поют на зеленках других кварталов; словом, каждой сестрице по серьгам. А ближе к вечеру и вовсе девки, бабы-молодухи, отпущенные мужьями, отмечающими праздник по домам, и холостые парни-доменщики танцуют под музыку присланного из филармонии ВИА «МИР» («Мелодии и ритмы»), только что образованного и проходящего обкатку на низовке.

Танцуют нередко и в будние вечера. Трофима просят вырубить громкоговоритель на столбу, а Серега Варфоломеев приносит диковинный японский магнитофон «Панасоник». После танцев молодежь разбивается по интересам и парам, рассредоточивается по всей зеленке, разговоры разговаривают, семечки хрумкают, хихикают. И так до полуночи. До полуночи же и забивают козла доминошники, особенно из пенсионеров с их бессонницей. Хулиганства на зеленке нет; если кто-то в компании и выпьет, то лишь «ноль-семь» портвейна ординарного на троих-четверых.

А Пал Никитич, одетый в партикулярное, азартно кричит старшинским басом в доминошном углу: «Р-рыба! А это, тебе, Михеич, на погоны!» Но в то же время порой бросает зоркий взгляд на пространство освещенной фонарями зеленки.

◆ ...Вспомнил Николай Андреянович ту давнюю косолученскую зеленку, мечтательно заулыбался, но тут же и загрустил. Уже лет двадцать, проживая в центре города, не был он в родном квартале. А недавно встретил бывшего соседа по одnorядной улице, тезку Николая, ныне работающего в издательстве, что рядом с университетским городком. Поговорили. Как, мол, зеленка? Увы, отвечает бывший сосед, нет теперь такой. Еще в середине девяностых косолученский авторитет Федька Ржанный, ныне предприниматель и депутат чего-то с гражданским именем Федор Андреевич Ржанов, отчуждил зеленку от коммунхоза, обнес по периметру трехметровым кирпичным забором, а за забором поставил трехэтажный особняк, рядом гараж на три машины, а на остальной территории разбил сад с аллеями, фонтаном и летним открытым бассейном. Плакала наша зеленка.

Еще Николай Андреянович, набираясь по жизни опыта, приметил: каждая зеленка города имела свой характер, который, что удивительно, и сейчас в общем-то сохранился у народа, проживающего окрест бывших зеленков. Даже если бы молодые поколения и вовсе такого слова уже не знают! Это как в генетической памяти человека; так и здесь своя, общественная, социальная генетика. Так ему пояснили много чего знающие коллеги по «универу»: полковник Хмуров и доцент Язвишин с медико-физкультурного факультета.

Вот к примеру, та давняя зеленка его юности — косолученская то бишь. Ее характер — спокойный, неконфликтный. Это оттого, что основной процент жителей квартала — в первом-втором поколениях выходцы из деревень или выселенные с Западной Украины — тож деревенские. Да еще в городе культуры поднабрались, а

дети их и вовсе городскими стали, к культуре и знаниям в ритме жизни страны тогдашней тянулись. Отсюда и такой вот характер.

Но вот зеленка, что за главным корпусом университета, рядом с медико-физкультурным факультетом и студенческим стадионом, ныне которой и след простыл, вся застроена многоэтажками, — совершенно иная была: вороватая, хулиганистая, почти что разбойничий притон, этакая «малина» без крыши. А отчего? — Оттого, что тамошний квартал, возникший после войны, был застроен военнопленными немцами двухэтажными бараками и столько же этажными домами с коммунальными квартирами. Заселяли их по вербовке из разных мест для работы на резиновом, химическом и цементном заводах, на промышленных стройках. Многие перебрались сюда из ближней — за Южной железной дорогой — Китаевки — места совершенно оголтелого, как и все эти пригородные, точнее, прижелезнодорожные, Китаевки, образовавшиеся в начале прошлого века, после сооружения Транссибирской магистрали, наехавшими из Манчжурии китайцами.

...Китайцев еще в тридцатых годах повывезли на историческую родину, а скорее всего послали лес в Сибири заготавливать, но дух шанхайских триад переняли во всей полноте уже отечественные насельники Китаевки.

От зеленки осталась лишь помойка, учрежденная на том месте, и небольшой пустырь между помойкой и университетской котельной, но туда и сейчас опасно сунуться в вечернее время: убить не убьют, но ограбят точно. У помойки наркоши в открытую колотся, кражи в окрестных домах — обычное явление; стальные двери не спасают — замочные языки болгаркой срезают. А ведь уже третье поколение подрастает после ликвидации той зеленки! — Вот тебе и социальная генпамять.

...Зеленку же в квартале его нынешнего дома, от которой остался небольшой пустырь за помойкой, что напротив ЖЭК^а, не то что Николай Андреянович, но и супруга его, живущая здесь с детских лет, не помнит. Ибо ликвидировали ее лет сорок назад, когда сносили в квартале частные дома и ставили пятиэтажки. А что касается сохранения характера, то здесь самая прямая, человеческая генетика, ибо все прежние частнособственники домов переселились в пятиэтажки-хрущовки, не желая покидать свой квартал в престижном месте города.

Каков же это характер? Заставшая здешнюю зеленку восьмидесятилетняя баба Клава на вопрос Николая Андреяновича пояснила в том смысле, что нрав их, еще частнособственного на дома, квартала был спокойным, не хулиганистым, тихозапьянцовским у мужиков. Все потому, что до войны этот район, ныне престижный университетский и торгово-деловой центр города, опять же рядом МТС — областная милиция, тюрьма и стадион, до войны полагался далекой окраиной, полудеревенской (это как и косолученский квартал). А в ноябре-декабре сорок первого из окошек домов видели жители и танки Гудериана...

И действительно, выглянет сейчас Николай Андреянович из окна своего дома — полюбопытствовать погодой с утра — а во дворе, на лавке детского городка, уже сидят опохмелившиеся разведенным спиртом «от Зинки» местные мужики: Володька-инженер, Женька-слесарь, Петруха — безработный (по своему желанию) с двадцатилетним стажем. Мирно беседуют про акциз казенки, неизменно высокое качество Зинкиного спирта. Тишь, благолепие. Годам к пятидесяти все пьющие мужики квартала выправляют себе инвалидную — ведь алкоголизм — это болезнь, да? — пенсию. И поддерживают тот же порядок жизни.

◆ Опять же про ЖЭК^{овскую} помойку: культурно-досуговую и политпрострвтовскую наследницу, правопреемницу здешней зеленки. Вот торопится доцент Николай Андреянович позднемайским солнечным утром на коллоквиум... Тпр-р-у, здесь поясним. Уже привыкнув — после окончания инженерной — к преподавательской работе, Николай Андреянович даже не задумывался о смысле новых для бывшего

оборонщика самоназваний: конференция, конгресс, семинар... Несколько поначалу смущало слово «симпозиум». Но коллега, доцент и экс-полковник Хмуров весело разъяснил его этимологию: «Понимаешь, Андреяныч, это слово взято из более длинного определения, которое в Древнем Риме читалось и произносилось как «дружеское возлежание на коврах вокруг пиршественного стола с возлиянием разбавленного водой вина и обсуждением военно-политической и культурной жизни в Вечном городе». Они, черти древнеримские, вино разбавленным пили, самогоном брезговали. Вот почему и проворонили свою империю!»

Теперь Николай Андреянович сообразил: почему командируемые на симпозиум в Москву кафедральные коллеги подмигивают: «Едем, Андреяныч, на *винпозиум*. Давай и ты с нами, а?» А вот насчет коллоквиума даже полковник Хмуров и Язвишин рекомендуют ему обратиться к словарю иностранных слов. Да недосуг; дома словаря нет, а в библиотеку в главном корпусе специально идти не хочется.

...Итак, торопится Николай Андреянович к восьми утра на коллоквиум, проходит мимо ЖЭК'овской помойки, правопреемницы культурно-воспитательной и общественно-просветительной зеленки — торопится, но и примечает: уже самое оживленное место в квартале. Даже в такую относительную рань.

Опять же требуется пояснение градостроительного характера. Никто из окрестных долгожителей, даже знакомый Николаю Андреяновичу матерый архитектор из института «Гражданпроект», что поблизости, не смогли ему объяснить: почему в их квартале и в двух соседних все теплотрассы к домам выведены наружу и тянутся вдоль тротуаров на столбиках-опорах на высоте если не обычного стула, то уж точно седалищ у стоек баров, заменивших в годы великих реформ предприятия общепита — тяжелого наследия тоталитаризма.

Может в спешке великого строительства шестидесятых годов, забыв об инфраструктуре, сначала городили пятиэтажки на бутовых фундаментах, даже не забывая в землю бетонные сваи, а потом, схватившись за голову, тянули отопление поверху? Кто знает... Но, учитывая, что наземные эти трубы пришлось теплоизолировать, обернув трехдюймовым слоем технической ваты, а поверху рубероидом, незадачливые проектировщики-градостроители и вовсе сделали царский подарок жителям квартала: почти в сумме полкилометра мест для сидения и болтания ногами, причем сидения мягкого и с подогревом. Даже застарелый геморрой можно лечить.

Особенно в восторге пребывало уже четыре-пять поколений школьников и без счету уличных, то есть по статусу муниципальных, котов. Но именно из-за школьников и котов коммунальщикам приходится каждые два-три года заново обматывать часть труб техноватой и рубероидом. Школьники с удовольствием, сидя на теплотрассе, вспарывают перочинными ножичками рубероид и вытягивают вату. Она им совершенно не нужна, но ведь надо же чем-то руки шкодливые занять? А коты с наступлением морозов, как зверьки теплолюбивые, своими остро заточенными когтями рассекают рубероидную обертку, отгибают ее, вырывают ямку в вате почти до самой стенки огнедышащей трубы, сворачиваются в ней клубком, закрывают морду распушенным хвостом и — даже в редкостный нынче тридцатиградусный мороз кайфуют в полное свое удовольствие. Снятся им в тепле растрачиваемых гигакалорий великие бои в мартовские иды (это по древнеримскому, юлианскому календарю) и совсем уж невероятное: как коммунальный бог Тулуповска и бессменный гласный гордумы Прокопайко Дмитрий Федорович провел при единодушной поддержке депутатов от власти, Зюганова и Жириновского статью расхода на муниципальных Васек и Мурок: каждому усатому другу человечества отпускать в год по три пуда печенки, двадцать банок китекета, от пуза пшенной каши, а для проживания в теплых подвалах пробить им туда отдельные норы-ходы. Одно огорчает: коты обязуются вылавливать за квартал сто мышей и крыс. Пусть им спится и мечтается!

...Это все к слову, а Николай Андреянович все торопится на коллоквиум и зорко фиксирует помойку и ее окрестности.

◆ Около ЖЭК'овской помойки наружные трубы теплотрассы не просто огибают помоечную асфальтированную площадку, но еще и дают несколько заниженных к земле отводов в окрестные дома. Так что здесь мягкие и теплые сидища на любой рост и вкус: «барные» для школьников, высотой с обычный стул — серьезным людям и дамам, а самые приземленные, высотой с малую табуретку для детской мелюзги и мусульман, привыкших на исторической родине расслаиваться на коврах или атласных подушечках.

Вот и сейчас, в восемь утра, когда спала первая волна суеты около помойки — выгул комнатных собачек, справляющих нужду и заинтересованно приносивающих к острому запахам из контейнера, — здесь пересменок. На трубах сидят «оранжисты» (не путать с военно-политической партией в средневековой Франции), то есть облаченные в оранжевые жилеты с надписью на спине «МУП Тулуповска».

На «мусульманской» трубе, что одесную помойки, скрестив ноги, устроился узбекский гастарбайтер Олег — имя русифицировано, ибо настоящее сложно для произношения. Молодой, со средним образованием, уже третий весенне-летний сезон приезжает. Получает в день восемьсот рублей; у него в Ферганской долине семья с тремя малыми детьми, достраивает по зимам поместительный дом. Поначалу, когда добродетельные бабки начинали его жалеть: мол, отделились от нас, с голоду у себя пухнете, к нам вот за пропитанием ездите от семьи и от детей, Олег улыбался и объяснял: нет, у нас жизнь не хуже вашей, а еда и вовсе лучше, натуральнее, но если в баи, милиционеры или оптовые торговцы урюком не выбились, то чтобы дом двухэтажный построить из кирпича и машину купить — надо два-три сезона в России метлой помахать. Ваши-то ленятся работать!

На средневысотной трубе, но уже ошуюю помойки, пригорюнились два местных, тоже молодых, дворника — из пьющих, поэтому дальше летних месяцев на работе не задерживающихся. Опохмелиться бы — но не на что. От скуки жизни курят «приму», завидуют мусульманскому трезвеннику Олегу, нехотя поддерживают с ним беседу на общеполитические темы, жалеют свергнутого Лужкова, у которого дворники едва не черной икрой и семгой водку «Абсолют» из Швеции закусывали... Добрым словом, правда, непонятно за что, поминают и почившего прошедшей осенью Черномырдина.

Олег весел и счастлив. Вчера, выметая мусор из-под наклонной стенки помоечного контейнера, вымет и «пятихатку», — а это уже два дармовых листа шифера на ферганский дом! По тамошним ценам.

...Но запомнил Олег слова пророка в суре «Преграды» священного Корана, слишком возгордился находкой. И сразу за радостью две неприятности. Сначала запяницовский дворник Петруха ошибочно назвал его киргизцем — наименованием враждебного племени. Начал было объяснять Петрухе его оплошность, но тут же вторую обиду схлопотал: выносящий мусор пенсионер-сталинист Томазов из ЖЭК'овского дома, услышав перепалку, хмуро заметил: «Все вы, басурманы, из Золотой Орды! Осипа Виссарионовича на вас нет! Вишь что вздумали: отделиться и своими ханствами жить, а к нам на заработки ездить».

И совсем в грязь втоптала Нина Семеновна, инженер ЖЭК'а. Она только что закончила раздачу нарядов на день слесарям и прочим ремонтникам, что нестройной толпой в восемь человек маялись поодаль, у дверей коммунальной конторы. Увидев рассеявшихся окрест помойки дворников, рассвирепела (мужик ее явился домой в шесть утра, явно от Ирки-любовницы): «Вы какого хрена — в оригинале другое слово — тут торчите? Ладно, эти пропойцы, а ты, Олег, хотя пить и не научился, а обленился, глядя вокруг, дальше некуда. Первый год только и работал на совесть! Уволю к едреной (в оригинале — другое) матери, поедешь в свой Чуркистан не солоно хлебавши. Метлы в руки и по своим дворам ма-арш!».

...Но Николай Андреевич уже заходил за угол «Трианона-24-го» и дальнейшего развертывания сценария второй стражи у помойки не видел, не слышал.

◆ Провел Николай Андреевич со студентами таинственный коллоквиум и еще лекцию на тему проектирования хвостового ракетного оперения прочитал. Заглянул в преподавательскую, нарвался на шефа. А тот ему новость, не огорчительную, но и не совсем приятную: «Во! А я тебя-то, Андреевич, и ищу. Со следующего учебного года Тарасов уходит в докторантуру, оголяет, стервец, курс взрывателей ракетных. Спец по ним еще Полковник, но отказался, дескать, ему пятый том своей монографии века дописывать. А мы тебе персональную надбавку в пару тысяч выьем... К сожалению, в рублях. Так что готовь к первому сентября конспект лекций».

Не привыкши откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, огорошенный Николай Андреевич спустился этажом ниже, зашел в спецбиблиотеку, взял на дом книгу по взрывателям — с грифом «Для служебного пользования». Уже дома рассмотрел вытертую, но на свет читаемую надпись какого-то студизуса под словом «служебного»: «унитазного».

...А увидев на стеллаже справочной литературы словарь иностранных слов, наконец-то выявил смысл слова коллоквиум — учебное занятие в форме свободной беседы преподавателя со студентами с попутной оценкой уровня и прочности их знаний. «Надо же,— удивился Николай Андреевич,— как у тещи, что в свое время защитила педагогическую диссертацию по прочности знаний. Сейчас же эти оболтусы прочно помнят только одно: текущий курс доллара-евро, да еще, пожалуй, кто из девок их курса честная давалка, а кто не мытьем так катаньем стремится с женьтибой захомутать...».

Втиснув не очень толстую книжку в свою папку, отправился на домашний обед с винегретом, борщом и жареной треской. Вспомнив о треске, усмехнулся: сегодня же четверг, бывший советский рыбный день! Интересное совпадение, ибо супруга, перемчивая, как и весь женский пол, давно отвыкла от совка — как распоясавшиеся теледебатчики сейчас именуют советскую эпоху.

Полдень. На улице ни души, как в какой-нибудь Испании — сиеста. Только непрерывные колонны импортных легковушек туда-сюда, явно сами не зная куда и зачем, по проспекту и даже по переулкам движутся. Да так плотно! — Бампер каждой последующей чуть не впритык в задок впереди идущей. Этот как в скорострельных грязевых пушках из НПО «Меткость»: острие вылетающего из ствола снаряда упирается в донце предыдущего.

Но вот обогнул наш доцент trianaновский ночник, вышагал внутренний угол перпендикулярно сращенных безымянного и ЖЭК'овского домов — и вот тебе на окружающем безлюдье толковище у помойки!

Прямо на траверсе ее Николая Андреевича поприветствовал проживающий в ЖЭК'овском доме, потому давно ему знакомый, проректор университета Карпухин. Он, видимо, куда-то собирался ехать — новенький его «мерседес», которыми все уважаемые в вузе люди обзавелись как-то одновременно пару лет назад, сдав прежние отечественные «лохомарки» в утиль, стоял на тротуаре напротив подъезда, из которого деловито и выходил Карпухин.

— Привет, Андреевич! На обед направляешься?

— Вроде того, Евгений Николаевич. А вы (до перехода в университет «ты»), небось, по делам увязки, согласования и конкретного охвата?

— Ха-ха! А я навряд того. В администрацию, в комитет по науке и образованию на совещание по инновациям и... как их? — По инвестициям в науку. Ректор за себя послал.

— О-о, Евгений Николаевич, у вас новый номер? И не простой: три пятерки и три «о».

— Друг подарил из *ГАИ*. А что — заметно зато.

— В наше динамичное лучше такой номер иметь, чтобы только зубрежкой можно запомнить.

— Ты думаешь?

В таком же наклонении необязательная беседа длилась еще пару-тройку минут, пока веселый проректор протирал тряпочкой ветровое стекло. Махнув рукой соседу, Карпухин сел в мерс и порулил на выезд из квартала. Николай же Андреянович задумался над очевидной вещью, но ранее четко не сформулированной. Действительно, в наше время каждый дарит что-либо из атрибутов своей профессии: гаишник — «блатной» номер, часто издающий свои научные труды полковник Хмуров — очередной увесистый том, чиновник из администрации — почетную грамоту по своему департаменту, браток братку — пробивающий бронешилет, солидно-тяжелый «ТТ»... И так по возрастающей — до олигархеров, лауреатов журнала «Форбс», что дарят крейсерские яхты и футбольные клубы. Вместе с командой бразильянцев.

◆ Разговаривая с проректором и размышляя об иерархии подарков, Николай Андреянович не упускал из виду шумящую помойку. Третья, начиная с утра, перемена декораций. Из утренней сцены на своей низенькой трубе сидит только иностранный дворник Олег. Небрежно подмел свой двор, про себя матерясь по-русски, а теперь с восторгом смотрит «телевизор» — сидящих по другую сторону контейнера на средневысоких трубах двадцатипятилетних честных содержанок Нельку и Наташку. Первая проживает в ЖЭК'овском доме в своей однушке, а Наташке ее «спонсор» снимает двухкомнатную в перпендикулярном доме.

Содержатели — крепкие сорокалетние торговцы средней руки. Нелька и Наташка честно отработали сегодняшнюю ночь — визиты «спонсоров» совпали случайно, — до полудня отоспались, созвонились и вышли подышать свежим воздухом: на народ посмотреть, себя показать. Беззлобно дразнят Олега: закинули точеные, в меру загоревшие ножку за ножку, так что коротенькие и без того юбочки разве что боковины ягодиц прикрывают. Тулова у обеих почти символически прикрыты маечками на бретельках; заканчиваются чуть повыше пупков. Грудь — у Нельки побольше, у Наташки поменьше — подпружинены снизу по новой моде специальными бюстгальтерами и обнажены наполовину. Волосы — у Нельки прямые, у Наташки чуть вьющиеся — игриво обтекают обнаженные плечи. Содержатели скуповаты, даже платят не из кармана, а по ведомости в своих *ООО*, где они оформлены офис-менеджерами. Что поделаешь, подруга, вздыхая, говорят порой друг дружке: перестарки! Самые спросовые годы провели по требованию совковых родителей в универе. Теперь и специальностей своих уже не помнят.

Покачивая закинутыми ножками в лаковых туфельках с двенадцатисантиметровыми каблуками, прелестницы, то и дело поднося к ярко-алым губам длинные тонкие сигаретки, раззадоривают от нечего делать гастарбайтера:

— Олелек! Ты все жене верность свою хранишь, да? А мы разве хуже ее, а? Пошли с нами, кофейку пьем, подурчимся.

Понимает Олег — шутки все это, но — приятно ему, большую часть года перебывающему без женской ласки. Куда ему до таких длинноногих, с высшим образованием!

Потомственная дворничиха в отставке баба Алла, весь световой день кружащаяся вокруг помойки, стыдит девок:

— Бесстыдницы! Шли бы, как все люди, торговать на рынок, а то все хахалей ублажаете да парня в краску вводите. Скоро время пройдет, хахали к молодым перекинутся, останетесь сами-одни. А так бы торговали, замуж вышли...

— Да что ты, баба Алла! Разве женихов свободных на всех хватит, ха-ха-ха!

Здесь Алла своими зоркими восьмидесятилетними глазами заприметила, как

роющиеся в контейнере ихнего квартала бомжи — двое мужиков и баба — что-то нашли, из-за чего слегка разодрались, и заторопилась в их сторону: утихомирить и полюбопытствовать находкой. Нелька же с подругой шаловливо послали Олегу воздушные поцелуи, тотчас забыли о нем и бабе Алле, закурили по новой сигаретке и завели серьезный разговор: попросить у более состоятельного Наташкиного кобеля поставить интернет, а по нему отыскать себе женихов из Австралии или Новой Зеландии: пора, подруга, пора бежать из этой Рашки, пока, как правильно Аллка говорит, груди не обвисли и попки не отяжелели. А то кобели скоро нас затрахают!

◆ Рядом с Олегом, но на более высоких трубах сидят два пенсионера. Оба из отставных инженеров. Один — сталинист, читает газету «Завтра». Другой какую-то либеральную, вроде как «Комсомольская правда в Тулуповске». Зачитывают друг другу интересные места по части внешней и внутренней политики. Иногда соглашались, но бывает и слегка переругиваются. А с «девичьей» стороны на «барную» трубу забрался ярко-рыжий, с тигровыми полосами Зинкин кот Баюн, устроился поудобнее, сузив в щелочку от яркого солнечного света глаза, свесил передние лапы и пушистый хвост с трубы, отдыхает от дневного сна в квартире, слушает содержанок, набирается ума-разума в человеческих делах.

За помойкой, со стороны пустыря, на неизвестно зачем и кем привезенной бетонной балке, с постеленным для мягкости траченным молью ватным одеялом из контейнера, сидят рядком пятеро давешних ЖЭК'овских слесарей. У них законный обеденный перерыв: закусывают Зинкину разливуху ливерной колбасой из «Трианона-24» с горбушками черняшки. На закуску «билет в Большой театр» им презентовала добрая по характеру Наташка.

А влево от помойки на толстой магистральной трубе, как вороны попеременно с пестрыми сороками, расселись отучившиеся на сегодня школьники и школьницы не старше восьмого класса. Школа их через улицу от квартала. До недавнего времени улица носил имя основоположника исторического материализма Фейербаха. Теперь же комиссия по историческому наследию при департаменте культуры переименовала ее в Спасовознесенскую. У пожилого народа все в головах перепуталось; не мудрствуя лукаво, стали улицу называть Фейербаха Вознесенского. Школьники же для прочного усвоения полученных сегодня знаний курят, пьют пепси-колу, а кто и пиво, матерятся. Школьницы же во все глаза наблюдают за Нелькой и Наташкой, профессия которых им хорошо известна — в одном квартале живут. Учатся впрок их манерам. Пригодится.

Напротив помойки, на тротуаре небольшая кучка взрослых женщин из ЖЭК'овского и соседних домов: по объявлению на подъездных дверях ждут приезда самого Прокопайко Дмитрия Федоровича: по вопросу устройства на запомоечном пустыре детского городка — выборы в гордому на носу!

...Уже Николай Андреянович с возбужденным борщом аппетитом хрустит поджаренной с корочкой — как ему нравится — треской, а к заспавшемуся Баюну вспрыгнула на высокую трубу его верная подруга, муниципальная кошка Ряба, прилегла рядком. Проживает она в подвале «перпендикулярного» дома. Очень уважает Баюна. Потому чаще всего котятки такой же тигровой расцветки, с пушистыми хвостами получают.

Баюн живет богато, стоит на квартире второго этажа дома за помойкой, обочь пустыря у Зинки — самого уважаемого в квартале у пьющих жителей человека. В каком-то смысле ее ставят рангом выше самого благодетеля квартала Прокопайко Дмитрия Федоровича. Еще в совковые времена она окормляла окрестный народ качественным самогоном, в горбачевское лихолетье из томатной бражки, ввиду отсутствия в продаже дрожжей, гнала.

После объявления свободы предпринимательства пошла «под крышу» братков-

спиртоношей. Те ей раз в неделю привозят несколько многолитровых пластмассовых бутылей со спиртом. Она их оплачивает, разбавляет — все по технологии! — кипяченой водой, разливает в мелкую тару и продает на дому. Раньше, в лихие девяностые, братки в физкультурных костюмах и кроссовках подвозили спиртягу на затерханном «козле» с открытым кузовом. Теперь же на фирменном микроавтобусе с надписью «Ключевая вода с доставкой в офис и на дом». А сами доставщики в выглаженных ярко-зеленых комбинезонах, под которыми рубашки с галстуками. На головах зеленые же бейсболки. По фене не ботают, разговаривают вежливо. Культура!

◆ Прошлым летом зазвал Баюн подружку к себе в гости. Дверь в Зинкину квартиру летом всегда полуоткрыта: постоянно вода для разбавления спирта кипятится, пар стоит, проветриваться надо. Робея, вошла Ряба в хоромы, а Баюн смело, похозяйски ведет ее на кухню и кивает мордой на плоску со своей дневной пайкой: обданная кипятком печенка, перемешанная с китикетом и кашей. Ешь, мол, я сыт. Ух и наелась Ряба до отвала барской еды! Потом присели оба на входе в большую комнату, а там за обеденным столом Зинка угощает двух милиционеров — Ряба хорошо их по мундирам от других людей отличает.

Слова человеческой речи Рябе не ведомы, но хорошо она понимает ее по интонации. Зинка же соловьем разливается: «А вы, Ринат Шарифович и Виктор Палыч, се-мужкой-то не брезгуйте. И сальца-то, сальца под водочку. Сама сальце солила, для себя. И водочку для таких уважаемых людей держу специальную, на ключевой воде спирт разбавляю. Мне ее мужики дворовые за пол-литру с Серебрянского ключа приносят. А спиртик у меня со Стародворского спиртзавода, пшеничный! И напрасно говорят людишки, что травятся моей водочкой. Дескать, двое в прошлом году отравились. Клевета это, навет. Как было Косте-типографщику не примереть, если он в запой впал и по два литра в сутки потреблял? А второй, имени даже не знаю, действительно, отравился, но не моей, а Тamarки-стервы, что за проспектом торговлю держит, «максимку» водой водопроводной разбавляет, а чтобы мути не было видно, так кофеом закрашивает. И чего он, бедолага, к нам-то приперся? Где купил, там и пей! А я вам в дорожку пару полторашек на ключевой воде — вот в пакет ложу. Не побрезгуйте. Вечерком дома с устатку и выкушаете».

...Баюн не только богатый, но и заботливый. Вспоминает Ряба. В позапрошлом году, как окотилась она не в срок, в самом конце октября. Мороз раньше времени тоже ударил, а с отоплением авария, уже неделю чинят, что-то серьезное. Жильцы-то от электрического тепла греются, в шубах дома ходят, а Рябе с котятками куда из промерзшего подвала деваться? Главное — бабуси из семнадцатой и двадцать второй квартир, что приносят ей еду и ставят на вентиляционное окошко, либо, если в свои кладовки за картошкой или чем иным в подвал заходят, то и прямо в уголку, где Ряба на старом стеганном одеяльце проживает, ставят блюдца, видно, старые, заморзлив захворали. Не приходят.

Ряба голоднущая, да перед окотом сильно простудилась: воду пила, что из трубы капает на пол и тут же замерзает. Так полуледяную пила и простудилась. Окотилась, а с места стронуться, чтобы мышку-другую поймать, не может: голодная, трясется вся от холода и своей простуды. Молоко не идет, котятки писком заливаются. Ну, думает Ряба, смерть ей и котяткам пришла. Карачун.

...И уж совсем было собралась Ряба глазки закрыть, как — шашь в вентиляционное окно Баюн! Подошел, лизнул ее, котят и быстро-быстро назад. Все, даже он ее покинул. Но нет, через полчаса разбудил ее, предсмертно задремавшую, Баюн, а прямо перед ее мордочкой лежит половина вареной курицы, еще теплая.

Никогда столько Ряба за один присест не ела! Все съела, даже косточки мягкие сгрызла. И пить перестала хотеть: в свежесваренной курице соку много. Озноб сразу прошел, молоко так и рвется из сосков, котятка пьют и все напиться с голодухи не

могут. Потом отвалились. Свернулась Ряба клубочком, закрыв деток своим боком, а сверху и хвостом, заснула, счастливая. К ночи уже встала, поймала и съела двух мышей. А утром проснулась: котята ее сосут, по трубам вода с бульканьем течет, от них тепло на подвал нисходит, а лужица под протекающей трубой уже не замерзает. Только кошка напилась вволю, как обе бабуся с едой и причитаниями явились — жива, мол, наша красавица!

Хорошие котятки, всего-то четверо, тогда у нее поучились — все как один в Баюна. И, слава кошачьему богу, кошечка только одна, трое — коты. Когда подросли, удачно кошечку пристроила на службу в логопедический детсад, рядом с домом. Там при кухне как раз освободилась должность мышелова, котов на эту ставку не берут — те от обильной еды ленятся мышей ловить. Двух котов по квартирам разобрали в их квартале, а третьего взяли в парикмахерскую в соседнем.

...Мечтает Ряба, лежа на трубе обок Баюна: хорошо бы Зинка разрешила ей с котом в хоромаш-то своих квартировать. Она бы хоть каждые два месяца по семь-восемь котят в окот давала. А Зинка их по одному впридачу к бутылке разливухи присовокупляла. Пьяницы — народ добрый. А в квартирах у них пусто, неприкаянно, все от них уходит. Тут же котик веселый играет, за своим хвостом охотится. И у пьяницы, глядя на него, веселее на душе. Может и снизит он свою суточную норму с литра до четвертинки?

От таких добрых чувств и мечтаний присела Ряба «копилкой», принялась вызывать дремлющего Баюна.

◆ Идет Николай Андреянович после обеда и солдатских полчаса дремоты на диване обрат в универ. На помойке народу прибавилось: еще пара пенсионеров с газетами расселись по трубам, мамыши-колясочницы подошли, начали задирать Нельку с Наташкой. Из зависти, понятно. Те же, девки добрые, в свару не ввязываются, поднялись, одернули свои коротенькие юбочки, подмигнули Олегу-иностранцу и отправились к Наташке кофеи гонять. А к кофейам — непочатая бутылка миндального ликера, коробка хороших бабаевских конфет и две стограммовые баночки икры — красной и черной; все вчера принес более богатый и чуть меньше жадный Наташкин содержатель. Сам же он на ночь любви и еще два раза ночью «в перерыв» пьет только водку «Диамант» и закусывает приготовленным Наташкой мясом. — Вырезкой, хорошо прожаренной с луком.

Сделав небольшой крюк влево, подружки покупают в трианоновском ночнике свежих кунцевских булочек к икре и мороженое к кофе с ликером.

Поскольку же у обеих ночь сегодня непосетительная, содержатели в семьях отдыхают, детишек воспитывают, то под ликер и икру заболтаются они до темноты, Нелька останется у Наташки, улягутся они рядышком на просторном «сексодроме» и уснут сном праведниц. Не подумайте, что извращенки они! Просто как сестры-близнецы давно стали, вдвоем им теплее и душевнее в этом жестоком, расчетливом мире.

...А Николай Андреянович отчитает свою послеполуденную лекцию, побеседует с полковником Хмуровым и доцентом Яцышеным, потом кафедральное заседание: верстка планов и учебных нагрузок на следующий учебный год. А раз рыбный день сегодня, то к вечеру заглянут усеченным коллективом, то есть с Полковником и парой других доцентов, в соседнюю с корпусом простонародную кафешку — выпить по паре-тройке стопок недорогой водки под рыбное ассорти. Полковник, накануне сформулировавший и блестяще доказавший главную теорему пятого тома своей монографии, разошелся, выкинул на стол пята сотку: гуляем, братва!

...Словом, возвращается Николай Андреянович домой в неурочный час, уже в темноте, правда, супруге позвонил и предупредил, как только Хмуров козырнул своей «пятихаткой».

Мимо помойки он старается проскользнуть в тени деревьев — от фонарного на

столбах света,— окаймляющих тротуар: чтобы не услышать от оккупировавших все трубы теплотрассы студентов несколько насмешливое: «Добрый вечер, Николай Андреевич!» Ибо через дорогу — со стороны ночника и «перпендикулярного» дома — целая шеренга пяти- и девятиэтажных университетских общежитий, а ближайшее — их факультета. Идти им больше некуда: все культурные мероприятия в городе дорого стоят, а у общежитских только и хватает на самое дешевое пиво. Место удобное: есть где присесть, ночник в минуте ходьбы...

Это предпоследняя декорация. А последняя — когда к полуночи возвращаются из казино и других культурно-досуговых мест мелкооптовые торгаши. Они ставят свои «лендроверы» впритык бамперами ко всем четырем стенкам помоечного контейнера. Николай Андреевич этого поначалу не понимал, но разъяснил сосед-проректор: «Во-первых, фонарь над помойкой всю ночь горит. Во-вторых, по весенне-летнему времени ребята с пивом до рассвета окрест колобродят, то есть колесное ворье здесь не разгуляется. А в-третьих, угнать упертую бампером в помойку машину, тем более они впритык друг к другу стоят, дело, как по другому поводу говорил Владимир Ильич (проректор — бывший при совке доцент кафедры истории КПСС), архисложное. Вот так-то. Голь, даже торговая, на выдумки хитра!»

...Пришел Николай Андреевич домой. Супруга еще не спит, с увлечением смотрит по телевизору *топ-шоу* «Русский Голливуд». Вышел он в раскрытую на ночь по причине необычно жаркой поздней весны балконную дверь. В домах квартала все окна темные, но с синеватым проблесками от экранов телевизоров; вся страна смотрит и не нарадуется: теперь и Голливуд у нас имеется! Во дворе дома — ни души, только со стороны помойки веселые крики и даже песни в унисон.

Да-а, думает уже засыпающий на ходу Николай Андреевич: русский Голливуд, в доме напротив вывеска: *ООО «Русский банан». Культура! Помойка!*

Роза Нарышкина*
(г. Алексин)

КАТЯ

1

Жили мы в одном доме. Я помню ее голенастой сероглазой девчонкой-подростком, вокруг которой постоянно вились мальчишки. «Катка! Это свой парень, не продаст, не выдаст!» — говорили о ней. Росла без отца, потому что родители умудрились разбежаться по углам, забыв, что когда-то любили. А может быть, и не любили вовсе? — думала Катя, глядя на тоскующую мать, еще довольно не старую и привлекательную. А отец? — стал одиноким и неустроенным, одним словом, бомжем (ни кола, ни двора!). Она, Катя, любила отца, жалела, да и похожа на него, как две капли воды. Когда узнала, что он трагически погиб (замерз в одном доме, где никто не проживал), сама еле выжила от шока, все звала его во сне, ни ела, ни пила, — мать серьезно заволновалась, вызвала «скорую»...

И вот теперь Катя снова была в окружении молодых людей, каждый из которых надеялся на взаимность, мечтал быть для нее единственным. И немудрено. Высокая, стройная, лицо доброе, серые глаза смотрели серьезно, в ней не было того кокетства, что обычно наблюдается у девушек. Жила она с матерью и маленькой дочкой Оленькой, девочкой хрупкой, сероглазой, как сама Катя. У Кати своя история краткой жизни.

Еще в школе в нее влюбился одноклассник Дима, красивый и бойкий по характеру мальчик. Любовь, первая и робкая, захватила обоих, хотя Катя, девочка тихая, застенчивая, его внимание воспринимала с робостью. Однажды Димка написал ей письмо с объяснением в любви, потом, в ответ на долгое молчание, решил навестить ее. Позвонил, — открыла мать Кати.

— Здравствуйте. Я Дима, можно видеть Катю? — робко спросил он.

— Кати нет, но ты можешь подождать, скоро будет.

— Спасибо. Я, пожалуй, дождусь ее, — сказал Димка и присел на стул тут же.

— Ты проходи в комнату, Дима! — пригласила Дарья Ивановна.

Впервые он вошел в квартиру любимой девочки, стал осматриваться: аккуратность во всем, чистота, обилие книг, стоящих на полках. Классика XIX века, современная проза... «Много, наверно, читает моя Катя», — отметил он с гордостью.

Стук входной двери — на пороге Катя.

— Это ты? Зачем пришел? — Димка молча опустил глаза.

— Дочка, как можно? Дима у нас в гостях! — укорила мать. — Сейчас будем пить чай со свежими булочками, — добавила она и ушла на кухню.

— Катя, ты получила мое письмо? — с тревогой спросил Дима.

— Ну, получила. Что с того? — насмешливо спросила она.

— Я ждал ответ, а ты молчишь, избегаешь меня!

* Наш постоянный автор.

— Димка, мне пока не до писем! — озабоченно сказала Катя.

— А что случилось?

— Родители разошлись. И что с отцом, я не знаю.

— Новость! Многие разбегаются... Я, конечно, сочувствую, но, поверь, это не конец света!

— Тебе легко говорить: твои живут вместе с тобой, а я о родителях думаю даже на уроках...

— Не убивайся, все образуется, разберутся твои...

— Надеюсь, но я люблю их обоих.

— А я тебя люблю, Катя!

— Не будем пока об этом. Экзамены на носу, выпускные.

— Хорошо, не будем пока, — согласился Дима.

Чай пили молча, изредка переглядываясь через стол, на котором стояли булочки, ваза с вишневым вареньем, фрукты.

— Пейте чай, заварила с травами, — угощала Дарья.

С тех пор Димка стал бывать у Кати часто, иногда помогал ей по математике и физике, эти науки давались ей с трудом, — она любила литературу, даже писала стихи, с которыми выступала в школе. Мальчишки уделяли ей внимание, и Димка ревновал, бывали и разборки, но кончались они мирно: Катя умела уладить конфликт. В учительской поговаривали о влюбленной парочке: кто осуждал, кто снисходительно улыбался (первая любовь!).

Прошли экзамены в школе, и Димка готовился в политех, Катя пошла работать на завод — семья жила скромно. Работа на Арматурном заводе была несложной, но вредной: приходилось иметь дело с цеховой стружкой, уставала. Димка поступил в институт, и для него начались годы учебы, дружеские встречи, но в этом новом мире он не забывал девочку с серыми глазами и тихой улыбкой. «Милая! Как она там без меня, трудно, ведь она такая тоненькая, хрупкая! Да еще подвернется какой-нибудь негодяй, обидит», — с тоской думал Димка, слушая лекцию по математике.

Прошло три года. За это время были встречи, новые знакомства, студенческая община закружила, завертела, и Катя смирилась с потерей друга. Жизнь ее не изменилась, если не считать новых знакомств, среди которых она выделила одного, влюбленного в нее вот уже два года. Он не мог понять, отчего Катя равнодушна к нему, любая девушка была бы счастлива... И правда, Вася хорош: крепкий, юноша спортивного типа, глаза черные, как ночь, улыбка... но Катя ждала свою школьную любовь, своего Димку, с глазами синими, как васильки в поле.

Наконец, он появился... позвонил:

— Катюша, я в Алексине, приду на завод.

— Димка, у тебя каникулы?

— Да-да! Экзамены позади, и я у ваших ног!

— Грибоедова не забыл! Похвально! Я жду тебя! — прокричала Катя, в цехе шумно.

— До встречи, девочка моя, любимая! — сказал счастливый Димка.

Встретились у проходной завода. Катя гордо шагала, взяв его под руку, молча, а сердце переполнялось любовью и надеждой. Девчонки косились на нового парня, перешептываясь и удивляясь: откуда он взялся у этой тихони?

Катя хлопотала на кухне: сварила картофель, приготовила рыбу (он любил белую пикшу), украсила зеленью и подала на стол. Дима поставил бутылку «Шампанского», фрукты, коробку «Ассорти». Потом сказал, глядя ей в глаза:

— А ты изменилась, моя хорошая! Повзрослела...

— Поздравляю тебя, Дима, с окончанием третьего курса! — весело сказала Катя.

— Спасибо. Я очень рад нашей встрече.

— Я — тоже. Почему ты редко звонишь мне?
— Часто времени не хватает. Учеба, зачеты, подготовка — к вечеру валишься, как подкошенный,— оправдывался Димка.
— Можно подумать, что ты, кроме лекций, нигде не бываешь,— обиделась Катя.
— Бываю с друзьями в театре, по случаю на днях рождения. Катя, ты меня ревнуешь?
— Вот еще! — надула губки Катя.

Димка встал, подошел к ней и, неожиданно взяв ее на руки, понес в другую комнату, где стояла широкая деревянная кровать. Положив на кровать, он стал страстно целовать ее в губы, шею — Катя не сопротивлялась, близость с ним ее не пугала, тело давно тосковало по его рукам. Они были одни (мать уехала к сестре), это настроило Димку на эротический лад. Шампанское шумело в голове, волновало кровь, и оба не заметили, как оказались в маминой постели раздетыми; Катя прижалась к нему горячим телом, ощущая каждой клеточкой страсть и желание принадлежать ему. У писателя Яшина есть изречение: «Сексуальное чувство девственницы есть еще только мечты ребенка, играющего в капитаны, о настоящем командирском мостике». Катя давно осознала потребность любви в новом качестве, ее тело созрело для физической близости, и она ринулась с головой в омут новых ощущений.

— Я люблю тебя, Димка! — шептала девушка, обнимая его тело тонкими и нежными ручками.

— Милая, наконец-то мы вместе! — отозвался он в сладкой дреме. Оба неожиданно уснули, не заметив наступления ночи, скрывающей и порывы страсти, и тайну узнавания.

Утро, солнечное и теплое, пробудило новые желания, и Катя, ни о чем не жалея, грустила лишь о том, что Дима уедет, учиться-то еще два года, и всякое может случиться и с ним, и с ней. Он уехал, и потянулись будничные, тягостные дни в работе, в домашнем быту; скоро она почувствовала, что с ней что-то происходит, и Дарья первая завела разговор:

— Доченька, я вижу, тебе часто плохо, совсем не ешь...

— Нет аппетита, мама.

— Сходи к врачу, послушай мать.

— Ладно, как-нибудь выберусь. Сейчас работы много!

Но ждать долго не пришлось — рвота, потеря сознания вызвали тревогу, врач определил беременность.

Катя приняла эту новость как должное, это ведь ребенок и Димы, она будет любить и заботиться о нем, а Димка пусть спокойно учится. Но он должен знать о ее материнстве, как-то он примет эту новость?!

2

В одну из встреч Катя сообщила Диме о рождении маленького человека и с радостью заметила, что он доволен:

— Поздравляю! Ты кого хочешь?

— Конечно, девочку, но если родится мальчик, буду любить тоже.

— Мама знает?

— Да! Это она заметила мое состояние и погнала к врачу.

— Катенька, прости, я плохой помощник: сама знаешь, надо закончить институт...

— Не волнуйся! Мама поможет...

Родилась девочка, назвали ее Олей, и пошла она личиком в Диму, а худенькая и тихая — в Катю. Получив диплом, Дмитрий приехал в родной город, чтобы, устроившись на работу, вступить в брак с любимой и воспитывать дочку. Жить стали в ее

доме, девочку определили в детский сад (Дарья еще работала). Все было хорошо, ничто не омрачало молодую семью, девочку любили и холили. Но Катя стала замечать, что Дмитрий на работе задерживается, с ней говорит неохотно, и она почувствовала неладное; скоро через друзей узнала, что у Димы есть женщина, с которой он вместе работает (производственный роман!). Это больно, Катя почувствовала укол в сердце, и впервые она пригубила в одиночестве бокал вина, чтобы успокоиться,— это помогло. На время, но боль души осталась. Разборок не было, Катя замкнулась в себе и ждала... И все же разговора было не миновать, она начала его первой:

— Дима, у тебя появилась женщина? — спросила Катя, глядя в глаза мужа. Он молчал, боялся ее обидеть, потом все же решил откровенно сказать, что его волнует.

— Катюша, я запутался,— печально признался он.

— Ты ее любишь? — с тоской спросила Катя.

— Я тебя и Оленьку люблю.

— Определись, Дима! Я измену терпеть не буду!

— Ты не волнуйся! Все станет на свои места,— уверенно сказал он

— Когда? — насмешливо спросила она.

— Я постараюсь...— начал он.

— В чем ты постараешься? — Дмитрий молчал, не зная, что сказать.

Катя поняла одно: жить по-прежнему они не будут, обрывается ниточка, связывавшая их на долгие годы. Однажды, придя с работы, он увидел Катю, лежащую на широкой маминной кровати, она была пьяной и сладко спала. «Странно... Ах да, у нее выходной. Но все же, отчего напилась?» — встревожился Дмитрий. Разбудив ее, он решил поговорить:

— Катя, ты стала выпивать?

— Могу тебе налить, дорогой!

— Повода не вижу,— укоряюще сказал он.

— А у меня есть повод: я провожаю Любовь! — воскликнула Катя и засмеялась.— Да-да, свою первую Любовь! Да здравствует свобода!

— Глупо. Совсем не смешно,— грустно сказал Дмитрий.

— Уходи, Дима, к ней. Я отпускаю тебя.

— Я еще не решил...

— Я решила. Уходи, так будет лучше для всех нас!

Молча, ничего не говоря в свое оправдание, он собрал свои вещи в спортивную сумку и ушел... но не к ней, а пока к родителям. Это был первый шаг к разрыву, определившему их будущее.

Катя осталась одна. Что делать? Выгнала, сама выгнала отца своего ребенка, что же дальше, как жить?

Василий не дремал, узнав о ее разрыве с мужем: он давно любил эту женщину, тихую, с задумчивым взглядом серых глаз, часто грустных в последнее время. Не надеясь на взаимность, он все же стал уделять ей внимание, сердце не камень, оно дрогнет от его любви и нежных ласк. На время Катя забылась, ей показалось, что сможет привязаться к Василию, но только на время, а Димку постарается забыть, вычеркнуть из своей жизни. Дмитрий не приходил, пожиная горькую обиду: выставили, как ненужную вещь, рассталась просто и легко, даже не плакала. Обида захлестнула, не давала покоя, но идти к ней не хотелось, хотя тосковал и по ней, и по дочке. Он начал ощущать свое одиночество, с родителями не говорил об этом, да и они сами не вмешивались: молодые разберутся.

А Катя по-прежнему после работы и по выходным принимала допинг и скоро ощутила необходимость для успокоения души. Василий бывал у нее часто, привязавшись и к ней, и к ее дочке Оленьке, но скоро понял, что хорошей женой Катя не станет в своем тяготении к алкоголю. С работы ее уволили за прогулы, по вечерам

она теперь часто плакала, сетуя на горькую долю одиночества. Сердце матери разрывалось от страданий, единственно, кто был для нее утешением и заботой,— это крохотное создание, внучка Оленька, с такими серыми глазками, как у дочери Кати. Дмитрий приходил не часто, и соседи, увидев молодых супругов на лавочке, качали головами, судачили:

— Голуби-то наши!

— Не говори, жить бы и жить!

— А кто виноват?

— Говорят, он загулял.

— Хрен с ним! Не обращала бы внимания!

— Ты права, Ивановна! Куда б он делся, дочка у них!

— Но она теперь пьет. Зачем ему такая?

— Мужчина к ней ходит. Видный такой, вертит им... как захочет...

— Катя изменилась. Не работает, сидит на шее у матери.

— Бедная Дарья! То муж пил, теперь дочь...

Потом появился красавчик Славик, высокий, стройный, с веселым взглядом голубых глаз, темные волосы спадают до плеч. Катя увлеклась молодым человеком, приняла его ухаживания восторженно, с ним было легко и просто. На время пришло забытие, тоска по Димке отошла на второй план, новое увлечение закружило вихрем, она давно не задумывалась о том, что жизнь ее катится по наклонной, завтрашний день не тревожил. Как-то позвонил Дмитрий, и сердце слегка колыхнулось:

— Здравствуй! У тебя все хорошо?

— Наверно. А что?

— Как наша дочка поживает? Не болеет?

— Не болеет. Бабушка следит за ней, забирает из садика.

— Тебе, конечно, некогда за кавалерами,— упрекнул он.

— Не язви. Я за тобой не слежу.

— Не обижайся. Выходной будет,— приду к дочке.

— Ладно,— примирительно ответила Катя.

Сердце заняло, Димка, родной и такой теперь для нее далекий — она узнала, что у него в доме появилась женщина. Она по-прежнему не работала, пила, что подвернется: бутылка пива или угостят водкой, иногда напивалась так, что не могла подняться, повалившись на широкую кровать, ту кровать, на которой они с Димкой провели первую ночь Любви. Он пришел, как и обещал, в выходной день, и Оленька, как всегда, бросилась к нему с радостью ребенка.

— Папочка, почему ты с нами не живешь?

— Когда ты вырастешь, то поймешь нас с мамой, надеюсь, что поймешь.

— Долго ждать. Я хочу знать сегодня. Мама без тебя часто плачет...

— А ты пожалей маму!

— Я жалею, а потом мы вместе плачем,— тихо сказала Оленька, и серые глазенки подернулись детской слезой.

— Маленькая моя, я буду приходить чаще... Я очень люблю тебя!

— А маму? — Дмитрий молча кивнул головой, что означало «да».

После этой встречи Оля плохо спала, вскрикивала во сне, засыпала по-настоящему под утро, и Катя начинала бунтовать.

— Знаешь, лучше тебе не появляться у нас! — сказала она Дмитрию.

— Что случилось?

— С Олей плохо. Она тяжело переживает наш разрыв, все понимает дочка...

— Я все равно буду приходить! Чаще приходить! Родители мои хотят видеть свою внучку.

— Хорошо. Я Олю отпущу с тобой.

— Это будет умно, Катя. Мы ей близкие, родные люди. Мать моя просто иногда плачет о внучке.

— Дети не виноваты, что взрослые бывают дураками! — с горечью воскликнула Катя.

— Не будем ссориться, Катя! Мы о многом говорили с тобой...

— У тебя теперь женщина в доме!

— Зачем упрекаешь? Ни к чему все это!

— Да, ни к чему. Наши судьбы разошлись!

— Катя, наверно, надо было быть умнее кому-то из нас, чтобы наш брак не развалился... Слово-то какое — «брак» — странное, звучит как «ущерб», сюда приходит другой, отрицательный смысл.

— Что это ты в философию подался? Надеюсь, у тебя сложилось? — он смолчал.

3

Однажды она почувствовала себя плохо, не могла понять, что с ней происходит: болит голова по вечерам, тело будто чужое, поламывает руки. Дарья заметила состояние дочери и снова проявила инициативу: послала к врачу. После всех анализов выяснилось нечто, что повергло в шок и мать, и дочь: Катя оказалась инфицирована СПИДом, этой страшной болезнью XX века. Как? Где? Еще немало вопросов задавала она себе и вдруг... пронзила мысль, вспомнила один вечер, познакомившись у друзей, провела ночь с одним молодым мужчиной из Москвы. Он был хорош собой, привлекал взглядом темных глаз, весь вечер уделял ей внимание, был ласков и внимателен. Он уехал, а она забыла о том, что у нее была случайная связь. «Это он. Да, это он, мерзавец, наградил таким подарком!» Разливался соловьем о своей богатой квартире, о фирме, которую возглавляет, обещал приехать за ней. Горькие воспоминания терзали душу. Врачи взяли на учет, письменно обязали, что не будет вступать в связь со здоровыми мужчинами. «Боже мой, а Юрка? Он давно со мной!» — подумала Катя и заплакала. Юрка узнал все о ней, но не отвернулся.

— Катя, милая, ты попала в неприятную историю, но я люблю тебя! — сказал он. — И я не оставлю тебя, — добавил он.

— Юрочка, ты настоящий друг, ты делаешь подвиг, жертвуешь собой...

— Я просто люблю тебя, глупенькая!

— Ты проверил свое здоровье?

— Пока все хорошо. Не беспокойся обо мне.

Они продолжали встречаться, часто «квасили» (самогонные точки выручали) неделю-другую, потом, придя в себя, с удивлением оглядывались: жизнь продолжается и без их участия. Встречались у Юрки, мать на работе целыми днями, так что условия для загула были подходящие. Как-то мать решила поехать в гости к сестре в Тулу, и Юрка не преминул воспользоваться этим случаем — пригласить Катю (он иногда звал ее так ласково) с ночевкой.

— Кать, я два дня буду один. Придешь ко мне?

— А мать?

— Уезжает в Тулу, у нее выходные дни.

— Наверно, приду.

— Не наверно, а приходи обязательно! Буду ждать! — приказал Юрка.

Юрка был единственный сын у матери, родила она без отца, которого выгнала из дома за пьянство и загулы. Вырастила сама сына, дорожила им, заботилась, мечтая об удачной женитьбе, о внуках. Но вот уже и тридцать минуло, а он не определился, будто девушек мало. «И красив, и умен, техникум закончил хорошо, хвалили, а вот в личной жизни неудачник...» — думала, печалась, мать. — Связался с алкашкой, тоже

распилился, работу потерял...»

Юрка устроил небольшой праздник, пригласил еще подругу Кати с ее другом, и вчетвером решили погулять хорошо, оторваться по полной. Музыка гремела во все тяжкие, правда, было время вечернее, не полночь, но соседи начали протестовать. Лена с Николаем веселились от всей души, тем более без взрослых — свобода! Нацеловались, натискались и, наконец, ушли, а Катя осталась, чтобы продолжить пир вдвоем. Юрка вынес пять бутылок водки и сказал:

— Справимся?

— Не знаю. Многовато вообще. Как выйдет...— усомнилась Катя, находясь под хмельком.

— Справимся! Где наша не пропадала! — победно воскликнул Юрка, наливая стакан водки себе, потом Кате. Пожелав здоровья друг другу, выпили, закусив солеными огурцами, ломтиками колбасы, разложенной на тарелке. Потом вспоминали юность, школу, одноклассников, Катя поплакала; после выпитого попадали в забытье. Было далеко за полночь, когда первым очнулся Юрка и хотел сказать ей, как сильно он ее любит и никогда не бросит: «Кать, а Кать, повернись ко мне...» — начал он, но подруга не шевелилась, тогда он резко повернул ее к себе и... застывшее от боли сердца и разочарования лицо, глаза, застывшие от удивления, были открыты и неподвижны. Юрка закричал, как раненый зверь, он понял, что невольно погубил ее.

Катю похоронили. Осталась ее частица — Оленька, девочка тихая, с серыми глазками, как у матери. Дмитрий, долго не раздумывая, взял дочку к себе, в дом родителей.

— Оленька, будешь жить с папой и с нами, мы тебя любим! — сказала Мария.

— Хорошо, бабушка, я тоже вас люблю.

— Вот и ладно. Будем жить семьей! — воскликнул дедушка Григорий. — У тебя, Оленька, впереди долгая жизнь! — добавил он.

Лев Дуров
(г. Москва)

СТРАННЫЕ МЫ ЛЮДИ

Народный артист СССР. Родился 23 декабря 1931 года в старом московском районе Лефортово. Происходит из знаменитой династии русских цирковых артистов — дрессировщиков и клоунов. В 1954 году кончил школу-студию МХАТ, в 1978 году Высшие режиссерские курсы при ГИТИСе. В 1954—1963 годах — актер Центрального детского театра, в 1963-1967 годах — артист театра имени Ленинского комсомола, с 1967 года — актер драматического театра на Малой Бронной. В 1996 году избран действительным членом Академии естественных наук.

Шекспировские клоуны, у которых так много юмора, мне симпатичны, но у них есть злобные черты, из-за чего они отдаляются от Бога. Я ценю шутки, так как я Божий клоун. Но я считаю, что клоун идеален, только если он выражает любовь, иначе он не является для меня Божьим клоуном.

Вацлав Нижинский. «Дневник».

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН И ДР.

С Пушкиным я знаком давно и до сих пор общаюсь с ним постоянно. Он для меня Радость и Надежда, Утешение и Вера, Любовь и Вдохновение. Господи, да разве скажешь об этом лучше, чем Аполлон Григорьев: «Пушкин — это наше все!»

Я люблю открыть его томик на любой странице (ведь это так просто!), чтобы снова и снова, будто заново, перечитать давно знакомые строчки. Вот и на этот раз я наугад открыл книжку и не мог не улыбнуться, слушая рассказ Александра Сергеевича о своем лицейском товарище бароне Антоне Дельвиге: «Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. «Я женат»,— отвечал Рылеев. «Так что же,— сказал Дельвиг,— разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?»

Ну конечно же, это замечательные «Застольные беседы (Table-talk)»! В сноске издатели поясняли, что «пачка отдельных листков, объединенная в обложке под этим названием, заведена А. С. Пушкиным в 1830-е годы. Большую часть пачки составляют записки исторических анекдотов, а также критические заметки».

Я заново перечитал эти «Беседы» и невольно сравнил «исторические анекдоты» Пушкина с «историческими анекдотами» нашего времени. Александр Сергеевич даже в этом жанре нигде не позволил себе опуститься до вульгарных колкостей и несдержанного злоязычия. Он и здесь остался верен своим святым принципам челове-

колюбия: пробуждать «чувства добрые», призывать «милость к падшим».

Отношение же к своим персонажам нынешних сочинителей «исторических анекдотов» напоминает мне старое русское пожелание: «Вот тебе помои, умойся; вот тебе онучики, утрися; вот тебе лопата, помолися; вот тебе кирпич, подавися!» Не только снисхождения к человеческим слабостям, но даже ни одного доброго слова в адрес исторических личностей в современных анекдотах вы не найдете, хоть перелопатите всю свою память — убогая галерея уродливых карикатур. Да ведь и то: «Сон разума порождает чудовищ».

Но это так, к слову — невольная ассоциация, которая сама напросилась. Я ведь — о пушкинских «Беседах», которые попались мне под руку. В них встречаются имена и довольно известных исторических личностей — Екатерины II, Потемкина, Суворова, Багратиона, Крылова и др., и имена уже полузабытых литераторов и государственных деятелей — Надеждина, Погодина, Милонова, Будри, Самойлова...

Не обошел своим вниманием Александр Сергеевич и моего далекого предка. И не только не обошел, но даже посвятил ему не две строки и не двадцать, как остальным, а целых две страницы и снабдил этот «анекдот» заголовком, чего не удостоились другие истории. Не могу не привести его полностью по нескольким причинам.

Во-первых, очень сомневаюсь, что многие читали эти «Застольные беседы», и своим цитированием я заполню у них в какой-то мере этот пробел.

Во-вторых, упомянув короткий «анекдот» о Дельвиге, хочу привести и совершенно другой по своему характеру, чтобы читатель сам смог сравнить их и понять, что же Пушкин имел в виду, когда называл свои заметки «историческими анекдотами».

И наконец, в-третьих, хотелось бы напомнить читателям, что чирей ни с того ни с сего не вскочит: вон еще двести лет назад в моем роду были артистические натуры. Да еще какие, если на них обратил внимание сам Александр Сергеевич Пушкин!

Итак, слово нашему Гению:

О ДУРОВЕ

Дуров — брат той Дуровой, которая в 1807 году вошла в военную службу, заслужила Георгиевский крест и теперь издает свои записки. Брат в своем роде не уступает в странности сестре. Я познакомился с ним на Кавказе в 1829 г., возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты. Наконец он проигрался, и я довез его до Москвы в своей коляске. Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью в дороге он будил меня вопросом: «Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! Как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?» Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы для моего спокойствия и благополучия, то я бы их украл. «Я об этом думал», — отвечал мне Дуров. «Ну что ж?» — «Мудрено, не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть». — «Ну так украдите полковую казну». — «Я об этом думал». — «Что же?» — «Это можно бы сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припрячь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно, напугается и не будет знать, что делать; в двух или трех верстах можно будет разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?» — «Просите денег у государя». — «Я об этом думал». — «Что же?» — «Я даже и просил». — «Как! безо всякого права?» — «Я с того и начал: ваше Величество! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастье моей жизни; но, ваше Величество, на ми-

лость образца нет, и так далее». — «Что же вам отвечали?» — «Ничего». — «Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду». — «Я об этом думал». — «Что ж, за чем дело стало?» — «Да видите ли: один способ выманить у Ротшильда сто тысяч было бы так странно и так забавно написать ему просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч. Но сколько трудностей...» Словом, нельзя было придумать несообразности и нелепости, о которой бы Дуров уже не подумал. Последний прожект его был выманить деньги у англичан, подстрекнув их народное честолобие и в надежде на их любовь к странностям. Он хотел обратиться к ним с следующим speech: «Г.г. англичане! я бился об заклад об 10 000 рублей, что вы не откажете мне дать взаймы 100 000. Г.г. англичане! избавьте меня от проигрыша, на который навязался я в надежде на ваше всему миру известное великодушие». Дуров просил меня похлопотать об этом в Петербурге через английского посланника, а свой прожект высказал мне не иначе как взяв с меня честное слово не воспользоваться им. Он готов был всегда биться об заклад, и о чем бы то ни было. Говорили ли о женщине, — «Хотите со мной биться об заклад, — прерывал Дуров, — что через три дня я буду ее иметь?» Стреляли ли в цель из пистолета, — Дуров предлагал стать в 25 шагах и бился о 1 000 р., что вы в него не попадете. Страсть его к женщинам была также очень замечательна. Бывши городничим в Елабуге, влюбился он в одну рыжую бабу, осужденную к кнуту, в ту самую минуту, когда она была уже привязана к столбу, а он по должности своей присутствовал при ее казни. Он шепнул палачу, чтоб он ее поберег и не трогал ее прелестей, белых и жирных, что и было исполнено; после чего Дуров жил несколько дней с прекрасной каторжницей. Недавно я получил от него письмо, он пишет мне: «История моя коротка: я женился, а денег все нет». Я отвечал ему: «Жалею, что из 100 000 способов достать 100 000 рублей ни один еще, видно, вам на удался».

Да, у предка Дурова не хватило фантазии изыскать хотя бы один способ достать деньги. Зато сама его мысль о быстром и легком обогащении не осталась втуне и подвигла некоторых его земляков на творческие поиски. И они не могли не венчаться успехом.

После того как Пушкин увез в своей коляске незадачливого приятеля в Москву, в Елабуге объявился некий хлебосольный поручик. Он жил в одном доме, но на разных этажах с генералом — командиром полка, расквартированного в этом старом провинциальном городе. Поручик, не в пример своему генералу, не стеснял себя в удовольствиях: что ни день, то приемы, балы, попойки. День переходил в ночь, и только под утро гости с шумом и гамом разъезжались по домам.

В конце концов генерал заинтересовался, откуда у поручика такие огромные деньги — ведь на все эти приемы нужны немалые суммы. И вот как-то генерал встречает поручика у подъезда и говорит:

— Поручик, вот я генерал, а не имею возможности устраивать приемы, подобные вашим. У вас что — большое имение? Вы получаете с него большие доходы?

— Нет, ваше превосходительство, — отвечает поручик, — никакого имения у меня нет.

— Может, родители оставили вам богатое наследство, которое вы с такой легкостью решили прокутить?

— Увы, ваше превосходительство, никакого наследства у меня нет.

— Но каким же образом вы изыскиваете средства? — удивился генерал.

— Вы знаете, — ответил поручик, — я спорю, заключаю пари.

— Но ведь это смешно! — не поверил генерал. — Пари — это пятьдесят на пятьдесят! У вас с партнером равные шансы на выигрыш и проигрыш.

— Нет, ваше превосходительство, вы знаете, я все время выигрываю.

— Но такого не может быть! Это же риск! — горячился генерал и наконец решил

рискнуть.— Ну хорошо, поручик,— поспорьте со мной.

— К вашим услугам,— согласился поручик.— Но вы уж извините, я, может быть, буду где-то резок и даже в чем-то бестактен. Ничего?

— Пожалуйста,— согласился генерал.

— Хорошо,— сказал поручик.— Вот давайте поспорим на две тысячи рублей, что в среду у вас на одном месте вскочит чирей.

Генерал пожал плечами:

— Но ведь это чушь!

— Вот вы уже и проиграли.

— Но мы еще не заключали пари!

— Хорошо,— согласился поручик,— давайте заключим пари.— И они заключили пари на две тысячи рублей. В среду поручик явился к генералу.

— Как вы себя чувствуете, ваше превосходительство?

— Прекрасно! — воскликнул генерал, сел на стул и попрыгал на нем.— Видите? Никакого чирья!

— Простите,— улыбнулся поручик,— но я должен лично в этом убедиться. Не могли бы вы...

— С удовольствием! — генерал понял, что хотел поручик, снял штаны и показал поручику свою задницу.— Чиста, как у ребенка.

Поручик осмотрел одну ягодицу, перешел на другую сторону и смущенно попросил:

— Ваше превосходительство, не могли бы вы поближе подойти к окну — здесь ничего не видно.

Генерал в предвкушении выигрыша, забыв об осторожности, подошел к подоконнику и чуть ли не выставил свой зад наружу...

— Прошу.

Поручик опять все внимательно осмотрел и горестно вздохнул:

— Я проиграл, ваше превосходительство,— и со значением добавил: — Вам!

— А кому же еще? — усмехнулся генерал, натягивая штаны.

— Видите ли, ваше превосходительство, на такую же сумму я поспорил с каждым из офицеров нашего полка, что покажу им вашу задницу.

Генерал в ужасе бросился к окну и увидел, как от подъезда медленно расходятся офицеры его полка.

Вот такие «исторические анекдоты», скорее напоминающие характерные зарисовки и моего мечтательного предка, и оригинального поручика. И какое отношение имеют эти зарисовки к рассказу о Дельвиге, который приглашал Рылеева к девкам? Что общего между этими «анекдотами» и теми, в которых речь идет, скажем, о Суворове или Екатерине II? И я подумал: а зачем Пушкину нужно было вообще собирать эти такие разные истории под одной обложкой с общим названием? Что их может объединять?

Я не пушкинист и понятия не имею, что думают по этому поводу специалисты, но, по моему глубокому убеждению, Пушкин хотел создать мозаичную картину своей эпохи через характеры современников. Как художник из разноцветных кусочков смальты разной величины создает цельную художественную картину, так и Пушкин, думаю, из отдельных характеров хотел создать нравственный портрет своей эпохи.

Первую мозаичную картину подобного рода выложил почти две тысячи лет назад римский писатель Клавдий Элиан. Но его «Пестрые рассказы» были посвящены только людям значительным и довольно известным. Поэтому картина современного ему мира получилась несколько помпезной, парадной, такие было принято вывешивать в чопорных гостиных. Герои «Рассказов» — великие полководцы древности, многоумные философы, писатели — учили своим примером мужеству, благодетству,

достоинству, гражданской добродетели.

К сожалению, не могу процитировать ни один из его «рассказов»: их у меня давным-давно красиво «увел» кто-то из ценителей древностей. Поэтому если я в чем-то ошибусь, пересказывая один из его рассказов, не упрекайте меня — главную его мысль я уж никак исказать не мог.

Итак, повествует Элиан, прогуливаясь однажды по Риму, Цезарь увидел лачугу своего старого легионера и решил зайти к нему в гости. Улицезрев великого полководца, хозяйка так растерялась, что, подавая на стол бобы, полила их вместо оливкового масла деревянным. Легионер чуть не поперхнулся, а Цезарь, не прекращая беседы, спокойно съел свои бобы и, прощаясь, горячо поблагодарил хозяйку за отличное блюдо.

Все! Никаких комментариев. Да и нужны ли они? Автор ведь писал не для умственно ущербных людей.

Со времен Элиана прошло чуть ли не двадцать столетий. И вот почти одновременно выходят в нашем отечестве две книги: Владимира Солоухина «Камешки на ладони» и Виктора Астафьева «Затеси», напоминающие по своему жанру и «Пестрые рассказы», и «Застольные беседы». Уж и не знаю, кто им дал творческий толчок к написанию таких книг — Элиан или Пушкин. Да это и не столь важно. В конце концов, они и сами могли дойти до этой мысли. Ведь у каждого писателя, как известно, за годы скапливается в столах столько литературного «мусора», что он становится уже обременительным. Выбросить? «Оно бы и очень можно, да никак нельзя», — как говаривал Владимир Даль.

И вот когда автор начинает перебирать все эти записки на обрывках бумаги, на ресторанных салфетках, на разорванных сигаретных пачках, то вдруг обнаруживает, что перед ним драгоценные кусочки смальты, которые не нуждаются ни в какой обработке, их нужно просто наклеить на некую основу, и мы увидим не приукрашенную гримом физиономию эпохи. Такой, какая она есть на самом деле. С прыщами, может быть, небритую и с сизым носом. А может, это будет образ красавицы с широко распахнутыми голубыми глазами, которые смотрят на мир с детским простодушием. Кто знает — это уж как камешки лягут. А может, зритель и сам расположит их по своему усмотрению, так, как и что ему захочется видеть.

И тут у меня родилась идея. Я никогда не вел дневники и не поверял бумаге свои мудрые мысли и глубокомысленные изречения. Я их забрасывал в темный чулан, который находится у меня под черепной коробкой, и по мере надобности, конечно, если мог найти, вытаскивал на свет божий. Потери я не замечал. Да и как можно заметить потерю того, о чем не помнишь! С годами эти потери я стал ощущать. Я почувствовал, что в той мозаичной картине мира, которую я себе представлял, не хватает каких-то кусочков смальты и образуются «белые пятна», которые не заполнить никаким воображением, как бы сильно оно ни было развито.

И вот тогда я подумал: каждый человек создает свою картину мира, которая не похожа ни на одну другую. Это может быть натюрморт с персиками, а может быть и «Гибель Помпеи». Но одна без другой существовать просто не могут — это нарушит ту гармонию, которая и держит все сущее в устойчивом равновесии. И я с присущей мне скромностью («Я негодай, но вас предупреждали!») решил, пока не поздно, пока еще не растеряны все кусочки смальты, внести свою лепту в дело сохранения мирового равновесия и вывесить свою картину в галерее, в которой уже заняли свои места Элиан и Пушкин, Солоухин и Астафьев. Авось она поможет избежать мировых катастроф. А благодарности за это я у человечества не прошу — лишь бы всем было хорошо и все жили счастливо.

Вацлаву Нижинскому не нравились в шекспировских клоунах «злобные черты»,

которые отдаляют их от Бога. Сам себя великий танцовщик называл Божьим клоуном. В Англии меня называли трагическим клоуном. А это амплуа по своему характеру может вызвать лишь сострадание, сопереживание, но никак не отвращение. Поэтому в своем портрете времени я постараюсь избегать те краски, которые могли бы придать ему «злобные черты».

«Нельзя объять необъятное», — говаривал незабвенный Козьма Прутков. Я всегда помню эту мудрую мысль. Но такова уж человеческая натура — все-то она берет под сомнение. Вот и аз грешный усомнился: а так ли уж она постоянна, эта человеческая натура? А что, если сравнить век нынешний и век минувший? Изменились ли люди? И если изменились, то в лучшую или худшую сторону? Давайте понаблюдаем вместе.

Ехал я как-то в поезде; и одна ситуация напомнила мне дореволюционный анекдот, когда-то читанный в старой-престарой книжице. Дело было тоже в поезде, и в купе сидели муж с женой и кучей ребятишек, которые разбаловались. Один пассажир, к которому двенадцатилетний отпрыск прыгнул на колени, не выдержал и обратился к родителям: урезоньте, мол, своего парня. А отец как-то интеллигентно ответил, что, мол, дети есть дети, к тому же сегодня воскресенье и почему бы им не побаловаться. На что пассажир сказал: «Чтобы ребенок веселился в воскресенье, по будням его надо пороть, что вы, наверное, не делаете». Это была, конечно, шутка.

А теперь представьте себе этот диалог в наше время. Если бы двенадцатилетний парень полез по коленям дяди к окну, и ему бы сделали замечание, что бы он услышал? «Да ладно! Сиди, козел! Что тебе, ребенок помешал?» — «Как вы со мной разговариваете?» — «А как мне с тобой, козлом, разговаривать? Пойдем-ка выйдем в тамбур, там поговорим!» — «Да пошел ты на!.. по!..» — «Чего-о?!» И уже, не стесняясь ни детей, ни пассажиров, пошло бы такое!..

Так что, думаю, нравы диктуют и тональность таких диалогов. Все становится страшнее, грубее и грубее. Страшно, на самом деле, как мы падаем...

Я вот смотрю на старинные фотографии и думаю: нет, все-таки лица другие. Не только лица аристократов, офицеров. Вот я увидел фотографию своего дядьки времен империалистической войны. Боже мой, какое лицо, какая выправка, как он стоит, какое выражение глаз! Красивый офицерский мундир, красивое оружие — все просто замечательно! А вот солдаты идут на фронт — изумительные лица! Никакого сравнения с нынешними типажам.

Но это так, к слову. Я ведь об анекдотах. Я вначале как-то стеснялся и слушать их, и рассказывать. Потом понял, что зря. Вот у Юрия Никулина был кладезь анекдотов. По ним можно было проследить всю историю нашей страны, международные отношения, они давали емкие и точные характеристики историческим личностям, в них можно было найти тонкие и остроумные замечания о личности в себе и о личности в обществе. Ведь человек, в сущности, переживает не одну жизнь, а несколько.

Взять хотя бы мою профессию. Зритель видит лишь ту жизнь актера, которую он играет или на экране, или на сцене. Но ведь мы и сами показываем не свою жизнь, а жизнь своего героя. А потом мы уходим за кулисы, где уже совсем иная жизнь: отношения между актерами, сплетни, байки, воспоминания, приколы. И эта закулисная жизнь не менее интересна, чем сценическая. И наверняка у человека есть еще и третья, и четвертая жизни. И еще какая-то настолько тайная, что он до конца дней своих носит ее в себе, не посвящая в нее даже самых близких людей.

Господи, вот к чему могут привести размышления о, казалось бы, незначительном анекдоте, шутке. И я решил найти первоисточник. Не сразу, но — нашел!

Сто раз я уже успел забыть эту книгу: твердая обложка цвета египетской мумии с размытыми пятнами, будто кто-то плакал над ней. Пожелтевшие странички с жеманным текстом, пестрящим «ятами». Еще бы! Ведь ей, старушке, исполнился ровно век с тех пор, как она родилась в С.-Петербурге и попала на склад некоего кни-

гопродавца И. Иванова, обретающегося на Литейном. Тираж не указан, и потому я не могу с уверенностью утверждать, что являюсь обладателем единственного экземпляра этого уникального издания, уцелевшего после двух мировых войн. Может, ему и цены нет.

Называется книга «Современники», а вместо фамилии автора набрано: ИНКОГНИТО. В кратком предисловии этот Инкогнито сразу предупреждает: «Это — анекдоты!» И через несколько абзацев выдает мысль, за которую я сразу ухватился, ибо она легла во взрыхленную почву: «Говорят, что по анекдотам изучают характер века и нравы общества».

Мысль не первой свежести — ей полторы тысячи лет, если считать со времен Прокопия Кесарийского, к «Тайной истории» которого впервые применили в литературе термин анекдот, что с греческого переводится как неизданный. Сейчас, когда сборники анекдотов выходят десятками, это звучит, конечно, смешно. Но что делать! Идет время, слова ветшают, а то и вовсе меняют свое знаковое значение. Да и сам Инкогнито оговаривается: «Наши анекдоты — маленькие безпретензионные картинки, а иногда даже карикатуры. Они написаны штрихами и, как любят выражаться нынешние зоилы, «протокольным способом».

Но каким бы способом они ни были написаны, факт остается фактом: если по ним и не создашь «характер века», то уж о «нравах общества» можно судить смело, хотя автор и ограничивается узким кругом творческих людей: писателей, художников, композиторов, но главным образом — актеров, антрепренеров, режиссеров.

Открываю первую страницу:

Д. В. АВЕРКИЕВ

На одной из репетиций трагедии Д. В. Аверкиева участвовавший в ней актер Брянцев читал свои монологи в стихах простым разговорным языком. Автору, следившему за постановкой своего детища, это не понравилось, и он заметил:

— Так прежде не говорили.

В свою очередь Брянцеву не понравилось это замечание, и он, не задумываясь, ответил:

— Да ведь так прежде и не писали.

Такую дерзость по отношению к именитому писателю, издавшему шесть томов своих сочинений, не каждый актер мог себе позволить. Еще большую дерзость позволил себе некий редактор, упрекнувший великого русского писателя в безграмотности. Инкогнито рассказывает в главке «Граф Л. Н. Толстой»: «В Москве в дружеской беседе с молодыми беллетристами граф Лев Николаевич начал как-то упрекать их в нежелании работать...

— Ничего вы не делаете, ничего не пишете, нигде не видно ваших работ... Излеились совсем,— говорил он.

Беллетристы сначала отмалчивались, а затем один из них прямо сказал:

— И пишем, Лев Николаевич, и работаем, да нас нигде не печатают — не берут...

— Как не берут? — изумился граф.— Ведь вы, А., несомненно, талантливый человек, и вы, Б., и вы, В.

— Все мы талантливы по вашему мнению, Лев Николаевич,— отвечали ему,— а нынешние редакторы изданий этого не находят.

Граф не хотел верить возможности такого грустного явления в печати, как полное отсутствие критического анализа у редакторов, и решил проверить его сам...

Для этой цели он написал небольшой рассказ и послал его в редакцию какого-то журнальчика, подписавшись вымышленным псевдонимом...

Недели через две граф лично отправился узнать участь своего произведения...

Редактор принял его довольно сухо и с первых же слов сообщил, что рассказ на-

печатан не будет.

— Почему? — спросил Лев Николаевич.

— А потому, — отвечал редактор, — что все написанное вами свидетельствует о полнейшем отсутствии у вас не только малейшего беллетристического таланта, но даже простой грамотности... Признаюсь, любезнейший, — добавил он фамильярно, — когда я читал присланную вами ерунду, то был вполне уверен, что это написано совершенно «зеленым» юношей, а про вас это никаким образом сказать нельзя. Нет, уж вы лучше это бумагомарание бросьте — начинать в ваши лета поздно. Ведь вы раньше ничего не писали?

— Писал...

— Вот как! Что же вы писали? Признаться, писателя, носящего вашу фамилию, я не слышал.

Редактор совершенно бесцеремонно расхохотался прямо в лицо графу.

Тот отвечал ему спокойным тоном:

— Под присланным к вам рассказом я подписался псевдонимом. Вы, может быть, слышали мою настоящую фамилию: я Толстой. Написал несколько вещичек, о которых прежде отзывались с некоторым одобрением, например «Войну и мир», «Анну Каренину»...

Можете себе представить, что сделалось с редактором после такого ответа.

Ну, наши редакторы куда образованнее и гуманнее! Мне рассказывали о проходимце, который не поленился перепечатать на машинке роман Константина Седых «Даурия» и предложил его под другим названием, но под своей фамилией одному московскому издательству. Редактору роман понравился, и его заслали в набор. И уже в типографии один начитанный наборщик смутился: текст он узнал сразу, а вот почему у него другие и автор и название, понять никак не мог. Выяснили. Злые языки утверждали, что после этого редактора и наборщика поменяли местами. Не знаю.

Да, я забыл упомянуть, что у книги этого Инкогнито есть подзаголовок: «Анекдотические черты из жизни общественных деятелей настоящего», то есть столетней давности. И вот у меня родилась идея — сравнить «век нынешний и век минувший»: изменились ли за это время «нравы общества» и чем отличаются «характеры» смежных эпох? И отличаются ли вообще?

Но чтобы читатель не мог упрекнуть меня в пристрастии, я должен тоже предоставить ему возможность судить вместе со мной. А поскольку, как я уже говорил, книга Инкогнито у меня уникальная, я должен процитировать из нее хотя бы несколько особо характерных, на мой взгляд, «анекдотов».

Начну с семейственности — все-таки, как ни говори, а своя рубашка ближе к телу. В книге автор рассказывает несколько историй, связанных с моими прапрадедами — Анатолием и Владимиром Дуровыми. Постараюсь быть поскромнее и приведу лишь один «анекдот», касающийся взаимоотношений Анатолия Леонидовича и, как сейчас говорят, СМИ. Надо сказать, что мой предок, гастролируя со своими животными по разным городам России, часто вступал в конфликт с местными властями за свои слишком смелые шутки в их адрес. В Москве у него случилось «недоразумение» с одной из газет. Вот как рассказывает о нем Инкогнито:

«Началось оно с пустяков. Сын редактора, веселого нрава молодой человек, задумал однажды над ним посмеяться. В то время когда Дуров стоял у входа на арену, приготовляясь к своему номеру, он с насмешливой улыбкой подошел к нему, окруженный приятелями-пшютами, и спросил:

— Пользуетесь успехом, господин клоун?

— Как видите.

— А правда ли, скажите, пожалуйста, чтобы пользоваться на цирковой арене успехом, нужно иметь непременно глупую физиономию?

— Правда,— ответил Дуров без смущения. Компания захохотала. Победа юного остряка казалась очевидной, но каково было их поражение, когда Дуров после минутной паузы, доставив им удовольствие досыта насмеяться, прибавил:

— И если бы я обладал такой физиономией, как ваша, мой успех был бы еще обеспеченнее.

Компания замолкла и поспешила исчезнуть.

Однако это для Дурова не прошло даром. На следующий же день в газете его папеньки появилась рецензия, наполненная энергичными выражениями. Дурова разносили вовсю. Чего только не было сказано по его адресу! И бездарность-то он, и нахал, и грубиян... В продолжение двух месяцев шла эта систематическая травля, потешавшая, в конце концов, одного только владельца газеты, так как для публики был слишком заметен пристрастный тон этих репортерских заметок, развенчивающих его в ничто. Дуров долгое время терпел несправедливые нападки, но наконец не выдержал своего угнетения и показал зубы.

В один прекрасный вечер, когда «сам» редактор сидел в одной из ближайших к барьеру лож и с презрительной миной смотрел на его упражнения, Дуров выпустил на арену свою чушку и заставил незаметно для публики стать передними ногами на барьер как раз против старого редактора. Потом стал отзываться ее, но так, что она не трогалась с места:

— Чушка! Чушка! Назад! Иди сюда! — Она оставалась неподвижной.

— Иди же, говорю я тебе! Не хочешь? — То же самое.

— А, понимаю! Старых знакомых увидала! На своих насмотреться не можешь!

Публика поняла этот «воплъ огорченной души» и без умолка хохотала над его рискованной проделкой, которая повлекла за собою появление на другой день громовой статьи.

Травля усилилась. Для этой газеты Дуров сделался чуть ли не единственной злобой дня.

Дуров начал полемизировать с арены.

Так к своему бенефису он приготовил злую шутку над враждебной газетой. Он знал, что ее владелец непременно посетит его торжество, чтобы иметь возможность лишний раз поиздеваться над ним, и поэтому не в счет программы придумал он «свинью-читательницу». Разгуливавшей на арене чушке он вынес целую кипу разных газет. Она уселась в свое кресло, а Дуров стал подносить ей одну за другой газеты. Она с негодованием отворачивалась от них и презрительно хрюкала.

— Ишь ты,— заметил клоун,— она не всякую газету любит, а ищет свою... Ищи, ищи! Интересно посмотреть на вашу свинскую газету...

Сначала зрители думали, что свинья вообще не терпит гласности, но к ее глазам Дуров приблизил то издание, в котором не выносили хладнокровно его имени, она радостно захрюкала, завертела хвостом и, уткнувшись носом в газету, с визгом заводила им по строкам.

Клоун отомстил. Это был последний залп полемической перестрелки. Газета стала его замалчивать, а он о ней никогда не вспомнил.

Не правда ли, что и мы можем вспомнить немало «свинских» газет и журналов нашего времени? А впрочем, что это я лезу со своими комментариями! Мой принцип — сама беспристрастность! А посему надергаю еще несколько «анекдотов» из книги таинственного Инкогнито и прощусь с дорогим читателем до встречи с веком нынешним, за которым, увы, уже опустился занавес. Там вместе и посмотрим, что мы приобрели, а что потеряли. Ведь не в духовной же спячке мы находились целый век! Итак, с Богом!

М. Г. ЯРОН

Актер Н. С. Стружкин, автор многих популярных стихотворений, был очень вы-

сокого мнения о своем сценическом даровании.

Сошлась как-то компания. Зашла речь о псевдонимах. Стружкин заявил, что он потому избрал себе этот псевдоним, чтобы напомнить Щепкина:

— Я, конечно, не Щепкин, я несколько меньше его, но довольно близок к нему и потому избрал ближайшее к «щепке» подходящее слово «стружка», и отсюда мой псевдоним.

П. М. Медведев на это заметил:

— Если вы имели в виду Щепкина, то максимум, на что вы имели право,— это на Опилкина, но никак не на Стружкина.

А находившийся тут же Марк Григорьевич Ярон, остряк и экспромтист, продекламировал четверостишие:

*Вы сценой сильно увлекались,
Но все ж таланты измельчали:
Где прежде Щепкины блистали,
Там только Стружкины остались.*

В. М. ДАЛЬСКИЙ

Во время управления В. А. Крылова драматической сценой Виктор Мамонтович Дальский укорял за кулисами Александринского театра одного из товарищей Н. Н.:

— Совершенно напрасно кичишься ты либерализмом. Ты трус и фразер.

— Ты меня мало знаешь! Наоборот, я очень смел и «грызусь» со всеми.

— Вздор! Какой же ты либерал, ежели для бенефиса все-таки пьесу Крылова берешь?!

Вас. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

В бытность свою за границею Немирович-Данченко случайно наткнулся «на собственное противоречие».

— Что это за цветок? — спросил он, поднося к носу цветок.

— Анемон...

— Гм... совсем не пахнет!

— Анемон никогда не пахнет.

— Странно, а у меня в одном стихотворении сказано: «и анемон, благоухая...»

О. В. НЕКРАСОВА-КОЛЧИНСКАЯ

В сезон 1897—1898 гг. на сцене Малого театра пользовалась выдающимся успехом пьеса М. Н. Бухарина «Измаил». Изобилующая внешними эффектами, она произвела впечатление и делала отличные сборы.

Интриганку Софию Девет играла Ольга Васильевна Некрасова-Колчинская. В ее роли попадает фраза: «По приказанию Суворова!» Речь идет о фельдмаршале Суворове. Но в день первого представления, дойдя до этой фразы, она с пафосом произносит:

— По приказанию Суворина!

Добродушный хохот всего театра был ответом оговорившейся артистке. Это было тем более смешно, что все зрители отлично знали, какое значение имеет за кулисами Малого театра почтенный издатель «Нового времени» А. С. Суворин.

Вот, пожалуй, и достаточно для того, чтобы иметь возможность сравнить век нынешний с веком минувшим. Правда, в моих «анекдотах» круг действующих лиц более широк, так как на определенном этапе развития нашего общества искусство, как

известно, стало принадлежать народу. И мы, люди искусства, слились с народом в едином порыве... Это историческое обстоятельство дало мне перед Инкогнито немалую фору. За что я и остаюсь благодарен этому самому обстоятельству.

Моя книга, в сущности, представляет собой все же мозаичный портрет времени. Каждый волен добавить к этому портрету свои камешки, и тогда он, портрет, изменится до неузнаваемости, так, что даже автор не узнает родное дитя. Но я человек не гордый — пожалуйста, бросайте свои камешки или на картину, или в автора, как вам удобнее. Я не обижусь. Честное слово. В доказательство своей искренности предлагаю даже подсказку, которая может подвигнуть любителей на сотворчество: «На море на кияне, на острове на Буяне стоит бык печеный: в задю чеснок толченый, с одного боку-то режь, а с другого макай да ешь!»

Просто? Тогда Бог вам в помощь.

ЛИЦА ДРУЗЕЙ

Замечательный русский писатель Виктор Астафьев как-то сказал: «Чтобы изобразить героя, нужно изобразить его время». Перефразируя эту справедливую мысль, можно сказать и так: «Чтобы изобразить время, нужно показать современника, живущего в нем», потому что он не только продукт своего времени, но и творец его.

Я не стал долго ломать голову над тем, кого же из современников мне следует показать. Конечно же, тех из них, которых знал и знаю не только я, но и миллионы читателей и зрителей страны, для которых они стали близкими друзьями. Это не творческие портреты и уж тем более не биографии — всего лишь характерные штрихи к образам наших с вами современников. Одних я писал анфас, других в профиль, давая возможность читателю самому дорисовать портрет. Как сказал когда-то веселый эпиграммист о поэте Николае Доризо: «Потомки дорисуют, видно, Недорисованный портрет».

Оставим же и мы часть работы на долю потомков.

Юрий Никулин

Это произошло накануне очередных майских праздников. Мне позвонили из Президиума Верховного Совета и сказали, что меня наградили орденом Трудового Красного Знамени. А когда мне что-то преподносят, я тонко, как большой интеллигент, шучу. И я говорю:

— Наконец-то вы созрели в Верховном Совете! А я-то уж давно был готов к этому! Во всех пиджаках дырок наковырял! А вы все там никак не мычите не телитесь.

Так тонко, интеллигентно шучу.

На другом конце провода похихикали над моей шуткой и говорят:

— В среду к десяти утра просим прибыть. И, будьте добры, без опозданий.

Я, конечно, как дурак, с утра шею вымыл, галстук нацепил и к десяти утра подъезжаю к этому мраморному зданию. Там часовые.

— Здрасьте, Дуров, вы чего?

Стало быть, узнали.

— Здрасьте,— говорю.— Мне тут позвонили...— и объясняю, что к чему.

А они говорят:

— Сегодня не наградной день.

— Как не наградной? Мне сказали, к десяти утра! — Тут они тоже занервничали, как и я.

— Сейчас,— говорят,— мы позвоним, куда надо, и все выясним.

Они ушли куда-то, приходят и говорят:

— Мы позвонили в секретариат. Вы знаете, ни в одном наградном листе вашей фамилии нет.

Я спускаюсь по ступенькам, выхожу на улицу, гляжу — машина. А облокотясь на нее, стоит довольный Юра Никулин и говорит:

— Приехал все-таки, дурачок!

И я, невзирая на флаг на здании, на мрамор, сказал все, что о нем думаю. Все слова-то лефортовские еще не забыл.

— Кто звонил? — спрашиваю.

— Я, — говорит. — Кто же еще?

— Не стыдно?

— А тебе? — спрашивает. — Поверил, как маленький. Ну здравствуй, мальчик.

И мы обнялись.

Ладно, думаю, больше я на такой крючок не попадусь. Проходит несколько дней, и меня приглашают в дирекцию театра. Там мне вручают шикарный конверт — весь в штемпелях и печатях. Вскрываю и вижу отпечатанное на машинке письмо на английском языке. Нашел переводчика, и тот мне перевел, что фирма «Парамаунт» приглашает меня в фильм «Пятеро». И что из советских артистов предлагают сниматься еще господину Никулину. С американской стороны участвуют Пол Ньюмен и еще какой-то популярный артист. Я сразу все понял и позвонил Никулину.

— Владимирыч, — сказал ему, — больше ты меня не купишь. Кончай свои розыгрыши.

— Ты о чем? — спрашивает.

— О письме из Голливуда.

— Значит, ты тоже получил? — радуется Никулин. — И мне прислали. Не веришь? Сейчас я к тебе Макса с этим письмом пришлю.

Приезжает его сынишка и передает мне точно такой же конверт, в котором лежит письмо с переводом. В нем сказано, что господину Никулину предлагают роль в фильме «Пятеро» и что из советских артистов предлагают еще роль господину Дурову и т.д. Звоню Никулину.

— Юра, — говорю, — извини. А я думал, ты разыгрываешь. Ну что ж, поедem, научим их, как надо работать.

Проходит неделя, никто не интересуется моими связями с США, и министерство культуры молчит. Звоню Никулину.

— Владимирыч, — говорю, — ты чего-нибудь получал еще оттуда?

— Нет.

— Тогда, — говорю, — ну их к черту! А то дома уже все волнуются, когда дед поедет, чего-нибудь привезет.

— Не поедem, — соглашается Никулин.

— Не поедem — пусть прозябают.

Никулин помолчал немного и спрашивает:

— У тебя конверт далеко?

— Вот он, — говорю, — на столе.

— Возьми его в руки.

Я взял.

— Там есть большая треугольная печать? — спрашивает.

— Есть.

— Прочти, что на ней написано.

— Там же по-английски.

— Но буквы-то ты знаешь, вот и читай.

Я читаю. А там написано: «Счастливого пути, дурачок»

А познакомился я с Юрием Владимировичем, когда он был еще подставным в цирке. Подставной — это свой человек. Когда артисты с арены приглашают кого-нибудь из публики, подставной тут как тут, и вот тут с ним начинают валять дурака.

Это было давным-давно — на общественном просмотре цирковой программы. Ну, общественный просмотр — это когда собирается вся театральная общественность: и актеры, и режиссеры, и художники. Тогда Никулина широкая публика, в общем-то, еще не знала, и известным он не был. Знали его только цирковые.

Народу — полный цирк! Обычно на такие представления приходит вся Москва. Все обожают цирк: и простые люди — дворники, водители, и интеллигенция — профессора, академики, то есть кто угодно, потому что это особое искусство — искусство мужественных и отважных, искусство смешных и смешаших.

И вот идет номер за номером. На манеж на роскошных лошадях выехали туркменские наездники в белоснежных папах. Они грандиозно отработали свой номер, и их долго не отпускали: в конце номера были бурные аплодисменты. Неожиданно один из всадников, точно не помню, наверное, это был их руководитель, обратился к публике:

— Кто хочет стать артистом? Кто хочет стать наездником?

Есть такой прием в цирке. И вот он стал спрашивать желающих, но никто не решился стать наездником. В конце концов, он вдруг обратил внимание на какого-то парня и сказал:

— Ну вот — ты! Иди, иди сюда!

И стал вытаскивать на манеж очень странного мужчину. Вид у него был чудовищный: засаленный бушлат, как у человека со старой баржи, какие-то странные мятые брюки с потертыми коленями, кирзовые сапоги, из-под бушлата выглядывала застиранная ковбойка и кончик рваной тельняшки, а на голове была помятая мичманка со сломанным козырьком. Этот портрет во всех деталях я помню до сих пор. Как будто он сейчас стоит передо мной. Но дело даже не в этом. Дело было в лице этого человека, в его глазах! Никто даже и подумать не мог, что это подсадной.

А рядом с ним сидела его жена. Как потом я узнал, это действительно была жена Никулина — Татьяна. Она была одета так, как одевались все тетки в ту пору: заматанная платком и с огромной авоськой с апельсинами и колбасой. Она дергала супруга за рукав и ругалась:

— Куда поперся? Какой артист? Сиди на месте!

А он шевелил губами, и все понимали, что мужик матерится.

— Ладно, перестаньте! — успокаивал их руководитель. — Не надо ссориться, все будет хорошо.

И вот, озираясь по сторонам, мужик медленно выходит на арену.

— Давай ногу, я подсажу тебя на лошадь! — командовал руководитель.

Парень сгибал ногу, и тут начиналась полная глупость, просто идиотизм! Руководитель, подсаживая, перебрасывал его через лошадь, и этот парень падал лицом в опилки, вставал и долго-долго вытряхивал эти опилки изо рта и ушей. Но самое изумительное было в том, как он смотрел на публику: это был взгляд человека, который впервые попал на манеж и вдруг увидел цирк с обратной стороны — не как зритель, а как актер. Он смотрел на зрителей с каким-то мистическим ужасом. И вот тут началось нечто: от этого невероятного лица, от камуфляжа, в который он был одет, в зале начала потихонечку назревать жуткая истерика. Я такого никогда больше в своей жизни не испытывал! Выглядело это как полная глупость: опять к нему обращался руководитель: «Давай я тебя подсажу», тот, конечно, опять перелетал через лошадь, опять падал лицом в опилки, потом вставал, долго что-то вытаскивал изо рта, долго рассматривал внимательно-внимательно, затем начинал задумчиво жевать, глядя куда-то вверх, под купол. А Татьяна, изображающая его жену (и на самом деле жена),

кричала:

— Жуй, жуй! Это из лошади!

А он отмахивался и дожевывал. Потом его опять подсадили, причем задом наперед. Ездить он, конечно, не умел, поэтому начинал искать опору и, в конце концов, находил ее в виде конского хвоста: он прижимал этот хвост к груди и в таком положении скакал по манежу. Только представьте себе картину: вот эту розовую часть лошади и лицо Никулина!

В цирке творилось что-то невероятное — ну просто стон стоял! Потом с его ноги падал кирзовый сапог и развивалась длинная-длинная портянка невероятного цвета. В конце концов, его выдергивали лонжей из седла, и он летал над цирком — сначала проносился над публикой, потом кружил над манежем. Потом его снова роняли, он падал лицом в опилки и уже не соображал, что с ним происходит. И тут на арену выбегала Татьяна, била его этой авоськой с колбасой и апельсинами, и они вместе убегали.

Все это казалось глупостью, я сам отлично понимаю, что, если бы это делал я или кто другой — ничего бы не произошло. Но это был Никулин! Это было его обаяние, его невероятный талант! Я не знаю, случалось ли когда-нибудь что-нибудь подобное со зрителями где-нибудь в мире. Думаю, что нет.

Напротив меня в ложе сидел Михаил Иванович Жаров. Никогда не думал, что он такой смешливый. Он так странно себя вел, крича: «А-а-а! А-а! А-а!» — и показывая публике пальцем на Никулина, как будто никто больше его не видит. Жаров вываливался из ложи, его туда опять втаскивали, он опять вываливался, хрипел, его снова втаскивали.

У меня часто случается такая ситуация. Рассказываешь в гримбурной о ком-нибудь, и в этот момент входит тот, о ком я рассказывал. В таком случае я обязательно говорю:

— Ну что вы! Он такой идиот!

И мгновенно наступает тишина. Вот и в цирке такое случилось с Жаровым. Вдруг между приступами хохота наступила секундная пауза, и Жаров на весь цирк заорал:

— Ой, я описался!

Думаю, он не соврал, потому что в антракте он не вышел. А все ходили мимо ложи и говорили:

— Михаил Иванович!..

В ответ он делал такое «жаровское» лицо, словно говоря: «Да вы что! Да перестаньте! Как вам не стыдно! В чем дело!»

После этого номера все остальное представление рухнуло. Артисты, вышедшие работать во втором отделении, хохотали. Жонглер подкинул буквально три булавы, они попадали ему на голову, он сказал: «Не могу!» — и ушел с манежа. Все второе отделение разрушилось. Потом мне говорили, что никулинский номер переставили в конец представления, потому что после него работать было просто бессмысленно.

Когда выходили из цирка, я оказался рядом с Марией Владимировной Мироновой и Александром Семеновичем Менакером. И Миронова все говорила:

— Саша, Саша, не смотри на меня! Не смотри!

Потому что стоило только встретиться с кем-то глазами, как начинался дикий хохот. У меня почти месяц от хохота болела диафрагма — я, наверное, выхохотал весь ресурс за год или за два вперед.

Спустя много времени мы с Андреем Мироновым играли в спектакле «Продолжение Дон Жуана». И вот опустился занавес, и Андрей мне говорит:

— Сегодня день моего рождения. Поехали ко мне.

Приехали. И мы с Марией Владимировной вспомнили о том цирковом представ-

лении.

— А-а! — закричала она и выскочила из комнаты. Потом вернулась и сказала:

— Левочка, разве можно такое напоминать? У меня даже живот судорога свела...

А потом мы с Юрием Владимировичем вместе снимались. В первый раз это было в картине «Старики-разбойники», где я играл маленькую роль водителя инкассаторской машины. С этим фильмом связана такая интересная история.

Одна из сцен снималась в таксомоторном парке. Только мы въехали в ворота, как к нам подошла группа ребят — они уже ждали нас. Говорят:

— Юрий Владимирович, здравствуйте! Дайте, пожалуйста, ключи от машины. Мы ее сами отгоним и поставим.

А у Юры была тогда «Волга». Они забирают ключи, садятся в машину и уезжают. После съемки, которая длилась фактически целый день, мы стали собираться уезжать из парка. Тут подходят эти ребята и говорят:

— Юрий Владимирович, возьмите ключи, пожалуйста. Вон ваша машина.

Мы сели, и Юра стал ее заводить.

— Стоп-стоп-стоп! — закричал вдруг. — Что-то не так! — А ребята все стоят и улыбаются. Юра вышел и спросил:

— Ребят, вы что-то делали?

Они отвечают:

— Да нет, ничего, Юрий Владимирович.

Когда мы выехали с территории парка, Юра остановился, открыл капот и сказал:

— Лева, а они мне половину деталей на новые поменяли... — Вот такая к нему была необыкновенная любовь. Каждый считал своим долгом сделать что-то такое приятное и полезное этому замечательному человеку.

Повторяю, я был дружен с ним в течение многих, многих лет. И встречались мы с ним постоянно, так как служебный вход театра на Малой Бронной находился напротив подъезда того дома, где жил Юрий Владимирович с женой Татьяной и сыном Максимом. И могу засвидетельствовать: его мудрая доброта была неизменной. Кажется, что, общаясь с ним, сам становишься и остроумнее, и добрее. Находясь рядом с ним, нельзя было быть ни хамом, ни грубым, ни колючим... Просто нельзя — и все.

Виктор Астафьев

В Москве с Виктором Петровичем я встречался не так уж и часто — он редко наезжал в столицу. А при встречах мы в основном обменивались лишь приветствиями: «Здравствуй». — «Здравствуй». Я относился к нему, да и отношусь, естественно, с огромным почтением, потому что считаю его российским классиком. На меня большое впечатление произвели и его рассказы, и роман «Царь-рыба».

И вот я с театром приехал на гастроли в Красноярск. Я знал, что он живет неподалеку в деревне Овсянка, и что у него есть пьеса о войне. Было бы грешно не воспользоваться случаем и не заехать к нему в гости.

Я сел на рейсовый автобус и поехал в эту Овсянку. Автобус был набит битком. Рядом со мной сидел молоденький паренек с юношескими прыщиками на лице, с голубыми глазами, белобрысый. Он все время поглядывал на меня и ерзал. Потом не выдержал и сказал с досадой:

— Ну что за люди! Что они, кино, что ли, не смотрят? Телевизор?..

— А в чем дело? — спрашиваю.

— Да вот едет к нам такой человек, и никто не подходит, ни о чем не спрашивает...

— Ну, ладно, ладно... Тебя как зовут?

— Толик.

— Так это хорошо, Толик, что никто не подходит, не мешает нам с тобой разго-

варивать. Да мы можем и просто помолчать, природой любоваться.

— Не-не! — говорит. — Ведь это нехорошо, что не узнают.

И не успел он сказать еще что-то, как подходит женщина, протягивает книжку и говорит:

— Поставьте, пожалуйста, свою подпись.

— Да ради бога, только зачем?

— Мы вас очень любим.

Я написал какие-то теплые слова, подписался. И тут Толик повеселел.

— Ну вот видите — узнали!

И тут начали ко мне протискиваться один за другим другие пассажиры с просьбой поставить автограф — кому на книжке, кому просто на бумажке, а кому и на паспорте. Но портить официальный документ я отказался.

— Видишь, — говорю, — Толик, и не дали нам с тобой поговорить — отвлекают.

— А вы куда едете? — спрашивает. — В Овсянку?

— Да, — говорю, совершенно не удивляясь его прозорливости: к кому же еще по этому маршруту может ехать артист!

— А знаете, где он живет?

— Нет.

— А я вам покажу.

Мы вышли вместе. Толик проводил меня до угла улицы и показал, как найти дом Петровича. Дошел я до того дома и оглянулся: Толик стоял на автобусной остановке — значит, он вышел раньше, чтобы только проводить меня. Вот такой гостеприимный, внимательный Толик.

Я подошел к открытой калитке и вошел во двор. И вдруг услышал из окна женский голос:

— Витя, Витя, смотри, кто к нам приехал! Левочка к нам приехал! А ты все обижался, что он не едет и не едет.

И тут из дома в пижаме выбегает Виктор Петрович.

— Здорово! Что же ты так долго? А я смотрю на афише — Дуров приехал, и почему-то не заходит. Давай, заходи!

Зашли в дом. Он представил мне свою жену Марью Карякину — тоже литератора, и кряжистого человека с большим плоским лицом и раскосыми глазами, который сидел тут же на табуретке:

— А это наш местный поэт, бывший «панцирник».

«Панцирник» как-то неловко поднялся и откланялся.

— Пожалуй, я пойду. Встретимся на каком-нибудь спектакле. — Он взял в руки две палки и пошел какой-то странной крабьей походкой. Марья тоже оставила нас, сославшись на домашние дела. Виктор Петрович проводил взглядом странного гостя и невесело усмехнулся.

— Вот видишь, мало того, что остался живой — еще и стихи пишет.

А я вспомнил одну встречу на Комсомольском проспекте. Это было 9 мая — День Победы. Я сел в троллейбус и вижу, сидит полковник, а на его груди огромный иконостас — весь в орденах. Я поздравил его с праздником, сказал несколько добрых слов. Вот, говорю, вы заплатили своей кровью за то, чтобы существовала наша страна и люди на ней. Он немного растерялся и посадил меня рядом.

— Спасибо, спасибо, — сказал. — Теперь редко, кто поздравляет, — и спросил: — А вы знаете, в каких я войсках служил? Я служил в «панцирных» войсках.

И рассказал мне, что это такое. Это были особые войска, которые состояли из политзаключенных, из тех, на которых «висела» 58-я статья — антисоветская пропаганда, шпионаж и т.д. и т.п. Им выдавали особые кольчуги, в которых воевали еще наши древние дружинники и на Чудском озере, и на Куликовом поле. «Панцирники»

надевали эти кольчуги поверх гимнастерок, на них — телогрейки и шли в бой. Но эти кольчуги не очень-то и помогали. Редко кто выходил из боя живым — ведь «панцирников» выпускали даже перед штрафниками. Считалось, что если тебя ранило, то ты искупил свою вину кровью, и судимость снималась. И наши умельцы придумали другой способ сохранения жизни. Немецкие каски не кололись — они были двуслойными: на железный лист клали еще и стальной. А наши каски кололись очень легко. И вот их кололи кувалдой, а осколками наспиговывали вспоротую телогрейку. Эта телогрейка надевалась на кольчугу. От прямого попадания это не спасало, но от нее хорошо рикошетило. Так был создан прототип бронежилета. «Панцирники» опускали каску на глаза и с автоматом в руках шли в атаку.

Так я встретил на своем жизненном пути еще одного «панцирника», ныне поэта. В него попали из противотанкового ружья, и он четыре с половиной года провисел на ремнях, потому что его нельзя было класть ни на что жесткое. В конце концов его кое-как собрали, и теперь вот он и ходил такой крабьей походкой...

Мы переговорили с Петровичем о том о сем, перебрали последние новости, и он пригласил меня прогуляться по Овсянке, пока хозяйка готовит стол.

И я увидел те самые огороды, о которых он не раз писал в своих рассказах и воспел в «Оде русскому огороду»; посмотрел на дом, который Петрович поставил на свой первый гонорар старухе-погорелице; заглянул в тот самый подвал, куда отец сажал Витьку, заболевшего малярией, чтобы снять с него хворь. Бабушка, жалея внука, подсовывала туда ему шанежки. И когда Виктор отлежался после тяжелой болезни, он из последних сил поднял крышку погреба и вылез на свет божий.

— Ну жив, — сказал отец, увидев сына. — А раз вылез, живи дальше.

Потом Петрович рассказал о какой-то страшной траве, которая наступает на посевы, о траве, которой в Сибири никогда не было: бурьян со страшными колочками, которого боится даже клевер. И я в самом деле увидел в бурьяне низенький-низенький клевер. Еще показал он мне умирающую от кислотных испарений заводов березовую рощу. С большой грустью говорил, как вырубаются лесные массивы, как река Енисей перестала быть рыбной рекой...

Печальный получился рассказ. И чтобы развеять писателя, я пригласил его с супругой на спектакль «Женитьба». И они пришли и были в восторге. А после спектакля я пригласил их и нескольких актеров из труппы в свой гостиничный номер, где уже был накрыт стол, который венчал великолепный малосольный хариус.

— Вот, ребята, — оглядев нас, улыбнулся Петрович, — смотрю я на вас и вспоминаю свое детство, когда звуковое кино только начиналось. О жизни артистов мы в ту пору ничего и знать не знали — кто на ком женат и сколько получает — даже не пытались: артисты для нас были людьми неземными, дрались и умирали взаправду. И много споров, а то и потасовок требовалось нам, игарским детдомовцам, чтобы выяснить, как убитый командир, хоть бы его и сам Крючков играл, возник снова целый и невредимый?! Словом, были мы простофили-зрители. Мы и титры-то не имели привычки читать: артистов кино помнили чаще не пофамильно, а в лицо. И с гордостью за свою глазастость и памятьливость, сидя в темном, часто холодном кинозале, тыкали друг дружку в бок: «Помнишь бандюгу в «Золотом озере»? Он! А этот в «Тринадцати» и в «Морском посту»! — «Точно! Он всегда командиров играет...»

И никто не одергивал, как нынче: «Эй, теоретик, заткнись!»

Наоборот, прислушивались к памятливому парнишке и даже переспрашивали: «Это который? С дыркой, что ли, на подбородке? Сильный артист!..» А стоило, допустим, появиться на экране Андрею Файту, фамилия которого запомнилась оттого, что судной шибко казалась, как возникал и катился по залу ненавистный шепот: «У-у, вражина! У-у-у, га-ад!» Мои старые друзья по сей день не верят, что именно этот актер сыграл недавно в телефильме «Гончарный круг» премилого, добрейшего

мастерового старика,— он, мол, гадов только может изображать...

— И когда же вы освободились от этой «наивности»? — спросил кто-то из актеров.

— Не знаю... Пожалуй, не освободился и до сих пор. На то оно и искусство — в этом его тайна,— Петрович помолчал немного и продолжал: — На фронте, уже взрослый и тертый вояка, сидел я как-то в тесно забитой бойцами украинской клуне прямо на земляном молотильном току и смотрел кинокартину о войне. Смотрел и вдруг дрогнул сердцем, даже вскинулся: узнал в лицо знакомую с детства артистку. Ровно бы родного кого встретил и хотел тут же поделиться радостью с товарищами, но не до того стало, исчезло вдруг ощущение условного действия. И хотя постукивал за клуней электродвижок, жужжал и потрескивал киноаппарат, все воспринималось вявее.

Может, причиной тому были звезды, видные в разодранном соломенном верху кровли, перестук пулеметных очередей на передовой, запах земли и гари — не знаю, но ощущение доподлинности охватило всех бойцов. Когда дело дошло до того места в картине, где мать убитого дитя, тайком от фашистов закопавшая его во дворе, притаптывала землю, чтоб «незаметно было», она глядела на нас широко раскрытыми глазами, в которых горе выжгло не только слезы, но даже саму боль. И сделались они, эти глаза, как у младенца, прозрачны и голубы, хотя кино было и нецветное. Почудились они нам звездами, они даже лучились, указывая в самое сердце. Она уже ничего не видела и не слышала. Она топталась и топталась по своему дитю и с недоумением и мольбой глядела куда-то далеко-далеко — должно быть, в вечность. Белая рубаха до пят, припачканная землей и детской кровью, похожая на саван, распущенные шелковистые волосы и босые материнские ноги будто исполняли танец вечной муки и возносили ее в такую высь и даль, где обитают только святые. И в то же время блазились — живыми ногами наступает она на живое, дитю больно и страшно в темной земле...

Хотелось остановить ее, да не было сил крикнуть, шевельнуться — оторопь брала, костенела душа, стыла кровь.

— Господи! Господи!..— зашелся кто-то сзади меня.— Что деется? Что деется?!

Я очнулся: в клуне глухой кашель, хрип — солдаты плакали «про себя», давили боль в груди, и каждый думал, что плачет только он один — такой жалостливый уродился — и если ударится в голос — спугнет женщину, которая не в себе, и тогда она очнется и упадет замертво...

Виктор Петрович замолчал, молчали и мы, потрясенные его рассказом. Потом он, не поднимая головы, будто про себя, продолжил глухим голосом:

— Целую вечность спустя я встретился с этой актрисой и спросил, как ей удалось так доподлинно сыграть ту роль. «А я и не играла»,— сказала она и рассказала мне историю, связанную с этим фильмом.

Тогда столичную киностудию эвакуировали в Алма-Ату. Актриса оставила в Москве мужа и восемнадцатилетнего сына. Сын сразу же после ее отъезда ушел в ополчение. И вот в разгар работы над фильмом ее вызывают телеграммой в Москву на похороны погибшего сына. Ей выписали пропуск, проводили на поезд, а через десять дней встретили. Она удивилась, что на вокзал приехал сам постановщик фильма, прославленный режиссер, занятой человек. Но тут же забыла об этом. Привезли ее почему-то не домой, а сразу на киностудию. И как была она — в старой шалюшке, в древней стеганке, в подшитых валенках,— завели в павильон, где их уже ждала съемочная группа. «Но я не могу сейчас работать! — взмолилась актриса.— Это бесчеловечно!» Она плакала, рыдала, а режиссер только молча гладил ее по этой серенькой шалюшке. И когда она выплакалась, сказал единственное распространенное тогда слово: «Надо».

Он дал актрисе ножик, поставил мешок с мелконькой грязной картошкой и стал

расспрашивать ее про Москву. А потом начались съемки, актриса продолжала чистить картошку и так увлеклась, что актера, игравшего немца, а он был доподлинный немец, предупредили: «Будьте осторожны. У нее в руках нож...»

Она работала всю ночь, а когда съемки закончились, режиссер встал перед ней на колени и поцеловал ее руки, испачканные землей: «Прости». — «Бог с тобой, — сказала она. — Получилось ли хоть что? Мне ведь не пересняться. Я умру...»

— Не знаю, друзья мои, — закончил Петрович эту историю, — ответил ли я на ваш вопрос о «наивности». А вообще я считаю, что счастлив тот, кто до конца дней своих сумел сохранить эту «наивность». Это великий дар. Не теряйте его.

— Виктор Петрович, — спросил кто-то, — вы ведь поздно начали печататься? Ну понятно, война...

— Если бы не война, — кивнул Петрович, — я начал бы писать лет на десять-двенадцать раньше. Я испытывал тягу к сочинительству с детства. Разумеется, тогда получился бы другой писатель: лучше или хуже — угадать уже никому не дано. Однако, вне всякого сомнения, тот, не испытавший ужасов войны, не насмотревшийся на кровь и слезы, писатель был бы мне гораздо приятней по той простой причине, что был бы он культурней, образованней, писал бы не об обесцененной и надломленной человеческой жизни, не о страданиях и горе, а о чем-то другом, более нужном человеку и природе, что в общем-то и соответствовало моему жизнерадостному и оптимистическому характеру, который хотя и сохранился в войну, однако понес неизбежные утраты, и они-то часто подминают под себя светлое видение мира. И тогда являются в жизнь и в прозу раздражение, подозрительность, недовольство (прежде всего самим собой), порой и озлобленность — самый плохой помощник в писательской работе.

Потом были общие разговоры просто «за жизнь», и мы проводили дорогих гостей только под утро. И ребята мне сказали:

— Лева, какую же прекрасную ночь мы провели сегодня! И какой это потрясающий человек — как он мыслит и как разговаривает!

В самом деле, Виктор Петрович очень интересно разговаривает. Мне, понимаю, не удалось передать хотя бы частичку его интонации. Его речь напоминает речь простого деревенского человека, и в то же время в каждой его фразе столько мудрости, столько красоты, столько поэзии! Так разговаривают очень немногие. И эта сибирская присказка, которую я опустил: «Ага... ага... ага...» — «Лев, вот тут я написал два рассказа, они тебе наверняка понравятся, ага?»

Никогда он ко мне ни с какими просьбами не обращался. Только однажды оператор Толя Заболоцкий, который тоже дружил с Петровичем, сказал мне:

— Лева, надо нам под Москву, в Хотьково, съездить — Виктора Петровича отвезти к одной старушке, которую он считает своей второй матерью.

— О чем разговор! Конечно, поедem.

И мы с Петровичем поехали. В Хотькове быстро нашли ее дом, вошли во двор и увидели роскошный огород. А когда открыли дверь в избу, почувствовали ни с чем не сравнимый аромат засушенного разнотравья. На кровати, под одеялом, слабо просматривалось худенькое тельце старушки, а на нас смотрели умные-умные веселые глаза. Рядом, на подоконнике, стояла плошка с клубникой. Как потом мы узнали, соседи опекали старушку и ухаживали за ней. Она никуда не хотела уезжать и завещала после смерти и дом, и землю тем, кто ухаживал за ней.

И вот тут началось. Она вдруг стала вспоминать войну — как встречала эшелоны с ранеными, приносила солдатам грибы-ягоды. Казалось, они не могли наговориться с Петровичем. А потом тетя Сима (так звали старушку) неожиданно замолчала, а потом сказала:

— Вить, у меня ведь грех перед тобой... Помнишь, когда Маня привела тебя в

дом, я сказала ей: «Что, ты не могла кого получше найти? Завалящего привела...»

Петрович засмеялся.

— Да я ведь все слышал тогда.

Они посмеялись, а потом тетя Сима посерьезнела.

— Вить, я тут телевизор смотрела. Ну что ты все в драки ввязываешься! Вот ты написал рассказы, а они убить тебя грозятся.

— А чего мне бояться? — опять засмеялся Петрович. — Войну прошли — не боялись, а теперь я козлов всяких бояться должен? Я пишу о том, о чем не писать просто не могу. Ведь ты меня знаешь.

— Вот ты на каком-то съезде, что ли, выступил, всех генералов разозлил. Зачем?

Петрович все попытки тети Симы перевести разговор на серьезные темы сразу же пресекал, обращая все в шутку.

Наконец пришло время расставаться, и тут тетя Сима сказала:

— Вот ты знаешь, Вить, я уже устала жить — пора помирать. Смерть зову...

А Петрович так спокойно:

— А чего ты ее зовешь? Она и так вон бродит где-то рядом. Придет, придет, ты не волнуйся, будь спокойна.

Я был поражен, с каким спокойствием они рассуждают о жизни и смерти: она неизбежна, и чего тут попусту рассуждать! Я даже и не подумал о том, что для Петровича это была очень тяжелая встреча.

В дверях он обернулся, отвесил ей низкий земной поклон и сказал:

— Когда-то еще встретимся? Будем надеяться...

Мы вышли и поехали в Москву. Дорогой Петрович стал рассказывать о войне. Вспомнил, как однажды они захватили немецкую батарею и решили из немецкой пушки открыть по немцам же огонь. А попали совсем не туда — по своей деревне! Оказалось, что у пушки был сбит прицел. Прибежали селяне и чуть этих горе-артиллеристов не избили. Кое-как воины объяснили, в чем дело.

Потом рассказал о старшине, у которого был целый вещмешок различных погон: разных видов войск и разных званий. И вот когда группа подходила к переправе, он смотрел, какие войска охраняют мост, и надевал соответствующие погоны. Говорил, что сам наводил этот плавучий мост и его группа должна переправиться на другой берег, чтобы укрепить там опоры. И их без задержки пропускали.

И вот однажды его «засекли». Он надел погоны особиста и стал орать, что всех пересажает, если не пропустят его группу. Но он забыл, что на этой переправе он уже раза два был в разных родах войск и с разными званиями: то майор, то полковник. И его избили, чтобы он больше не шалил. Принесли его на плащ-палатке солдаты из другой части и сказали:

— Это мы его отвалтузили, чтобы больше не выкобенивался: ишь ты, стал уже изображать из себя особиста!

Потом вдруг Петрович замолчал. Я посмотрел на него и увидел, что он спит: выплеснул из себя какие-то воспоминания о войне, которые будоражили его, и успокоился, уснул.

А через некоторое время Петрович написал мне, что старушка скончалась.

После этого я долго не встречался с Виктором Петровичем. И тут мне позвонили и попросили подписать открытое письмо в газету: местные власти отказали Астафьеву в персональной пенсии! Я был возмущен: как можно было отказать в персональной пенсии — кому? Человеку, который столько сделал для страны и в войну, и в литературе, и в общественной жизни! Писателю, который уже признан классиком русской литературы! Мне стало грустно, настроение было просто ужасное.

Подумал: что же мы за люди?!

Борис Кобринский
(г. Москва)

УХОД*

Борис Аркадьевич Кобринский родился в 1944 г. в Москве. Руководитель Медицинского центра новых информационных технологий Московского института педиатрии и детской хирургии. Доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Международной академии информатизации. Автор более 400 научных работ, в том числе 13 книг.

В течение ряда лет совмещает научную деятельность с литературной работой. Автор ряда воспоминаний, литературоведческого эссе. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Загадка ухода Толстого из дома. Она мучит меня всю жизнь. Разгадать ее невозможно. Можно только предполагать. Что же все-таки было главной движущей силой, заставившей 82-летнего великого писателя покинуть Ясную Поляну? Здесь и внутренний его конфликт с Софьей Андреевной, и желание жить по правде, как он призывал других, по-крестьянски добывая себе пропитание.

Я пытаюсь взглянуть в его жизнь, поближе познакомиться с его мыслями, сохраненными в дневниках и посмертно изданных художественных произведениях последнего периода жизни, в записях близких ему людей.

* * *

Это был его второй уход из дома. Он окончательно решил изменить свою жизнь. Лев Николаевич чувствовал, что далее не может переносить разлад своего внутреннего мира, своего Я с окружающей его жизнью. Он ощущал себя фарисеем, проповедующим отказ от прелестей жизни и одновременно пользующимся услугами других людей. Он чувствовал, что это становится для него невозможным, угнетает его.

Его мучило ощущение дворянского клейма, обязывающего соблюдать неписаные правила, вести определенный образ жизни. Это давило на него, он чувствовал как душа рвется из этих оков, которые не удастся сорвать из-за семьи. Оставался один, давно обдуманый выход — уйти, скрыться из дома, покинуть Ясную Поляну и двинуться в широкий мир крестьянской Руси.

Да, он любил жену, детей, но они не хотели слышать его, считаться с его духовной жизнью. В душе его шла постоянная борьба, но семья, исключая разве что дочерей Александру и Татьяну, пыталась заставить его изменить своим идеалам, что было невозможно. И вот поздним вечером он сделал выбор.

* Публикуем в продолжение тематики «толстовского» № 4, 2010 «Приокских зорь».

Сегодняшняя ночь последняя в Ясной Поляне. К утру его уже не будет здесь. Представления о своей будущей жизни, отвечающей его идеалам, вновь сменялись думами об оставляемых им близких людях — Софье Андреевне, детях, внуках. Эти мысли камнем ложились на сердце, но Лев Николаевич был уверен в правильности принятого решения. Продолжать жить так, как он жил, в непонимании и противоречии со своими убеждениями, он больше не мог. Ему было необходимо ощущение внутренней свободы. Недаром даже составление сборников мыслей «На каждый день», которым он придавал большое значение, вызывало у него внутреннее раздражение, объясняя которое он говорил: «В механической работе есть что-то стесняющее свободу мысли».

Он тяготился невозможностью жить так, как он чувствовал, к чему призывал других. И постоянные ссоры с Софьей Андреевной, и последняя сцена, когда он застал ее в кабинете искавшей его завещание. Именно тогда у него возникло убеждение, что он должен немедленно уйти из дома, покинуть Ясную Поляну. Да еще эта роскошь, — присоединилась тут же привычная мысль.

Все собрано, вещи снесли вниз в повозку. Шел шестой час утра, было еще темно. Лев Николаевич, периодически подсвечивая себе фонариком, спускается на улицу по высокой и крутой подставной деревянной лестнице, чтобы скрипом большой лестницы не разбудить жену. Скорее, скорее выехать из Ясной Поляны; невозможно избавиться от беспокойства, что в последний момент его задержат, вернут в этот дом. Он помогает запрягать лошадей. Прощается с дочерью Сашей и садится в повозку вместе с Душаном Петровичем Маковицким. Проходит несколько минут и вот две белые башенки, обступающие аллею на въезде в Ясную Поляну, остались позади. И в этот момент у Льва Николаевича возникло ощущение, что как бы ушла в прошлое вся прожитая жизнь с ее ошибками, успехами и неудачами, а впереди ждало что-то светлое и чистое, свободное от постоянных угрызений совести.

Раннее утро, темнота на земле и темно-серое небо над головой. Под колесами чавкает осенняя грязь, воздух сырой и сквозь одежду пробивается холод. Создается ощущение, что едут уже очень долго. Лев Николаевич заговорил о том, куда ехать. Потом замолчал. Ему вспомнилось детство, юность, молодость, приезд в Ясную Поляну после женитьбы, создание школы для крестьянских детей и его беседы с ними. Недалеко было Кончаковское кладбище, недавно он попрощался с родными могилами; он вспоминает мать, которую практически не знал, отца, умерших братьев, любимых своих детей — малышкой Машеньку и Ванечку.

И тут же с радостью подумал Лев Николаевич о том, что теперь он будет одним из многих безвестных людей, потеряется в бескрайних российских просторах и никто не станет обращаться к нему как к вашему сиятельству, а просто будут называть его старичком, как в деревне Кочеты, когда он гостил у Татьяны Львовны. Он привык преодолевать препятствия, преодолевать самого себя. Недаром даже при поездках на лошади он выбирал трудную и нередко опасную дорогу. И сейчас он двигался в неизвестность, где основным, как он был уверен, будет жизнь духа. В то же время, его беспокоил вопрос о том, как скоро будет поезд. В результате его пришлось ждать всего один час.

В ожидании поезда он разговаривает с Душаном Петровичем, хотя правильнее считать это монологом: «Мы сейчас окажемся в другом мире. Это можно сравнить с тем чувством, которое возникло у Пьера и Наташи после возвращения из ссылки — знакомый и в то же время чужой мир».

После Горбачево, куда он доехал в отдельном купе, пришлось ехать в вагоне третьего класса, чего всегда добивался Толстой. Но в этот раз вагон переполнен, сильно накурено. Это было тяжело, и часть дороги Лев Николаевич провел на площадке, просидев на раскладном сиденье своей палки. Из Козельска, наняв проводни-

ка, поехали в Оптину Пустынь, так как в тамошней гостинице не спрашивали паспортов, и это позволяло скрыть свой маршрут и незаметно проехать до Шамординского монастыря, где монахиней жила любимая сестра Марья Николаевна. К ней он приехал в ледяной дождь, но не чувствовал холода, настолько было велико ощущение нежности и радости от встречи.

Боязнь быть настигнутым родными заставила Толстого покинуть Шамордино ночью. Но в поезде у него появился озноб, градусник показал 38,1°, и на станции Астапово он с Маковицким и дочерью Сашей, приехавшей к ним в Шамордино, вынуждены были сойти и воспользоваться любезностью начальника станции, предоставившего им комнату в своем доме.

Толстой в сознании. Вспомнив, что вначале он собирался уехать в село Боровково Тульской губернии, переменив потом это решение на поездку к родным в Новочеркасск, он подумал, что может быть избежал бы этой болезни. И тогда он исполнил бы свое давнишнее желание скитания по Руси, которому, он чувствовал, уже не дано осуществиться. Но затем вновь вернулись привычные мысли о том, что болезнь приближает к смерти, то есть к освобождению духа, которому мешало активное, а теперь ослабевающее тело. Это отвечало его желанию, его мыслям последних лет. Духовное, сознание Бога в себе, должно было, наконец, освободиться от всего бренного, земного, временного.

Всплыла запись в дневнике: «Люди думают, что они живут телесно в этом мире, а между тем они не живут в нем, а только проходят через него. Живут они духовно вне времени и пространства...» Да, он и сейчас, накануне перехода в другой мир, не отказывается от этих слов. Ведь смерть не зло, а одно из необходимых условий жизни.

Но одновременно, в глубине сознания, теснились образы из еще не написанных книг. И первые среди них — декабристы, которые десятилетия занимали его ум, но продолжение «Войны и мир» так и осталось не написанным, и теперь уже это окончательно.

Неожиданно ему вспомнился разговор с секретарем Валентином Булгаковым, помощником, как он называл его мысленно и вслух. Он говорил тогда ему, что тюрьма была бы для него лучше, чем жизнь в доме. И он подумал, что сейчас, больной, будучи изолирован от мира в одной, чужой для него комнате, он как заключенный. А в тюрьме никто не мешает перелистать дни своей жизни. И первыми вспомнились грехи молодости. Подумалось о том, что причиненное каждым из людей зло, наполняет страданиями этот мир.

Временами мысли затуманивались, путались. Он впадал в сонное забытие. Виделось, как он кормит свою лошадку, а вокруг молчащие голодные крестьяне, мечтающие об овсе. Всплывают огромные цифры 1841, напоминающие голодный год. Эту картину сменяют дружные муравьиные семейства, которые он не раз наблюдал в лесу, и детские игры в муравейных братьев, которые все говорят друг другу прямо.

Лев Николаевич проснулся, приоткрыл глаза, но быстро прикрыл их, вновь погружившись в дрему. Вскоре его лицо сделалось мрачным. В это время он видел себя за картонным столом. Он пытался вырваться, уйти от этого сновидения. Наконец это ему удалось. Открыв глаза, он попросил пить. На вопрос дочери Саши, сообщить ли о его болезни семье, попросил вызвать Черткова. Когда тот на другой день приехал, они оба плакали от радости этой встречи. Позже, с ухудшением состояния, телеграмма с просьбой привезти доктора Никитина была послана Сергею Львовичу.

Толстой ощущал приближение конца земной жизни. Но это его не пугало, а радовало. Ему припомнилась еще одна недавняя запись для дневника: «Бог дышит нашими жизнями и всей жизнью мира. Он и я одно и то же». Это правильно, подумалось ему, Бог во мне. И вспомнилась еще одна фраза: «Когда сознаешь Его в себе и в других существах, то сознаешь Его и в Нем самом». Уход в другую земную жизнь в

глубине России или в смерть представлялся ему сейчас одинаково желанным. Это было избавление от прошлого, от того зла, которое сопровождало его жизнь. Подходящему к нему в это время доктору он сказал: «Ближе к смерти, это хорошо».

Вновь наступило забытие, в котором он что-то очень тихо и неразборчиво говорил. Было похоже на внутренний монолог. Но вдруг все услышали громко и четко произнесенное: «Удирать, надо удирать!» Его мучил страх возвращения в Ясную Поляну, к прошлой жизни, от которой он стремился уйти.

Через некоторое время, открыв глаза, привычно попросил записать что-то. Александра Львовна подошла к нему с карандашом и блокнотом, но Лев Николаевич ничего не говорил. Потом попросил прочитать записанное и стал волноваться. Давала себя знать многолетняя привычка диктовать, исправлять и вновь уточнять, шлифовать свои мысли.

Вечером, накануне конца, придя в себя, Лев Николаевич пытался говорить с сыном Сергеем, но из сказанного почти неслышным голосом удалось разобрать лишь «Истина... люблю...» О том, что истина является его героем, которого он любит всеми силами своей души, Лев Толстой впервые сказал, будучи еще молодым человеком. И пронеся эту любовь через всю жизнь, он как бы передавал ее своему Сереженьке.

Приехавшую экстренным поездом Софью Андреевну долго не пускали к мужу. Боялись, что такое волнение для него опасно. Увидела она Льва Николаевича, когда он был уже без сознания. Сев у изголовья, она говорила с ним, просила у него прощения, шептала нежные слова.

В это время, перед мысленным взором Льва Николаевича проносились образы Васи и Егора, которых он учил в Яснополянской школе и с которыми ездил в башкирские степи, Ерошки из Старогладковской станицы на Кавказе, детей, Софьи Андреевны, Владимира Григорьевича Черткова, брата Николеньки. Он как сквозь вату слышал обрывки слов, обращенных к нему и как-будто разговоры между собой людей, в молчании находившихся в комнате. Но вдруг наступила тишина, он успел ощутить безмерный покой, и все скрылось в темноте.

Рудольф Артамонов*
(г. Москва)

ПОВЕСТЬ О РУССКОЙ СОЛЬВЕЙГ

Часть первая. ГРЕГОР

— Нет твоей Фимы. Ушла с другим.

Грегор не уходил. Его лицо невысокого плотного мужчины выражало скромность и одновременно настойчивость.

— Можно я подожду,— сказал он.

— Подожди, подожди. После дождика в четверг придет твоя Фима. Как нагуляется.

Грегор расстегнул легкое пальто, снял клетчатую кепку с ушами, застегнутыми на макушке, сел на табурет.

Лиза повернулась к своим подружкам, растянула пальцами ноздри своего востренького носика, а глазами показала на усевшегося Грегора.

Две подружки Лизы втянули носом воздух и закатили глаза от восхитительного духа, исходившего от Грегора.

— Гриша, а как будет по-английски «здравствуйте»? — спросила Лиза.

— Хау ду ю ду,— спокойно ответил Грегор, вполне понимая, что девчонки над ним потешаются.

— А по-испански?

— Салют.

Грегор достал из кармана пальто газету и стал читать. По всему было видно, что уходить скоро он не собирается.

Не очень тихим шепотом Лиза сказала подружкам: «Уже месяц ходит. То ли англичанин, то ли испанец. Фимка от него бегать стала, а он все ходит. Цветов не носит, но конфеты — пальчики оближешь. Ко мне подлизывается — самописку подарил, заграничную. Чтобы я не отговаривала от него сестру. А мне-то что!»

Грегор слышал этот шепот, но понимал не все. Он знал, что сестра Фимы не любит его, но обиды на нее не имел. Она была веснушчатый длинноногий подросток и чем-то напоминала его младшую сестру Дженнифер, единственную из всей семьи не осуждавшую его за отъезд в советскую Россию.

«Такой же пострел,— думал он по-английски,— задира. Как говорят по-русски, палец в рот не положи».

«Как они все там,— продолжал по-английски думать Грегор.— Не пишут. Не могут простить».

Он тяжело вздохнул.

— Сказала, с другим ушла. Придет не скоро, вздыхай - не вздыхай,— сказала Лиза.

Вдруг Грегор поднялся и подошел к ситцевой занавеске, разделявшей небольшую

* Наш постоянный автор.

комнату пополам. Одна половина принадлежала старшей сестре, Пелагии, с ее мужем. Другую — занимали Лиза и Фима. Грегор отодвинул занавеску. За ней стояла Фима.

— У меня есть два билета на фильм,— спокойно сказал Грегор.— Пойдем, пожалуйста.

Фима была вся красная. Пришлось под взглядом Грегора становиться на колени и из-под кровати вытаскивать свое пальто. Оно подалось не сразу, кровать была низкая, не кровать, собственно, а топчан, сколоченный мужем Пелагии из досок. Фиме с трудом удалось запихнуть пальто под кровать перед приходом Грегора, чтобы он не обнаружил его и не догадался, что она дома. Теперь с таким же трудом приходилось его вытаскивать.

Когда пальто было извлечено, Фима предстала перед Грегором с пылающим лицом и сердитыми глазами.

Грегор растерялся. Он думал, что она сердится на него, а не на пальто или ситуацию, невольным свидетелем которой он стал. В груди у него защемило. Он боялся этой боли. Ничего хорошего она не предвещала.

— Пошли? — сказал он Фиме, и голос его был нетверд.

— Пошли,— коротко сказала Фима и сердито посмотрела на сестру.

— Идите, идите, голубчики,— сказала озорно Лиза. Когда Грегор направился к двери, она растянула пальцами свои ноздри и показала его спине язык.

* * *

Они вышли с Донской на Якиманку. По улице двигалась колонна демонстрантов.

«Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля ...» оглушительно неслось из репродукторов. Было прохладное майское утро. Первомай. Так назывался этот праздник по-русски. Праздник солидарности трудящихся всего мира. Грегор пришел в волнение. Он любил демонстрации. Вид большого числа людей, охваченных единым порывом радости, простые лица простых людей, когда каждый друг другу товарищ, брат, когда нет в этом потоке сытых буржуазных господ, одеждой и выражением лица старающихся отличить себя от остальных, когда над головой плещутся красные флаги и гремят пролетарские песни — все это заставляло быстрее биться его сердце, блестеть глаза. Его смуглое лицо с широким носом, который так не нравился Лизе, светилось радостью.

Он распахнул пальто и снял свою клетчатую кепку. Он готов был любому из рядом идущих демонстрантов пожать руку, похлопать по плечу и сказать — «товарищ», «пролетарский друг».

Там, на его далекой заокеанской родине демонстрации были оружием классовой борьбы, противостояния, иногда жестокого и кровавого, власти, буржуазной власти, враждебной трудовому народу. Там на тех демонстрациях им владели чувства гнева и страха, ожесточения и решимости. Там всегда был риск получить удар полицейской дубинки или оказаться в участке.

Здесь все было по-другому. Здесь — искренняя радость, всеобщее ликование. Здесь — волнующее сердце шествие свободных людей свободного общества, полных сознания своего достоинства, настоящих хозяев своей страны, которым некого бояться. Радость переполняла сердце иностранного коммуниста, отвергшего прелести буржуазного существования, и вопреки воле своих близких приехавшего в страну победившего пролетариата, взявшего власть в свои руки и строящего совершенно новое, свободное от лжи и насилия общество.

Его радость удваивалась оттого еще, что рядом была Фима. Русская девушка, из рабочих, с крепкими руками и сильной фигурой. Она спокойно шла рядом с ним. Ее лицо не светилось радостью. «Для нее демонстрация — привычное дело. Она выросла в свободной стране»,— думал Грегор.

Он впервые увидел Фиму на заводе «Красный пролетарий». Сопровождал делегацию американских рабочих в качестве переводчика. Фима стояла у станка в красной косынке и комбинезоне.

Уверенные движения сильных рук, спокойное красивое лицо девушки вызвали восхищение американских рабочих. Делегация остановилась у ее станка. Американцы кивали головами и что-то говорили Фиме.

— Американские рабочие приветствуют русскую рабочую девушку,— сказал Грегор Фиме. — Они рады видеть, как она хорошо работает.

— И от меня передавайте им привет,— сказала спокойно Фима, не прерывая своей работы.

Грегор перевел.

Американцы заулыбались, один из них похлопал ее по плечу, и они пошли дальше.

Грегор часто потом вспоминал русскую девушку, стоящую у станка в красной косынке, уверенную в себе и умеющую держаться с достоинством.

«Это люди нового типа. Это креатура нового строя, при котором пролетарий — хозяин своей судьбы и страны» — думал он.

Но Грегор был молод, всего двадцать пять лет. Эта девушка поразила его не только своими пролетарскими достоинствами. Она была красива. Смуглое лицо и черные волосы, выбивавшиеся из-под красной косынки, делали ее похожей на девушек его страны. Это усиливало ее привлекательность для Грегора. Он скучал по своим, по родине. Он не жалел, что приехал в Россию. Выбор был сделан сознательно. Он несколько лет учил русский язык, чтобы осуществить свою мечту приехать сюда и вместе с русским рабочим классом строить новый, доселе невиданный мир.

Но молодость и южный темперамент брали свое. Его товарищи по Коминтерну были не чужды любовных авантюр с русскими девушками. Особенно отличались французы. Ох, уж эти французы! Кажется, кроме коммунизма, они и думали только о девушках. Для Грегора коммунизм и любовное легкомыслие казались несовместимыми. Девушки — такие же товарищи, которые трудятся рядом с тобой, делают одно большое общее дело.

После той встречи на заводе девушка с завода «Красный пролетарий» не уходила из его памяти.

Второй раз он увидел ее на торжественной встрече коллектива завода с делегацией испанских рабочих. Испанский был его родным языком, и он опять был переводчиком делегации.

Фима сидела в президиуме собрания, за длинным, покрытым зеленым сукном столом, рядом с кем-то из партийных вождей, кажется, Вячеславом (какие трудные у русских имена) Молотовым. Такой чести удостаивались ударники труда, лучшие рабочие. Русские товарищи говорили долго и очень серьезно, переводить было трудно. Стоя рядом с очередным оратором на трибуне, Грегор поглядывал на девушку в президиуме. И видел, что ей было скучно сидеть так долго и нечего не делать.

После мероприятия Грегор подошел к Фиме, сказал, что видел ее раньше, на заводе, у станка, что ему очень нравятся Россия, русские пролетарские товарищи, и что в России очень красивые девушки.

Он проводил ее до общежития рабочих завода, где она жила, и попросил разрешения приходить.

И вот теперь она шла рядом с ним в колонне Первомайской демонстрации.

В отличие от Грегора Фима не была взволнована происходящим вокруг нее. На демонстрациях она бывала уже не раз. С самого начала, когда она шестнадцатилетней девушкой приехала из Сасова в Москву и поступила на завод ученицей на шлифовщицу, первая демонстрация на Октябрьские праздники произвела на нее сильное впечатление. С тех пор прошло три года. По две демонстрации в год — первомайская

и октябрьская. Ничего особенного. Демонстрация как демонстрация. Было довольно прохладно, время от времени начинал порошить снег. Фиме хотелось в кино или в кафе. Она встречалась с Грегором уже три раза, и каждый раз они заходили в кафе на Пятницкой. «Выпить чашечку кофе», как говорил он.

Этот иностранный парень, то ли испанец, то ли американец, Фима еще не знала, вызывал в ней больше любопытство, чем какое-либо иное чувство. Он приехал в Советский Союз недавно, года нет, и ходил еще в иностранной одежде. Фиме нравилось, что на улице на них обращают внимание, что он всегда водил ее в кино или кафе, а не просто слонялся с ней по улице, как делали другие Фимины молодые люди. В кино он покупал ей мороженное, в кафе умел долго пить всего одну чашечку кофе, рассказывал ей о своей стране и расспрашивал ее о ней самой, о заводе, на котором она работала. Это было не похоже на встречи с ее знакомыми парнями.

Иногда Фима чувствовала себя неловко с Грегором. Ей казалось, что он ее изучает, как неведомое ему существо из неведомой страны. Но уклониться от встреч с ним не удавалось. Он всегда умел настоять на своем, как сегодня. А ей было неудобно ему отказывать. Все-таки иностранец. Лизка, младшая сестра, сразу невзлюбила Грегора. А Фиме он нравился все больше, и она этого боялась.

Демонстрация, оглушая их лозунгами, несущимися из репродукторов попеременно с песнями, выкриками здравий в честь партии и Сталина, несла их по улице дальше и дальше вместе с танцующими и веселящимися празднично одетыми людьми.

— А в кино мы пойдем? — спросила Фима, не желавшая ни танцевать, ни петь и изрядно озябшая в своем легком коротком пальтишке.

— Да, да, — поспешно сказал Грегор.

Они выбрались из колонны демонстрантов, поворачивавших на мост через реку. Грегор сделал это без сожаления. Он чувствовал себя плохо. В груди, там, где сердце, неприятно щемило. Боль началось пять минут назад, и он знал, что она будет только усиливаться. Это было не в первый раз.

— Не иди быстро, пожалуйста, — сказал Грегор Фиме.

— Что с вами? — спросила Фима.

Она повернулась к нему и увидела, что он бледен.

— Я болею. Мне надо садиться, — ответил он.

На счастье, они шли мимо сквера. Она усадила его на скамейку. Он медленно стал клониться. Пришлось уложить его.

— Мне больно. Давит здесь, — тихо сказал Грегор и указал на середину груди.

Фима поняла не сразу, что надо делать.

Грегор показал, что надо делать.

Фима поняла. Она обеими руками стала надавливать ему на грудь.

— Больше. Больше, пожалуйста, — шептал бледными губами Грегор.

Стали собираться зеваки. Посыпались советы, что и как надо делать. Кто-то побежал вызывать «скорую».

— Довела парня. Вертихвостка, — сказала какая-то бабка.

Фима было жалко Грегора и страшно неловко, что вокруг стоят люди.

— О, Фима, — стонал Грегор и умоляющими и извиняющимися глазами смотрел на нее.

Приехала «скорая».

Грегора уложили на носилки. Когда их вдвигали в машину, он не сводил глаз с Фимы.

Ей не разрешили сопровождать его в больницу.

* * *

— А что сказать Грегору, если придет, — не спросила, а с издевкой сказала Лиза.

— Сама знаешь. Скажи, что ушла с другим, — ответила Фима.

— Ладно, скажу, что ушла на собрание комсомольской ячейки. Идет?

— Идет.

— Что ты в нем нашла. Он хоть тебя угощает?

— Угощает, угощает.— ответила Фима, надевая вязаную бабкой Стешей еще в деревне кофту и поправляя свои черные, коротко стриженные волосы перед зеркалом.— Вчера «угостил». Ему стало плохо с сердцем. Прямо на улице. Отвезли в больницу. Я так испугалась.— говорила Фима. Зеркало было маленькое, стояло на комод, и разглядеть себя всю ей не удавалось. Она поворачивалась перед ним одной стороной, другой, оглядывая себя. — Вообще мне жалко его. Ему, наверно, трудно у нас.

— А ты пожалей его,— озорно сказала младшая сестра.

— Ну вот, кажется все,— сказала Фима, надев пальто и бросив заключительный взгляд на себя в зеркале.

— Пашке пламенный комсомольский привет! — сказала Лиза.

— Отстань,— ответила Фима и ушла.

Павел, или Павел Иванович, ждал ее у входа в Парк культуры и отдыха имени Горького. Он был лет на пять старше Фимы, учился на рабфаке, носил галстук и был бригадиром Фиминой бригады шлифовщиц. Они встречались с полгода. Фиме льстила дружба с Павлом. Она долго была с ним «на вы». Сначала даже звала его Павлом Ивановичем.

Павел Иванович был из деревенских и жадноват. Их встречи чаще всего заключались в долгих хождениях по улицам. Иногда, как сегодня, он назначал ей свидание в парке, и это означало, что он угостит ее мороженым, самым дешевым, и еще они пойдут в Комнату смеха и будут смеяться друг над другом.

Паша, Павел Иванович, был занятный молодой человек. Он передружился со всеми девушками своей бригады, и с каждой его «роман» был недолог. Он был осторожен с девушками. Боялся «зайти слишком далеко», слишком потратиться на «подругу» и свидания им назначал редко. Фима нравилась ему. «Все при ней»,— говорил он сам себе. В глубине своей не очень глубокой души он чувствовал, что у него с ней надолго, может быть, навсегда. Импонировало ему и то, что она много от него не требовала. Довольствовалась скромными его «угощениями» и длительными прогулками.

Фима же продолжала знакомство с Павлом Ивановичем, во-первых, потому, что ей эта дружба льстила — все-таки бригадир, рабфаковец, будущий инженер, а во-вторых, он был свой, из простых, как и она. Естественным женским чутьем догадывалась, что он со временем подчинится ей, и она будет верховодить, а не он, как сейчас. Ну, и в-третьих, у нее сейчас просто не было никого лучше. Грегор не в счет. Он иностранец. Кто его знает, что у него на уме. У них на заводе не принято дружить с иностранцами. На них смотрят косо. Делегации иностранные, конечно, встречают радушно. Говорят о дружбе и солидарности всех трудящихся мира, улыбаются, трясут руки. Но чтобы кто-то дружил с кем-то из них, Фима об этом не знала. Не видела.

У Паши, Павла Ивановича, тоже были свои резоны. Двадцать пять. Пора. Прокормить сможет. Все-таки бригадир. Скоро будет инженером. Он это очень ценил. И, как крестьянский сын, боялся прогадать. Фима, конечно, лучше его, красивее, ударница, в президиум сажают. Надо сделать так, чтобы она чувствовала, что он, Павел Иванович, делает ей честь, что он не просто Паша. Ее даже никто не зовет Ефимия. Зовут просто «Фима» и даже «Фимка».

Но Фима не очень-то выказывала почтение к своему «ухажеру». Знала себе цену. Это озадачивало бригадира. Другие его «зазнобы» так и льнули к нему. Приходилось остерегаться, чтобы «не зайти слишком далеко». А Фима — нет. Ей как будто было все равно — бригадир он или нет, просто парень.

Павел Иванович, как ни боялся, уже готов был с Фимой «зайти далеко». Стал делать попытки «давать волю рукам». Фима знала, что мужчины без этого не могут, но

почему-то прикосновения Павла Ивановича ей были неприятны, он это почувствовал и оставил свои попытки.

В тот вечер они долго, до усталости, гуляли по парку. Ели мороженое. Заходили в Комнату смеха. Паша охотно смеялся над Фимой. Фиме же казалось, что кривые зеркала делают Пашину фигуру еще нескладней, чем на самом деле, а его большие уши еще больше.

После Первого мая в парке открывали лодочную станцию, в пруд выпускали белых лебедей. Они бесшумно скользили по тонкой водной глади среди прошлогодних листьев, легким ветерком сдуваемых в пруд. Их кормили с лодок. Лебеди подбирали кусочки печений, булок, но лодки близко к себе не подпускали, величаво отплывая от них подальше.

— Покатаемся? — спросила Фима.

— Очередь большая, — ответил Павел Иванович неохотно. — Через час уже темно будет.

Они еще долго, молча, ходили по аллеям парка. Дотемна.

Фима устала. Павел Иванович тупо молчал. Ему было неловко за неудачное свидание. Скучающий вид Фимы злил его.

Когда они остановились у фонаря, и Фима достала из сумочки зеркальце, чтобы поправить прическу, Павел Иванович злым голосом сказал:

— Фима, а ты ведь рябая.

— Найдите себе гладкую, — сказала Фима.

Она повернулась и пошла по аллее к выходу из парка.

Павел Иванович испугался и не стал догонять ее.

— Ну, что? Чем отличился сегодня Паша? Мороженое и Комната смеха? — спросила Лиза, когда Фима вернулась со свидания.

— Отличился, — коротко ответила Фима.

— Значит, отличился, — заключила сестра, видя, что Фима расстроена и вовсе не расположена к разговору.

Лежа в темноте в постели, Фима с обидой до слез вспоминала слова Павла Ивановича. «Рябая! Никто никогда не говорил мне об этом. Даже подруги». Пятилетней девочкой в деревне, в Березове Колдомышевского района, у бабушке Стеши она заболела оспой. Болела тяжело, но осталась жива. Только на лице осталось пять маленьких «рябинок». Еле заметных. По две на щеках и одна на лбу. Если припудрить лицо, их не было видно. Но пудриться Фима не любила. На заводе девчонки не пудрились. Была одна, которая пудрилась, но она была взрослая.

Фима не догадывалась, что слова, сказанные Павлом Ивановичем, имели только одну цель — унижить ее, показать ей свое превосходство.

Фима долго ворочалась в постели. Перед тем, как заснуть, она решила, что никогда больше не будет встречаться с Павлом Ивановичем. Засыпая, она думала о Грегоре. Случившееся на первомайской демонстрации с ним вызывало теперь в ней чувство жалости и что-то еще, чему она пока не знала названия.

* * *

Заболела Лиза. В ночь на воскресенье у нее разболелся живот. Пелагии, старшей сестры, не было. Она с мужем уехала в отпуск в деревню, к своим.

Фима сначала думала, что все обойдется. Велела сестре не вставать, лежать в постели. Но Лизе лучше не становилось. К полудню ее вырвало. Она лежала, бледная, скрючившись, обхватив руками живот, и стонала.

Фима стало страшно, когда к вечеру Лизе не стало лучше.

— Лизка, не закрывай глаза. Что с тобой?

— Не видишь, умираю, — сказала Лиза.

— Дура.

— Сама дура.

— Нашла время острить. Мне страшно, а ты... — жалобным голосом сказала Фима.

— Вызови врача. Не проходит никак. Чего ждать? — со стоном сказал Лиза.

Фима заметалась. Куда идти? Что надо делать?

Фима была здоровой девушкой. Никогда не болела. Как все здоровые люди, она очень боялась болезней. Она не понимала, как это что-то может болеть. За болью ей чудилось что-то страшное. Ей казалось, что сейчас на ее глазах Лиза умрет. А она, Фима, стоит и не знает, что делать.

— Возьми пятиалтынный и иди звони, — слабым голосом сказала Лиза сестре.

— Да, сейчас, сейчас.

Фима накинула на плечи кофту и направилась к двери.

В дверях она столкнулась с Грегором. В руках у него были цветы.

В первый раз она искренне обрадовалась его приходу.

— С Лизой плохо, — сказала она, взяла его руку и повела в комнату.

Фима стеснялась, когда Грегор приходил к ней в дом. Она не хотела, чтобы он видел, как они бедно и неустроенно живут. Она догадывалась, что там, за границей, откуда он приехал, живут по-другому, лучше, красивее, чем они здесь. Здесь все было убого — маленькая комната, перегороденная занавеской, две кровати, тумбочка, комод с осколком зеркала не нем да две табуретки.

Но сейчас было не до стеснения. Страх за сестру вытеснил все.

Увидев Лизу, Грегор сразу понял, что дело серьезное.

— Необходим доктор, — сказал он Фиме.

— Надо терпеть. Недолго, — сказал Грегор, присев на табурет рядом с Лизой и беря ее руку в свою. — Мы пойдем звать доктора.

Фиме стало легче: Грегор знал, что делать.

Они вышли на улицу, позвонили из телефонной будки на «скорую» и сделали вызов.

— Не волнуйся. Доктор поможет, — говорил он Фиме, обнимая ее за плечи, когда они возвращались к Лизе. Фима заплакала. Грегор еще никогда не обнимал ее. Самое большое, что он позволял себе, это взять ее под руку или предложить свою. Сейчас его объятие показалось ей таким естественным жестом сочувствия, что она сама прильнула к плечу Грегора.

Пока они ждали врача, Грегор сидел рядом с кроватью Лизы, держал ее за руку и рассказывал ей про свою сестру, Дженифер, которая живет там, далеко, за океаном, и очень на нее, Лизу, похожа. Такая же светленькая, не как он, Грегор, черноволосый, с тонким остреньким носиком, как у Лизы, а не как у него, с широкими ноздрями.

При упоминании о ноздрях, Лиза слабо улыбнулась. Несмотря на боль в животе, ее забавляла неправильная русская речь этого смешного иностранца.

Фима смотрела на Грегора, улыбающуюся сестру, и ей захотелось, чтобы Грегор был с ними всегда.

Эти три года в Москве Фима и Пелагия прожили трудно. Одни в чужом огромном городе, без старших — родителей или кого-нибудь из родственников, без подмоги из дому. Кто поможет — бабушка Стеша, которой самой за семьдесят? Когда они нашли работу, и Пелагия получила комнату в общежитии на себя и на Фиму, они решили вызвать из Сасова младшую сестру, Лизу. Образование дать, на работу устроить. Теперь Пелагия вышла замуж и скоро ей, как семейной, от производства дадут отдельную комнату, и Фима останется с Лизой одна, за старшего. Она боялась этого. Вот теперь Лизка заболела. А она даже не знает, что надо делать. Хорошо Грегор с ними.

Грегору в чужой стране тоже не хватало близких людей. Там, у себя дома, он был старший брат двух сестер. Он любил их и теперь скучал по ним. Старшая из сестер, как и его родители, осуждала его за решение уехать в далекую советскую Россию и

перед отъездом неделю с ним не разговаривала. Отец, крупный адвокат, и слышать не хотел о «красных» идеях сына. Считал это блажью, надеялся, что это скоро пройдет. Но «это» не проходило, сын собрался в Россию, к большевикам! Отец пришел в ярость. Перестал разговаривать, а потом и видеться с сыном. Мать сначала металась между мужем и сыном и, наконец, стала на сторону мужа. Грегор стал чужим в своей семье. Никто не вышел проститься с ним. Только его любимица, светловолосая Дженифер, перед его отъездом улучила момент, когда никто не мог ее заметить, бросилась ему на шею и заплакала. Ей так не хотелось с ним расставаться...

Приехала «скорая».

Врач осмотрел Лизу.

— Аппендицит,— сказал он. — В больницу.

— Вы кто ей будете, брат? Несите в машину,— сказал он, обращаясь к Грегору.

Фима помогла Лизе одеться. Та, не стесняясь Грегора, позволила себя переодеть прямо при нем. Когда Лиза была готова, Грегор бережно взял ее на руки и понес к машине.

Он вспомнил, как в прошлом году он учил Дженифер езде на велосипеде, и она свалилась с него, и больно ушибла ногу. Вот так же, как сейчас эту русскую девочку, он нес Дженифер по аллеям их парка к дому и утешал, рассказывая всякие смешные истории.

Им не разрешили сопровождать Лизу в больницу в карете «скорой помощи». Сказали, что отвезут больную в больницу имени Тимирязева.

Это было недалеко, на Полянке. Когда они приехали туда, им сказали, что Лизу взяли на операцию. Они просидели в коридоре хирургического отделения до трех часов ночи и не уходили, пока операция не закончилась. Узнав о благополучном исходе, они пошли домой.

Грегор провожал Фиму. Они шли ночными улицами Москвы, и Фима, несмотря на усталость и тревоги, пережитые за день, хотела, чтобы эта дорога от больницы до дома никогда не кончалась.

Когда у дверей ее дома Грегор протянул ей руку, Фима неожиданно для себя прильнула к нему и поцеловала его в губы.

* * *

— Фима ушла в магазин,— сказала Лиза, когда Грегор пришел. — Она скоро вернется,— поспешно добавила она, боясь, что Грегор уйдет.

Она лежала на кровати и была еще слаба после операции. Лицо ее было бледное, а носик еще более остреньким, чем всегда.

— Это тебе,— сказал Грегор, садясь рядом с кроватью Лизы на табурет. Он достал из портфеля и положил на тумбочку три больших яблока.— Ты должна быстро быть здорова.

— Ты должна быстрее выздоравливать,— поправила Лиза.

— Хорошо. «Ты должна быстро выздоравливать»,— повторил за ней Грегор. Потом сказал,— Тебе надо молчать. Нельзя напрягать живот. Рана плохо заживает, если напрягать живот.

— Значит, мы будем молчать? — спросила Лиза.

— Я буду тебе читать книгу. Хорошо?

— Хорошо. Только что-нибудь интересное и по-русски.

Грегор улыбнулся, оценив юмор девочки, и снова открыл свой портфель.

— Карл Маркс. «Капитал»? — в свою очередь пошутил он.

— Это читайте дома,— сказала Лиза.

— Хорошо. Тогда буду читать Чехов. О'кей? — сказал Грегор, доставая из портфеля небольшую книжку.

— О'кей,— ответила в тон ему Лиза.

— «Дом с мезонином»,— начал Грегор. — Что такое мезонин, Лиза?

— Не знаю,— ответила Лиза.

Грегор читал. Лиза, слушая его, улыбалась, когда он неправильно произносил русские слова. Поправляла его. Он послушно исправлял свои ошибки. Делал это подчеркнуто старательно, и оттого было еще смешнее. Придерживая рукой живот, чтобы не было больно, Лиза хмыкала, еле сдерживая смех.

За этим занятием их застала Фима. Грегор встал, увидев ее.

Она не удивилась, что Грегор здесь. Он помог привезти Лизу домой, когда ее выписали из больницы, и опять на руках поднимал ее на второй этаж до самых дверей.

Фима поставила сумку на пол, сняла пальто и присела рядом с ними на свободный табурет.

— Читайте, читайте,— сказал она,— я тоже послушаю.

Она вглядывалась в лицо Грегора, склонившегося над книгой. Теперь он нравился ей больше. В первые встречи он казался ей некрасивым. «Лицо какое-то иностранное»,— думала она тогда. К тому же бабочка, вместо галстука. Клетчатая кепка с ушами на макушке. И в обращении с ней он был не как все, не простой. Не брал ее под руку, а подставлял свою. Всегда провожал до дома, но без приглашения в дом не входил. «Ненашенский какой-то»,— не раз думала она. На улице, на людях с ним она себя чувствовала неловко, стеснялась. Ей почему-то казалось, что на нее смотрят осуждающе за то, что она с иностранцем. А то, что Грегор иностранец, было видно за версту, считала она. На заводе еще никто не знал о ее дружбе с Грегором, и она боялась, что когда-нибудь узнают.

Сейчас лицо Грегора стало ей более понятным. Он перестал для нее быть иностранцем. Что-то даже родное угадывалось в нем. Такой же смуглый и черноволосый, как она, Фима. Он сидит на табурете рядом с кроватью Лизы и читает ей книгу, как читал бы брат своей сестре, близкий родной человек. Она даже перестала стесняться убогости своего жилья, этих табуреток, сколоченных из досок мужем старшей сестры Пелагии кровати, ее и Лизиной.

— Давайте пить чай,— сказала она.— Хватит читать, Грегор устал.

Лиза, не ожидая такого от Фимы, удивленно воззрилась на сестру, а потом, придерживая живот, чтобы не было больно, захмыкала, сдерживая смех.

— Я купила сахар. И две сайки,— сказала Фима, извлекая из сумки продукты.— А нас трое. Лизке, как больной, целую, а мы с тобой поделимся.

Фима неожиданно для себя в первый раз назвала Грегора на «ты» и даже не заметила этого. Грегор тоже не заметил.

Фима постелила на тумбочку чистое полотенце, поставила три стакана, сахар на блюдце и выложила две сайки.

Фима и Грегор не ушли от Лизы. Они просидели за чаем все то время, которое было предназначено для свидания.

Когда это время закончилось Фима пошла проводить Грегора до остановки трамвая.

— В пятницу мы пойдем в Большой театр. Там будет «Кармен». Ты слушала «Кармен»?

Фима не знала, что такое «Кармен». И никогда не была в Большом театре, хотя слышала о нем.

— А когда, в какое время? — спросила она, не отвечая на вопрос.

— Вечером, в девятнадцать часов.

— Хорошо, пойдем. У меня утренняя смена, к семи успею.

Когда Грегор протянул ей руку, она опять поцеловала его.

С подножки трамвая Грегор помахал ей рукой.

Фима помахала в ответ, повернулась и пошла к дому.

Был теплый майский вечер. Последние дни мая. Зелень на деревьях была еще свежей. Зажигались фонари, делая улицу красивой и таинственной. Фима шла, напевая какой-то веселый мотив, без слов. Самое страшное было позади — Лизка выздоравливала. На работе все было хорошо. Грегор... Пятница будет послезавтра.

* * *

Фима ошибалась, думая, что на работе никто не знал о ее дружбе с Грегором. Знали.

— Кузнецова, зайди ко мне в обеденный на минутку,— сказала ей Мария Петровна, парторг цеха.

«Я же не партийная, а комсомолка,— недоуменно думала Фима.— С чего это прямо сразу в партком?»

В комнате парткома была только Мария Петровна. Она сидела за столом. Сзади нее на стене висел портрет Иосифа Виссарионовича Сталина. На столе стоял графин с водой и два стакана.

— Садись, Кузнецова. Рассказывай, что у тебя там с этим иностранцем. Как его зовут?

— Грегор,— коротко ответила Фима, садясь за стол напротив Марии Петровны.

— А фамилия?

— Не знаю. — Фима сама удивилась, что до сих пор не знает фамилию Грегора.

— А что ты еще не знаешь о нем?

Мария Петровна, в общем, была добрый человек. Могла поругать, даже накричать. Но была отходчива, зла не держала. Любила молодежь. Отчитает громогласно, а потом возьмет своей большой сильной рукой и крепко прижмет провинившегося, не глядя, парень это или девушка, к своей необъятной теплой груди. Ей было за сорок. В цехе она никого не боялась.

— Ничего не знаю.— Фима опустила голову. Ей, в самом деле, показалось, что она сделала что-то ужасно неприличное, подружившись с Грегором. Но потом мысль эта сразу переменялась. «А что в этом плохого,— подумала она, поднимая голову. — Он хороший, заботливый. Добрый». «Он не пристает»,— добавила она про себя,

— Но Марь Петровна, он очень добрый. Он мне помог, когда Лизка заболела,— сказала она вслух.

— А что с ней? — спросила Мария Петровна.

— Ей аппендицит вырезали.

— Боюсь я за тебя, Ефимия. Москва большой город. Кого здесь только нет. Теперь вот иностранцы эти. Ты откуда в Москве?

— Из Сасова. Рязанская область.

— То-то и оно, что из Сасова. Кто их знает, что у этих иностранцев на уме. С виду они все добрые да хорошие. Он к тебе не пристает?

— Что вы, Марь Петровна! — Фима зарделась.

— Еще не разучилась краснеть,— констатировала парторг.

— Обходительный? — продолжала расспрашивать Мария Петровна.— Пальто подает, цветы дарит? Наши парни так не умеют. Ты и растаяла. Ох, девки, девки-дуры. Все мы такие. В молодости.

Мария Петровна замолчала. Она думала о чем-то своем. Ее крупное властное лицо сделалось мечтательным.

— Расскажу! Тебе одной расскажу. Нравишься ты мне, Ефимия Кузнецова.

— Это было в Гражданскую. Нет, раньше. Он был из дворян. Не шибко богатых, но дворянин. Инженером был вот на этом самом заводе. Он тогда по-другому назывался, не «Красный пролетарий». Мне было двадцать пять. В этом же цехе работала.

Рабочая. Но из себя я видная была. Стройная, не то, что сейчас. Ухажеров у меня было, хоть отбавляй. Ему сорок. Высокий, красивый, брюнет. Знаешь, что это такое? Черноволосый, значит. Он меня тоже добротой да хорошими манерами взял. Красиво ухаживал. Не лапал, не лез целоваться, в койку не тащил. Не красней, не красней, Ефимия. Звал Марией. Не Машкой, не Маруськой. Марией. Понимаешь?

Фима сидела и не сводила глаз с Марии Петровны.

— Чего там долго рассказывать: полюбила я его, как только простая русская баба может полюбить. Он тоже меня любил. Хотел детей заводить. Расписались даже. Комнату отдельную нам дали. Он специалистом был хорошим по станкам. А потом что-то сломалось в нем. Стал крепко выпивать мой Константин. Спрашиваю: что с тобой, Костя? Молчит. Только посмотрит на меня, отвернется, и сам чуть не плачет. Стали его в органы таскать. Я это потом узнала. Сначала все думала, что есть у него кто-то. Баба какая-нибудь. Полюбовница. Вот он с тоски и пьет, не может мне по честному сказать. Я уж думала, ладно, отпущу его. Чего человек так страдает. А он однажды исчез. Не пришел с работы. Туда-сюда. В милицию. Не знаем, говорят. Потом приходил один, в штатском, все расспрашивал меня, расспрашивал о нем. Видит, что я о нем кроме имя-отчества Константин Всеволодович да фамилии Вельяминов ничего не знаю, отстал. Только сказал напоследок, не ищите, мол, своего Константина Всеволодовича Вельяминова. Не увидите его больше. Я и не стала больше искать и расспрашивать. Воды в рот набрала. Хорошо, что детей не успели завести.

Мария Петровна вздохнула тяжело и замолчала.

— Так что ж твой Грегор, жениться на тебе хочет или просто так будет ходить? — спросила она после долгого молчания.

— Что вы, Мария Петровна! — удивилась Фима

— А чего ты перепугалась. Если предложит, если любишь, выходи. Первую любовь бросать нельзя. А там видно будет. Только не выставляйся с ним. Не дразни гусей. Трудно тебе будет, девонька, но зато сладко.

Мария Петровна встала из-за стола, подошла к Фиме взяла ее за плечи сильной своей рукой и крепко прижала к пышной груди.

— Иди поешь, обеденный перерыв кончается. О том, что тебе про себя рассказывала, — никому, слышишь?

— Что вы, Мария Петровна, — сказала Фима, еще не веря во все услышанное.

* * *

Узнала о дружбе сестры с иностранцем и Пелагия, когда вернулась с мужем из отпуска. В общежитии все узнается быстро. Ничего не утаишь. На общей кухне соседки нажужжали в уши Пелагии и то, что было, и то, чего не было с ее сестрой Фимой.

— Ты чего это удумала, сестренка? — еле сдерживая гнев, спросила Пелагия уже на другой день по приезде. — У нас в родне такого не было, чтобы с иностранцами гулять. Что, своих парней не хватает что ли? Был бы жив отец, он бы тебе накрутил хвоста. Повадился ходить каждый день, с чего бы это?

— Да не каждый день, — сначала слабо возразила Фима. Но по мере того, как Пелагия распалялась и говорила все громче и обидней, Фима переставала бояться старшей сестры, видя, что в ее словах мало справедливости, что она, Фима, не сделала и не делает ничего плохого. И что Грегор не делает ей ничего плохого. И вообще, зачем вмешиваться в ее, Фимину, жизнь? Она уже взрослая. Двадцать лет. Своя голова на плечах. Разберется как-нибудь. Да, Грегор иностранец. Но она теперь точно знает, что он хороший, добрый человек. Что он, как родной. Что даже Лизка его признает.

— Ты его не знаешь, — сказала Фима сестре.

— Ты его знаешь?! Когда только успела.

Сама Пелагия выскочила замуж за своего Ивана через неделю после знакомства.

Фима не стала обижать сестру напоминанием об этом. Хотела, но сдержалась. Правда, Иван не иностранец, да и родом из соседней деревни. Не чужой. Разница между Иваном и Грегором большая. Фима это понимала. Но и отказываться так легко от Грегора она не хотела. Произнести слово «любовь» она стеснялась. Было не принято так говорить. Особенно девке. Парни говорили — «жалеть», что означало, «любить». «Я ее жалею», означало, «я ее люблю». Сказать сестре, что любит Грегора, язык не поворачивался. Она и сама еще толком не знала, любит ли его. Видеть его хотела уже каждый день. «Это любовь? Слово какое странное», — думала Фима.

Пелагия тем временем распалялась все больше.

— Ты, небось, думаешь, замуж тебя возьмет. За границу увезет. Сейчас. Только об этом и думает. Погуляет и бросит. Обрюхатит еще, глядишь. Ты, что знаешь, он, может, женат? Там у него, — Пелагия махнула рукой, что должно обозначать — где-то там, далеко, — жена и дети есть. А ты — хвост набок.

От этих слов Фима покраснела. Не от гнева, от стыда. Она знала, что «хвост набок» означает — девка на все согласна. Фима даже представить себе не могла, что между нею и Грегором могло быть что-то подобное. Разве с иностранцами *такое* возможно. Получалось, что возможно. Эта мысль испугала и удивила ее одновременно.

— Смотри, Фимка, в комсомол твой пойду. Не дам сестру опозорить. До партии дойду, все расскажу. Вот увидишь. Твоему иностранцу тоже достанется. Будет знать, как русских девок портить!

Фиму позабавило, что Пелагия, не признававшая никаких «комсомолов» и «партий», по-деревенски набожная, и одновременно озорная, острая на язык, вдруг вспомнила и про партию, и про комсомол. Если «в партию», то значит к Марии Петровне. «Интересно, как та ее встретит? Даже забавно», — подумала Фима. А вот слова о том, что «иностранцу достанется», испугали ее сильно. Здесь был и страх за Грегора, и стыд за сестру, которая пойдет скандалить перед чужими людьми. Страх за Грегора пересиливал стыд за сестру.

— Поль, а может, это судьба? — тихо сказала Фима. Она знала, что старшая сестра верит в судьбу. Верит в Бога. Верит в карты. Гадала, прежде чем выйти за Ивана. Фима решила сыграть на этом. Она знала, что переспорить Пелагию ее же словами — что «не обрюхатит», что вовсе и не собиралась она делать «хвост набок», что уверена, что у Грегора «там» никого нет — дело бесполезное. Если уж сестра переходит на крик, ее не перекричишь. Пока не выкричится, не остановится.

В самом деле, слова Фимы о «судьбе» произвели на старшую сестру должное впечатление.

Пелагия на время замолчала.

Ее рыжая голова склонилась на бок, и она долгим задумчивым взглядом посмотрела на сестру.

— Да, отец не даром тебя Ефимией назвал. Говорил, что у тебя будет особая судьба. Нас всех кого как назвал, а тебя Ефимией велел наречь. Фекле, свояченице, когда посылал быть твоей крестной, наказывал не забыть, какое имя тебе дать. Особая ты у нас. Мы все рыжие да русые, а ты одна у нас черная. В кого? Папаня не удивился, когда увидел, что волос у тебя черный. Сказал, что это Бог тебя отметил, как особенную.

— Ты, небось, не помнишь отца, — продолжала Пелагия. — Он тифом умер. Тебе пять годков всего было. Мать в положении Лизкой была. А он помер. Четверо нас осталось тогда. Гриша, помнишь, старший брат через месяц тоже умер от тифа. Тиф тогда был страшный. А потом у всех нас оспа была. Ты за нами ходила, мы все в лежку были, и сама заболела. Слава Богу, все выздоровели. А рябая только ты осталась, лицом. Бог тебя отметил — особенная. Может, и в самом деле у тебя особая судьба, Фимка.

На глазах у Пелагии показались слезы.

— Жалко мне тебя почему-то, сеструха. Пусть он и хороший человек, да иностранец. Не нашей веры. Как зовут, знаешь?

— Грегор.

— Григорий, что ли? Вроде как по-нашему. Старый?

Фима не знала, сколько Грегору лет. На вид он был молодой. Но взгляд умных внимательных глаз, рассудительность и сдержанность делали его, в глазах Фимы, взрослее, чем он был на самом деле.

— Нет, молодой, но, наверное, старше меня. Не намного,— поспешно добавила она.

— Это хорошо. Старые, которые за молодыми девками бегают, развратники все...

— Он тебя замуж звал? — после паузы спросила Пелагия.— Предлагал пожениться? — пояснила она, видя, что сестра не понимает, о чем ее спрашивают.

Фима не была готова к такому вопросу. Ей казалось, что дружба с Грегором может продолжаться долго и не обязательно закончится женитьбой. Теперь после слов Пелагии о женитьбе она поняла, что такое возможно. Как быть, если Грегор предложит выйти за него замуж? А если не предложит? Что сказать сестре?

Фима молчала.

— Значит, не предлагал,— резонно заключила Пелагия.

На глазах Пелагии снова появились слезы.

Заплакала и Фима.

Обнявшимися и плачущими застала их Лиза. Как всегда стремительно, она вошла в комнату, размахивая новеньким портфелем, который недавно ей подарил Грегор по случаю шестнадцатилетия, и с которым она теперь ходила в ФЗУ при заводе «Красный пролетарий», вызывая зависть подруг.

— Так, ревом,— энергично констатировала она.— По какому случаю? Кто-нибудь умер? Ваня ушел от Поли? Грегор уехал за границу, оставив Фиму с разбитым сердцем?

— Типун тебе на язык,— сказала Пелагия, вытирая слезы.

— Тогда у Поли украли кошелек,— не унималась Лиза.

— Хватит болтать, сорока. Ставь чай. Голодная, небось,— сказала Пелагия.

Фима тоже утерла слезы и улыбнулась. Она любила сестер. Они были дружны. Одни, без старших, в большом чужом городе, они крепко держались друг за друга.

Сестры уселись вокруг тумбочки, накрытой полотенцем, и не торопясь, по-деревенски — не по одной чашке — пили чай, обсуждая свои планы.

Пелагия с Иваном, как семейные, съедут, так как скоро получат отдельную комнату. Фима с Лизаветой останутся в этой комнате, где сейчас живут. Если Фима выйдет замуж, здесь Лиза хитро, заговорщицки, посмотрела на среднюю сестру, то ей, Лизе, дадут место в общежитии для молодых работниц. Придется приписать два года, как делала в свое время Фима, чтобы оформили на работу, как взрослую. Это сделать не трудно. Сейчас многие так делают, приезжающие из деревни в Москву в поисках работы. Сестры хотели, чтобы младшая училась дальше, «вышла в люди». Они помогут. Но у младшей, Лизаветы, еще ветер в голове. Ничего. Это пройдет, когда «жареный петух клюнет...».

— А если не клюнет? — поинтересовалась Лиза.

— Клюнет,— уверенно сказала Пелагия,— непременно клюнет. Без этого не бывает.

* * *

Разговоры с Марией Петровной и с Пелагией что-то изменили в отношении Фимы к Грегору. Поначалу визиты иностранца приводили ее в замешательство. Она не понимала, зачем он приходит, что ему от нее надо. Пыталась даже избегать встреч с

ним. А потом привыкла. Если он не являлся несколько дней, скучала. Разрыв с Павлом Ивановичем, бригадиром Пашей, подтолкнул ее к Грегору. Болезнь Лизки и участие, которое Грегор с такой охотой и вниманием проявил, сделали его из чужого иностранца близким и понятным человеком.

Теперь же Фиме хотелось увидеть в поведении и поступках Грегора признаки того, что называется любовью. Да, он вежлив, внимателен, предложит руку, когда она выходит из трамвая, поможет надеть пальто. С ним интересно. Он много знает. Всегда стремится ее развлечь, чтобы ей не было скучно с ним. А ей и в самом деле никогда не было скучно с ним. Ну, а любовь!? Где доказательства того, что он ее любит, а не просто от нечего делать проводит время с русской девушкой или, еще хуже, изучает ее как представительницу рабочего класса советской России?

От этой мысли Фиме стало не по себе. Неужели такое возможно!? И права Поля?

Нет. Фима была уверена, что это не так. Грегор любит ее. Он просто боится явно высказывать это. Он боится неловким поступком или неосторожным словом все испортить. Он думает, что она, Фима, сразу его оттолкнет, и все оборвется, но это не так. Теперь она не оттолкнет его.

После разговоров с Марией Петровной и Пелагеей, она хотела, чтобы Грегор не боялся. Чтобы он более явственно выказал свою любовь. Чтобы у нее не было никаких сомнений. Чтобы она уверенно могла смотреть в глаза и Марии Петровне и своей старшей сестре.

Только один раз Фима почувствовала, что Грегор не просто внимателен и вежлив с ней. Всего один раз он не сдержался. Тогда она не поняла его порыва. Сейчас же вспоминая о нем, она понимала, что это и есть признак того, что называется любовью парня к девушке.

В Большом театре на опере «Кармен» Грегор не отпускал ее руку весь спектакль. Он не сводил глаз со сцены. Только время от времени, в местах оперы, производивших на него особо сильное впечатление, он сверкающими глазами взглядывал на Фиму, как бы приглашая ее разделить с ним его восхищение.

На Фиму же самое сильное впечатление произвел сверкающий золотом огромный театр. Она не подозревала, что могут быть такие огромные помещения. Даже их сборочный цех на заводе был меньше. Украдкой от Грегора она отрывала взгляд от сцены и, подняв голову, разглядывала огромную люстру, висевшую над ее головой, картинки, нарисованные на потолке. Сама же опера ее мало взволновала. Слов она не разбирала, и что происходит на сцене, долго оставалось ей непонятным. Финальная сцена вообще показалась ей дикой. Как это можно, убить девушку, которую любишь. Грегора же трясло, как в лихорадке. Никогда она не видела его таким возбужденным и восхищенным. Его смуглое лицо стало еще смуглее, а широкие ноздри раздувались как у породистого коня.

После спектакля, провожая ее домой, он, все еще возбужденный, стремительно говорил, путая русские и иностранные слова, о композиторе Бизе, об Испании, о корриде — «борьбе с быком», о том, что любовь способна на все.

— Ты понимаешь, Фима, он, Хосе, дал ей все, свою карьеру, свою жизнь. А Кармен ушла с другим мужчиной!

— Убивать человека нехорошо,— спокойно возразила Фима.

— Я не знаю, как это сказать по-русски,— воскликнул Грегор. — Но так иногда может быть.

У дверей ее общежития Грегор не смог сдержаться. Он порывисто обнял Фиму, крепко сжал ее в своих руках и долгим поцелуем поцеловал в губы.

Тогда Фима больше испугалась, чем испытала удовольствие от того поцелуя.

Теперь же, когда она вспоминала о нем, никогда не испытанное ранее волнение и жар разливались по ее телу, хотя с того вечера прошло много дней.

Значит, он меня любит, наконец, решила Фима.

Такие порывы, правда, больше не повторялись. Оставаясь внимательным и вежливым, Грегор не позволял себе их. Но Фима уже хотела, чтобы они были еще. Раз Мария Петровна и Пелагия считают, что между ней, Фимой, и Грегором, несмотря на то, что он иностранец, может быть любовь и даже женитьба, чего же бояться. Фима чувствовала теперь большое облегчение. Дружить с Грегором можно. Можно даже любить его! И можно даже выйти за него замуж.

Дело теперь было за Грегором.

* * *

Любовь не входила в планы Грегора. Он приехал из-за океана помогать советской России строить новую жизнь. Работал в Коминтерне, на московском радио, вешавшем на Соединенные Штаты и Латинскую Америку. Ездил с иностранными рабочими делегациями по заводам Москвы и других городов в качестве переводчика. Иногда выступал в заводских клубах сам с рассказами о том, как трудно живется рабочему классу в странах капитала. Работы было много. Работал увлеченно. Неудобства в общежитии для сотрудников Коминтерна не тяготили его. Ему нравился спартанский образ жизни, который он вел. Считал, что чем труднее, тем лучше. Надо закалить свой характер и волю для успешной работы на благо пролетариата. Правда, сотрудники Коминтерна были прикреплены к специальному магазину, где по талонам можно была получить приличную одежду, обувь, еду. Он еще не пользовался талонами. Считал, что это зазорно для настоящего коммуниста. Коммунист должен жить, как все. Иначе ему не поверят. Донашивал то, в чем приехал в Россию. Когда в общежитии появились семейные пары — иностранные коммунисты стали жениться на русских девушках, лучшим подарком молодоженам были эти самые льготные талоны. Далеко не все, приехавшие в Россию коммунисты, были из обеспеченных семей, как он. Грегор охотно расставался с талонами. В общежитии знали об этом и к Грегору обращались часто.

Больше всего интерес в нем вызывала жизнь русских людей. Русского пролетариата. Для радио он брал интервью у рабочих, ездил по фабрикам и заводам с блокнотом и фотокамерой. Чем пристальней он всматривался в новую русскую жизнь, в новых русских людей, тем противоречивее становились его впечатления о них, их жизни. Его поражала разница между тем, что говорится на митингах и собраниях, особенно по случаю встречи с иностранными делегациями, и тем, что говорили ему интервьюируемые им рабочие. Их интересы были узки, ограничивались их семьей, заработком. Часто они были нетрезвы. Просили не записывать то, что они ему говорили. «Предстоит большая работа по перевоспитанию рабочего класса. Двадцать лет после революции это не срок для истории», — утешал себя молодой заокеанский коммунист.

Поражала его также и жесткость, и даже жестокость новой власти. Казалось, чужие люди пришли в эту страну и, не спрашивая граждан ее, делают, что хотят. Делают грубо, не интересуясь их мнением. Объяснения этому он еще не нашел. «Видимо, простые люди, рабочие и крестьяне, взявшие власть, еще не знают, как властью пользоваться», — размышлял он. — Кто научит их?» Ответ на этот вопрос он не знал.

Он лихорадочно записывал свои наблюдения и размышления. Кипы бумаг росли на его письменном столе в тесной комнате Коминтерновского общежития.

И вот среди этой работы и напряженных размышлений о русских рабочих и новой советской России в его жизнь вошла Фима. Грегор был честен перед самим собой. Сначала Фима, обратившая на себя его внимание лишь внешним сходством с девушками его родной страны, интересовала его только как образчик еще мало знакомого ему русского пролетариата. Но очень скоро он неожиданно для себя поддался ее обая-

нию. В ней не было резкости и избыточной энергичности, так свойственной девушкам его страны. Его привлекала естественная, без жеманства, женственность Фимы. Его особенно поразило отсутствие вульгарности в ее поведении. Это больше всего он не любил в женщинах. Девушка из очень простой среды, как он догадывался, Фима была сдержана в словах и поступках, словно получила хорошее воспитание. Она была восприимчива. Он с удивлением отметил, что Фима скоро научилась прямо, не сутулясь, сидеть за столиком в кафе и маленькими глотками беззвучно отпивать из чашечки кофе. Она быстро привыкла идти с ним в ногу, когда они шли рядом рука об руку.

Грегор внятно не мог сам себе объяснить возникшее чувство. Очень скоро встречи с этой девушкой стали для него необходимостью. Он оправдывал свое увлечение тем, что и другие молодые товарищи из Коминтерновского его окружения обзавелись русскими подругами, а некоторые женились на них. Мысль о женитьбе на Фиме посещала и Грегора.

Однако поступить скоропалительно и необдуманно он не мог. Надо все проанализировать и принять взвешенное решение. Фима молода. Возможно, она ответит согласием. Но какой груз ответственности он взвалит на себя. Где они будут жить? Хватит ли его дохода для того, чтобы содержать семью? На помощь отца рассчитывать невозможно.

При мысли об отце мурашки побежали у него по коже. Грегор, католик по рождению, хоть и атеист теперь, не мог себе представить женитьбы без благословения и согласия родителей. Помолвка. Объявление в газете. Обручальные кольца. Или здесь, в советской России, можно обойтись без этой буржуазной мишуры?

Это не самое страшное. В какую ярость придет отец, узнав о его женитьбе?! Вообразить трудно. А написать об этом придется. Известный адвокат в городе, собственная контора, уважаемое семейство. Мало того, что сын, подававший такие большие надежды, будущий преемник в деле, сбежал в Россию, в этот вертеп коммунизма и безбожия. Он еще нашел себе там жену. Кого? Тоже коммунистку!? Это выше всякого понимания. Это абсурд какой-то! Господин Майкот старший наверняка не найдет приличных слов, чтобы выразить свое негодование.

Что делать? — размышлял Грегор.— Пренебречь мнением отца, репутацией семьи? Возможно, когда-нибудь придется вернуться на родину. Или он на всю жизнь останется в России?

Но и это не главное. Он выбрал свою дорогу и будет по ней идти. Его страшило другое. И страшило по-настоящему. Наблюдательность и привычка анализировать убеждали его в том, что в России не все благополучно. Он уже год здесь. Настороженное отношение к иностранцам постепенно приобретало оттенок враждебности. Слова «солидарность рабочих», «братство народов мира» громко звучали только на митингах и собраниях, на встречах с иностранными делегациями. В реальной жизни коминтерновцы чувствовали себя довольно изолированными. Дружба с простыми людьми не завязывалась. Простые люди их сторонились. Да и русские коммунисты только похлопывают по плечу. Этим их дружеские чувства к братьям-коммунистам из других стран и ограничивались. В такой атмосфере жить трудно. А жить семьей будет, наверное, еще труднее. Это только в русском фильме белую американку, родившую от негра, чествуют как героиню. В реальной русской жизни по-другому.

Среди коминтерновцев чувствуется какая-то напряженность. Искренности и открытости между ними уже нет. На внутривнутриполитические темы страны пребывания стараются не говорить. О международном рабочем движении говорить еще можно. Что будет с этой страной? Что будет с ним? С Фимой? С их семьей, если она возникнет?

Приход Фимы разрушил его мрачные мысли.

Он дал ей адрес своего общежития. Оно располагалось недалеко от Донской улицы, где жила Фима, у Калужской заставы. Теперь иногда заходила за ним она, чтобы

вместе отправиться куда-нибудь погулять. После разговоров с Марией Петровной и Пелагией Фима стала посмелее. На приглашение посмотреть, как он живет, она согласилась без колебания и боязни. Ей показалось это естественным: раз он, Грегор, ходит к ней в дом, почему ей, Фиме, не побывать у него. В первый раз ее удивила скромность его жилища. Она думала, что иностранцы живут богато. Поразило ее также множество книг, газет и бумаг на столе и на полу. «Ты все это читал?» — спросила она тогда. «Это моя работа», — ответил он. «Работа!?» — удивилась Фима. У нее было другое представление о том, что такое «работа». «Да, мой милый пролетарий, работа», — обнимая ее, ответил он.

— Как хорошо, что ты пришла, — сказал Грегор. Он усадил ее на стул, сам сел напортив нее и взял ее руки в свои. — Ты не знаешь, как хорошо, что ты пришла.

Он поцеловал ее руки. Он целовал ее руки не потому, что так было принято в буржуазной среде, из которой он происходил. Он и Фиме так объяснил, когда она спросила, зачем он это делает. А потому, сказал он, что впервые держит в своих руках женские руки, которые делают тяжелую мужскую работу.

— Мы будем пить кофе и кушать мармелад. А потом пойдем гулять. Будем гулять долго, — сказал он.

— Ты чем-то расстроен? — спросила Фима. Она теперь легко угадывала его настроение.

— «Расстроен» это что? — спросил в свою очередь Грегор, не понимая точного значения этого слова применительно к человеку.

— У тебя несчастье? — пояснила Фима.

— Нет. У меня счастье, — сказал Грегор.

* * *

В тот вечер Фима с трудом узнавала Грегора.

Они перешли Большую Калужскую улицу и спустились в Нескучный сад.

— Вначале пойдем в ресторан.

— Это дорого, — сказала Фима. Она знала, что у Грегора денег немного. Деньгами он не сорил. В рестораны они не ходили.

— Это не так дорого, как ты, — ответил Грегор. — Ты самая дорогая,

Когда Грегор был взволнован, в его русской речи было особенно много ошибок. Фима это знала.

Они пришли в небольшой летний ресторан и сели за столик на двоих.

Уверенным жестом Грегор подозвал официанта и спросил меню. Когда меню было получено, он подвинул его Фиме и предложил ей сделать заказ.

Фима склонилась над листком бумаги, вложенным в гляцевую картонку. Пробежав глазами меню, она ничего в нем не поняла, ее испугали цены, проставленные напротив названий блюд и вин, и она отодвинула меню Грегору.

— Заказывай сам, — сказала она.

Сделав заказ, Грегор попросил официанта принести пачку папирос «Казбек».

Фима впервые видела Грегора курящим.

Они сидели за столиком друг против друга. Грегор положил свою руку на руку Фимы. Он мелкими затяжками курил папиросу и не сводил с нее глаз.

Фима вопросительно посмотрела на него. Поправила прическу, одернула блузу. Она думала, что с ней что-то не так, и поэтому Грегор так пристально на нее смотрит. Взглянув после этого на Грегора, она увидела, что он смотрит на нее с нежностью. Она успокоилась и принялась рассматривать ресторан.

Принесли заказ. Самое большое впечатление на Фиму произвела бутылка вина с иностранной надписью на этикетке. Она возвышалась над подносом в окружении тарелок с едой, которую Фима видела впервые в своей жизни.

Фима делала все, как делал Грегор. Положила салфетку себе на колени. Взяла те же вилки и ножи, какие взял он. Она уже не боялась сделать что-нибудь не так в его присутствии. Пугала ее только перспектива выпить с Грегором целую бутылку вина.

Грегор налил в высокие бокалы темное с красным отливом вино.

— За счастье. За тебя и меня,— сказал он, подвинул свой бокал к бокалу Фимы и легонько коснулся его своим.

Он поднял бокал и стал мелкими глотками отпивать вино. Фима делала то же.

Они смотрели поверх бокалов друг на друга. Во взгляде Фимы было удивление и почти детская радость. Грегор смотрел на Фиму с нежностью.

Вино и присутствие Фимы развеяли его мрачные мысли. Будущее переставало казаться неопределенным и тревожным. «Все образуется,— думал он. - Вино перебродит и начнется нормальная цивилизованная жизнь новых людей в новой стране. Мы будем счастливы. Будут счастливыми наши дети, которые родятся у нас с Фимой. Отец простит меня, когда узнает, что у него появились внуки. Я единственный сын. Он считает меня продолжателем славного рода Майкотов. Может быть, даже приедет в Россию взглянуть на них».

— О чем ты думаешь? — спросила Фима.

— О тебе,— просто ответил Грегор.— Ты красивая, Фима. Ты родишь красивых детей.

Фима не смутилась.

— Ты это серьезно или смеешься надо мной?

Она уже разговаривала с ним на равных. Не чувствовала разницы между ним и собой. Слова о детях не показались ей неожиданными. «Наверное, мы все-таки поженимся,— подумала она,— и у нас будут дети».

— Я не знаю, что значит — «смеешься надо мной». Я буду смеяться вместе с тобой,— ответил Грегор, широко улыбаясь.

Они рассмеялись.

Фима раскраснелась от выпитого вина. Глаза ее блестели. Она смеялась счастливым смехом. Грегор не сводил с нее глаз. Он любовался ею.

Когда их трапеза закончилась, Фима подумала, что они погуляют еще по Нескучному саду, прежде чем разойтись по домам. Но Грегор, пропуская ее вперед по проходу между столиками, шепнул ей на ухо — «потанцуем?».

В ресторане, который они покидали, не танцевали. Он был небольшой и открытый, летний.

— Где? — заговорщицки спросила Фима.

Голова ее слегка кружилась. Ей было весело. Она хотела, чтобы это их свидание с Грегором продолжалось и продолжалось, и никогда не кончалось, и чтобы все время было так же весело и легко, как в эту минуту.

Стемнело, пока они были в ресторане. По горящим гирляндам разноцветных лампочек и звукам музыки, доносившимся из темноты, они сориентировались, где искать танцевальную площадку.

Грегор купил билеты, и они ступили на дощатый настил.

Площадка была окружена высоким решетчатым забором, на котором виснули ребята, любимым занятием которых было разглядывать танцующие пары и отпускать в их адрес разнообразные комментарии. На возвышении сидел оркестрик из трех музыкантов — баян, гитара и контрабас. Шаркая ногами по доскам, топтались в обнимку парни с девушками, девушки с девушками и парни с парнями. Среди них были нетрезвые.

Грегор обнял Фиму за талию. Он провел ее на середину площадки и они начали танцевать, не дожидаясь начала очередного танца.

Грегор танцевал умело. Он вел Фиму. Он кружил ее, отпускал от себя на вытянутую руку и энергичным движением привлекал к себе, крупными скользящими шагами наступал на нее и неожиданно застыл вместе с ней на мгновение, от чего Фима отки-

дывалась назад, крепко удерживаемая Грегором за талию. Фима танцевала мало и потому была неуверенной в танце. Но в руках Грегора у нее все получалось. Они быстро скользили между танцующими на одном месте парами, излучая энергию и динамизм.

Заиграли медленный танец. Грегор обнял Фиму и прижал к себе. Они покачивались в танце, обнявшись, переступая мелкими шажками.

Так здесь не танцевали. На них стали обращать внимание.

Кто-то толкнул Грегора в спину.

— Извините,— сказал Грегор, обернувшись, не переставая танцевать.

Толчок последовал снова.

Грегор и Фима остановились. Перед ними стоял, покачиваясь на нетвердых ногах, мужчина.

— Не извиняю,— выдохнул он им в лицо тяжелый водочный дух.

Грегор отвел Фиму на несколько шагов, и они продолжили танец. Пьяный, протискиваясь между танцующими, направился за ними.

— Понаехали тут всякие и крутят с нашими девками шуры-муры. Отстань от нее. Слышь, ты.

— Не обращай не него внимания,— сказала Грегору Фима. — Он пьяный. Давай уйдем отсюда.

Мужчина схватил Грегора за руку и стал оттаскивать от Фимы.

И тут произошло то, чего она никак не ожидала. Грегор улыбнулся ей, мягким движением высвободился из ее рук и подошел к пьяному мужику. Взял его за ворот рубахи, оттащил в сторону. Потом он что-то негромко сказал ему на ухо и отпустил. Тот покачнулся, но устоял. Когда Грегор шел к Фиме, пьяный мужик говорил ему вдогонку — «прости, друг, обознался, слышь».

Они продолжили танец.

— Что ты сказал ему? — спросила Фима, удивленно глядя на Грегора.

— Я сказал ему русский мат,— смеясь, ответил Грегор.— Он меня хорошо понял.

— Откуда ты знаешь русский мат?

— Дорогая, я работаю с пролетариатом.

Грегор был по-прежнему весел и энергичен. Уверенность в себе виделась в каждом его движении и выражении смуглого лица.

Но у Фимы настроение упало.

— Уйдем отсюда,— сказала она.

— Нет, мы будем танцевать,— ответил Грегор.

Через полчаса они ушли с танцплощадки.

В тускло освещенном подъезде Фиминого общежития Грегор задержал Фиму в своих объятьях.

— Выходи за меня замуж,— сказал он. В этой русской фразе не было ни одной ошибки. Он приготовил ее заранее.

— Хорошо,— сказала Фима.

Между их фразами не было паузы. Ответ последовал сразу. Сказан он был не девичьим голосом, а голосом женщины, нежно и уверенно.

Грегор с облегчением вздохнул.

Когда Фима поднялась в свою комнату, Лиза еще не спала.

— Гуляла с Грегором,— не вопросительно, а утвердительно сказала Лиза.

— Я выхожу за него замуж,— ответила Фима.

— Вот это да-а! Фимка, что будет!?

— Сама еще не знаю. Он просил. Я сказала — хорошо.

Лиза крепко обняла Фиму и поцеловала.

Что это было — одобрение или жест отчаяния, Фима не знала.

Для нее начиналась новая жизнь.

(Продолжение следует)

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

В ГОРОДЕ

Иван Алексеевич Малышкин город не любил. Ему не нравились шумные городские улицы с их однотипными многоэтажками. Он терпеть не мог гудящие, ревушие и несущиеся мимо него автомобили. Он не любил ходить по городским тротуарам с вечно спешащими и толкающимися пешеходами, боялся спускаться в подземные переходы, где у него всегда попрошайничали неряшливые уличные музыканты и бродяги. Короче говоря, город Ивану Алексеевичу Малышкину был чужд. То ли дело его родная деревня Косолаповка с ее яблоневыми садами, стильными родниковыми водами, лиственным лесом и прохладными утренними туманами над тихой речкой Кукуевкой. В Косолаповке Иван Алексеевич родился, из Косолаповки он уходил служить в Армию. Здесь же в косолаповских яблоневых садах он вкусил сладость первого поцелуя, женился, воспитал детей, дождался внуков, а затем скромно подомашнему отметил выход на заслуженный отдых. В общем, Косолаповка для Ивана Алексеевича была и оставалась частью его жизни. Он и в этот раз не поехал бы в город, если бы его не заставили это сделать сложившиеся жизненные обстоятельства.

Отдав родному колхозу лучшие годы своей жизни, свой опыт, силы и здоровье Иван Алексеевич являлся инвалидом второй группы, что было неплохим денежным подспорьем для его небольшой пенсии колхозника. Но недавно решением врачебной комиссии районной медико-социальной экспертизы вторая группа инвалидности ему была заменена третьей, что сразу же отразилось на его пенсии. Иван Алексеевич по этому поводу написал несколько жалоб, но ответа на них не было. Решив для себя, что его жалобы не дошли до адресата и завалялись где-нибудь на почте, он принял решение жалобу отвезти лично и передать ее как говорится из рук в руки. Зайдя предварительно в местное отделение почтовой связи, и высказав работникам почты все, что он о них думал, не придерживаясь при этом общепринятых норм поведения и не заботясь о культуре речи, Малышкин выехал в областной центр.

В приемной, куда вошел Иван Алексеевич, за столом сидела секретарша и пила чай.

— Извините за то, что отвлекаю, но я хотел бы главному врачу жалобу отдать,— немного смущаясь, проговорил Малышкин.

— Жалобы отправляйте почтой,— проговорила секретарша, даже не взглянув на протянутый ей лист бумаги.

— Я отправлял жалобу почтой, но мне никто ничего не ответил,— пояснил секретарше Иван Алексеевич.

— Если отправляли, значит, вам обязательно ответят. Ждите,— равнодушно ответила секретарша и, откусив кусок от бутерброда, запила его чаем.

— Мои жалобы остаются на нашей почте, их не отправляют, поэтому я сам привез к вам жалобу,— произнес Иван Алексеевич в тот самый момент, когда секретарша прожевала пищу и еще раз хотела откусить от бутерброда.

— Мужчина, вы мне работать не даете,— недовольно проговорила она, отводя в

сторону руку с бутербродом.— Я же вам русским языком говорю о том, что жалобы, заявления и предложения направляйте почтой,— повысила она голос.

— Я вам тоже русским языком говорю, что мои жалобы остаются на почте, их не отправляют. А работать я вам даю, я же не отнимаю у вас булку с маслом,— тоже повысил голос Иван Алексеевич.

Секретарша перестала есть и злобно взглянула на Малышкина. Ее глаза сузились и стали похожи на глаза кошки приготовившейся к прыжку. Иван Алексеевич тоже своим взглядом впился в ее глаза, и в приемной наступила напряженная тишина, которую нарушил вышедший из кабинета с надписью «Руководитель главный эксперт» небольшого роста худощавый мужчина в очках.

— Товарищ начальник,— преградил ему дорогу Малышкин,— выслушайте меня, а то она меня слушать не хочет,— указал он рукой на секретаршу.

— В чем дело, вы кто такой? — спросил мужчина у Малышкина, а затем перевел взгляд на секретаршу.

— Он жалобу принес. Я ему объясняю, что бы он ее по почте прислал, а он... ненормальный какой-то,— сделав удивленное лицо, ответила секретарша.

— Это я — ненормальный? — возмущенно переспросил Иван Алексеевич.— Да я почетный колхозник, пенсионер, ветеран труда,— начал перечислять Малышкин свои звания,— это ты — ненормальная!

— Успокойтесь, пожалуйста, и говорите, я вас слушаю,— дружелюбно проговорил мужчина.

— Вот я и говорю ей, что только с вами теперь буду разговаривать, а не с ней,— еще не совсем успокоившись, заговорил Иван Алексеевич.— Я колхозник, пенсионер. Фамилия моя — Малышкин, а зовут Иваном Алексеевичем. Товарищ начальник, мне вторую группу инвалидности сняли, а дали третью. Это как же так получается? Я всю жизнь в колхозе отработал, меня бык колхозный, бугай, бодал, все ребра мне переломал, насилие я от него вырвался, а теперь мне вместо благодарности — третью группу и живи, как хочешь? А пенсия? Разве это пенсия? Разве можно нормально прожить на три тысячи рублей? И эту кровную мою пенсию теперча дербанить начали. Да нас бывших колхозников во всей Косолаповке всего трое осталось Я, бабка моя, да Маруська — доярка...

— Хорошо, хорошо, я вас понял,— перебил его мужчина.— Надежда Александровна примите у товарища жалобу, зарегистрируйте и передайте мне лично,— сказал он секретарше и направился к выходу из приемной.

— А Маруська — доярка живет побогаче, чем мы с бабкой моей,— идя следом за мужчиной продолжать говорить Малышкин. — Самогонкой потому что торгует. В последнее время совсем обнаглела, начала самогонку водой разбавлять. Вот у кого надо пенсию раздербанить, а не у меня,— продолжал говорить Малышкин, хотя мужчина уже вышел из приемной.

Секретарша, которую звали Надеждой Александровной, выражая недовольство, отложила в сторону недоеденный бутерброд, отставила чашку с чаем и взяла у Малышкина жалобу.

— Ходят все и ходят, только работать мешают. И что вам всем тут надо? — вполголоса говорила секретарша, делая запись в регистрационный журнал.

Прежде чем отправиться в свою деревню Косолаповку, Иван Алексеевич пошел в универмаг, чтобы купить внуку Мишке наушники для аудиоплеера. Наушники Мишка просил не простые, а с колесиком для регулятора громкости звука точно такие же, как были у его друга Витьки. Подойдя к зданию универмага, Иван Алексеевич остановился в нерешительности, увидев перед собой вместо привычного кирпичного двухэтажного строения, новое здание, отделанное белым пластиком с темными зеркальными окнами современного торгового центра. Походив несколько раз туда и об-

ратно через автоматически открывающиеся двери, Малышкин вошел в огромный мраморный вестибюль и нашел нужный ему отдел. За прилавком стояла молоденькая продавщица, одетая в белую рубашку и синие джинсы. На ее шее красовалась золотая цепочка с кулоном, на пальцах рук были надеты перстни и кольца, в ушах переливались огнями золотые с изумрудными камнями серьги, а завершал драгоценные украшения маленький пирсинг, который красовался над ее верхней губой. Безразлично смотря куда-то вдаль, продавщица жевала жевательную резинку. «Должно быть, дочка каких-нибудь богатых родителей, вот только, видать, неряшливая — семечки лузгает, а очистка к губе прилипла,— подумал Иван Алексеевич, приняв пирсинг за очистку от семени подсолнуха.

— Что вам? — спросила продавщица, не переставая жевать.

— Дочка, мне нужны наушники, но такие, на которых можно громкость колесиком регулировать,— сказал Малышкин.

— Это как? — после недолгого молчания спросила продавщица и, перестав жевать, удивленно посмотрела на Ивана Алексеевича.

— Как же тебе объяснить-то получше? — задумчиво проговорил Малышкин. — Понимаешь, дочка, есть такие наушники, у которых имеется колесико для регулятора громкости.

— Вы что? — засмеялась продавщица и вновь начала жевать жевательную резинку. — Таких наушников не бывает, вы меня, наверное, разыгрываете?

— Ну, как же так не бывает? Очень даже бывает,— удивился Малышкин неосведомленности молоденькой продавщицы. — Вот у Витьки, друга моего внука Мишки, имеются такие наушники.

— Ну, я даже не знаю,— нерешительно произнесла продавщица,— сейчас посмотрю.

Она взяла табурет, пододвинула его к полке с товаром и влезла на него, при этом Иван Алексеевич обратил внимание, что джинсы у нее на коленях рваные и одеты очень низко из-за чего была видна верхняя часть ее ягодиц. Смутившись, Иван Алексеевич отвел взгляд в сторону. «Надо же на пальцах кольца золотые носит, а портки себе новые купить не может. Одно слово — неряха!» — вновь подумал он.

— Может быть, такие наушники вам нужны? — спросила продавщица, протягивая Ивану Алексеевичу небольшую коробочку.

— А колесико на них имеется? — спросил Иван Алексеевич.

— А я почему знаю? — вновь пожала плечами продавщица.— Нам товар распаковывать не разрешают.

— А как узнать-то? — спросил Иван Алексеевич.

— А я почему знаю? — пожала плечами продавщица и, глядя на Малышкина, начала надувать губами жевательную резинку. Вскоре она разрослась до размеров небольшого детского воздушного шарика и, издав хлопок, лопнула.

Иван Алексеевич не стал покупать, как он выразился, «кота в мешке» и перед тем, как уйти, подозвал к себе продавщицу. Та протянула к нему через прилавок голову, и Иван Алексеевич наклонился к ее уху.

— Дочка, ты штанишки-то себе новые купи, а то эти совсем разорвались на коленках, да к тому же они тебе малы стали. Попку-то всю почти видно было, когда ты на стул встала. И семечку с губки сними, а то сама-то вон какая красивая, а семечка засохшая всю твою красоту портит,— почти шепотом проговорил Иван Алексеевич.

— Да вы что? — засмеялась продавщица.— Сейчас так модно брюки носить, а это не семечка, а пирсинг, его тоже носить модно.

«Это что же за мода такая пошла? В рваных штанах ходят, да к тому же перстни в губы, как дикари, вставляют! Неужели родители не видят, что их детки, словно мартышки в зоопарке, голые задницы людям показывают? Взять бы вожжи, да во-

жжами теми по их голым задницам отшлепать. Совсем стыд потеряли. И вправду в народе говорят: бес показал моду, а сам похихикал и нырнул в воду,— мысленно рассуждал Иван Алексеевич, отойдя от прилавка.

В вестибюле торгового центра он увидел парня, который был одет в яркую красную рубашу, голубые шорты и желтые в полоску гольфы. Обут он был в белые кроссовки, на его голове была надета светлая летняя кепка, из-под которой выбивалась длинная черная косичка. На мочках его ушей блестели серьги. Но не серьги привлекли внимание Малышкина и не заплетенная косичка. Парень был в наушниках, от которых шел тонкий провод с колесиком для регулятора громкости.

— Молодой человек,— обратился к нему Малышкин,— скажи, пожалуйста, где ты такие наушники с колесиком купил?

Парень медленно повернулся к Ивану Алексеевичу. Его глаза были наполовину прикрыты веками, и Ивану Алексеевичу показалось, что парень стоя засыпает. Он немного приподнял веки и взглянул на Малышкина полусонным взглядом.

— Тебе, дед, чо, колеса нужны? — как-то неестественно, словно нараспев, спросил парень.

— Нет, мне нужны не колеса, а наушники с колесиком, как у тебя,— проговорил Малышкин, указывая на наушники.

— Тебе чо, всего-навсего одно колесо нужно? — спросил парень и его глаза вновь начали слипаться.

— Ты меня не понял...— начал было объяснять парню Малышкин, но его перебил подошедший к ним другой молодой человек.

— Чего тебе, старче? — также нараспев спросил он.

— Прикинь, Гарик, этому деду колеса нужны,— медленно проговорил парень с наушниками.

— Я у твоего друга хотел узнать, где он наушники с колесиком купил, а он меня не понял,— начал объяснять Иван Алексеевич подошедшему Гарик.

— Ты что, старче, из ментуры? — оглядываясь по сторонам, спросил Гарик.

— Я из Косолаповки. Мой внук Мишка хочет такие же наушники, как у твоего друга.

— «Косолапый» — это погоняло такое или фамилия? Что-то я не знаю такого Мишки,— проговорил Гарик.

— Да нет, ты тоже меня не понял. Мишка — это мой внук, а Косолаповка — это моя деревня.

— Гарик, что-то я никак не доеду, чо этому деду от нас нужно? — произнес парень в наушниках.

— А тут и ехать никуда не надо,— проговорил Гарик, обращаясь к своему другу. — Старик нам тут про Мишку Косолапового пургу гонит, а у самого на уме свои порожняки — яму он хочет засыпать. Я тебе сразу сказал, что этот старик из ментуры,— подытожил Гарик и, схватив своего друга за рукав, потащил его к выходу. — Пошли отсюда.

«Какие-то парни странные»,— подумал Иван Алексеевич и вышел из супермаркета. На улице стоял душливый запах горячего асфальта, автомобильных выхлопных газов и чадающих заводских труб. Мимо него медленно и не обращая ни на кого внимания, обняв друг друга, прошли Гарик и парень в наушниках. «Тьфу!» — сплюнул Иван Алексеевич то ли от того, что вдохнул в себя едкий городской воздух, то ли от увиденного, и круто развернувшись, зашагал в сторону автовокзала.

Спустя три часа Иван Алексеевич Малышкин вышел из автобуса на своей остановке и, пройдя вдоль леса, остановился на опушке. В воздухе пахло свежестью деревьев, скошенным сеном, медом и спелыми наливными яблоками. Внизу под косогором шелестела своими лазурными водами тихая речка Кукуевка, на берегах которой раскинулась его родная деревня Косолаповка.

В МИРЕ ПОЭЗИИ: НОВЫЕ СТИХИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

PERSONALIA

Игорь Лукьянов — автор десяти поэтических сборников. Печатался в журналах «Наши современники», «Молодая гвардия», «Подъем», «Аврора». Член Союза писателей России. Неоднократно публиковался в «Приокских зорях».

ЖИЗНЬ

Как и другим —
Мне быть свой срок
На белом свете.
Я не философ,
Не пророк,
А лишь — свидетель.
Со многим в жизни
Знал родство.
И мне
Не в новость —
Ее размах и торжество,
Ее убогость.
Немало в ней
Не ставя в грош,
Дойду до края,
Ее родимый прах с подошв
Не отряхая...

ДЕД

Помню сумерки в окошке.
И хоть внуку спать пора,
Дед мой шпарит на гармошке:
Гони куры со двора.

На заводе пропадает.
Молчаливый, как гора.
Но, как здорово играет:
Гони куры со двора
Я пляшу под переборы.
Я стараюсь из всех сил
В такт попасть гармошке скорой,
Что дед сам и смастерил.
Дед умелец. Дед сиделец
При ежовских временах,
Что грустинкою осели
Навсегда в его глазах.
Это вам — не трубадуры,
Оркестранты — фраера.
Гони куры, гони куры
Гони куры со двора.

* * *

Высоцкий пел с есенинским надрывом.
Кричала «бис» лукавая толпа.
Его коням летящим над обрывом,
Где русский не один певец пропал.

За то, что он идет на ложь и прозу.
За то, что он угрюм, как зимний сквер —
Ему зачтется рано или поздно.
Его найдут Машук и Англетер...

* * *

Где стартуют ветра
на секретных каких полигонах?
Разогнавшись в громовый уходят,
сверкая, раскат.
И вздымаются к небу,
ревя, океанские волны.
И на берег лазурный
летит
за накатом накат.
И визжа, и крича
разбегаются в панике люди,
в час, когда
совершается этот
жестокий налет,
словно месть
за любовь
к аферистке продажной
валюте,
за предательство
Богом подаренных
суши и вод...

РУССКАЯ САГА

Себя в себе не одолеть.
Их споры сотрясали крышу.
Она кричала — ненавижу.
Но за него пошла б на смерть.
И это, зная всей душой,
Он всей душой ценить старался.
Он за нее на все б пошел,
Хоть никогда в любви не клялся.
Ее не стало. Став другим,
Без той любви, без той опеки,
Он на кладбищенской скамейке
Сидит подолгу недвижим.

ЧАСОВОЙ

Далеко эта ночь.
Этот дождь. Этот лес.
Там я молод.
В руках у меня — АКМ*.
Там мой пост номер пять.
И на шорох и треск
Я готов полыхнуть
Без особых проблем.
Это право
Давал мне
Армейский устав.
С этим правом
Я шел по маршруту
Сквозь тьму.
И бывает,—
Порой
От неправды устав,
Я завидую вдруг
Часовому тому.

ПЛЯЖ

У шумливой воскресной воды —
Иномарок крутые зады.
Пикники — шашлыки, балыки.
Разжиревшие в баб мужики.

КАПИТАН ГОРОХОВ

Прошлась чума Борисоглебском
Чуть больше трех веков назад.

* АКМ — автомат Калашникова модернизированный.

В ее огонь попали с треском
И городище, и посад.
Все меркло от предсмертных вздохов.
Давил людей повсюду мор.
Но прибыл капитан Горохов —
Его прислал Великий Петр.
На всех один Указ суровый:
За пограничье — ни ногой.
А коль не внял цареву слову —
Учили пулей и петлей.
И, карантинные заставы
Поставив твердо на пути,
Сей капитан чуму заставил
В конце концов — на нет сойти...
Среди воров и скоморохов
Русь нынче, честность не в чести.
Нам нужен капитан Горохов,
Чтоб эту сволочь извести.

* * *

Жег себя я своей рукою.
Был огонь то слабей, то сильней.
И летел над потухшей травой
Дым не сбывшейся славы моей.
И откуда, откуда он взялся
Бедный пес — ни кола, ни двора.
На огонь оголтело бросался,
Мои книжки спасал из костра.
Мои книжки — сберкнижки признаний,
Что стихами я выдохнуть смог.
Мои строки — от поздних до ранних —
Я писал из души — видит Бог...
И не зная о пище духовной —
Подвело у барбоса живот —
Словно кость, примостившись удобно,
Обгоревший он грыз переплет.

* * *

Годы детские,
послевоенной порой
вы отмечены
в улицах отчего края.
По утрам
шел народ
на гудок заводской.
Вечерами
гудела в подвале пивная.
А по праздникам —
свежие шторы в домах.

Над воротами — флаги
победные красные.
И росла страна силою
не на словах
в эти годы суровые,
годы прекрасные...

* * *

Внезапно и наверняка
Бьет ложь,
Как снайпер с чердака.
Я столько раз
К ней шел открыто.
Я столько раз
Был ею бит.
Какие
 к черту,
 там обиды —
Давно
 отвык я
От обид...

* * *

Закурю я,
Затянусь.
Словно пепел
С сигареты
Думы тяжкие стряхну
Со своей
Души
Поэта,
Посмотрю я в синь небес,
И на белую березку...
Что-то
В этом мире есть —
И чужой,
И свой он в доску...

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Борису Иванову

Из стаканов, словно из кресала,
В кровь вжигались искорки огня.
Ресторан вокзальный сотрясая,
Шли составы, за собой маня.
Молодые, чистые, как водка.
По крови горит ее огонь.
Я гляжу в окно глазами волка,
Жаждущего драки и погонь.

В мире дышат мартовские воды!
В мире — наши лучшие года!
Сотрясая ресторана своды,
За окном грохочут поезда...

* * *

Бабье лето. Вечер золотой.
В октябре — июльская погода.
Я с девчонкой и слегка бухой.
Завтра уезжаю на два года.

Мне — лишь двадцать. Все — в моих руках.
Все о чем мечтаю — совершится.
Совершится... Превратится в прах...
Чтоб когда-то снова повторится...

РОССИЯ

Виктору Белову

Костерок ли дымится,
Птица ль пробует петь —
Здесь дано нам родится,
Здесь дано умереть.
Здесь, где кровные думой
Нам поля и леса.
Здесь, где дали угрюмы,
Но светлы небеса...

ПОЛЕТ

Высоко среди синей долины
За штурвалом — матерый пилот.
Реактивные дышат турбины
И по шлангам идет кислород.
По радарам следят за пилотом.
И с компунктом надежная связь,
Только знает пилот, что полетом
Управляет незримая власть.
И сейчас с ней душой и кабиной,
И стихией небесною слит,
Рвут простор роковые турбины.
Божий дух за полетом следит.

* * *

Мерз, как пес, на посту солдат.
И вблизи сквозь ночной мороз —
Банно-прачечный комбинат
В клубах пара, как паровоз.

Из фрамуг, из дверей, из труб
Шел наружу излишний зной.
Завернувшись в солдатский тулуп,
Грелся мыслями часовой.
Что не в поле он под луной.
Что вокруг фонари горят.
Что в сосульках, как будто весной,
Банно-прачечный комбинат...

ЮНОСТЬ

Красавиц первых
ноги стройные.
В ночи ревущий мотоцикл.
Стихи — до дрожи.
И особенно —
Есенина кабацкий цикл...

У ТЕЛЕВИЗОРА, 2005 ГОД

Когда кривляются паяцы.
И хохот публику трясет,
Я думаю — а есть ли Нация?
А есть ли на Руси Народ?..

* * *

Кто предает из-за «тельца» Россию,
То — не иуды, то — страшной иуд.
Иуда удавился на осине.
Они к своим осинам не идут.

КИРЗАЧИ

Забрали у солдата кирзачи —
Надежная военная обувка.
В них проходили там, где тягачи
Мололи грунт, распутицей набухшей.
Гремели под «Славянку» на плацу,
Чтоб было слышно этот гром в Нью-Йорке...
Иная обувь русским не к лицу.
Зачем им европейские опорки...

* * *

Из лет далеких городок
В лучах весенних — тих и розов.
Хрустел под каблуком ледок.
Светилась на заре береза.

Мы шли с отцом. Синели дали.
Шел дым из заводской трубы.
И где-то высоко витали
Предначертания судьбы.

ЧЕРТОВ ПАЛЕЦ

Я от гибели на волоске.
Черной птицей взлетит телеграмма.
Чертов палец блестит на песке
Экскаватором вырытой ямы.

Черным пальцем грозит мне песок,
Но беспечно стою под цистерной.
И пульсирует ровно висок —
Молодой я — и значит бессмертный.

В чертов миг рухнет крана стрела.
Ухнет рядом стальная машина.
Воля Божья беду отвела —
Знать вдали мать молилась за сына.

МОСКВА — СЕМИДЕСЯТЫЕ

По вечерам над ресторанами...
Александр Блок

Днем в ресторане пустом,
Красива и одинока,
Женщина за столом,
Как Незнакомка у Блока.

Изыскан ее костюм
В стиле высшего света.
Изыскан ее парфюм.
Изысканна сигарета.

Кого она, строгая, ждет?
Кто назовет ее громко?
Как сон,
Как над жизнью полет —
Вечная Незнакомка...

ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Бывший зэк
под гитару
пронзительно пел.
Электричка катила по свету.
О девчонке тужил,

О гражданке жалел.
Я не скоро
в свой город
приеду.
На перронах
мешали мы водку с вином.
И несли нас
 вагонные полки,
И горело в закате окно.
За окном
золотые
летели
проселки.
Скоро бить сапогом
мне в армейском строю
под сурово-старшинское:
левой!
И звенела струна
 как в заморском краю
Полюбила пажу королева.

* * *

Пропадет Небосвод —
в звездах
иль в синеве...
Хрястнет надвое все,
Что ты бережно нес.
И пойдешь ты,
пойдешь
по засохшей траве,
по замершей земле,
словно брошенный пес...

* * *

Карамазова я вновь
Мити с Груней
вспомнил бурю.
Эту русскую любовь
Огневую,
Горевую.
Этой ревности озноб —
Никуда от ней не деться,
Где горит в мученьях лоб,
Где горит в мученьях сердце.

ЛЕТО — 2010 Г.

«Пожарок» вой.
Обугленные сосны —
Вдоль автострады...

Словно утюги,
Накалены от бешеного солнца,
Автомашины
прут под матюги.

* * *

На утренней туманной зорьке,
Где розовый хоперский блеск,
Ударит щука вдоль осоки
И в берегах заглохнет плеск.

И каждый звук как будто лишний
Когда песок едва пригрет.
И где-то по соседству слышен
Плач ивы сквозь восходный свет.

Хрупки рыбацкие удачи —
Иметь улов иль не иметь...
Но рыба бьет... И это значит,
Что стоит зорьку посидеть.

* * *

Я не любил чиновной чвани
Их — строгих правил напоказ.
Меня тянуло к пьяни, рвани,
Где коль неправ — получишь в глаз.
Стояла жизнь большой загадкой.
И под угрюмый гул печей
Я пил «червивку» в кочегарках,
Пытаясь вникнуть в суть вещей.

* * *

День весенний. Он в ударе.
Весь охвачен синевой
Над сверканьем тротуаров,
Над оттаявшей золой,
Над грачиною оравой —
От весны хмельнее всех.
Над березой, крышей ржавой,
Снегом, что почти не снег.

* * *

Какие девочки рядками
В кинотеатре у стены
Вдали стояли перед нами,
В которых были влюблены.

Какие взгляды и улыбки
Они дарили нам тогда...

Кому-то, может, по ошибке
В те бескорыстные года.
Где по реке привычно льдины
Сплавливал апрель...
И снились нам
Галины, Тани, Светы, Нины —
Косноязычным пацанам...

ВРЕМЯ

Замру на миг
под грустный снег
под веток
грустное качанье.
И суетности всей поверх
услышу
торжество молчанья.
И вспомню молодость свою,
где тишина под снегопадом
была, как друг, со мною рядом
в родном или чужом краю
Она и в этот час со мной
такая ж...
Только я другой...

* * *

Чего ты кичишься,
Раб божий
И прах ты земной?
Ведь рано иль поздно
Закончишь
Последней слезою...
По мертвой щеке
Она скатится
Каплей живой,
Как голос души
Уходящей
Господней стезею...
Чего ты кичишься,
Просивший у Бога не раз
Последней пощады —
До воя,
До крика,
До стога.
Чего ты кичишься,
Дурак,
Караба-барабас.
На брата глядишь,
Как сатрап
С золоченого трона.

РОБЕСПЬЕР

Бредил он в пустом дворцовом зале.
Билось сердце птицей о стекло.
Билась площадь гневом притязаний
Сквозь окно, на нем срывая зло.

День и ночь стучали гильотины.
К ним своих приставил палачей.
И летели в черные корзины.
Головы пройдох и богачей.

Но живуче каиново племя...
В молотилке чрезвычайных мер
Тают силы и уходит время...
Это понимает Робеспьер.

РУССКАЯ ЛИРИКА

Русская лирика, ты — не словесность
В шумной столице и в тихой глуши,
Русская лирика, ты как небесность
Выдоха русской ковыльной души.
Нет в тебе, родина, дольного счастья.
Буря несет по дороге песок.
Русская лирика прет сквозь ненастье —
Пушкин, Есенин, Лермонтов, Блок...

Валентин Киреев
(г. Новомосковск)

PERSONALIA

Первое стихотворение было напечатано в 1966 году в районной газете «Ленинская правда». Занимаясь множеством самых разных дел, считал стихотворчество забавой (хотя уже печатался в самых разных периодических изданиях) до встречи в 1997 году с замечательным русским поэтом Николаем Константиновичем Старшиновым. Эта встреча и определила главное направление в жизни — поэзия. Эстафету по опеке поэта перенял у своего друга Старшинова прекрасный писатель и замечательный человек Глеб Иванович Панишин. В результате этого «шефства» в 1998 году Валентин Киреев стал профессиональным писателем. В этом же 1998 году он был избран руководителем Новомосковского литературного объединения и Новомосковской городской Школы молодого поэта. В это же время Валентин Киреев становится главным редактором издательства Инфра. В 2001 году организывает Богородицкое литературное объединение-клуб. Всеми этими объединениями продолжает руководить и поныне. За это время выпущено 10 номеров альманаха «НЛО», 8 номеров альманаха «БЛОК», более 150 авторских сборников поэтов и прозаиков из самых разных городов России.

Лауреат и дипломант нескольких Тульских областных конкурсов и фестивалей, автор 12 книг стихов, лауреат премии им. Ярослава Смелякова, отмечен многочисленными почетными грамотами администраций городов Тулы, Новомосковска, Богородицка, благодарностями Тульской областной Думы и министра культуры и массовых коммуникаций, почетной грамотой губернатора Тульской области В. Д. Дудки. Валентин Викторович — человек года города Новомосковска в 2001 году, награжден золотой медалью «Во имя жизни на земле» Международного благотворительного фонда «Добрые люди мира», является почетным гражданином Богородицкого района Тульской области.

ТИШЕ, ГОРОД

Переулки и улицы ночью тихи
И к рассвету совсем умолкают
Потому, что поэт сочиняет стихи,
Город спит и ему не мешает.

Даже малым шумам оправдания нет,
Даже кот замирает на крыше
Потому, что стихи сочиняет поэт,
Тише, город, пожалуйста, тише.

Тишина, будто тонкая льдинка, хрупка —
Не разбейте хрусталь вдохновенья...
На листок торопливо ложится строка,
И рождается стихотворенье.

МОЖЕТ БЫТЬ

Может быть, ничего бы и не было,
И звучали б слова невпопад,
Только плавился медью над вербами
И стекал к горизонту закат.

Ручейки шелестящими змеями
Торопились, сливаясь в ручьи,
Да над стихшими к ночи аллеями
Полусонно бубнили грачи.

И, как будто лишившийся голоса,
Я шептал непонятно о чем,
И твои темно-русые волосы
Мне в ладони стекали ручьем...

ИЗМЕЛЬЧАЛА ДЕРЕВНЯ...

Измельчала деревня. Дворы и усадьбы,
Как и речка, усохли в границах своих,
И крапивой, знакомый, зарос палисадник,
И народ деревенский усох и притих.

Стали реже дымки, стали мельче колодцы,
В клубе выбиты стекла и сорвана дверь...
Здесь остались лишь те, что устали бороться,
Те, чья жизнь состоит из утрат и потерь.

Но услужливо память подскажет: когда-то
Здесь весною всюду бушевали сады,
И девчонок межой провожали ребята,
И в колодцах умыться хватало воды...

Я разрухою страшной стою огорошен,
Я — и плоть, и душа этой самой земли,
Деревенский мужик, ни плохой, ни хороший,
Лишь из многих один, чьи сады отцвели.

Кто ответит за то, что дороги не стало
В этот, Богом забытый, брошенный край,
Пот дрожащей рукой вытираю устало
И бреду наугад по крапиве в сарай.

Паутина и смрад, и давнишняя плесень
Накопилась в углу на поленнице дров...
Этот старый сарай только мне интересен —
Здесь когда-то моя начиналась любовь...

ГОСТЬ ДОЛГОЖДАННЫЙ

Печка, табуретка у стола,
Паутина над пустой божницей...
Вновь меня дорога привела
В дом, где было суждено родиться.

Раздеваюсь, вешаю на гвоздь
Дождевик, исхлестанный дождями,
В этом доме долгожданный гость,
Но лишь только гость, а не хозяин.

Пыль смету, печурку растоплю —
Подобрела горница, как будто...
Господи, ну как же я люблю,
Это, пусть подобие, уюта!

Буду тихий вечер коротать
С лампой керосиновой вместе,
Как же в детстве я любил мечтать
В этом, самом добром в мире, месте.

И душа моя стремилась ввысь,
В небо, удивительно родное,
Здесь стихи и песни родились —
Лучшие, из сочиненных мною...

И чины, и званья — ерунда,
То, чем вряд ли стоит обольщаться —
Ведь куда важней, хоть иногда,
В дом, где верил в счастье, возвращаться.

АХ, КАК ЖЕ ТИХО...

Ах, как же тихо в деревенском доме...
Дверь распахнув, спустя десяток лет,
Я стопку книг кладу на подоконник
И ставлю чемодан на табурет.

Нет никого, кто и поныне дорог —
Кто в городах, кто кончил путь земной,
На сундуке одежды старой ворох,
Патрон с разбитой лампой надо мной.

Коричневый налет на дне стакана,
Рядок портретов в рамках на стене,
Из живности — три дохлых таракана
И мух засохших трупики в окне.

Стою, не в силах с памятью бороться,
Связь с давним прошлым бережно храня,
И, кажется, что снова соберется
Здесь, в этом доме, вся моя родня.

Пробьют часы торжественно и звонко —
И снова будут яблони цвести,
И голову подставит мне сестренка,
Чтоб я помог ей косы заплести...

В ДЕРЕВНЕ

Полынью пахнет и крапивой,
Над кручей мечутся стрижи...
Стою до одури счастливый
У подсыхающей межи.

Во всем видна моя работа —
В саду вот эта борозда,
Обильно политая потом
Вполне крестьянского труда.

С утра прополота картошка
И сено собрано в копну,
Уставший сяду у окошка
И козью ножку заверну.

Здесь у меня всего в достатке,
Что нужно телу и душе —
Огурчик и морковка с грядки,
К столу пригодные уже.

Все хорошо и все в порядке,
И поздним вечером в избе
Я напишу в своей тетрадке
Стихи о счастье — о себе...

ПОБИРУШКА

Обветшала старая избушка,
Покосилась черная труба,
На приступке —
Фроська-побирушка,
Божья вековечная раба...
Не дал Бог ни племени, ни роду,

Сызмала — неблагодарный труд,
Потому и ноги, как колоды,
И версты без скрипа не идут...

Солнышко за тучку закатилось,
Быть дождю — не выйти за порог.
Встала Фроська, Богу помолилась
И пошла в избу, не чуя ног.

Заварила чаю-зверобоя,
Хлебушка поела, запила
И легла, довольная собою,
А наутро тихо умерла...

Бабки по слезинке уронили
(Слезы пригодятся на потом!),
Фроську за селом похоронили
Под сосновым тесаным крестом.

Заросла могилка — и не сыщешь,
И села не сыщешь — пустота...
Начиналось сельское кладбище
С твоего, страданица, креста...

ПРОСТО, КАК ДЫШАТЬ...

Я выйду полем к неширокому ручью,
Когда-то в детстве, я считал его рекой,
Расправлю крылья за спиной и полечу,
Махнув сельчанам на прощание рукой.

И станут люди удивляться — полетел!
Смотрите, братцы, полетел ведь, не соврал!
А кто-то вспомнит, как в окошко подглядел,
Как я в сарае чудо-крылья собирал.

Как я, ночами запираясь на крючок,
Любовно перышко прилаживал к перу,
Как пел мне песни приبلудившийся сверчок,
Как пух летал и трепыхался на ветру.

Но что и как кричали люди — промолчу,
Теперь никто уже не мог мне помешать —
Я просто верил, что однажды полечу,
И оказалось — это просто, как дышать!

МУЖИК

В глухом заброшенном селе
Ты весь — в единственном числе,

Натруженное тулово
Костляво и сутулово.

По гололедице скользя,
В ухабах спотыкаешься...
Так жить, как ты живешь, нельзя,
А ты живешь... пытаешься...

Ни Богу свечка, ни... никто,
Из проезжающих в авто
По тракту бесконечному,
Тебя не зрит, сердечного.

С весны до осени в полях —
Где поглядеть на небушко!
Но и в столицах, и в Кремлях
Мясца хотят и хлебушка.

И генералы, и псари,
И девки развращенные
Жуют с зари и до зари
Тобой, мужик, взращенное.

И благодать у них, и тишь,
Но утверждают многие,
Что только небо ты коптишь
И портишь экологию.

И каждый новый паразит,
Сияя рожей сытою,
С трибуны пальчиком грозит —
Мол, чмо ты неумытое.

Мол, неухожен и небрит —
Позорное явление.
И вид Европе твой претит
И Штатам... к сожалению...

И паразит, стряхнувши пот,
За обе щеки жрет и пьет...
А ты... паши, мужик, и сей —
Ведь ты же ПУП России всей!

ЮРОДИВЫЙ

По просторам истерзанной родины,
Где и радуга — серого цвета,
Бродит совесть страны — юродивый,
С беззащитной душой поэта.

Не умеет он ненавидеть,
Власть имущим не угрожает,
Каждый может его обидеть
И, случается, обижает...

Он обиду сморгнет и, снова
Глядя детскими в мир глазами,
Скажет: «СТЫДНО», —
и это СЛОВО
На века занесут в скрижали.

НАКОНЕЦ-ТО

Я, наконец-то, ценить научился
То, без чего я прожить не могу,
Вот, неожиданно, праздник случился —
Встал березняк на крутом берегу.

Вот электричка в пути задержалась —
Нехорошо... но зато я успел...
Часто хорошее в жизни случалось,
Как же я раньше-то не рассмотрел!

Вот боровик отыскался в чащобе,
Сунулся в ящик почтовый — письмо,
Дочери вдруг заневестились обе —
Чаще поглядывать стали в трюмо...

Вот у жены поднялось настроенье,
Дождик прошел и спадает жара.
Окна покрасил — набрался терпенья
И улыбаюсь сегодня с утра.

Все замечать появилось желанье,
Ставлю себя сам себе же в пример,
Но изменениям есть оправданье —
Что тут поделаешь — пенсионер!

ФЕВРАЛЬ

Одно такое чудо на земле,
Где зимы — это зимы в самом деле.
Меняется погода в феврале —
То вьюги, то морозы, то капли.

Но влажный ветер отдает весной
И это ощущение бесценно —
Творится что-то странное со мной
Такое, что и море по колено.

Люблю февраль! Природы забытье
Прервется вдруг неловкою зевотой,
Как будто нежась, солнышко встает
И не спеша выходит на работу.

Темнеет на откосе колея,
Всю зиму задуваемая вьюгой,
И тает снег, и лужицы края
Расходятся все дальше друг от друга.

Еще не скоро побегут ручьи,
Но вот она — весна, не за горами,
И бестолково загалдят грачи,
Бранясь и разговаривая с нами.

И стрелами небесного огня
Вдруг полыхнет гроза в окошках зданий.
Как для кого — не знаю, для меня
Февраль — пора надежд и ожиданий.

АВТОШАРЖ

Себя жалею сам с собой,
Порой, наедине,
И как возвышенна любовь
К любимому — ко мне!

Как добр мой и покладист нрав,
Как полон я огня,
И как же мир вокруг неправ,
Не любящий меня.

Меня носить бы на руках
За мой лиричный стих,
Но мир стоит на дураках —
Обидно мне за них.

Как классно я стихи пишу —
Еще-то им чего?!
Но я-то... тоже не ношу
На ручках никого...

Владимир Резцов

(г. Тула)

ПРОГНОЗ НА БУДУЩЕЕ

1

В офисах не ужин, не обед:
Испарились «Селенг» и «Тибет».
Я купюрами когда-нибудь
своими зашуршу?
Вот об этом-то на вахте и спрошу.

2

А охранник справок не дает.
Он, зараза, в морду сразу бьет.
Не судите парня строго,
знать, планида такова:
Горцу русские в диковину слова.

3

Облапошен, на лице фингал,
Но остался, все же, жив, удрал.
Вопрошаю у прохожих:
«Где милиция, народ?
Говорят, она нас, вроде, бережет».

4

Только странно мент себя ведет:
Он меня под локоток берет
И — прямехонько
на *улицу разбитых фонарей*,
Чтобы отобрать последнее скорей.

5

Гражданин начальник!.. Беспредел!..
Я же не Басаев! Обалдел?!
Вроде матом не ругаюсь
и витрины не крушу...
У суда теперь защиты попрошу.

6

А судья сердит, как сто собак:
Для него простой учитель — враг.
Видно, *чью-то честь* изрядно
кто-то чем-то *зарядил*.
Как я только сам в тюрьму не угодил!..

7

Что за жизнь пошла? Какой-то мрак!
Кто устроил этот вот бардак?
Денег нет, о справедливости
давно пора забыть...
Власть имущие! Нам быть или не быть?

8

Что же вы, грабители, козлы,
Мастера из нас вязать узлы!..
За «козлов» я вам отвечу...
Нет, не быдло!.. Не нахал!..
И Отечеством, как вы, не торговал!

9

Я прогноз на будущее дам:
Будет баня с девочками вам!
Головою вы ответите
за темные дела,
Пожалеете, что мама родила!

10

Твердо верю, утверждать берусь:
Нет, еще не вся спилася Русь!
Вашу роскошь, наши слезы
и дефолта клятый год, —
Все припомнит вам великий наш Народ!

Юрий Мизерницкий
(г. Москва)

Юрий Леонидович Мизерницкий родился в 1957 г. в Москве. Окончил 2-й Московский медицинский институт. Детский врач, пульмонолог, аллерголог. Автор 8 патентов и изобретений, более 800 научных работ, в том числе 4 книг. Член отечественных и зарубежных научных медицинских обществ и редакционных коллегий ряда профессиональных журналов. В течение многих лет увлекается литературным творчеством, которое совмещает с врачебной и научной деятельностью на посту руководителя отделения Московского научно-исследовательского института педиатрии и детской хирургии. Доктор медицинских наук, профессор.

ЗАКАТ

Закат багряно-огненный, раскинувшись
в полнеба,
Венчает солнца путь дневной,
Мне кажется порой в минуты эти —
Частичка бытия прощается со мной...
И грустно на душе... смертельно...
Воистину, не счесть земных красот,
Но понимаю я: на свете — все конечно,
И все, что есть — когда-нибудь пройдет.
Да, будет новый день, и снова встанет солнце,
Но и закат придет неотвратимо, как палач...
Входить на эшафот судьбы и трепетно,
и скорбно,
Я сердце об одном прошу свое —
не плачь!..

СЕРДЦЕ

Вдруг проснулось,
Встрепенулось,
Загорело
И запело,

Сладко ныло,

Волновалось,
Тосковало,
Трепыхалось...
После долго горевало,
И болело, и скучало,
А потом, слезой умыто,
Отболело... и — забыто!

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Как солнца и тепла душе хотелось!
Ждала весны, чтоб в рощах — соловьи!..
И истомленное, измученное тело
Жило надеждой счастья и любви..
И эти радости, казалось, так возможны,
Достичь их — лишь рукою шевельни,
Но как туман весенним днем погожим
Растает дымка вдруг, как улетают сны!..
Легко сказать — прощай,
Куда сложнее тому осуществиться.
Сквозь пряный утренний туман
Твой взгляд опять навязчиво мне снится...

РЫВОК В ИНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Вот жизни перевернута страница,
Я в новую вступаю ипостась.
Я знаю — прожитому не забытья,
За «смерть» души нисколько не боясь...
Нет, то не смерть, а лишь ее взросленье!..
И с прожитым не разрывая нить,
Рывок совсем в иное измеренье
Душа моя пытается свершить!..

ВЗРОСЛЕНИЕ ДУШИ

Бывает очень что-то нам в себе не нравится
И хочется в душе своей хоть что-то изменить.
Самодовольным циник лишь всегда останется,
И все лишь потому, что он душевный инвалид.

Известно, в жизни многое меняется...
Меняемся и мы с годами, вместе с тем
Мы идеальными себе лишь представляемся,
В реальной жизни все не так совсем...

И в беге этой жизни быстротечной

Так нужно нам огонь в Душе нести,
Не потеряться в круговерти вечной,
И Благодать тем самым обрести...

И мерой общей можно ли измерить
Той святости томления в груди,
Что помогает нам любить и верить
И жить с надеждой! Что там, впереди?..

Валерий Ксенофонов
(г. Тула)

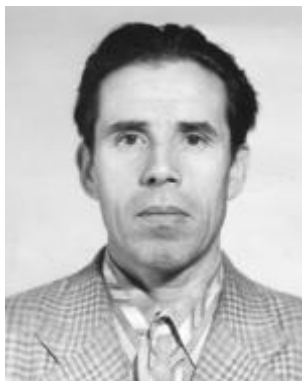

ВОЙНА МИРОВ

На теменах
 степных холмов
Дрожат ковыльные седины,
И в образах забытых снов
Всплывает древний поединок.
Здесь Лес и Степь
 сходились в бой —
Кровавый, длившийся столетья,
Людскую вековую боль
Хранит ковыль
 на склонах этих.
Вердикт истории суров —
Его
 народ в страданиях вынес:
Меча — межа меж двух миров,
Но путь ее весьма извилист.
И если снова степняки
Ворвутся в тишь погоней пыльной,
Сторóжи у Мечѹ-реки
Не отдадут рубеж ковыльный.

Лев Соловьев
(г. Тула)

НАШ ПАРОВОЗ...

Круглый бак, труба с «размывом»,
Да двенадцать пар колес...
По-цыгански — «бочка с дымом»,
А по-русски — паровоз.

Много песен было новых
Про железного коня,
И про ту из остановок,
Что в коммуне ждет меня.

Круто вдруг судьба вильнула,
Работяга-паровоз
Дотащил нас до Кабула,
До коммуны не довез.

Не совсем был мирный поезд,
И молва нам говорит:
Тот запасный бронепоезд
Где-то все еще стоит.

И кому-то очень надо,
Чтоб с винтовкой вновь пройти
Знаменитые этапы
Всем известного пути.

Но исчезли паровозы,
И растаяли дымы.
Не стучат теперь колеса,
Лишь в музеях видим мы:

Круглый бак, трубу с «размывом»,
Да двенадцать пар колес...
По-цыгански — «бочку с дымом»,
А по-русски — паровоз.

ОНИ И МЫ

Они и мы пугали шар земной,
Когда бывал скандал международный.
Они грозили атомной войной,
Мы им, в отместку, бомбой водородной.

Они и мы должны были хитрить,
В военной мощи коль соревновались:
Союзников подачками кормить,
И делать из врагов друзей пытались.

Пусть между нами не было войны,
Обмен «любезностями» оставался в силе:
Мы самолет их сбили, а они
Нам атомную лодку утопили.

И пусть мы были вовсе не друзья,
«Подарками» обменивались рьяно:
Они нам — колорадского жука,
Мы им, в отместку, черных тараканов.

Но все осталось в прошлом, а сейчас
Они Арбат подошвами шлифуют.
А наши люди в этот самый час
На Брайтон-Бич уверенно торгуют.

Николай Титов
(г. Тула)

КРАСИВАЯ МЕЧА

Ты не широкая, не узкая,
Блестишь кольчугою в лучах,
Ты до последней капли — русская,
Моя Красивая Меча.
Бегут к тебе поля и рощи,
Шуршит, шатаясь, осока,
Рубашку алую полощет
В жемчужной заводи закат.
Бежишь, мечась, а вдалеке там
Тебя ждет Дон в оправе лоз,
И облака плывут букетом
Непостижимо белых роз.
Люблю тебя, покоя полной,
Когда задумчива, тиха,
И в час, когда гуляют волны,
Как у гармоники меха,
Когда мороз наложит панцирь
На воды зябкие твои
И солнце золотые пальцы
В твои кунает полыньи,
Когда под птичьи переклички
Ослепят вешние лучи
И заплетаются в косички,
Спеша со всех сторон, ручьи,
Когда туманом, словно ватой,
Укрылась — есть ты или нет,
Когда твой свет голубоватый
Не брезжит в белой пелене...
Светла в оправе трав и тала,
В серебристой проседи лозин,
Ты синей молнией упала
Между холмов, среди низин.
И каждый берег так наряжен,
И так извилист твой разбег.
Ты, словно ниточка из пряжи —
Страны, что соткана из рек.

России синяя частица,
Ты — моя гордость, моя боль.
Листаю волны, как страницы,
Старинной книги голубой.

НЕПРЯДВА

Вся в осоке, вся в иле и вряд ли
Тут отыщешь хоть рыбку одну.
Мать честная! Да я ж по Непрядве,
По великой Непрядве иду!

Тарахтят тракторишки за рощей,
То ли пашут, то ль что-то везут.
И зловещим цветным узорочьем
По реке проплывает мазут.

Под ракитою, ивой, лозиной
Не в зеркалье глядится ветла.
Всюду кладбище старой резины
И железок, сржавевших дотла.

Где на метр, где от силы на два —
Вот и вся у тебя ширина.
Что случилось с тобою, Непрядва,
И с тобою, родная страна?

Правят бал и корысть, и неправда,
Ложь заполнила все края.
Обмелела твоя Непрядва,
И душа обмелела твоя.

Верность отчим гробам и могилам
Стала в жизни такой не с руки.
Затянуло, загадило илом
Животворные родники.

В левый берег стучится сердечко,
И витает над берегом грусть.
Неужели с Непрядвою-речкой
Иссякает великая Русь?

Хоть и грустно, и горько, а рад бы
Побывать здесь когда-нибудь вновь,
Где струится вода Непрядвы,
Как из вены отворенной кровь.

В волнах бегают бледные блики
И беззвучный доносится стон.
Тяжек путь от времен великих

До постыднейших наших времен.
Речка чести и удали русской
Нынче мусор и грязь копит.
Неужели вот в это русло
Столько вдавлено было копыт?

Неужели по этим склонам
Проходили на смерть полки
И прощались с миром зеленым,
Отошед от сохи, мужики?

И в краю этом незнакомом,
Но однако родном краю,
Кто-то влагу черпал шеломом,
Пил, обливши кольчугу свою.

Неужели вот в этих водах
Солнце плавало, будто щит,
Серебрился шишак воеводы,
Пламенели князей плащи?

Неужели вот в эти дали
Пар пролившейся крови кадил?
Неужели когда-то вставали
Все за Родину, как один?

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ОМАР ХАЙЯМ

Жить на Востоке столько лет!!!
...И оставаться человеком...
Мудрец, ученый и поэт...
А гнусность созерцал со смехом!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Тот белый танец не забыл,
И твой румянец на щеках,
Еловый запах захмелил,
В объятья бросил нас в сенцах...

Потом был лес, луна и стог...
Мы расставались до утра...
Соединил нас вместе бог...
Но разлучила все ж судьба!

Мы разбежались навсегда...
Наверно, карта не легла!
Или разлучница судьба
Как и свела — так развела!

Ты где-то очень далеко,
Теперь уже в чужой стране...
Но позабыть мне нелегко
Тот белый танец по весне...

ИСПОВЕДЬ ГРЕШНИКА

Я в мыслях грешник... Кары не страшусь!
Повсюду грех раскрылся повсеместно...
Проклятьем кажется, что выглядит прелестно,
Прекрасным — то, чего всегда стыжусь...

В греховной бездне погибаем мы,
При этом получая наслажденья...
Продлись еще греховное мгновенье,
Смешение безумия и тьмы...

Пусть сольются жаркие тела
В бредной ностальгии вознесенья!
В минуту облегченья, просветленья
Мы выпьем чашу сладкого вина...

ПРОЩАЛЬНАЯ

Здравствуй, Родина, отчий мой край!
Здравствуй, Родина, да... и прощай!

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Уезжаю на север, в тайгу,
К тишине, к холодам и в пургу...

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Провожает девчонка опять,
Буду там я ее вспоминать...

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Помню руки и губы твои,
И объятия те до зари...

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Ждут меня и Сургут и Тайшет,
Ты дождешься меня или нет?

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Не забуду твой взгляд и рассвет,
Обещанья и ласки в ответ...

Покидаю, обратно тебя покидаю...

Не спеши! Поезд дернется пусть!
Стук колес: «...я вернусь, ...не вернусь...»

Покидаю, обратно тебя покидаю...

* * *

Злой рок, судьба... Все в этой жизни есть...
Переплетаясь меж собой незримо...

Мы рождены и ляжем в землю здесь,
Где были преданы и были где гонимы,

Где нас любили женщины порой,
Где пережили подлость и утраты...
Где были не обласканы судьбой,
Где, несмотря на все, нам будут рады...

* * *

Живой украинский язык,
Особо — западный, гуцульский,
Звучит, как солнца нежный блик,
В своем созвучьи польско-русском,
Как голос горных ручейков,
Как Трусовца туман безбрежный...
Он — в песнях, льющихся с холмов,
Он — то напевный, то — мятежный...
Он в сердце искренних людей,
Что под врагами не прогнутся...
Тех наших братьев и друзей,
Что Русью Киевской зовутся...
А если кто-то из врагов
Решил поссорить брата с братом —
Им не поможет перст богов,
Наоборот — их ждет расплата!
Пусть ищут помощь за бугром,
И продаются с потрохами...
Не отдадим наш общий дом,
Который строили веками!

* * *

Разносится далеко
Тот колокольный звон,
Что то звучит высоко,
То затухает он...

С кладбищенской церквушки
Расплылся над землей,
Над ветхими крестами,
Где плиты и покой...

Мы все там тоже будем:
Кто позже, кто — быстрее...
Летят над храмом звуки,
Как тени от людей...

Игорь Нехамес
(г. Москва)

Академик Академии Российской литературы, Лауреат литературных премий имени А. А. Фадеева и имени К. М. Симонова. Лауреат литературной премии «Московский Парнас» за 2007 г. Кавалер орденов М. В. Ломоносова и В. В. Маяковского. Поэт и прозаик, известный публицист, член Союза писателей России. Автор шестнадцати книг стихов и прозы. В ноябре 2010 г. удостоен престижной творческой награды «Золотой диплом имени Ф. И. Тютчева». В 2011 г. выйдут два его поэтических сборника.

ДОВЕРИЕ ЖЕНЩИНЫ

Если женщина ждет,
значит, верность хранит,
в страсть с собой позовет,
притянув, как магнит.
Отдавая себя,
будит гордость и власть:
ни о чем не скорбя,
попотворствует всласть.
Вдохновляя мужчину,
ничего не возьмет
и не скроет причины,
что он просто поймет:
в одиночестве жутком
так не хочется быть,
как в суденышке утлом
далеко не уплыть.
Сердцем щедро вверяет
лад, пришедший во сне,
кто все это познает,
тот мужчина вдвойне!

СВЕТ ДОБРОТЫ

Я по жизни всегда попадаю в приманки.
Почему? Потому что доверчив и очень рисков.
И под звуки простой деревянной шарманки
размышляю над тем: отчего я таков?

Может быть, потому, что меня окружали
совестливые люди, живущие впрок,
И друг другу они каждодневно желали,
чтобы в их очагах не потух огонек.
Чтобы дети в здоровье и чести мужали,
чтоб соседи делились последним куском,
чтоб мужчины, здороваясь, руки бы жали,
споры все разрешая прямодушным кивком.
Как судьба б ни вертела, я знаю, что сдюжу,
потому что замес был заправлен добротным трудом.
И счастливое солнце лучами защиты окружит,
и укажет мне путь, по которому в свой приду дом!

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ДОРОГИ

Не спеши расставаться,
злясь на кочки пути:
Так легко потеряться
и себя не найти.
Станет сердце чужбиной,
где тоскливая стынь,
хваткою ястребиной
подло шепчет: «Отринь!
Поскорее отторгни
все, что трудно забыть!»,
если сердце не вздрогнет —
значит, так тому быть!
Но упрямая память
возвращает любовь
и теплом согревает
охладевшую кровь.
Разве кочки помеха,
если веришь и ждешь,
даже если уехал,
То обратно придешь...
Не стыдись возвращаться,
боль смывая слезой,
не страшись спотыкаться:
путь осветит грозой!

ЛЕТОПИСЕЦ

Быть летописцем — тяжкий крест,
зато весомее отвага:
в смешенье дат, имен и мест
поймут потомки верность Флагу.
Презрев мирскую суету
и неизведанность дорог,
в бумаге воплотить мечту,
в Историю добавить строк.

ЛОВЕЦ ВРЕМЕНИ

*Прекрасному мастеру светописи, моему товарищу
с университетских времен Александру Худасову*

След Времени заметит фотография,
Которая останется в веках,
И светом не исправишь орфографию
фигур и лиц на глянцевых листах.
След Времени запомнит фотография,
Которая бесценна, как вода,
Прожитых лет сложилась география
твоей Судьбы теперь уж навсегда.
След Времени оставит фотография,
Которая случайность сберегла,
История составит фильмографию
редчайших кадров счастья и тепла.
След Времени не может раствориться:
Зачем тогда мы верим и живем?
А фотография поможет утвердиться
в значительности судеб и времен!!!

АЗАРТ КАРТОЧНОГО ИГРОКА

Играя в карты, мы беседуем с Судьбой,
которая волнует и тревожит,
когда азарт доверчивости гложет
и никого нет выше над тобой.
Презрев ответственность и будней маету,
банкуем вдохновенно и бесстрашно,
колоду вновь тасуем бесшабашно,
стремясь поймать Удачу на лету!
Смешав листы всех четырех мастей,
замысливаем совместить два цвета,
но красно-черный рок нам мстит за это,
меняя звон монет на стук костей.
А прошептав заветных три числа,
немедленно Фортуна ускользает,
река желаний силу волн теряет,
не выгрести без верного весла.
Обвиснув, нашей страсти паруса
сторожко ждут игроцкого азарта,
когда придет загаданная карта
и станет светлой жизни полоса.
Любой игре сопутствует обман.
Ты это знаешь, но наивно веришь,
что за столом сегодня все изменишь
и тост поднимешь за прекрасных дам!
Четыре дамы — красно-черный фон:
тревога и печальная утрата,
но впопыхах наметана заплатка,
и снова ты поставишь все на кон.

Когда душа измотана игрой,
а в пальцах дрожь от страха поселилась,
но комбинация, начавшись раз, все длилась...
И верилось, что прикуп будет твой!
Когда тасуешь карты, то живешь
надеждой победить да отыгаться,
и в миге сладостной удачи растворяться,
с которой вместе об руку идешь.

РАТНИКИ РУСИ

Он был русский солдат,
потому что погиб за Россию.
Ну и пусть, что лицом смугловат,
мы его защитить попросили.
Попросила река,
где он в детстве часами плескался.
Попросили века,
где дух предков навечно остался.
Попросили дубы,
от которых напитан был силой,
стон беззвучной мольбы
от любимой — доверчивой, милой.
Он пошел защищать
из Сибири, с Урала, с Кубани,
всех имен не назвать:
и Петры, и Богданы, и Вани,
Салаваты, Тенгизы, Абрамы,
Магомеды, Рашиды, Кирсаны,
Константэны, Олеги, Байрамы —
разных вер и родов, тейпов, станов...
Он вернуться мечтал:
там его ждут по пору по сию.
Он позор не застал,
потому что в разоре Россия.
Сто народов Руси
делят землю, историю, флаги,
а друзей поносить —
будто плеск самогона в баклаге.
Зарастает погост
не травой, а бесстыдным забвеньем.
Встань, солдат, в полный рост —
отврати от лукавого рвеня!
Память, гордость и стыд —
эти вехи наш путь выправляют,
вспомним всех, кто забыт,
навсегда землю нам оставляя.
Перекличка имен —
для живых *честь* бойцам поклониться,
будь достоин времен,
что Руси помогли сохраниться.

Виктор Харлашкин*
(г. Тула)

ГЕНЕРАЛ

Ах, генерал, Вы смотрите на «пять»
От галифе до орденской колодки.
И Вам ужасно хочется принять
Парад Победы, или просто водки.

Да Вам любая ноша — по плечу,
И все же почему-то мне нейдет:
Назвать Вас господином — не хочу,
Товарищем — язык не повернется.

Товарищей отнял у Вас Афган,
Последних — в Белом Доме добивали,
Но Вы в судьбой поставленный капкан
Своей мохнатой лапой не попали.

Да и сейчас Вы снова «на коне»,
Вас по ночам не ранят острым словом
Мальчишки, смерть нашедшие в Чечне,
Под Вашим руководством бестолковым.

Вы цвет знамен сменили, генерал,
Но в этом буйстве многоцветья красок
Не Жуков с Вами под знамена встал,
Не Рокоссовский, разве только Власов.

Твердите о Российском Вы пути,
Но если веришь в чистоту традиций,
Сто раз могли б в отставку Вы уйти,
Или, по крайней мере, застрелиться.

Но Вас такой не радует финал —
Долг, честь и совесть — детские игрушки,
Коль Вами Ваша служба, генерал,
Превращена в обычную кормушку.

* Наш постоянный автор.

Когда пришел черед лихих годин,
Над Родиною снова дым пожарищ,
Вы для меня, увы, не господин,
И уж никак, поверьте, не товарищ.

МАРШ-БРОСОК

Нас до конца еще не истребили,
Но недругам есть повод ликовать:
В разграбленной, распроданной России
Себя не смеем русскими назвать.

Внушают нам от имени закона:
Забуть заветы дедов и отцов!
Нас придавила «пятая колонна»
Из русскоговорящих подлецов.

И вот одна — всего одна отрада —
Стал светлой явью долгожданный сон,
Когда прошел по мостовым Белграда
Десантников российских батальон.

Тот марш-бросок отчаянно-гусарский
Дал нам увидеть через кинескоп,
Как цвет меняет нос американский,
И прошибает пот британский лоб.

И тетивой внатяг звенели нервы:
Сошел с экранов сорок пятый год,
А слезы на глазах счастливых сербов
Мы дружно принимали на свой счет.

И в этот миг, от чувств забытых млея,
Прочь гнали мысль, знакомую всем нам,
Что вновь сдадут правители-пигмеи
Защитников Отечества врагам.

Всерьез не смея с господином драться,
Всю силу холуи вложили в звон,
И, наконец, сумели сторговаться,
На кон поставив дерзкий батальон.

Все на круги привычные вернулось —
Нам указали место — у двери,
Но в душах многих что-то встрепелось
И застучало молотом внутри.

Какую веру кто из нас не примет —
Теперь лишь слабоумный не поймет:
С колен Россию Армия поднимет.
Поднимет и прикроет и спасет.

Пока мы под пятой заокеанской,
Бог знает, сколь продлится то «пока»,
И все-равно, за «марш-бросок балканский»
Спасибо вам, десантные войска.

МЕРТВЫЙ И ЖИВЫЕ

Не травите меня, не травите,
Я не лучше, не хуже, чем все,
Изменил мне мой ангел-хранитель,
На другого коня пересел.

Он оставил меня на дороге,
По которой все вместе мы шли,
На которой забыли мы многих,
Растоптав их в грязи да пыли.

Так что кару Господь мне назначил
За безжалостность к тем, кто упал,
И не мог поступить он иначе —
Я ж старательней всех их топтал.

И советовал вам, бывшим в деле,
Как с носка перейти на каблук,
Так, чтоб ребра упавших хрустели,
Как хрустит под подошвою сук.

Вы охотно советам внимали
И спешили приказ выполнять,
И меня на весь мир прославляли,
И любили сильнее, чем мать.

Вы же сами мне долго внушали,
Что безгрешен и прав я во всем,
Даже те, кого дружно топтали,
Породнить меня тщились с Христом.

Может, был я неправ, полагая,
Будто вас к светлой жизни веду,
От невзгод и врагов ограждая,
За кормой оставляя нужду.

Пропустив через сито лишений,
Я с тропинки привел на большак
И оставил вас, полных сомнений:
Что же делать, а главное — как.

И хоть путь ваш стал много ровнее,
Под ногами потверже покров,
Зашагав по дороге смелее,
Наломали вы все-таки дров.

И костер разведя из поленьев,
В нем сжигая мой пышный наряд,
Заодно вы спалили стремленье
К одолению препятствий, преград.

Разомлели, насытившись малость.
Очень вкусен был первый кусок.
Ну, а то, что на завтра осталось.
Захмелев, побросали в песок.

А наутро без крова и пищи,
Не найдя чудотворный родник,
Превратившись в беспомощных нищих,
Забрели вы в глубокий тупик.

Нет дороги назад, темный лес там,
А вперед слишком долго идти,
Да, к тому же, еще неизвестно,
С чем столкнешься на этом пути.

Кто виновен, на ком отыграться?
Было б легче всем крест свой нести.
И тогда кто-то крикнул: «Эх, братцы!
Где б «козла отпущенья» найти?»

Есть такой, хоть давно он в могиле,
Но ведь шанс упускать свой нельзя.
За грехи, за чужие, мои ли,
Вы обрушили гнев на меня.

На Руси мертвым часто вменяют:
Кому — святость, кому-то — вину.
Иногда их местами меняют,
Экс-святым объявляя войну.

Не ответит покойник ударом.
Раз молчит он, так, зная, нечем крыть.
Его любят живые недаром,
Благо, есть на кого все свалить.

От меня открестились вы скоро,
Торопясь раньше всех преуспеть,
Оградить свою совесть забором,
Осужденья одежды надеть.

Даже тот, кто был левых левее.
На другом нынче фланге идет,
Об ушедшем в душе сожалея.
Громче всех призывает: «Вперед!»

Так и быть, на себя все приму я,
Мне один лишь Всевышний судья,
Но задам вам вопрос напрямую:
Чем же вы лучше, нежели я?

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ТАШКЕНТСКИЙ ПЛЕННИК
(поэма — быль)

Лебедев Сергей Александрович. Живу и работаю в городе Тольятти. Самиздатом выпустил три сборника стихов: «Что измерит года»; «Послевкусие»; «Лесная дорога». Публиковался в журналах «Предупреждение» в 2008, 2010 годах, «Книжный клуб» в 2009, 2010 годах, в сетевых альманахах «Великороссь», «Литературная Губерния», тольяттинских газетах.

В июле 2009 года во время речного путешествия по Волге и Оке встретился с удивительным человеком — иеромонахом Митрофаном. В миру Юрченко Валерий Николаевич. Он бывший генерал, хотя бывших военных не бывает. Они всегда готовы на защиту Родины. Иеромонах Митрофан рассказал, как пришел к своему монашеству. Он воевал почти во всех «горячих точках». От Афганистана до Чечни. Был в плену, не единожды ранен. На теплоходе в один из вечеров я читал свои стихи, так и познакомились. На память я подарил иеромонаху Митрофану сборник стихов. Живет Юрченко В. Н. в городе Самаре. Под впечатлением его рассказов мной написана маленькая поэма-быль.

*Иеромонаху Митрофану
(Юрченко В. Н.)*

Ночь, окутав палубу прохладой,
Волгу серебрами одарив,
Нам от зноя принесла отраду,
И минора трепетный мотив.
День затих с делами до отказа:
За причалом — белый городок,
И к себе расположил он сразу,
Лег зеленым бархатом у ног.
Я сидел на палубе с биноклем,
Правый берег в западе истек.
Крики чаек в тишине замолкли,
Лес у Волги теменью промок.
Чувствую тепло чужого взгляда,
Искрами веселыми в упор,
Да и что в контакте еще надо?
И легко начался разговор.
Мы вели беседу, и неспешно
Он сказал о сборнике стихов,
О себе промолвился. Конечно,

О военной службе пару слов.
Нам волна картаво прошептала,
Слушая весь тихий разговор.
Я запомнил повесть генерала,
И в душе оставил до сих пор.
.....

«Нам свободы дали до отвала:
Из Ташкента хочется домой.
А тогда я не был генералом,
Но понюхал пороха с лихвой.
Стали собираться мы в Россию
Ведь служили, будто на весу.
За узбекский как-то попросили
Съездить в старый город на Чор-Су*.
На Чор-Су съезжаются дехкане,
Здесь товары славят вилоят**.
Пряности по воздуху летают,
Дыни мирзачульские*** манят.
Травы на прилавках не пучками:
Ворохом зеленые лежат.
Все это приправлено словами,
Как шафраном плов или салат.
Добрые слова — всему свобода,
И торгуясь, говоришь с родным,
Или просто покупаешь сходу,
Пробуя самсу, манты, нарын****.
Но внезапно ощутил спиною
Я укол от острого ножа,
Трое окружив, стоят со мною:
«Жизнь твоя не стоит и гроша!».
Молча, по толпе меня в машину,
Темную повязку на глаза,
Сходу визгом по дороге шины,
Жизнь моя спустила тормоза.
Что же надо, я пока не знаю.
Выкупа им вовсе не иметь.
Только бы афганцам не продали,
Это для меня, конечно, смерть.
Мы Ташкентом ехали недолго,
Звякнул цепью и залаял пес,
Стукнула по дереву щеколда,
Женщина спросила: «Что привез?»
«Хáла*****», ты не лезь в мужское дело,
Дай одежду, чтонибудь поесть.

*Чор-Су — дехканский базар в Ташкенте.

** Вилоят — административно-территориальная единица Узбекистана.

*** Мирзачульская дыня — выращивается в Сырдарьинском вилояте Узбекистана, отличается чрезвычайной сладостью и ароматом.

**** Самса, манты, нарын — блюда узбекской кухни.

***** Хáла — женское имя, в переводе с узбекского — сияние.

Пусть халатом он прикроет тело,
На себе оставит только крест».
Все забрали — сапоги, одежду.
Здесь меня, наверно, не найти.
Но в кресте оставили надежду:
Мне поможет вера на пути.
В яму опустили, что в сарае,
Крыша — это толстая доска.
В небо я взгляну теперь едва ли,
Вместо страха — липкая тоска.
Ночь пришла, и в голову полезло...
Юность, мама, степи, Аксуек*.
А безделье нам порой полезно,
Жизнь умерит бесконечный бег.
Годы разложить и разобрать,
Глянуть на забытые мечты,
И в тоске не утонуть бы, братцы,
Верить, не порушатся мосты.
День ползет, а месяц пролетает.
Что со мной — никто не говорит.
Лишь надежды у меня не тают,
Тает тело, ноет и болит.
Скудное тряпье мое ветшает:
Грустный персонаж для драм.
Но однажды утром я решаю,
Требую причастия и храм.
Жалуюсь, что чувствую усталость,
Скоро смерть, наверно, придет.
Надо мне от вас такую малость —
Божий покажите небосвод.
«Церкви для тебя не сколотили,
Только правоверная мечеть».
«Жизнь мою вы на кон положили,
Пусть Аллах не даст мне умереть».
Улицы Ташкента оживали:
Криком обозначен минарет.
Доски надо мною открывали,
Божий я увидел снова свет.
Лестницей веревочной поднялся,
Свежею умылся я водой,
Луч надежды все-таки остался,
Так его лелеял под землей!
Улицей с усиленным конвоем,
Глаз не поднимая от земли,
Трое впереди и сзади трое,
С крестиком в мечеть и завели.
Шепотом во мне слова молитвы,
Вижу, сбоку подошел имам,

* Аксуек — поселок в Джамбульской области Казахстана.

Острые глаза его, как бритвы:
«Знаешь ли, неверный, ты ислам?»
«Знаю и суру и Магомета,
Что-то по-узбекски говорю,
Только не добился я ответа,
Где найти дорогу к алтарю?
Разве ваш Аллах меня оставит?
Примет ли он искренность мою?
Коль не мусульманин его славит,
Место не найдет ему в раю?»
«С Богом, офицер, ты помолился,
Мирно из мечети уходи,
Твой хозяин чтоб не обозлился,
Скажешь от меня: «Имама жди».
Пятый раз молитва отзывалась.
Шепотом шуршало по углам.
Тихо, но надеждою звучало:
«Все-таки поможет мне имам».
Плов горой оранжевой на блюде,
Тошно от хозяйского куска:
«День наступит, утро еще будет?» —
Мысль летит, как пуля у виска.
«Ты бывал с оружием за речкой?
«Больно!» — говорил тебе душман?»
«Он молчал, а говорил мой «Стечкин»^{*},
В той земле я кровь пролил от ран».
Кончились совсем его вопросы,
Стал узбекам что-то говорить.
Понял, что хозяина он просит,
Все же офицера отпустить.
Все почетны на Востоке гости,
Но имам — первейший из гостей,
«Нет!» — сказать, когда его попросит,
Вряд ли сможет даже и злодей.
Вот луна над минаретом встала
Все устали и пора домой,
Голос у имама крепче стали:
«Этот офицер пойдет со мной!
Нам Аллах оказывает милость,
Ведь ислам — покорность и покой,
Пусть и он узнает справедливость!»
Бог или Аллах вершат судьбой?
Веры разной существуют люди,
Будды, Магомета и Христа,
Каждому своя опора будет,
Если в это веришь до конца.
Армию не бросил, без сомненья,
Ведь моя не кончилась война,

^{*} «Стечкин» — автоматический пистолет Стечкина АПС. Личное оружие офицеров, действующих в зоне активных боевых действий.

Служба Богу стала озареньем,
Как источник радости полна.
Многое прошел в «горячих точках»,
Ранен не единожды в боях,
Каждый день, порою даже ночью,
Вера в Бога — помощью в делах».

.....

Утром продолженьем разговора,
Волга открывала монастырь,
Била колоколен, словно хором,
Пели «Аллилуйя!» во всю ширь.
Мы тепло расстались на причале,
Руку на прощанье он пожал.
Чайки над волною закричали,
След в душе оставил генерал.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ОТ ДАГЕСТАНА ДО ЕГИПТА

ДАГЕСТАН

Где горы переходят в море,
где люди крепче, чем скала,
орлом парящим на просторе
раскинулась Махачкала!

Гостеприимством привечая
друзей из разnodальных стран,
всегда находит рюмку чая
благословенный Дагестан!

Здесь никого не удавалось
многоязычьем удивить.
Людские судьбы завязала
в единый узел жизни нить!

Кумыки, лакцы и аварцы,
азербайджанцы и рутульцы,
даргинцы и табасаранцы,
лезгины, таты и цахурцы.

Здесь беспокойный Минкайлов —
мой старый друг и старший брат,
пульмонологии светило —
всегда гостям заезжим рад.

Здесь Чамсутдинов сед и строен
предложит вкусный калмык-чай,
своей фамилии достоин —
проректорствует Кубатай.

Между предгорьями и взморьем
стирает грани Дагестан!
Здесь на вопрос в извечном споре —
ответ неповторимый дан!

Кто виноват, и что нам делать?
Не стоит спорить горячо!
Нет меж людьми водораздела!
Есть — дружбы крепкое плечо!

ЕГИПЕТСКАЯ НОЧЬ

Этой ночью египетской
 в ожиданье Мессии
мы тоскуем по снежному
 опахалу России,
по весне, что на родине
 надвигается ливнево,
Мы тоскуем по Пушкину,
 и по Рюрику Ивневу.
Море Красное плещется
 у песчаного берега...
Бедуины, как в древности,
 промышляют набегамы...
Фараоны упрятались
 в пирамидное прошлое...
Египтянам — не может
 погрузиться в хорошее...
Этой ночью египетской,
 разукрашенной звездами,
торжествует бессонница
 с безнадежными грезами.
Правда, смутно, но верится,
 что придет понимание,
между прошлым и будущим
 сократив расстояние.

ИСХОД ИЗ ЕГИПТА

Почти по Р. Ивневу

Рев самолета, а затем —
грядет сонливость перелета.
Внизу — Хургада, а затем —
отель, где кто-то ждет кого-то.

Песков барханы, а затем —
сдвигали братские стаканы
за мир в Египте, а затем —
на пляж ступали утром рано.

Статьи читали, а затем —
их в кулуарах обсуждали.
Рождали мысли, а затем —
их на скрижалях вырубали.

Багаж искали, а затем —
его в Суэце откопали.
Питались вкусно, а затем —
по капле виски выпивали.

Снимали фото, а затем —
пришла прощальная суббота.
Хургада в прошлом, а затем —
опять урчание самолета.

МИНКАИЛОВУ

Нет! Каспий обмельчать не может,
могучим Тереком полнясь!
Страна не измельчает тоже,
пока крепка народов связь!

А раньше по-другому снег скрипел!
Была иною доброта людская.
Не напоказ среди насущных дел,
а сущностью душа была такая!

Снег падал тихо, и мороз крепчал,
но ветра жгучесть нас — не обжигала!
Никто в истошной злобе не кричал,
кривя эфир в лучах телеканала!

Свежо и звонко тикали сердца.
Глаза открыто в день другой глядели.
Не думалось о близости конца
в чреде забот о достиженье цели.

Была надежда в помыслах чиста.
И государство тоже все же было.
Пусть идея не была проста,
но будущность людей объединила!

Когда страны разрушился каркас,
мы помним точно, сути лишь не знаем:
за что Россия разделила нас
на всех простых, и тех, кто невменяем!

На силы свыше стали уповать —
молясь, крестясь, иль делая намазы,
чтобы самих себя не потерять,
бездумно претворяя в жизнь указы!

А кто-то сеет розни семена!
А кто-то от нее — навар имеет!
Растет непонимания стена,
и ропот недовольства бурно зреет.

Что раньше по-другому снег скрипел —
определяет внутреннее ухо!
Но не такой уж скорбный наш удел,
поскольку в мыслях не царит разруха!

Сравнив неповторимость прошлых лет
с пороками теперешнего быта,
мы в дне грядущем ищем правды свет,
покуда чаша жизни не испита!

Мы сами виноваты в том, что есть!
И нужно детям — солнца дать лучистость!
Тогда нам будет и хвала, и честь.
Снег обретет пушистость, белизна, чистость!

Для внуков будет также снег скрипеть,
как и для нас сегодня, по-другому!
Им звонче суждено и чище петь,
храня пути к родительскому дому!

Да! Раньше по-другому снег скрипел...
И мы тогда другими тоже были...
Коль завтра прекратится беспредел,
то правнукам — о нас расскажут были!

Такие, Минкайлов, времена!
С тобой их понимаем, словно братья...
Кавказ — многоязыкая страна —
нас заключил в кремнистые объятия!

НА ПАПЕРТЯХ

На папертях храмов науки
российских ученых — не счесть!
Вздываются к Господу руки
в надежде, что истина — есть.

На папертях храмов здоровья —
кружение российских врачей
по омутам сверхпустословья
ЕдРонацпроектных речей.

На папертях храмов искусства
тусуется звездная голь.
Их шоу — фальшивые чувства,
наркотики и алкоголь.

На папертях бизнес-безверья
толчется чиновничья рать,
откатов прося безразмерье
и то, что им нужно урвать.

Вот так и стоят Христа ради,
стена, надеясь и ждя,
на папертях в вечное глядя —
из манны небесной дождя.

* * *

Не Он крестил! Его крестили!
И этим славен Иордан!
С небес слова — навек застыли.
Крестил — Предтеча Иоанн.
Богоявление случилось:
Отец и Сын, и Дух Святой!
Все это в праздник воплотилось,
целебной впрыснутый водой.
Пушай крещенские морозы
дадут здоровье грешным нам!
За счастье жить сквозь смех и слезы
сегодня выпьем по сто грамм!

ЯНВАРСКОЕ

Друзья неизбежно стремятся в столицу...
Быть может, надежнее там и теплей!
Оттуда на дно потруднее свалиться...
Но, правда, оттуда оно и видней...
Для дел беспросветия — станешь нужней,
а прошлым своим — продолжаешь гордиться...
И, вроде, поймалась столица-синица,
но в небе — журавль! Через год — юбилей...
*Придумка людская — справлять юбилей
для нужд гастрономии и бакалеи.*

Есть время подумать, осмыслить, проверить,
найти тот единственный правильный путь,
ведущий к Гармонии сказочной двери.
Но, чтобы с друзьями он был, хоть чуть-чуть...
Так хочется прошлую радость вернуть —
на новом витке и взаимодоверье,
когда набирается силой поверье,
что можно в грядущие дни заглянуть!
*Но, даже имея питейный подряд,
не хватит хмельного, чтоб глянуть назад!*

Спираются годы в конечном круженье,
растет поколение новых забот,
но жесткости ребра — всегда в напряженьи
и держат нагрузку который уж год!
Летит над Землею судьбы самолет,
собой изменяя земное вращенье!

На небе вершится времен сопряженье
в любую секунду, минуту и год!

Поднимем бокалы за то, что имеем!

За то, что от выпитых чаш — не хмелеем!

*Придумка людская — справлять юбилей
для нужд гастрономии и бакалеи.*

*Но, даже имея питейный подряд,
не хватит хмельного, чтоб глянуть назад!*

Поднимем бокалы за то, что имеем!

За то, что от выпитых чаш — не хмелеем!

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

(Раздел ведет Тамара Булевич)

Сергей Прокопьев

(г. Омск)

ODNOKLASSNIKI.RU

— Па, заведем тебе страничку в «Одноклассниках»? Сайт по рейтингу порносайты обскакал.

— Машка, отвянь.

Дочь вообще-то Марина, Валера иначе как Машкой, к вящему удовольствию любимицы, не называл.

— Меня Лидка Кириш из Германии нашла. Помнишь, в седьмом классе нас застукал — курили. Еще по задницам нашлапал... Да больно так...

— Лидка, которая рыжая?

— Ну! После восьмого ушла в училище и потерялась. Сейчас в Дюссельдорфе парикмахером работает... А Лешка Панков, ты знаешь его — за мной в десятом классе ухлестывал, тот во Владике. Интересно... Заведем?

— У меня финансовый кризис снарядом в голове. Не знаю, как приспособиться...

— К снаряду?

— Машка, не зли — достукаешься!

Дочери что в лоб, что по лбу, еще та штучка-дрючка. Притащила ноутбук. Летом семьей ездили на остров Корфу. В какие-то веки выбрались. Машке нравилось фото: Валера по колено в волне, в шортах, красной футболке с надписью «СССР» и поднятой в приветствии рукой.

— Это поместим. Я сама тебя зарегистрирую.

— Думаешь, клюнет?

— Стопудово! Народ валом в «Одноклассники» валит...

...Настя не узнала Валеру на фото. Остальное сходилось. Оставила сообщение: «Двадцать девять лет назад дружила с парнем Валерой Бахтиным, он учился на втором курсе политеха». Через сутки заглянула на свою страничку. Бахтин три раза гостем — в два ночи, одиннадцать дня и восемь вечера — заходил. «Изучал мое фото», — решила. Написал: «А я двадцать девять лет назад бредил девушкой по имени Настя. Та Настя работала на заводе».

Но координат своих не оставил, похоже, сомневался: та ли знакомая. Настя описала детали их знакомства. В следующем сообщении Бахтин оставил номер сотового телефона и приписку: «Настенька, позвони обязательно!»

Когда в трубке раздалось сухое: «Слушаю», — Настя не без волнения представилась.

— Здравствуй, Анастасия, а ты где?

— На работе.

— Давай встретимся? — предложил Валера. — Сейчас? Пообедаем...

— Не, сегодня не могу...

...Настя поначалу встречалась с другом Валеры — Петей Бойко. Завалив вступительные экзамены в институт, она пошла электромонтажницей на завод. Петя работал в соседнем цехе слесарем-сборщиком. Познакомились на туристическом слете. Оказались рядом в автобусе, который летел мимо пылающих золотом березовых рощ, облитых ласковым солнцем, вечером сидели бок о бок у костра, а потом, отойдя в березняк, долго целовались и, когда давали передышку губам, было слышно, как падают в темноту листья...

Петя походил на херувимчика. Кудрявый, на щеках румянец, губы тонкие, жадные. У его брата-холостяка была квартира, он ездил на вахты в Сургут. На время вахты перед Петей стояла задача время от времени поливать цветы в квартире брата. С Настей полив приобрел ежевечернюю регулярность. Настя, дразнясь наготой, расхаживала по квартире с кувшином...

Брат вернулся из Сургута как раз перед уходом Пети в армию.

На проводы пришло трое Петиных друзей, среди них Валера Бахтин, двоюродная сестра, бабушка. Брат опоздал, появился в подпитии. Стограммовым глотком опорожнил рюмку и ну донимать Настю: «Скажи-ка, что будешь ждать Петю». «Буду-буду!» — попыталась отшутиться Настя. «Нет! Встань и ясно, четко, с расстановкой... Петя примет присягу на верность Родине, а ты здесь должна дать слово!» «Не вяжись к ней!» — пытался урезонить брата Петя. «Молчи, салапет, внимай, что говорит старший сержант запаса!» Весь стол повернулся к Насте. С Петей ни разу не заходил разговор «ждать не ждать». Дружили и дружили. Разряжая дурацкую паузу, Настя встала: «Служи, Петя, спокойно, буду ждать!» «Спасибо!» — серьезно воспринял услышанное Петя. Остальные с удвоенной энергией, как показалось Насте, набросились на еду и выпивку.

Утром Петю провожали Настя и Валера. Неделей ранее Петя вручил Насте фото, где стоял в обнимку с Валерой: «Мой лучший друг! Если что — поможет». На обороте написал номер телефона друга.

Метров за пятьдесят до военкомата Петя резко остановился: «Все! Дальше вам делать нечего!» Впился Насте в губы, сжал так, что Настя ойкнула. Обнял Валеру и пошел, не оглядываясь.

— Тебе на завод? — спросил Валера.

— Взяла отгул, думала побыть у военкомата, пока не повезут...

— Айда в кино?

Они посмотрели в полупустом зале фильм, а после него поехали к Валере. У него была запись рок-оперы «Орфей и Эвредика». Настя сидела в стереонаушниках, каждый с добрую чайную чашку, и слушала: «Орфей полюбил Эвредика. Какая старая-старая история...»

Банальная история... Валера, взявшись за наушники, повернул голову Насти к себе и поцеловал. Сначала быстро, как украл, потом, не встретив возмущения, надолго припал к подвижным губам...

Через полчаса они — чуть прикрыв разгоряченные тела, Валера полотенцем, Настя пледом — уписывали на кухне пирожки с капустой. Зазвонил телефон.

Валера поговорил и с растерянной улыбкой произнес: «Петю отпустили на три дня, до понедельника». И попросил: «Уезжай из города на субботу-воскресенье. Не хочу, чтобы вы увиделись».

В понедельник встретил Настю у проходной. И закружило их на два счастливых

месяца. Ей не было восемнадцати, смена короче на час, после нее летела к Валере. В запасе у неистовых влюбленных было час-полтора, пока родители не возвращались с работы... При родителях слушали музыку, смотрели телевизор. Насте нравилось у них. Ухоженная квартира, от занавесок до подушечек на диване — все сделано хозяйкой-мастерицей... Мать Валеры пекла бесподобные пирожки. Подавала с бульоном. Относились к Насте, не проявляя ни особого интереса, ни неприязни. Потом Валера скажет: «Мать предупреждала: "Настя легко бросила Петю и с тобой также поступит..."» В воскресенье уединиться было негде, Валера придумал печатать фотографии. Закрывались с Настей в ванной, и печатали с чудовищным браком, то и дело передерживая фото в проявителе или закрепителе. Однажды под ними с грохотом сломалась табуретка. Падая, Валера зацепил шнур красного фонаря, он со взрывом разбился.

— Что у вас там? — затарабанила в дверь мать. — Откройте!

— Нельзя, засветим...

Не засветились...

Валера побежал к соседу за фонарем...

...Настя плохо спала перед их встречей, вспоминала... Всплыл случай в ванной, сильно ударились тогда о край умывальника...

Валера подъехал на шикарной «Тойоте». Вышел из машины, открыл даме дверцу...

— Целоваться будем? — прятала Настя волнение игривостью.

— А то! — Валера ткнулся в накрашенные губы, предложил маршрут: — В ресторан?

Себе заказал мясо и сок. Настя попросила рыбу и, подумав, бокал красного вина. Сердце колотилось, лицо предательски горело. Она сделала два крупных глотка, хмель успокаивающе ударил в голову. Валерина нижняя губа периодически секундно сжималась. Этот признак нервозности Настя хорошо помнила. Волосы у него по-прежнему густые. Когда-то завидовала: «Зачем парню такая роскошь?» Наполовину седые. Морщины под глазами, морщины прорезали лицо...

Говорил Валера в сторону, будто не решаясь встретиться глазами. На вопрос: «Чем занимаешься?» — поначалу ответил:

— Да так, фирма.

Принявшись рассказывать, оживился:

— Защитил диссертацию и надоело нищенствовать. Занимался зерном, лесом, коптил рыбу. У меня компаньон классный. Трудоголик и постоянно гвоздь в мозгах: нужны новые идеи. Вышли на порошковую металлургию, поднялись. Одними из первых в городе обзавелись камерой полимерного покрытия, недавно приобрели лазерный станок для раскройки металла, немецкий обрабатывающий центр. Думаем открыть консалтинговую фирму. Направление перспективное. Подтягиваем группу серьезных специалистов с наработками... Да и жена у меня хороший юрист. Отдыхать не умею... А ты как?

Настя окончила пединститут, пять лет учительствовала, было время — стояла на оптовке. Сейчас редактор в издательстве.

— Так что рабочая девушка выросла, — сказала, смеясь.

Сказала с намеком...

...На Новый 1979-й год Валера привел ее в компанию одноклассников. И Настя очутилась в ситуации: «вы, девушка, сбоку припеку на нашем празднике жизни». Человек заводной — песни погорланить, потанцевать с пылью до потолка — она вдруг ощутила себя лишней. Ее откровенно игнорировали. Сопи, мол, в две дырочки и не вякай. Лишь парень, сидевший за столом рядом, проявил интерес из серии «Кто? Что? Где?» Остальные подчеркнуто не замечали юной рабочей девушки. В час ночи она сказала Валере: «Пошли».

А вскоре расстались. У Насти случилась задержка. Валеру известие о возможной беременности ввергло в нервный приступ смеха. Ржачного хохота. Будто анекдот услышал. Успокоившись, сбивчиво заговорил: «Какой ребенок? Мне девятнадцать лет, еще четыре года учиться». «Валерочка, мы горы вдвоем свернем! Я могу воспитывать малыша и работать техничкой, дворником... А ты учись!» — «Сказать легко! А где жить?»

Тревога оказалась ложной. Валера обрадовался, не удержав: «Как я тебя люблю!» Облапал Настю, закружил. Они были в пустынном парке. Накануне разразился щедрый снегопад. Валера, увлекая за собой Настю, упал в искристый снег. Как в перине утонули в высоком сугробе. Снег лез за шиворот, в рукава... Настя зачерпнула варежкой из сугроба и швырнула Валере в лицо, он залепил ее смеющийся рот поцелуем...

На каникулы он уехал в спортивный лагерь, занимался самбо. Вернулся через десять дней и сразу помчался на проходную встречать Настю, и оказался не единственным встречающим. Настя миновала турникет, и вот те на — к ней шагнул парень в черном полушубке.

Настя попросила парня пойти вперед, объяснила Валере: «Этому человеку я нужна не для кувыркания по вечерам, а с серьезными намерениями».

Валера заговорил быстро-быстро: «Куда тебя несет? Одумайся! В спортлагере просыпался и засыпал с мыслью о тебе. Наврал тренеру про больную мать, приехал раньше! Не время мне жениться, подожди!» «А ему время!» — Настя указала на парня. «Ты же не любишь его!» «А кто сказал, что тебя люблю?» — выдавила из себя Настя. «Хочешь, поженимся, хоть завтра...»

...Валера заказал себе зеленый чай, Настя попросила кофе.

— Меня девять лет преследовал сон,— рассматривая что-то на скатерти, сказал Валера.— Девять лет. Потом сделали операцию на желудке, и будто с язвой вырезали его.

Сон был тревожный, тягостный. Валера искал ее. Последний раз они виделись в начале февраля. В воскресенье к Насте прибежала подруга: «Тебя парень зовет». За домами до Иртыша простирался пустырь. Малую его часть занимал стадион. Футбольные ворота, баскетбольная площадка. Небольшие трибуны. На пустыре целиной лежал снег и только на футбольном поле был утоптан. Валера ждал Настю на трибуне. Тянул холодный ветер. Было неуютно. И они объяснились в последний раз. Валера просил: «Давай поженимся. Пусть будут дети, пусть будет все, как ты хочешь...»

В повторяющемся сне Валера видел заснеженное поле, оно обрывалось крутым берегом небольшой реки, на противоположенном берегу торчали голые деревья. Валера, проваливаясь в снег, торопился к зарослям. Он знал — за ними Настя. Надо перейти реку, и будут вместе... День хмурый, гнетущий. Низкие облака. Валера тарашил грудью сыпучий снег. Наконец скатился с обрыва. Оставалось перейти по льду реку... И вдруг в спину ударил ветер. Валера повернулся... А перед ним бушующая белая стена снега. Нет ни поля, ни неба... Только гудящая преграда. Он бросился бежать по льду... Но и здесь встала живая, непроницаемая стена. Валера пытался пробить ее криком: «Настя, подожди!» Вой пурги глушил голос, снег забивал рот...

После этого сна все валилось из рук...

— Больше так никого не любил... Ты первая и последняя. Сколько раз задавал себе вопрос: «Чем вошла в сердце?»

— Тебе нужна была женщина, тут я... во всем уступающая...

— Еще скажи — физиология виновата...

— Знаешь, сегодня утром подумала: может, я спасла тебя. У меня была тетка на Украине, гадала по руке. Приехала к нам в гости... И что-то я с двоюродной сестрой, в классе пятом учились, прибежали: тетя Люся, погадайте... Сестре напроорочила: рано выйдет замуж... На мою ладонь посмотрела и говорит: хорошая девочка. И все.

Потом сказала даже не матери, другой родственнице: я рано овдовею. Может, я вас с Петей спасла. Муж погиб в автокатастрофе... Одиннадцать лет мы прожили... Так бы ты на его месте...

— Ерунда. Мне цыганка сына и дочку наобещала, а всего-то дочка одна одишенькая. А у тебя?

— Сын и дочь.

— Ты мне их должна была родить. Мне, понимаешь?!

— Тогда бы ты погиб...

— Сказки все...

Этот диалог они вели уже в машине. Валера свернул с проспекта, избегая потенциальных пробок, поехал по дворам пятиэтажек.

— Хочешь,— спросил после паузы,— с Петей поговорить? Мы по-прежнему в друзьях. Недавно помог ему с деньгами — машину покупал.

Валера заговорил в трубку о рыбалке, а потом произнес: «Ты как насчет того, чтобы Настю услышать, что тебя в армию провожала?.. У меня в машине...»

Трубка завопила счастливым голосом: «Настя, не верю! Не может быть! Неужели ты? Надо увидеться!»

Настя вернула телефон, Валера произнес в него несколько фраз. Отключившись, сказал недовольно:

— У него даже голос задрожал, как с тобой поговорил...

А потом предложил:

— Слушай, поехали за город. В лесу хорошо... Побродим, костерок разведем...

— Не могу, на работу...

Валера подвез Настю к издательству. Договорились «созвониться как-нибудь».

В салоне остался сладковатый запах духов. Валере вдруг стало тоскливо. Сумятица вползла в душу.

«Зачем мне это, зачем? — повторял, глядя на бегущую под колеса дорогу.— Нет той восторженной Насти! И никогда не будет! Забыть и растереть! Она потолстела, морщины под глазами, руки, как пергаментные... Зачем я полез в Интернет? Дурак! Дурак! Не надо мне это!»

Ночью приснилось заснеженное поле, которое вдруг вздыбила бешеная пурга... Валера кричал в мятущийся, заполонивший весь мир снег: «Настя! Я здесь! Иди ко мне!...»

Валентина Ерофеева-Тверская
(г. Омск)

* * *

Моя тоска не в меру гордая,
Непроходящая тоска.
Домов уснувших крыши горбятся.
Звезда манящая близка..
Лишь руку протяни — уколется,
Лукаво светится в ночи.
А там, за дальнею околицей
В дремотной неге лес молчит.
Тоска со мной шаги печатает,
Быть может, день прошел не так?!
Тоска — тоской, печаль — печалью.
Звезда!..
Летит...—
Небесный знак.

* * *

Памяти Аркадия Кутилова

Молчи звезда, не накликай беды,
Твой свет дошел, а ты давно остыла.
Крыло метели, словно белый дым
Дома и лужи и мосты накрыло.
Тревожна ночь в мерцании твоём.
Кружатся сны, окутанные белым.
Глядит луна задумчиво в проем,
А там, за этим рамочным пределом,
Распахнут мир полету и мечте,—
С метельной песней есть желанье слиться,
Надеждой вспыхнуть — молодой звезде,
Зажечь свечу и Богу помолиться.

* * *

Что ты жмешься
 месяц однобокий
К моему открытому
 окну
Мы с тобой сегодня

одиноким,
Нам с тобой на пару
не уснуть.
Не томись, и не томи
печалью.
Грусть пройдет,
тревога пропадет.
Мы расправим крылья
за плечами,
Посмотри,
какая ночь грядет!

* * *

Неизбывная лень,—
Недопитое чувство печали,
И холодных ветров
Закононый пронзительный вой.
Мне тоскуется чаще,
И все чаще не спится ночами,
И фонарь под балконом
Упрямо скрипит головой.
Но в сибирской зиме,
Длинной ночи и ветре разгульном
Место все-таки есть
Для моей непокорной души.
Тишину пробивают
Машины разбойничьим гулом.
На оконном стекле
Сеть узоров, и как хороши!

ДОБРЫЙ ДРУГ

Посвящается А. В. Артемову

Просияла душа,
снова встретившись с Тарой.
Растворяюсь в кварталах
домов деревянных
в украшеньях наличников
и голубеньких ставен,
там, где травяные запахи
ароматов медвяных.
Темной нитью урман
горизонт прошивает,
по сибирским раздольям
кочуют туманы.
В этом славном краю
сотни лет проживает
легендарный народ
дивной родины малой.
Бальзамино-шафрановый

август подкрался,
любопытных рябинок
полно в палисадах.
Тот, кто лето приветствовал,
явно старался:
все пропахло в округе
вареньями сладко.
Не причесаны в городе
клёны да ивы,
по столичному здесь
не встречают проспекты,
но зато здесь закаты
безумно красивы,
и всюю голосисты
могучие ветры.
Вдоль Аркарки* бреду.
Притомленный, усталый
звук шагов приглушается
в травном шуршанье.
Сотни милых чудес
и загадок у Тары
От того и не надолго
будет прощанье...

* Местная река.

Владимир Корнилов
(г. Братск)

РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

Корнилов Владимир Васильевич, родился 10.01.1947 г. в с. Октябрьское Челябинской области. Член СП России, выпускник Литинститута им. Горького. Автор 15-ти поэтических книг. Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2010» им. Н. Рубцова и «Сибирского литературного конкурса им. Геннадия Карпунина-2008». Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Все-русский соборъ», «Юность», «Сибирские огни», «Сибирь», «Огни Кузбасса», альманахах «Поэзия», «Истоки», в Антологиях «Иркутской поэзии» и «Сибирской поэзии». Более 15 лет работает во Дворце детского и юношеского творчества г. Братска. За плодотворную работу с литературно-одаренными детьми присвоено звание «Почетный работник общего образования РФ» и высшая квалификационная категория.

КУЗНЕЦ КОРНИЛА

Он не водил компаний бражных
Не хороводился весной,
Но вот в Николин день однажды
Заслал сватов к вдове одной.
...Венчал его с соседкой Фросей
В церквушке сельской рыжий поп.
И всю деревню в эту осень
На свадьбе тряс хмельной озноб.
Отец напутствовал сурово:
«Ты, сын, про счастье не долдонь!
Оно серебряной подковой
Само не ляжет на ладонь!»
И день спустя у кузни старой
Корнила был уже с женой.
Вновь наковальня от ударов
Обряд творила грозный свой.
Бугрились руки мышцей каждой.
Пудовый молот: выдох-вдох.
С лицом, покрытым едкой сажей,
Он был красив, как в гневе Бог...
В поющем пламени горнила,
Нагрев до белых брызг металл,
Прапрадед мой — кузнец Корнила
Мою фамилию ковал.

НА ДЕЛЯНЕ

Маме

С чем сравнить материнскую силу?..
На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на деяне меня...
Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.
Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова,—
Все вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.
Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
«Эй вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!»
И, укутав нас теплым тулупом,
Вожжи в руки — и прямо в село.
Вслед судачили бабы: «Не глупо ль —
На деяну родить понесло?!»
...Недороды да бедность по селам.
Даже песни не пелись без слез.
Дед же въехал в деревню веселым:
«Мужики! Пополнение привез!».

УЧИТЕЛЬНИЦА

Антонине Павловне Никифоровой

Она входила в класс всегда
С лицом чуть строгим, но приветливым.
Какие бури и года
На нем оставили отметины?..
Из родников ее души
Мы опыт черпали накопленный.
...Вот перед нами Русь в тиши
На рубежах застыла копьями...
Мы видим сквозь туман веков,
Как по степи хазары мечутся...
Вот на виду у казаков
Тараса Бульбу жгут над вечностью.
От гари черным был рассвет,
Да горе вдовье колобродило...
И мы в свои тринадцать лет
Осознавали слово Родина...
В словах учительницы гнев
И боль, и гордость затаенная.
И представлялась нам в огне
Земля отцов непокоренная...
А стон врагов и стук копыт
Терялись там, вдали, за грозами.
...Но Русь по-прежнему стоит, —
В озера смотрится березами.

ЛЮБИМАЯ БАБУШКА

*Светлой памяти моей бабушки,
Корниловой Ефросины Петровны*

Для меня ты всех родней на свете!
Я твоей завидую судьбе:
Даже мама с папою, как дети,
За советом тянутся к тебе...
Если в школе получу я двойку,—
Пожуришь, но скажешь: «Не беда!»
Не устроишь мне головомойку,
Как мой папа делает всегда...
Приголубишь, угостишь конфетой,
Отогреешь сердце мне зимой.
От тепла и твоего привета
Вновь счастливый я уйду домой.
...Милая и добрая бабуля,
От души тебя благодарю!
В день рожденья все цветы июля
Я тебе, родная, подарю!
Обниму за худенькие плечи,
Самых нежных слов нащечечу.
... Мне с тобой в такой прекрасный вечер
Все невзгоды детства по плечу.

ПРАЗДНИК ЗИМНИЙ НИКОЛА

Народному хору «Русское поле»

Тонкие снежные блестки
Ангелы сеют с небес.
В инее белом березки
Сгрудились кучкой невест.
Всюду узоры в оконцах.
Весел и праздничен день.
Зимний Никола под солнцем
Льет колокольную звень.
...Музыкой горней* влекомы,
Люди к молебну спешат,
Чтобы у Божьей иконы
Вновь освятилась душа...
Возле церковной ограды,
Много нарядных старух,
Крестятся — празднику рады,
Глянешь — заходится дух.
... Значит, еще не померкли
Радость людская и грусть,
Если толпится у церкви
Наша исконная Русь.

* Горний — небесный.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

РАССКАЗЫ

Ефим Гаммер родился в Оренбурге, на Урале, в 1945 году. Жил в Риге. Закончил Латвийский госуниверситет, отделение журналистики. В Израиле с 1978 года. Автор 14 книг прозы и стихов. Лауреат ряда международных премий по литературе. В том числе Бунинской, Москва, 2008 год, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007 год, «Золотое перо Руси», Москва, 2005 год. Печатается в Израиле, России, США, Европе.

ПРИСКАЗКА

Рубль — это много. Две порции мороженого на палочке, да еще десять копеек сдачи. А при умелой игре в «чику», с везеньем за пазухой, можно блестящую эту копеечную монетку обернуть в новый рубль. А рубль... Что там говорить. Рубль и без адвокатов сам за себя ответ держит. Потому-то он на дороге и не валяется. Но под дудочку доброхотства вытанцовывает пряником в карман.

О, как ловко импровизировали мы на этой таинственной дудочке! И не где-нибудь в закутке, а на самом завидном месте — на пустыре, прилаженном к нагретому, облизанному солнцем боку Главного Универмага с неприметными для стороннего глаза окошечками. Это были окошечки не простые, волшебные. Попросту их никогда не раскрывали, а обязательно со значением: чтобы масло «выбросить», муку или сахар. «Выбросить» все это добро внутри универмага никак нельзя было. Из-за очереди. Не вмещалась очередь в универмаг. Другое дело сбоку. Очередь в три обхвата облапит домину поперек туловища, подрагивает своим нервным, по-змеиному гибким хвостом и, пульсируя, сжимается, вдавливая выпирающие из стен камни обратно в стену, чтобы износу не было.

Мы за камни всегда были спокойны. Камни выдержат. А за людей иногда и побаивались.

И не то, чтобы побаивались из-за жалости к ним. Боже упаси! — какая может быть жалость, если денег даже на «чику» нет. Боялись совсем по другой причине. Люди — не камни. Люди происходят из другого материала. Повороти их спиной к стене, так у них нервы тут же справляют гулянку. Куда им до каменного спокойст-

вия, когда очередь к цели своей — раскрытому окошечку — подбирается, а в одни руки дают только кило того-этого, не больше. Вот если бы рук было не две, а четыре, шесть или восемь, тогда и кило того-этого увеличится до двух или трех. Простая арифметика, но без сметки с нею не совладать. Руки сами собой не вырастут. Их покупать надо. За наличные. По твердой таксе — пару рук за рубль.

У нас есть руки, но нет лишнего рубля. У очереди есть рубли, но нет лишних рук. И мы поэтому знаем, что рубли перекочают из очереди в наши руки, а наши руки выгребут из окошечка кило того-этого для очереди.

Мы знаем это и не спешим. Мы играем в «чику», ставим копейки на кон, лупим биткой в медное их лицо, чтобы, отворотив лицо от ударов, переметнулись они на оборотную сторону. Копейкам наказание — нам выигрыш.

Играем мы в «чику». Азарт — под парами, а глазом косим на очередь — кто там первый на очередь к нам. И вот выдавливается старушенция, платочек в горошек, нос картошкой, платье до земли. Эта, ясное дело, начнет с гривенника и будет торговаться, как на базаре.

— Мальчики, — подкатывается к нам старушенция. — Подмогните.

— А чего тебе, бабка?

— Мне в очередь надо поставить вас, как своих внучат. Это мне зачтется при выдаче того-этого.

— Какая твоя цена, бабка?

— А какая цена? Не сочтите за труд, окажите услугу.

— Задаром — обращайся к боярам.

Жметесь бабка. Деревенская она, не привыкла деньги транжирить.

— Я заплачу, — насилует себя старушенция.

— Сколько даешь?

— Рубль даю на круг, каждому много получится.

— Ха-ха, ищи кого подешевле.

И один из нас, самый сноровистый, присаживается на корточки и биткой по куче монет.

— Гляди, старая, — говорит нравоучительно. — Разом отоварился на двадцать копеек. В пять минут я тут рубль заколачиваю, а ты рубль на круг. Не пойдет у нас торговля.

Посрамлена старушенция, раздавлена. Куда ей с грошовым интересом против наших ставок. И топает потихонечку от нас назад, к очереди, и надежду свою художочную вынашивает, как младенца. Ждет, что опомнимся мы, побежим за ней вслед, не дождется.

А от очереди к нам уже другая бабенция претя. При очках и шляпке, с капроном и лодочками. Эта не из деревенской будет сквалыги, из городской интеллигенции. Ее надо брать в оборот по-культурному, но с размахом. И вылавливаются из карманов браслетки и кольца, что родом с развалки. И оплетаются передние зубы золотой фольгой. И дымят самые дорогие папиросы в наших, червонного золота зубах. Не подступись без серьезных намерений!

И бабенция, еще до своего первого слова, осознает все наше величие. И сговаривается с нами уважительно, как на базаре интеллигент с интеллигентом.

— Сколько запросите, мальчики?

Догадывается, что вступлений не требуется. И без вступлений понятно, зачем она к нам пожаловала.

— По рублю на брата, меньше не берем.

— Хорошо, — соглашается бабенция. — Пойдемте в очередь.

— В очередь пойдем, когда очередь будет у окошка, — разъясняем ей ситуацию.

— Что вы, мальчики. Нельзя так! Продавщица мигом уличит нас в обмане.

— Не уличит. Мы ей деньги за это платим.
— А очередь?
— Очередь и не пикнет. Не в ее интересах против своих кормильцев встревать.
— Как же это?
— А так, что не только тебя мы обслуживаем.
— Пусть будет по-вашему. Только очередь мою не пропустите.
— Иди, иди, тетка. Очередь твою не пропустим. Не волнуйся. У нас глаз положен на твою очередь.

И пошла себе бабенция с тихой радостью в груди от свидания с интеллигентными ребятами. Пошла себе в легких лодочках. Куда до таких лодочек разбитым мужским ботинкам, что как гири сидели на ногах деревенской старушки, мешали стремительно добежать до очереди. Как поравнялись с ней лодочки, старушенция повернулась вновь к нам, боясь, как бы из-за долгих раздумий не оказаться в проигрыше.

— Мальчики, три рубля на круг.

Повысила цену за наши услуги, а сама мелко губами дрожит: как бы не прогадать. Прогадала, старушенция, прогадала. Прет к нам уже бугай, из тех, кому мешок того-этого нужен. Этот на старушенцию ноль внимания, фунт презрения. И мы тоже. Да что мы, если сами деньги особый взгляд имеют. Всмотритесь, какой взгляд у Ленина на сторублевке. И сравните этот его взгляд с тем, что на четверть менее гордый на двадцатипятке. То-то и оно! Если сами деньги по-разному смотрят, то как должны люди смотреть на деньги? С разбором. Так и мы, мы ведь тоже люди, даром что пацаны — без разбора не можем, иначе в трубу вылетим из детства. Кто же тогда за нас доживет до старости?

Подваливает, значит, к нам бугай. И говорит:

— Закупаю всю вашу камарилью.

— Почему платишь?

— Об уплате разговора нет. Каждому по два рубля в зубы и айда со мной.

— Прибавь по рублю. И мы берем на себя доставку товара по назначению.

— Идет, — кивает бугай.

Старушенция тут не выдерживает.

— Мальчики, поимейте совесть. Я первая на очереди была.

— Отвались, старушка, — лыбится бугай. — Мальчики быка уже завалить женилкой могут. А ты им — «мальчики».

— Мальчики, — травит свое старушенция. — Я по рублю.

— Во Чапай! — радуется жизни бугай. — Порублю! Да что, они, Деникины дети, чтоб им «порублю». Ты им полста отвали, чтобы не на семечки, на бутылку хватило. С закусом.

— Мальчики, — опять за свое старушенция, и слезы у нее с глаз на землистое лицо выворачивают, как бусинки с нашей развалки.

— Ладно, бабка. Рубль не цена. Но что с тебя взять, кроме смерти. Иди в очередь, будешь у нас на заметке.

Вот и все!

Были мы мужички-топотуны.

Шли по жизни, твердо ставя ногу.

ЗАТМЕНИЕ

Я рос на Аудею, 10. В старой Риге, рядом с развалкой. Развалкой мы называли бывший ювелирный магазин, разбомбленный во время войны. Чья бомба — немецкая или русская — упала на этот магазин, мы не знали. Впрочем, над этим никто не

ломал голову. Потому что бомба соорудила нам площадку для игр. Да что там, для игр! Для нашего детства! А без детства и вся остальная жизнь лишается первоначального смысла.

Развалка стояла на пустыре. Между Центральным Универмагом — мы его называли «Асопторгом» — и нашим, тогда огромным, пятиэтажным домом со скошенной, в стеклянных квадратах крышей.

Я еще не ходил в школу, но уже ходил в Центральный Универмаг. За покупками, разумеется, если не ради желания поглядеть на завезенные по случаю спиннинги или модняцкие часы «Заря» в золотом корпусе.

Меня выгодно было посылать за покупками — в «очередь». Я сноровисто оборачивался туда-сюда. И сдачу приносил до копейки.

Сноровисто оборачивался из-за того, что никогда не стоял в той самой «очереди», в которую меня посылали.

В очередь я втирался незаметно, исподтишка. Сначала худеньким плечиком, а затем всем своим невесомым тельцем. Кто уследит за моими маневрами, когда я по пояс взрослому человеку? Разве что специально приставленный ко мне стукач. Но таких не находилось. И я успевал обернуться туда-сюда за какие-нибудь десять минут, умудряясь, если и пропустить, то всего одну партию в «чичу».

Но однажды случилась со мной незавидная история. Оттого достопамятная, что был я обманут впервые, обманут жестоко, обманут до неведомого прежде желания отомстить.

Я возвращался домой почти что порожняком, без сахара и молока, только с буханкой хлеба. Хлеб был свежеспеченный. Он пах притягательно, я бы сказал теперь — упоительно, пах, как может пахнуть хлеб лишь в те редкие мгновения, когда его не волокут со склада на склад, а везут прямоком из пекарни в магазин, чтобы... Само собой, чтобы разбойные мальчишки-землетопы, вроде меня, надышались у прилавка его дурманного аромата и, позабыв о прочих покупках, мчались домой с батоном под мышкой. Там, дома оставалось погрузить нож в пышущую здоровьем хлебную утробу, просыпать хрусткую кожицу на кухонный стол и с горбушкой в зубах танцевать на крашеных половицах танец любви ко всему миру и наслаждения от земных плодов.

Но не пришлось мне в тот раз плясать от пахучей радости.

На полпути к дому, на пустыре, притертом к развалке, обнаружил я постороннюю личность — старше по возрасту мальчишку лет двенадцати, родом не из нашего двора, где все были в тот момент семилетними, образца 1945 года.

Босой, но в тельнике и клешах, он походил на восклицательный знак, перевернутый узкой своей частью вниз. Было на чем держаться впечатляющей головке-точке, махонькой, стриженной под нулевку, с помятым в драке носом-картошкой. Он стоял там, где не имел права стоять — на нашей территории, подле моего дома на Аудею, 10. И — странное дело! — коптил спичками стеклышко, повертывая его и так и сяк.

Зачем он коптил стеклышко, я приблизительно догадывался. Но вот почему он коптил стеклышко на нашей территории, принадлежащей мне и моим друзьям, образца 1945 года, этого я не понимал. Солнечное затмение, обещанное по радио, он мог увидеть и в другом месте, где-нибудь подальше, хоть у черта на куличках. Но «где-нибудь» и «подальше» его явно не устраивало. Все просто. Но куда как непорочно прогнать его, если его плечо выше моей макушки. Однако, куда деваться? Выхода нет. Надо его прогонять! Иначе он и подобные ему охламоны поймут — территория не охраняется, и повадятся шастать сюда, грабить нашу развалку, хранильницу скрытых от чужого глаза сокровищ — янтарных бус, крошечного бисера, всякого рода колечек, и прочих мелких вещиц, пригодных для рогатки и торга с тетками-мороженицами и билетершами кинокасс. Все это добро мы выгребали из недр развалки, расчищая щепочкой землю в самых ее потайных прибежищах.

Душу мою промывало сквозняком. В пятки капало масло. Но я все же понес ноги к чужому мальчишке.

— Кто ты такой, что стоишь здесь, когда надо пройти мимо? — сказал я заготовленными заранее словами.

— Кто я такой? — переспросил он, снизойдя до меня взглядом с кислинкой. И усмехнулся:

— Это на моей морде написано.

И впрямь, на морде было написано все, в особенности на помятом кулаком носу.

— А почему стою здесь? — продолжал наглый захватчик нашей территории. — Это не твоего ума дело. Но все же скажу, по секрету.

Он повертел перед собой закопченное стеклышко, сдунул с него какие-то невидимые пылинки.

— Я, — он ткнул себя зачернелым пальцем, — всю жизнь коптил солнце. Теперь копчу стеклышко. Зачем? А затем, избушка на курьих ножках, чтобы через это закопченное стеклышко посмотреть на то, как закоптит солнце.

— Дурью ты маешься! — вразумительно сказал я.

— Дурью маешься ты! — вспыхнул он и погас. — Нет, чтобы попросить у меня стеклышко, пристаешь, как приبلудный пес. Лаешь, но не кусаешься.

— Укуси такого!

— И не пробуй! А то стеклышка ни в жизнь тебе не видать!

— На что мне твое стеклышко?

— Чтобы смотреть на солнце.

— На солнце можно смотреть только через два часа, когда будет затмение, — повторил я, что слышал по радио.

— А иначе нельзя? — скрипуче засмеялся мальчишка, гася в пальцах спичку.

— Иначе — ослепнешь!

— Ну и дурья у тебя голова, одуванчик природы. На солнце надо смотреть при солнце, а не при затмении.

— Чтобы ослепнуть?

— Слепнут только дураки и сучьи выродки.

— А ты — что? Не из них будешь случаем?

— Я буду из тех, кто не ждет затмения солнца. А сам своими руками наводит на солнце затмение.

— Ну, даешь!

— Погляди, — он протянул мне чумазое стеклышко.

Я взял стеклышко, зажмурил левый глаз и уставился на солнце. Но ничего приятного не заметил. За стеклышком таилась густая темень, и ничего более.

— Глупое твое стеклышко, — сказал я мальчишке. — Ничего в нем не видать.

— Не стеклышко глупое, а ты.

— Почему?

— Потому что — потому! Когда держишься одной рукой за хлеб, а второй за стеклышко, никакого волшебства не будет. За такое стеклышко надо держаться двумя руками, чтобы при полном солнце увидеть затмение.

— Ну да?

— Вот тебе и «да»! Проверь и поймешь — правду говорю.

— А хлеб куда девать?

— Дай, подержу, чтобы не украли.

— Ага, доверься такому...

— Как знаешь, одуванчик природы. Дурак на то и дурак, что всю жизнь дурак, даже, если на солнце глядит и не слепнет.

— Сам дурак! — вернул я горькую пилюлю обидчику. И чтобы не воспринимать

себя дураком, отдал ему «подержать» буханку хлеба. А сам воткнулся в стеклышко: слишком велик был соблазн увидеть сегодня затмение дважды — в срок, предписанный законом, и раньше, по собственному желанию. Пацан оказался прав — стеклышко подарило мне всамделишнее затмение. Действительно, чудо! Какое-то стеклышко-черныш, и на тебе, солнце, на которое и глаз не поднимешь среди бела дня, лежит себе послушно, как вода в проруби, подергивается ледком по краям, копошится в мелкой рыбешке брызг. Да полно! Солнце ли оно настоящее? Или это кусок расплавляемого на огне свинца, годного лишь для битки, для игры в «чику»? И я отвел стеклышко чуть-чуть в сторону, чтобы проверить сомнения. Отвел всего на секунду. И ослеп самым натуральным образом. Мстительным, понял я, было солнце. Мстило мне за неверие.

Незряче я повернулся к мальчишке с помятым носом.

— Что это было? Почему так? Ни солнца, ни света.

Он, будто воды в рот набрал. Молчит.

— Эй, тельняшка! Скажи... Что молчишь?

Молчит. Единственный мой толкователь солнечных затмений, и тот молчит. Будто и на него затмение нашло.

Мое же «затмение» потекло копотью, вылилось в радужную арку, затем рассеялось. И что же? Ни мальчишки. Ни хлеба. То ли он смотал удочки, то ли солнце его поглотило за насмешки да пустые разговоры. Но если солнце, то почему вместе с хлебом моим? Почему вместе с моей румяной корочкой? Той самой, что задаст мне азарта на дикий танец любви ко всему миру. Нет горбушки моей. Значит, и не быть танцу.

Кто меня обманул? Мальчишка или солнце?

Я не мог в тот день отомстить мальчишке. Где его искать? В тот день я мог отомстить только солнцу. И я отомстил ему.

В час полного затмения, когда вся Рига 1952 года жила праздником полдневной тьмы и радовалась впервые увиденным пятнам на недоступном человеческому взору солнце, я даже не вышел во двор. Я лежал на кровати, укрывшись с головой одеялом. И был доволен, что мщу солнцу...

Сергей Гора

(г. Линкольн, Калифорния, США)

БОЛЕЗНЬ О ПРОШЛОМ

Сергей Гора. Родился в г. Ленинграде. Окончил ЛГУ. Филолог-лингвист. Переехал в США как приглашенный специалист. Один из первых постсоветских менеджеров транснациональных корпораций; один из первых постсоветских ведущих телевизионных ток-шоу; был известен в России и как переводчик медицинских журналов. Имеет ученую степень из Санкт-Петербургского университета, подтвержденную правительством США. Выпустил ряд поэтических сборников, получивших хорошие отзывы читателей, отмечавших способность автора подметить и бесстрастно осветить мельчайшие детали окружающих событий и явлений.

Как контрастно устроен порядок земной:
Ты здоров — и вокруг все в порядке.
Но когда в изможденьи томишься больной,
Сразу — будто весь мир в лихорадке...
А бывает еще, что прорвав, как нарыв,
Над душою нависшее время,
Замечаешь, глаза облегченно открыв,
Что тебе открывается время...

...Золотая Москва. Петербург, как король...
Величавы столичные башни.
...А в Деканьке веселье: для гостя хлеб-соль.
Там д«ы»вчина с батьком крутит шашни.
Мариинский балет... И над Волгой мосты...
У часовни склонившийся инок...
И в лазоревом небе колышет кресты
Легкий бриз тополиных пушинок...

...Сколько можно носиться с седой стариной? —
Толку что(?) от эпитетов пышных!
Я, конечно, могу промолчать, но за мной —
Шестьдесят миллионов погибших.
И когда начинаю от споров скучать,
Безнадежность попыток увидев,
Словно судьи выносят вердикт: «не молчать»
Эти жертвы, из прошлого выйдя.

...Посмотри в небеса: верст на «тыщу» окрест
Розы, снег, золотистые клены.
Звездным шествием строй белокурых невест —
Миллионов, невинно казненных.
Разгорается жар, — знать, опять не везет:
В небесах отменили венчанье.
Снова чувствую вверх неуклонно ползет
По термометру градус отча«й»нья...

...А поодаль, как ангельский сонм в облаках,
Юнкеров, офицеров колонны:
Блеск отваги в глазах и хоругви в руках,
А на сердце — предсмертные стоны.
К сорока подползла на термометре боль.
Я спешу вызвать скорую срочно:
...Золотая Москва... Петербург, как король...
И луна над украинской ночью...

...Расцветает страна. Над державой — заря.
Всюду дивы, таланты, умельцы.
Но на ярмарках клоуны метят в царя:
Мол, он выпить не прочь, — в точь, как Ельцин...
Бог Россию хранит, Бог Россию спасет, —
Хоть всю соловьем разливайся.
Вижу: рыжий народник взрывчатку несет:
До чего ж он похож на Чубайса...

Вот, с балкона картавый апрельскую гнусь
Лепит в уши зевак бестолковых.
Не-е... Довольно о прошлом! Обратно вернусь,
Сбросив сжавшие горло оковы:
Сяду в первый трамвай, что на Троицкий мост
От Дворянской звенит, как дождевики.

...«Оберните в тепло уши, горло и нос», —
Слышу голос больничной блондинки.
...Медсестра. Белый зал. Рядом тумбочка и
За окном раздобревшие тучи.
«Вы оставьте о прошлом волненья свои,
Чтоб наутро почувствовать лучше»...

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Юрий Иванов
(г. Вологда)

РАССКАЗ МАТЕРИ

Председатель Совета ветеранов Федеральной службы судебных приставов по Вологодской области, подполковник ФСБ в отставке, советник юстиции 1 класса, член Союза писателей России, бывший несовершеннолетний узник фашистских лагерей, слушатель Высших Литературных курсов при Литературном институте им. А. М. Горького.

Великая Отечественная война заканчивалась. Пьянящая радость грядущей Победы, казалось, витала в самом воздухе, в блеске глаз, частых взрывах дружного хохота русских женщин которые работали на складе немецкого обмундирования, расположенного в подвале большого многоэтажного дома. Отношение немцев изменилось в лучшую сторону. Один из контролеров, ранее самый вредный, который за это, а также по причине длинного носа, получил прозвище «Гусь», сказал однажды: «Скоро мы будем Ваши пленные...»

«Девки, Полина идет»,— крикнула Маленькая Клава, и все женщины, которые в это время были на складе, повернули головы к выходу. Полина тоже числилась работающей, но на складе появлялась редко, она пользовалась благотворительностью шефа, красивого немца, который вообще был здесь всего несколько раз в обществе Полины и двух великолепных овчарок. Немцы его боялись и слушались беспрекословно.

Полина знала немецкий язык. Говорили, что ее муж — летчик советской армии. Насколько она была близка с шефом, никто не знал, но женщины, работавшие в этот день на складе, знали, что она является связной партизанского отряда, действующего в округе...

Полина в очередные свои приходы «заряжалась», как они говорили, необходимыми вещами, т.е. прятала их под одеждой и выносила. Затем работница этого же склада Нина Матвеева носила эти вещи в лес. Где находится отряд она не знала, а просто Полина говорила ей по какой дороге идти, затем в пути раздавался свист, это было сигналом, она оставляла на обочине лесной дороги что надо передать, и возвращалась домой. Стараниями все той же Полины Матвеевой было выделено место, где она проживала с малолетним сыном одна.

В этот приход Полина была с шефом. Они о чем-то оживленно беседовали, войдя

в помещение, Полина по-русски громко, явно рассчитывая на слушателей, сказала с милой улыбкой, обращаясь к шефу: «Стой здесь, бл...» Все женщины громко засмеялись. «Чего они смеются?» — спросил шеф, он по-русски не понимал ни слова. «Я сказала, что б ты подождал меня, любимый».

Полина быстро сказала Матвеевой Н. очередной маршрут, по которому она сегодня должна была доставить обмундирование в отряд и, блеснув прелестными зубками, удалилась вместе со светящимся от удовольствия провожатым.

Выполнив поручение, Нина привычной дорогой возвращалась в город. У нее было чувство тревоги за малолетнего своего сынульку Юрика, которого она оставила одного в бараке спящим, т.к. сказать о своем отсутствии она не могла никому, это ей было строго запрещено. Мальчик был спокойный, спал хорошо, но сердце матери билось тревожно всегда в такие моменты, а сегодня особенно. Это единственный близкий ей человек, который остался у нее, остальных разбросала война, и это делало ее материнскую любовь еще более сильной и тревожной. Она постоянно боялась как бы с ним что-нибудь не случилось. Неожиданно раздался гул многих самолетов, который превратился в звуки мощных бомбовых взрывов. Сердце матери вздрогнуло. Ее сын был в деревянном бараке один под взрывами бомб. Она бросилась вперед напрямую, не разбирая дороги. В темноте, задыхаясь и падая, она выбежала на вершину холма, с которого был виден весь в отблесках разрывов и пожаров город и упала, мгновенно подкошенная страшной для нее картиной. Она четко увидела догорающее пламя на том месте, где стоял ее барак. Как очутилась в бомбоубежище, расположенном в подвале склада с немецким обмундированием, где работала грузчицей — она не помнила.

Я проснулся от грохота, встал на ноги на постели. На мне была только одна рубашечка. Слева на круглой железной печке что-то горело. В углу комнаты зияло огромное отверстие, за которым полыхало пламя. Слышались взрывы. Я заорал. И мгновенно погрузился в темноту (потерял сознание).

Из этой темноты меня вывел женский голос, который кричал: «Где пойдем — через мост или вброд?» В это время я лежал на берегу реки на спине, и ноги мои были в воде. Барак, из которого меня выкинуло, видимо, взрывной волной, находился на самом берегу большой реки... Было темно, справа иногда вспыхивало пламя, слышались разрывы. Меня подняли чьи то женские руки, и я очутился в помещении в сильной тесноте на этих руках, окруженный толпой (но я никого не видел). Отчетливо слышал голос женщины, которая билась в истерике, и голоса людей, ее успокаивающих. Старались чем-то помочь... Раздавалось: «Ребенка убило, ребенок сгорел!» Мощный взрыв потряс здание, люди попадали, на меня навалились, я почувствовал, что задыхаюсь и закричал: «Мама!»

Это были моя мама — Матвеева Нина Васильевна, (затем Дегунова по фамилии отчима), прах которой покоится на кладбище в поселке Кесова Гора Тверской области, и я. А кто-то говорит, что бога нет. Спасибо тебе, господи, что спас ты меня в ту страшную ночь и дал возможность жить, ходить босиком по траве, видеть яркую зелень весны и желтые краски поздней осени, небо и солнце, любить, а если повезет, то и быть любимым, и многое другое, что составляет удивительное благо жизни человеческой. Жить и любить жизнь — это здорово.

Дождь и слякоть — но ведь будет и солнце, а после дождя оно светит ярче, неудача — но ведь придет и победа, и горечь провала только усилит радость, разлюбили или сам разлюбил, но ведь полюбят и полюбишь. И счастье придет обязательно.

*А если жизнь тебя прижала,
Не ной, от страха не трясись:
Жизнь любит не кого попало,
А только тех, кто любит жизнь.*

Свет беспредельной и беззаветной материнской любви освещал мне всегда темноту жизненных путей-дорог, как свет погаснувшей звезды, светит она мне и сейчас примером доброты и любви. Я помню, как мама в нелегкое военное время, когда она, проживая вдвоем со мной в тяжелых материальных условиях привела к нам на житье маленькую девочку, дальнюю родственницу из детдома, и она проживала с нами длительное время на правах дочери.

На начало войны мы проживали в деревне Заханье вблизи ст. Дно Псковской области, она была оккупирована немцами. Мимо деревни проходили воинские фашистские эшелоны и в том числе — с пленными русскими солдатами. Мама рассказывала: везли их на открытых платформах, и некоторые так и падали — больные или мертвые с этих платформ на землю. Она подобрала одного из них, он был болен тифом, и его никто не хотел брать, чтобы не заразиться. Она взяла его в свой дом и стала ухаживать за ним. Многие жители деревни тифом после этого переболели, а мы с мамой — нет. Она рассказывала, что ела и натиралась чесноком, и я, глядя на нее — тоже. Возможно, помог чеснок, а, может быть, бог. Солдата звали Осип Абрамович, он выздоровел, женился и до конца войны жил в этой деревне.

Сразу после войны в деревне, где мы жили, появился беспризорник, он обитал в сарае, мама привела его в дом, сожгла в печи все его лохмотья, отмыла, и тоже жил у нас и, несмотря на то, что я постоянно чувствовал с ее стороны беспредельную любовь, к нему она относилась так же, как и ко мне, и он, и я не чувствовали разницы.

Сейчас, когда ее нет, вспоминаются запечатленные на всю жизнь некоторые диалоги.

Я в очередной раз ночным поездом приехал к маме, сплю, открываю глаза, просыпаюсь днем от громкого чавканья. Мамы в доме нет. Смотрю, рядом со мной за столом сидит какой-то мальчишка и с удовольствием уплетает гостинцы, сладости, которые я привез маме.

— Ты кто? — спрашиваю.

— А я тоже тут живу...

Оказалось, — с этой же улицы.

В доме у нее постоянно кто-то был из соседей, причем, совершенно разные по возрасту, приходили, всегда о чем то говорили. Теперь я понял — их к ней тянула доброта. Мама живет в деревне. Я ей говорю: «Поедем жить ко мне в город или к сестре, там жизнь лучше».

— А куда я дену дом, он ведь пропадет...

— Продай.

После раздумья: «А чего я вам оставляю, когда умру?!!!! А так хоть дом будет». А ведь я и сестра — люди среднего достатка.

Всю жизнь жила небогато, лишних денег никогда не было. От моей помощи отказывалась категорически: «Мне хватает...» и откладывала себе на похороны. Не однажды заводила разговор:

«Юрик, когда я умру — вот здесь...» И начинает говорить, где взять деньги и все такое прочее.

Мне, естественно, этот разговор неприятен, и я говорю:

— Мам, да ты будешь жить вечно.

Но однажды не выдержал:

— Мама, ну, я ведь не бедный человек, неужели ты думаешь, что если такое случится, то мы будем рассчитывать на твои копейки и не сможем отдать тебе долг и все это, понимая, что ты отдала нам всю жизнь?

Резюме — когда она умерла мы похороны оплатили из скопленных ею денег почти полностью.

Я получил очередное воинское звание «майор» — это старший все-таки офицер, какое-никакое, а событие, а какие бы успехи у меня ни бывали, я всегда старался сообщить об этом маме, в первую очередь. Как все дети. Это сохранилось у меня на всю жизнь. Прихожу с поезда (это 9 километров), — она копает картошку. Я беру лопату и помогаю ей. Среди прочего разговора, как бы между прочим, заявляю: «Мам, а я майора получил». Она не реагирует никак, копает дальше. Думаю — может, не слышала, однако молчу и копаю. Накопали мешок, она говорит: «Ну, как тебя там, — генерал, майор, полковник... Тащи мешок». И больше разговора на эту тему не было.

Меня удивляло всегда и удивляет до сих пор, что я приезжал к маме временами в течение жизни: за это время я прочитывал много книг, умных журналов, ходил на всевозможные выставки, побывал почти в 10 зарубежных странах, общался с умными знающими людьми, закончил институт и различные курсы повышения квалификации, вроде бы рос и это чувствовал, а когда я беседовал с мамой, которая вошла в самостоятельную жизнь только умея писать и читать, чему ее научил отец, и больше нигде не училась, но много читала, я не ощущал себя априори умнее, опытнее ее. Но она многое знала, понимала и судила часто более правильно и не менее грамотно, в том числе и о конкретных литературных новинках, чем я.

С тех пор твердо укоренилось в моем сознании понимание того, что, как бы ты ни был умен и учен, простые люди все равно умнее и опытнее тебя. И знают больше. Мне запомнился только один случай, когда мама обо мне отозвалась неположительно.

Из Ленинграда к нам приехал дальний родственник со мной одного призывного возраста. Зашел разговор о том, что меня призывают в армию. Родственник сказал:

«Что это Юрка не мог от армии откосить?»

Мама ответила: «А кто же в армию пойдет защищать нас? Батяка старый. Если бы он отказался, я бы сказала — подлец ты, сынок...»

И сынок старался служить Родине как мог везде, куда бы ни кидала его судьба и военная и всякая другая. Начинал службу солдатом на крайнем севере, после трех лет срочной службы была возможность демобилизоваться на несколько месяцев раньше, т.к. я хотел поступить в институт, командование разрешило, отказался, чтобы исполнить долг до конца. Помогите, господи, быть мне достойным любви материнской!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА МОЛОДАЯ

Александр Томазов*
(г. Тула)

ДЕВУШКА И АРФА

Время быстротечно, как быстротечна мысль... Еще секунду назад мой разум жил надеждой, жил ожиданием, а теперь... Перед лицом был облик, до боли знакомый. До боли родной!..

Мы познакомились там, где ветер гнул книзу деревья, завывая и вереща, как подстреленный заяц. Мне случилось проходить там осенью 19.. года, время было позднее и, дабы поскорее добраться до теплого дома, где меня поджидали мягкий диван и кружка ароматного глинтвейна, я решил срезать путь через старинный монастырь. Шел мелкий, противный дождь; изредка капли попадали за воротник, и тогда меня всего передергивало от холода, пробиравшего весь организм изнутри. Быстро темнело, и тропинка превратилась в полосу препятствий с лужами, земляной кашей и перепутанной травой, которая цеплялась за ноги, мешая пройти. Засунув руки в карманы и втянув шею, я шел, как мокрый воробей, порой уже не разбирая дороги, наступая в грязь и уже даже не пытаясь ее обходить. И в этот миг... О чудо, явилась ОНА! Являясь, по всей видимости, важной персоной в том монастыре, ОНА пригласила меня внутрь и подала в глиняной чаше горячий чай как раз в тот момент, когда молния ударила в ближайшее дерево. Рухнула вниз с грохотом подпаленная ветка и вспышка света осветила лицо незнакомки. Оно было прекрасно!

Шелковые, на вид, рыжие волосы волнами спускались много ниже плеч, пронзительные голубые глаза были удивленно раскрыты, будто ОНА пыталась разглядеть меня всего снаружи... и изнутри. Тонкие, длинные пальцы ее коснулись меня в момент передачи чаши, и будто гром поразил все мое существо. В это мгновение сердце вашего покорного слуги наполнили такие чувства, которые я не стану даже пытаться вам передать... Любовь, нежность, страх, жалость — все навалилось сразу и было еще много такого, чего я никогда не испытывал. От чая валил пар, но я не чувствовал его на своих губах, вся одежда моя была мокрая, но я не чувствовал холода. Все, что видели мои глаза и чувствовали органы — все это была ОНА.

Некоторое время девушка сидела напротив и разглядывала то жалкое существо, которое я в тот момент представлял, своими неземными очами... Тихо трещал огонь в

* Наш постоянный автор.

камине, из него иногда вылетали искры, но тут же гасли. Незнакомка встала, чтобы подбросить в огонь несколько поленьев, и при виде разгоревшегося огня стала отчетливо видна ее фигура. Ничего идеальней в этом мире я не видел! Даже грубая накидка, в которой она была, не могла скрыть всей гармонии тела. Мои глаза смотрели на нее с восхищением и, не скрою, желанием. Даже сама необычность обстановки не смутила меня. Мои глаза расширились, стремясь впить как можно больше этой красоты, но ОНА, видимо, почувствовала взгляд и обернулась. Только на секунду, но я успел заметить улыбку, пробежавшую по ее лицу. Быстро отвернувшись, выскользнула из зала, оставив меня одного. Проводив ее взглядом, я откинулся в глубоком кресле, в котором сидел, и начал от нечего делать рассматривать обстановку комнаты при неясном свете камина. В питье, скорее всего, было что-то добавлено, так как мой мозг начала заволакивать приятная пелена, и я почувствовал блаженное тепло, разлившееся волной по моему телу.

Откинув голову, я разглядывал потолок. Низкий, полукруглый, он вселял сильнейшее чувство уюта. Добрые лица монахов, нарисованных, скорее всего, очень давно, смотрели на тебя с состраданием и немимым упреком. Различные картины посвящали наблюдательного человека в их святые дела; там они варят похлебку, тут — совместно готовят дрова на зиму; были и неприятные моменты: вот некий монах находился в веригах; а здесь — похороны: старые, молодые, девушки, юноши... Скорбящие стоят монахи, склонив головы над могилами, прощаются. В дальнем углу была нарисована, как я понял, оборона монастыря при нападении большого войска; льется раскаленная смола, небольшое число монахов сдерживает многотенную армию неприятеля, со звоном скрепляются мечи, хрипы коней смешиваются со стоном раненых, пот мешается с кровью. Картина действовала угнетающе, и я перебросил взгляд на стены.

Они тоже были покрыты росписью. Вдоль всего периметра была нарисована служба; со всеми ее нюансами. Яркие, до сих пор не выцветшие краски передавали то торжественное настроение, царившее в подобных мероприятиях. Казалось, напряги слух — и можно услышать мощный голос, распеваящий псалтырь, услышать эхо, отскакивающее от уголков причудливо сделанного потолка и почувствовать запах ладана. Впрочем, запах представить было не проблема, точнее, его не надо было представлять. Он присутствовал везде, терпкий, по-своему приятный...

Перебираясь взглядом по стене, я вдруг натолкнулся на золоченую арфу. Впервые увидев сей инструмент, я замер. Свет отскакивал от ее прекрасных витых форм, напряженные струны, казалось, только и ждали трепетных пальцев, которые вырвут из них очаровательный звук. Как замороженный, я не мог отвести взгляда от этого зрелища. Попытался подняться, но не смог, тяжело откинувшись обратно в кресло. Все, что я мог делать — это смотреть. Смотреть и пытаться представить, какая чудная музыка может исходить от этого прекрасного инструмента. По-видимому, мои попытки подняться не остались незамеченными. У двери послышался шум и появилась ОНА. Тихо ступая прошла к арфе и села за нее, полуобняв. Я оторопело глядел: два чуда, два гения были передо мной; наивысшее счастье, дарующееся человеку один раз в жизни. Вдохнув, богиня тронула пальцами струны и звуки, полившиеся благодатным миром, заставили мою душу покинуть тело. Я вознесся над землей, над вселенной. Подо мной, в ритме странно-очаровательной музыки пролетали чужие миры и галактики; странные планеты со странными существами; подводные красоты и бескрайние просторы неба; ангелы и страшные черти; черное и белое; покой и боль; правда и ложь; да и нет...

Не знаю, сколько просидел я так, зачарованный этим явлением, слушая музыку, приносящую покой. И только по прошествии долгого времени я осознал, что люблю их; люблю их союз: девушку и арфу. Люблю до безрассудства, так, как никогда еще

никто не любил! Я упал на колени и попросил ее руки. Музыка смолкла, но чувство не покинуло меня. Было до безумия больно стоять на неровном полу, который оказался усеян мелким гравием, но я не поднимался. Слезы текли по моим щекам и руки мои дрожали. Я ждал ответа. И я его дождался. Тихий, звенящий голос сообщил мне, что мы будем вместе; не сейчас, чуть позже. Я этому не противился; впоследствии меня не раз повергала в изумление сама мысль о том, что можно полюбить ТАК человека после нескольких часов знакомства, даже не зная его имени. Поэтому весть о том, что наше бракосочетание состоится чуть позже, я воспринял с благоразумным спокойствием. Еще много быстрых часов находил я с нею рядом, пока не рассвело, и ОНА не вывела меня на дорогу. Мы договорились, что я приду через три дня, и уведу ее с собой. Но когда в назначенный срок я пришел, то никого не обнаружил. Много дней подряд я приходил, но все было без толку. Только музыка, та самая, которая сблизила нас, неотступно звучала в моей душе, давая уверенность в скорой встрече. С тех пор прошло девять месяцев, и вот сегодня, проходя по заброшенному кладбищу, которое находилось недалеко от монастыря, я увидел ее. Увидел — и сердце мое оборвалось. Увидел — и музыка замолкла навсегда... Ее лик, выбитый в камне, смотрел на меня, возвышаясь над цифрами: 1794—1817.

ВЕНТАЛ

Поместье показалось впереди, выросло внезапно огромной громадой, нависая черным пятном над нами. Таинственное в наступающих сумерках, здание выглядело хмурым и неприветливым. Огромные темные окна, уходящие вверх, зрительно удлинняли фасад и высокие узкие башенки заканчивали образ стремящегося ввысь здания. Мы миновали огромные полураскрытые кованые ворота, покрытые ржавчиной. Старый звонок, висевший на столбе, не издал ни звука, когда я покрутил его за облезлую ручку. Из его нутра потекла рыжая вода и, быстро перебирая ногами, выскользнула тысяченожка. Оставив звонок в покое, мы прошли дальше, и подошли к замку. Вода стекала по стене, оставляя черно-зеркальные потеки, и буйная растительность окружала стены. Дикий виноград оплетал извилистые колонны, широкие листья его не давали слабым лучам заходящего солнца проникнуть к подножию фундамента, и там ничего не росло, лишь мирно журчал небольшой ручеек, огибая камни различных странных форм. Влажная земля хранила следы небольших зверей, может быть, шакалов, которые во множестве водились в этих краях. Некоторые были совсем свежие, другие уже обсыпавшиеся, смазанные. Кроме журчания воды, других звуков не было, и этот монотонный шум действовал на нервы. Дом выглядел необитаемым, нигде не было ни одного огонька.

Мы с другом, переглянувшись, пошли вдоль стены и вскоре вышли к обрушившемуся крыльцу с рассыпавшимися кирпичами вместо ступеней. По сторонам от крыльца тянулось что-то, бывшее раньше, по всей видимости, цветочными грядками. Теперь здесь рос чахлый бурьян. Изразцовая дверь плотно прилегала к дверному проему, и не было ни одной щелки, в которую можно бы было заглянуть. Вентал, мой старый, проверенный друг, потянул за медную, позеленевшую от времени ручку, но дверь не открылась. Тогда он взялся за молоток, висевший тут же, в форме русалки, соблазнительно выгнувшейся и смотрящей вперед. Громкие удары потрясли внутренности дома. Сколько же лет гости не навещали хозяев этого жилища? Как и следовало ожидать, нам никто не открыл и мы решили самовольно проникнуть внутрь. Упреки совести нас не мучили: после того, как мы, осужденные за убийство пятерых человек, бежали из-под стражи, наша совесть, видимо, скончалась. Заодно с ней исчез и страх. Не было ничего такого, что могло бы нас напугать. Людей мы перестали

бояться уже давно. А насчет нелюдей... Во время побега каждый из нас двоих прикончил своих конвоиров, что вкупе с предыдущими нашими преступлениями составляло довольно большие грехи, поэтому в рай нас, как мы полагали, не пустят. Значит в ад. Значит — нечистая сила. А раз мы с ней так и так свидимся — что же сейчас бояться? Поэтому наши руки не дрогнули, когда отрывали старую решетку от окна и выбивали трухлявую раму. Нам нужен был ночлег и что-нибудь поесть.

Почти сутки продвигались мы вглубь векового леса, пока не наткнулись на этот дом. Тюрьма Ласт-Шелтер была от нас уже далеко, но наверняка поиски сбежавших заключенных идут, поэтому медлить было нельзя. Мы решили провести ночь здесь, а затем отправится в сторону гор и затеряться там. Найдем какой-нибудь обоз и станем обеспечены едой, одеждой и деньгами. И, что главное — новыми документами. Я стану каким-нибудь медником Ироном, а Вентал — кузнецом Смитом. И никто никогда не узнает о судьбе настоящих мастеров, давших нам свои фамилии.

Толстый слой пыли покрывал стол и стулья в огромной зале. Вся обстановка сохранилась, несмотря на то, что в доме наверняка уже несколько лет никто не жил. На столе находились миски и ложки, деревянные стаканы и кувшины, лежали кольца для салфеток. Нетрудно было заметить что приборы разложены по порядку, необходимым для потчевания шестерых персон. На углу стола стояла большая коробка с превосходными индийскими сигарами, тщательно упакованными в бумагу и поэтому не потерявших свой запах. Тут же был коробок спичек. Вентал развернул одну сигару и прикурил от красно-зеленой спички. Когда она горела, от нее исходил приятный аромат. По стенам залы были развешены картины, много картин: знатные дамы и благородные синьоры, старики и кривые старухи, прелестные дети и отвратительные бродяги. Отдельно висели картины животных: терьеры и пинчеры, сенбернары и борзые, карманные собачки и даже одна канарейка. По-видимому, семьи, жившие здесь, занимались совершенно разнообразными делами, но все без исключения любили животных. Что же касается отвратительных бродяг, то это были слуги, которые верой и правдой служили хозяевам на протяжении веков. Слуг часто нанимали прямо с улиц, и в некоторых домах сохранился до сих пор такой обычай: вешать картины прислуги рядом с хозяевами. Это свидетельствовало об очень близких отношениях между людьми, царивших в доме.

На улице окончательно стемнело, и я подошел к камину, чтобы разжечь его. Покрытый копотью, он стоял возле одной из стен. Литые подсвечники возвышались на нем, отражаясь в темных зеркалах. Стоящие на мраморной полке фарфоровые фигурки собачек и кошечек перемешивались с засохшими бутонами роз и веточками можжевельника. Отдельной горкой лежали заранее приготовленные чьей-то заботливой рукой лучинки, а чуть правее от камина была большая груда колотых поленьев. Через пару минут огонь весело полыхал, березовые чурки потрескивали; иногда кора прорывалась, и из-под нее с шипением вырывался фонтанчик огня. Вентал подтащил несколько тяжелых дубовых стульев; одни мы поломали и побросали в камин (березовые дрова слишком быстро прогорали, не оставляя углей), а на два оставшихся сели, предварительно стерев пыль сукном со стола. Теплый воздух согревал нас и промокшая одежда начала подсыхать. Пар шел от ботинок, которые мы поставили рядом с каминной решеткой. Ничто, кроме потрескивания поленьев, не нарушало тишину. Это длилось так долго, что я уже начал было засыпать, поминутно рискуя свалиться со своего стула, когда Вентал начал перемешивать кочергой угли:

— Я думаю, все можно было решить и по-другому, — сказал он, словно продолжая разговор. — Зачем нам нужна была эта семья? Они выполнили все наши условия... зачем их было убивать?

— Ты не понимаешь, — произнес я, потягиваясь, и закуривая новую сигару. — Оставь мы их в живых, было бы еще хуже. Не кори себя, все в прошлом.

— В прошлом... да, наверное. Но почему я себя чувствую так отвратительно здесь, в настоящем? — Вентал поглядел на меня. — Мы зря это сделали, поверь моему слову.

— Зря, не зря... Какая разница теперь? В конце концов, мы на воле, над нами нет солдата с алебардой, мы свободны! Забудь все, выкинь из головы. Наступит утро, мы отправимся дальше, и жизнь начнется заново. Успокойся и отдыхай, — с этими словами я откинулся на спинку и прикрыл глаза. — Давай спать, утро вечера мудренее.

— Я не могу спать в сырой одежде. Ты как хочешь, а я схожу на другие этажи и посмотрю, нет ли там чего-нибудь, во что можно было бы переодеться. Не хочешь со мной?

— Нет, я уже засыпаю. А ты сходи, развейся... может, успокоишься.

Сквозь приближающийся сон я слышал сопение встающего Вентала, шум отодвигаемого стула... Чудак он! Как же можно было оставлять кого-то в живых, когда мы не знали даже где находимся. Нас бы взяли тут же, около ворот того злосчастного дома, где жила та семья. А так мы уже почти ушли, если бы не тот проклятый ливень, который заставил небольшой ручеек разлиться в огромную реку, через которую было не перейти. Нас схватили прямо на берегу и наше сопротивление ничего не дало. Длинный нож пробил мне ребра, и я упал лицом в грязь... Затем несколько месяцев тюрьмы. Мой бок зажил, и мы с Венталом стали готовиться к побегу. План был прост: на очередной прогулке мы убиваем наших конвоиров и перелезаем через забор. Расчет состоял в том, что это была не центральная тюрьма, вокруг которой лежал глубокий ров, а обычная, слабо охраняемая, для пересылки преступников. Естественно, это возмещалось тем, что с каждым гуляющим узником постоянно находился один конвоир. В нашем же случае, их было по двое на каждого из нас. На прогулку нас выводили на отдельный двор, чтобы не спровоцировать других заключенных на побег. Это и было нам на руку. Из-за отгремевшей недавно войны многих сторожиков этой тюрьмы уже не было в живых, поэтому штат постоянно пополнялся молодыми ребятами, только-только поступивших на военную службу. Мы не сомневались, что вдвоем справимся с ними.

Так и произошло: когда мой охранник, застегивая на мне наручники, на минуту замешкался, я выхватил у него из рук алебарду и одним махом снес ему голову. Второго я повалил на землю и вонзил в него острый конец своего оружия. Я услышал скрип железа по костям и увидел, как рот мальчика раскрылся, и оттуда пошла кровь. Он с удивлением смотрел на меня, силясь что-то сказать... я нажал сильнее. Через пару секунд все было кончено. Его глаза стали покрываться пленкой. Вырвав из него алебарду, я развернулся на помощь Венталу, но он уже заканчивал свое дело. Один охранник с проломленным черепом лежал рядом, второй, со свернутой шеей, тихо сползал на землю. Мы с Венталом переглянулись... и побежали. Перепрыгнули через забор, и взяли курс на горы...

Я открыл глаза. Прогоревшие угли тлели, переливаясь красными волнами, сдвинувшиеся на них пылинки мгновенно вспыхивали и сгорали. Холод пробирался под непросохшую одежду, и я решил подкинуть еще дров. Огонь весело перепрыгнул на свежее топливо, и вскоре камин начал опять обогревать дом. Вентала поблизости не было, наверное, он вышел в уборную. Сон больше не шел и я решил осмотреть дом. Если здесь столько вещей, то, может, и деньги есть? Лежит где-нибудь в шкафу мешок серебряных монет и ждет, чтобы его забрали. Только откуда начать поиски? Внизу мы уже все примерно осмотрели, вряд ли найду что-то новое. А если на других этажах? Хотя там уже был Вентал, он бы сказал, если что. А вдруг не сказал? Но я тут же подавил эти мысли. Вентал так поступить не мог. Не мог! Не мог?

Недоверие начало просыпаться во мне. А если не мог, то где же он тогда? Где он сейчас? Алчность начала владеть моим разумом. Мне с каждой секундой становилось

ясно, что мой друг, уйдя на поиски сухой одежды, нашел нечто совершенно иное, а именно деньги, много денег. И воспользовавшись тем, что я спал, он ушел, бросив меня. Ярость просыпалась во мне, гласу рассудка я не внимал. Так вот, каков ты, друг! Вне себя я встал и твердым шагом направился к полукруглой лестнице, ведущей наверх, прихватив с собой подсвечник, в котором горели, бросая неровные блики, две свечи. Широкие продавленные ступени были тоже покрыты пылью, и на ней хорошо отпечатались шаги Вентала. Иуда! Как ты мог так поступить? Хотя, с другой стороны, это не самый плохой вариант. Если оно так и есть, как я предполагал, то ему ничего не стоило убить меня, чтобы навсегда и наверняка избавиться от моего преследования, ибо он не был настолько глуп, чтобы не предположить этого. Одолеваемый такими мыслями, я осторожно, шаг за шагом, поднимался наверх.

Наконец мои глаза поравнялись с полом второго этажа и я осторожно стал осматриваться. Огромные тяжелые портьеры закрывали окна донизу, старинная мебель важно покоилась на резных ножках. Потолки были очень высокие, гораздо выше, чем внизу. И прямо надо мной висела огромная хрустальная люстра, такая большая, что для того, чтобы ее удержать, понадобилось восемь железных цепей. Горло запершило из-за поднятой мною пыли, и я поднялся полностью на этаж. В стороны от лестницы расходились несколько коридоров. Следы Вентала стали неразличимы, и я не знал, в каком из коридоров он был. И был ли он там вообще? Неужели он меня бросил? Нет, он не мог этого сделать, не мог! Мы вместе прошли не через одно испытание, сколько я помню себя, столько же я помню и его. Мы были как братья, как одно целое... и неужели все так закончится? Из-за каких-то денег перечеркнуть столько лет!.. Мы знали тайны друг друга, я все знал про него, он про меня. У нас никогда не было разногласий, разве что одно, из-за той семьи... Венталу не понравилось, что мы убили их, но не мог же он из-за такого пустяка так поступить?

Я сжал покрепче подсвечник и шагнул вправо. Плотно пригнанные доски под моими ногами не издавали не звука. Остановившись перед узкой дверью, я вздохнул и резким ударом открыл ее. Там была ванная комната. Медная ванна стояла в углу, в ней лежали сопревшая от времени мочалка и черная, вся в белом налете, пемза. На противоположной стене висело зеркало, точнее, рама от зеркала. Само стекло было разбито и осколками валялось тут же, под моими ногами. Больше не было ничего, и я вышел оттуда и направился в противоположную сторону. Там была спальня. Огромная кровать занимала почти все свободное пространство, оставляя только узенькие проходы между стенами. Я тронул ее, и она, заскрипев, развалилась с грохотом, который был слышен, наверное, во всем доме. Поднялась куча пыли, я почувствовал, как мои глаза начинают слезиться, а веки распухать, и поспешил выбраться из комнаты. Подобное запустение было и в остальных помещениях дома. Я тщательным образом осмотрел и все три башенки, поднявшись в них по трухлявым, вот-вот готовым развалиться, лесенкам. В одной было старое, заржавевшее от времени оружие: почерневшие арбалеты, потрескавшиеся луки с провисшей тетивой, разнообразные ножи от совсем маленьких до тесаков невероятных размеров. Все они лежали по размерам и были пронумерованы.

Тут же, на полке, находился и каталог, описывающий каждую стрелу, каждый дротик. Но страницы рассыпались у меня в руках, и многие слова от сырости расплылись. Я перешел в другую башню. Там были охотничьи трофеи: головы кабанов и лосей, чучела лисиц и тетеревов, а на полу лежала шкура гепарда, которая расплзлась мгновенно, едва я прикоснулся к ней. Что же за люди жили в этом огромном и некогда, несомненно, прекрасном доме? Почему они бросили все, и ушли, оставив даже личные вещи? Я не находил ответа на эти вопросы. Вдруг я понял! Чума! Эпидемия чумы прошла здесь, унеся жизни жителей. Ее не остановило даже то, что дом находился в нескольких сотнях миль от ближайшего поселения. Скорее всего, так и

было. А раз так, нет смысла находиться здесь дольше. Невидимые посланники смерти могут до сих пор находиться здесь, например, в пыльной шерсти этого медведя, чучело которого стоит в углу, навечно подняв лапы в яростной атаке, или в перьях павлина, тупо глядевшего стеклянными глазами, или в самом воздухе....

Стараясь дышать неглубоко, я наспех осмотрел последнюю башню. Там было некое подобие обсерватории, неуклюжий телескоп лежал на боку, а над ним висела старая карта неба. Вентала нигде не было. Может быть, он вовсе не убежал? Может быть, смерть уже приняла его в свои объятия? Но где же тело? Внезапно меня посетила еще одна мысль. Может быть, он сошел с ума и, безумный, ушел в леса? Тогда искать его было бесполезно. Было множество случаев, когда рассудок человека не выдерживал атаки смертельной болезни и сдавался. Мы все жили в постоянном страхе, да и к тому же, сам образ нашей жизни мог подвести его к этому. Если мое предположение верно, это означало одно: конец жизни моего друга. А раз так, надо спасаться самому. Приняв такое решение, я молнией слетел с лестницы на второй этаж. Свечи в подсвечнике ежесекундно грозили погаснуть, мне надо было спешить. Внезапно я посмотрел вправо и увидел Вентала. Он стоял и смотрел на меня. Я двинулся к нему, и он тоже сделал шаг мне навстречу. Глаза его были безумны.

— Вентал,— вскрикнул я, бросился ему навстречу... и врезался в зеркало, которое рассыпалось сотнями осколков...

...летающие птицы видят свое отражение в воде и разбиваются об нее, стремясь атаковать самих себя... ложь, иллюзия, обман... везде и повсюду... и лишь смерть всегда правдива и верна себе...

Наталия Шепеленко
(г. Тула)

ТЕЛЕВИДЕНИЕ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ: ОБРАЗЫ И СМЫСЛЫ

Родилась в городе Чите Забайкальского края. В шесть лет переехала с родителями в Тулу. В 2011 году заканчивает лингвистическую гимназию. Неоднократно принимала участие в школьном обмене с Германией; призер региональных и всероссийских туров олимпиад по иностранным языкам.

Скажите, где проводит современный молодой человек большую часть своего свободного времени? Может, читая? Но в 21-ом веке книги, к сожалению, утратили свою ценность в представлении молодых поколений и заметно уступают новинкам технологий. Ведь именно они — Интернет и телевидение — лидируют в списке любимых занятий наших сограждан. Практически в каждой семье есть телевизор и телефон, компьютер — у каждого третьего жителя планеты. И чего можно ожидать от молодых людей при таком раскладе? Они растут, развиваются, начинают ходить, говорить — и все под беспрестанным «присмотром» техники. Маленьким детям очень нравятся анимационные фильмы, подростки увлекаются кинематографом. И, похоже, взрослых все устраивает. Иначе, мне кажется, они бы уже приняли меры по изменению действительности.

Слово техники, в особенности телевидения, бывает решающим в наше время. И именно об этом я и хотела бы поговорить. О том, какую роль играет телевидение в жизни личностей, которые формируются под его непосредственным влиянием и о взглядах на жизнь, складывающихся при целостном восприятии транслируемой псевдореальности.

Зачастую подросток, просыпаясь, первым делом стремится включить телевизор. И что он там видит? Если речь идет об утренних передачах, то, скорее всего, это мультфильмы, низкопробные, созданные с помощью компьютерных программ, и поэтому такие ирреальные, абсолютно не совпадающие с действительностью. Посмотрев такой мультфильм, можно ужаснуться: неужели именно так выглядят люди? Почему голова разговаривает после того, как палач ее отрубил от тела? Почему волк рассыпался на кусочки и в мгновение ока возродился прежним, нормальным существом? И если эти вопросы уже кажутся вам странными, то интересно услышать остальные, возникающие при просмотре японских «аниме», к примеру, где не соблюдаются создателями даже базовые принципы анатомии, биологии и географии.

Помимо глобальных несоответствий с тем, что пытается уместить в головах молодых людей школьная программа, телевидение отличается пугающей концентрацией актов насилия и жестокости. Неужели телевидение пропагандирует аморальное поведение? К сожалению, именно такое представление создается при знакомстве с современными произведениями кинематографа. Боевики и триллеры — замечатель-

ный тому пример. Оба жанра «богаты» кровопролитными сценами, спецэффектами, от которых кружится голова и рушится психика, грубой или даже нецензурной лексикой. Последствия, вытекающие из всего этого, лежат на поверхности: вряд ли психику ребенка можно будет назвать здоровой. А разве это можно считать нормой, если уже в подростковом возрасте у человека шаткая нервная система?..

К психическому насилию, занимающему такое «почетное» место на пьедестале трансляций, можно приписать и отрицательное влияние так называемых кумиров молодежи. У среднестатистического подростка есть как минимум один кумир. Иногда кумиры становятся даже идолами. И здесь стоит задуматься: неужели так безупречны эти люди в реальной жизни или же это все дело рук профессионалов — программистов и стилистов? Очень жаль, но именно так все и есть. Звезды шоу-бизнеса, которым так стараются подражать молодые люди, в обычной жизни ничем не отличаются от нас. Но наше телевидение, рассчитанное на коммерческий успех, вряд ли скажет своим зрителям правду. Все-таки тысячи подростков, примыкающих к экранам во время трансляций передач рода «День со звездой», уже обещают неплохую прибыль телекомпаниям.

Вывод один, и он вовсе не радостный: телевидение правду не говорит. Оно нагло врёт. И не краснеет.

Хотелось бы также упомянуть и реалити-шоу. Во-первых, люди, которые принимают участие в таких проектах, часто приходят «с улицы», то есть высоким уровнем интеллектуального развития не отличаются и потому вряд ли могут подать положительный пример для подражания. Во-вторых, с целью повысить свой рейтинг они выбирают нахальный образ поведения и зачастую являются зачинщиками «прогрессивных на всю страну» скандалов. В-третьих, сам факт того, что люди живут в стеклянном аквариуме под наблюдением сотен камер, уже должен насторожить. Так что же смотрят дети? И какую пользу они могут извлечь из увиденного? Вырасти скандальными эгоистами... Но разве это плюс?..

Быть может, если бы все ограничивалось желанием наших детей проводить часы свободного времени, примкнув к экрану, ситуация была бы поправима. Но события принимают удивительный оборот, когда мы заглядываем глубже: а есть ли на телевидении вообще передачи, которые имеют познавательный характер? Очень печалит тот факт, что подобных передач — единицы. Как уже было сказано, современная режиссура ориентируется на коммерческий успех, а не на глубину смысла транслируемого. А если и промелькнет на экране передача, способствующая повышению уровня IQ, то время, предоставленное для ее просмотра, не будет удобно ни для одного нормального человека, который предпочитает спать в ночное время. Исключая, разумеется, кладбищенских сторожей. Тогда, получается, зря обижаются учителя на своих учеников, которые опаздывают на школьные занятия?.. Ведь у них есть оправдание: они смотрели «Всю правду о жизни И. В. Сталина», а потом долго не могли заснуть, взволнованные увиденным. Вот и растут дети лжецами с хронической усталостью от недосыпания. Не очень положительный расклад, согласитесь.

Так что же делать в сложившейся ситуации? Смотреть скандальные ток-шоу, подражать звездам, играть в «терминатора»? Или, может, вернуться к книгам?.. Которые, в отличие от телевидения, никогда не обманут, а, напротив, откроют глаза на мир и заставят задуматься: «А правильно ли мы живем?..»

ПОЛИТЗАНЯТИЯ

От редакции: продолжаем рубрику, начатую в «ПЗ» № 3, 2009, где были напечатаны публицистические работы Джульетто Кьеца (г. Рим, Италия) и Алексея Третьякова (г. Тула). Ниже публикуем оригинальное, не имеющее аналогов, исследование Олега Емельянова (г. Фрязино Московской обл.) на животрепещущую тему современной российской жизни: как перестать нам, прежде всего российским СМИ, нелепо обезьянничать «с Запада», благо русский язык позволяет быть самобытными даже в новейших отраслях современной социологии, управления, экономики и пр. Работа написана блестящим литературно-публицистическим языком. Ранее Олег Емельянов выступал на страницах «Приокских зорь» (№ 3, 2008) со своими стихами.

Олег Емельянов
(г. Фрязино)

УПРАВЛЯТЬ ПО-РУССКИ, ИЛИ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МАКСИМЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Емельянов Олег Владимирович, психолог, тренер-консультант, кандидат экономических наук, доцент. В середине 80-х годов — профессиональный комсомольский работник, секретарь ГК ВЛКСМ. Потом создал и возглавил первую в регионе консалтинговую компанию. В 90-е годы был на государственной службе, возглавляя финансовое учреждение. Есть опыт руководства отделом маркетинга и внешних связей коммерческого банка. Ныне — преподаватель. Специализация — управление персоналом. В разные годы преподавал в Госакадемии управления, РГГУ, ГФА, Российском университете кооперации. Регулярно публикуется в ведущих отечественных изданиях по вопросам управления: «Проблемы теории и практики управления», «Менеджмент в России и за рубежом», «Человек и труд», «Современное управление», «Консультант директора» и др.

*Посвящается моему сыну Ивану.
Хочу, чтобы он не только носил русское имя,
но и способен был думать по-русски,
помня о славной истории своих предков.*

Предисловие

Начавшиеся в нашей стране на рубеже 90-х годов рыночные преобразования, сопряженные с отказом от доктрины централизованной плановой экономики, фактиче-

ски поставили крест на теории управления социалистическим производством. Ушли в небытие казавшиеся некогда непоколебимыми постулаты о «демократическом централизме», «участии трудящихся в управлении», «единстве политического и хозяйственного руководства», «плановом ведении хозяйства» и др. В образовавшуюся в доколе прочной идеологической стене брешь мощным потоком хлынула западная менеджерская доктрина. Довольно скоро ее школы, модели и подходы фактически без боя заняли главенствующие высоты в науке и практике управления. Противопоставить им некую национальную концепцию управления в условиях частной собственности не получилось.

Сложившееся положение вещей, с одной стороны, безусловно, облегчает процесс вхождения российской экономики как части целого в мировое хозяйство, катализатором которого является ускорившаяся глобализация. Говорить с партнерами на одном языке, апеллировать к общим авторитетам, участвовать в совместных проектах — это осознанный выбор. С другой же, происходит размывание, эрозия национальной идентичности, исподволь исчезает чувство гордости за собственные масштабные достижения, как у *«Ивана, не помнящего родства»*, формируется социальный комплекс неполноценности «вечного ученика». Сюда же тесно примыкает сформировавшаяся в последние десятилетия установка на решение простых проблем сложными методами. Громоздкие экономико-математические аппараты, сложнейшие модели, разнообразные сценарии очень часто, к сожалению, подменяют собой элементарный здравый смысл.

Однако не все представляется столь безнадежным. Мы не призываем обути снова лапти и взяться за соху. Но только можно и нужно опираться прежде всего на исконную многовековую народную мудрость, глубинные пласты самобытности и духовности, дошедшие до нас в виде пословиц и поговорок.

Образно, кратко, метко, что называется *«не в бровь, а в глаз»*, находят свое разрешение сложные управленческие проблемы в фольклоре. Пословицы и поговорки служат также подлинным украшением речи, емким и убедительным доказательством правоты отстаиваемой точки зрения. Принятые у наших дедов и прадедов ценности и идеалы не в последнюю очередь опирались на соборные и коллективистские начала. Мир выступал высшим судьей. Наконец, в устном народном творчестве нашли свое выражение присущие нашим предкам нравственные императивы, совершенно недвусмысленно отрицающие стяжательство, накопительство, богопротивный промысел. Это ли не мощная прививка против пришедшего к нам с Запада культа потребительства и вещизма?

Подытоживая, можно отметить, что русские пословицы и поговорки удивительным образом охватывают практически всю проблематику современного управления. Тут и мотивация, и контроль, и принятие решений, и даже архипопулярная ныне тема лидерства. В соответствии с этими, а также некоторыми другими областями менеджмента XXI в. и построена структура данной работы, которая включает 8 разделов. Народные изречения сопровождаются комментариями.

1. Целеполагание

Постановка цели (целеполагание) — исходное начало в цепи управленческих действий. Последние априори должны быть осмысленными, совершаться во имя и для чего-то. Они в идеале обязаны максимально приближать достижение намеченного рубежа. Категория «цель» является сердцевиной управления, ибо, по большому счету, руководителя и весь аппарат управления можно рассматривать как инструменты, позволяющие эффективно и в какой-то степени гарантированно «попасть в десятку». В противном случае, когда смысл деятельности теряется, работа, в том числе и по управлению, зачастую приобретает характер имитации, псевдодеятельности, когда

«движение — все, а результат — ничто». То, что может быть легко принято в качестве аксиомы в каком-либо философском учении как сосредоточенность на процессе, в реальной практической деятельности становится профанацией. Цель в управлении выступает в качестве «путеводной звезды», позволяющей постоянно сверять курс и не сбиться с верного направления движения. К управленческой цели, да и к процессу ее формулирования предъявляются определенные требования.

1. Реалистичность — цель не является фантазией, мечтой, химерой и утопией: *«в Вознесенье, когда оно будет в воскресенье»*, т.е. (никогда); *«этот квас не про Вас»*; *«нечего про то и говорить, что в горшке не варить»*; *«где та мышь, чтоб коту звонок привесила»*. Цель может быть достигнута в обозримой перспективе. Но требуется в процессе ее формулирования отделить одно от другого: *«дай бог нашему теляти, да волка поймати»*; *«видит кот молоко, да рыло коротко»*. Выраженная в этих пословицах ирония способствует преодолению маниловщины в деловых замыслах, позволяет «спуститься с небес на землю»: *«жить широко хорошо, но и хуже — не хуже»*. Надеяться надо только на свои возможности: *«бог по силе крест налагает»*.

2. Напряженность — поставленная цель не является легкодостижимой. Путь к ней сопряжен с мобилизацией внутренних резервов, возможно, ограничениями и лишениями. Это не «легкая прогулка», а большая и тяжелая работа, в которой недопустимы «шапкозакидательские» настроения. Тем дороже покоренный рубеж: *«что с бою взято, то и свято»*; *«пей вино, да не бразу, люби девку, а не бабу»*. Доступность — это антипод цели.

3. Сбалансированность — цель должна отражать интересы всех групп влияния (руководства, рядового персонала, профсоюза, поставщиков, клиентов, торговли, муниципалитета, местного сообщества). Однако она служит, главным образом, выражением чаяний владельца/ев (акционера/акционеров): *«чье поле, того и воля»*. Другое дело, что полное игнорирование интересов других стейкхолдеров чревато постоянными конфликтами (характерно для предприятий зарубежного автопрома в России, где имеют место даже забастовки).

4. Сконцентрированность — генеральная (главная) цель должна быть одна. Дуализм или даже множественность таковых не позволяют, выбрав одно приоритетное направление, добиться решающего успеха. Распыление, даже «размазывание» ресурсов: *«всем сестрам по серьгам»*, — пагубны для эффективности бизнеса. В подобном случае не может быть достигнут эффект синергии: *«за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь»*.

Характеризуя же процесс достижения цели, отметим некоторые обстоятельства:

- соотношение «цель — средства» — нравственные и законные цели не могут достигаться неэтичными и противоправными способами. Цель не оправдывает средства в управлении в условиях постиндустриального общества, когда открытость, прозрачность, социальная ответственность бизнеса служат его визитной карточкой: *«все-го важней честь сытая, да изба крытая»*. И стоит много раз подумать, возможно ли *«капитал приобрести и невинность соблюсти»*. Если есть сомнение, значит, этот вариант действий является неприемлемым;

- вера в успех предприятия — обычно после окончательного формулирования цели и на начальном этапе ее осуществления в организации и/или подразделении царит атмосфера энтузиазма, воодушевления. Сотрудники без дополнительных распоряжений и указаний могут выполнять дополнительные функции, задерживаться после работы и т.п. Но эту заряженность на успех быстро можно потерять, столкнувшись с трудностями, препятствиями, непониманием: *«гладко было на бумаге, да забыли про овраги»*. В этих непростых условиях особая ответственность ложится на лидера, который обязан сохранять и излучать веру: *«будет и на нашей улице праз-*

ник». Возможно, одним из эффективных приемов является умение босса «рисовать картины будущего», увлекательные и яркие, когда цель будет достигнута. Иначе намеченный рубеж не будет преодолен и демотивированные сотрудники будут трудиться по принципу: *«день да ночь — сутки прочь»*;

- оптимальная стратегия движения к цели — уместно будет сравнить данный выбор с возможными действиями спортсмена-марафонца на дистанции. Он может резко ускориться со старта и уйти в отрыв до самого финиша. Однако есть вероятность, что сил на всю дистанцию не хватит. Поэтому часто бегун почти весь путь «держится в тени» и только в конце предпринимает мощный спурт: *«тише едешь — дальше будешь»*; *«тихо — не лихо, смиреннее — прибыльнее»*;

- влияние конечного результата на авторитет руководителя — подчиненные не доверяют начальнику, который быстро отказывается от намеченного при появлении трудностей и проблем, пасует перед ними. Для подчиненных это индикатор слабости босса: *«взялся за гуж, не говори, что не дюж»*. Лидер же, который привел коллектив к успеху, разделил его со своими соратниками, пользуется почетом, уважением и признательностью. Ему верят, за ним идут дальше вперед.

2. Планирование

После формулирования цели наступает этап распределения ресурсов — разделения на промежуточные этапы, определения отчетных дат, назначения ответственных лиц и т.п. Речь идет о реализации такой функции управления, как планирование. В условиях централизованной социалистической экономики до хозяйствующих субъектов (государственных предприятий) планы, носящие характер нормативного документа, доводились сверху, от соответствующих министерств и ведомств. Ныне организация полностью самостоятельна в выборе приоритетов и темпов своего развития, руководствуется исключительно рыночной конъюнктурой. Государство использует только косвенные рычаги воздействия — такие как налоговая, валютная и кредитная политики, таможенные тарифы, государственный заказ и др. Планирование базируется на определенных правилах.

1. Нельзя абсолютно точно спрогнозировать возможные сценарии развития событий. Будущая реальность может быть как лучше (оптимистический сценарий), так и хуже прогноза (пессимистический сценарий). В последнем случае существуют риски определенных потерь, непредвиденных затрат и т.п.: *«кабы на горох не мороз, так он бы через тын перерос»*; *«ты бы на гору, а черт бы за ногу»*. Для их минимизации, в числе прочих мер, целесообразно формирование резервов как определенной «подушки безопасности» в критический период: *«подальше положишь — поближе возьмешь»*; *«ешь чужие пироги, а свой хлеб вперед береги»*.

2. Требуется гармоничное сочетание различных временных горизонтов, в частности оперативных, средне- и долгосрочных. Речь идет о том, что система годового планирования представляет своеобразную матрешку внутри которой полугодовые, квартальные, месячные, декадные, недельные и суточные/дневные планы (задания). Уровень детализации при движении к более протяженному периоду уменьшается, т.е. планируются только наиболее важные показатели: *«год не неделя, Покров не тетеря, до Петрова дня не два дня»*; *«ешь с голоду, люби смолоду»*.

3. Оперирование только реально располагаемыми либо доступными ресурсами: *«по одежке протягивай ножки»*; *«мал золотник, да дорог»*; *«живая собака лучше мертвого льва»*. В план не должны включаться утраченные, сомнительные, трудно-воспроизводимые ресурсы, безнадежные ко взысканию долги и т.п. Не всегда, в силу особенностей рынка, отрасли, специфики продукта, характеристики этапа жизненного цикла, на котором находится компания, возможно привлечение заемных средств. Опора — на собственные силы как необходимое и достаточное условие достижения

поставленных целей: *«бог-то бог, да сам не будь плох»; «богу молись, а к берегу гребись»; «боже поможи, а ты на боку не лежи»; «молись Фекла, чтобы бог вставил стекла».*

4. Примат перспективного, будущего над текущим, сиюминутным: *«жить надейся, а умирать готовься».* Речь идет о том, что нельзя «почивать на лаврах», довольствоваться достигнутым. Это путь в тупик: *«семена съедим, тогда и жать — спины не ломать».* Требуется постоянно создавать задел на будущее, воспроизводить и приумножать имеющееся. Обеспокоенность будущим, нежелание просто «проедать» накопленное, рачительность, хозяйская мотивация присущи как преуспевающим лидерам, так и руководимым им командам: *«умирай, а рожь сей»; «хоть хлеба и хороши, а пашню паш».*

5. Привлечение к процессу планирования исполнителей. В советской экономике это называлось «встречное планирование». У персонала должны присутствовать стимулы принять на себя напряженные обязательства, не утаивать резервы. Это происходит в том случае, когда есть прямая корреляция прироста эффективности и размера вознаграждения работников. Специалисты даже говорят о своего рода «челночном процессе», когда проект плана в процессе согласования и уточнения несколько раз перемещается от руководства компании на места, в подразделения, и обратно: *«государь наши, воля ваша: хоть дрова на нас возите, только много не кладите».*

3. Мотивация

Достижение поставленных целей, детализированных в процессе планирования, невозможно без личного интереса персонала. Интерес этот может носить внутренний характер, например через самоутверждение, и тогда уместно говорить о мотивации. Часто поведение человека детерминировано различными внешними объектами, способными удовлетворять его потребности. Тут речь идет о стимулировании. Арсенал форм, методов, приемов заставить работника эффективно выполнять свои должностные обязанности чрезвычайно широк и многогранен. Однако все они опираются на определенные закономерности.

1. Адекватность используемых форм вознаграждения особенностям человеческого капитала организации. Можно посмотреть на это утверждение и под другим углом зрения — «применяемые системы оплаты труда обязательно найдут как своих приверженцев, так и противников: *«небогатый Филат и копейке рад»; «доброму вору все в пору»; «на голую ногу всякий ботинок впору»; «дай голому холст, а он скажет толст»; «на что мне чины, коли в щах нет ветчины»; «что и честь, коли нечего есть».* Надо только, чтобы такие системы реально существовали и действовали: *«было бы корыто, а свиньи найдутся».*

2. Природа человека двойственна: с одной стороны, он — личность, обладающая уникальными индивидуальными характеристиками, в том числе потребностями: *«что кому треба, тот то и тербит»; «у всякой пташки свои замашки»; «стар кит, а масло любит»; «и стара кобылка до соли лакома».* Часто потребности замыкаются исключительно на себе, приобретая эгоистический характер: *«долг есть тягостное бремя, отнимает сон и время»; «своя рубашка ближе к телу»; «всякий Демид себе норовит»; «и мышка в норку тащит корку».* А то и перерастающих в неблагодарность, называемую «черной»: *«за мое же добро мне же переломили ребро»; «Федюшке дали денежку, а он и алтын просит».* С другой же стороны, это коллективное существо, обладающее определенными «стадными инстинктами», способное делиться с ближними: *«за компанию и монах женился»; «ради милого дружка и серезку из ушка».*

3. Используемая модель стимулирования работников (уровень оплаты труда, соблюдение трудового законодательства, социальный пакет и другие льготы) является,

пожалуй, за редким исключением гипербеспеченных людей, самым решающим фактором как привлечения, так и удержания рабочей силы в организации: *«где олады, там и ладно»; «хорош Париж, а живет и Курмыш».*

4. Честное и справедливое вознаграждение приводит к удовлетворенности, повышает роль стимулов, способствует коррекции поведения исполнителей в нужном направлении: *«за свой грош везде хорош».* Верно и обратное — искажение принципа «равная оплата за равный труд», обман грозят конфликтами, демотивацией, увольнениями, ухудшением социального климата: *«хороша дочь Аннушка, да хвалят только мать да бабушка»; «на тебе кукиш, на него что хочешь, то и купишь»; «на посуле, что на стуле, посидишь, да и встанешь»; «отвалият: старую перину, новый веник да полтину денег».* Особенно это наглядно подтверждается на примере колоссального и зачастую ничем не оправданного разрыва в уровне вознаграждения между руководством организации и рядовыми работниками: *«от трудов праведных не стяжат палат каменных».* Самое парадоксальное заключается в том, что даже глобальный кризис и сложнейшее финансовое положение ряда компаний не умерят аппетиты топ-менеджмента. Он идет просить поддержки у государства! Абсолютно оправданным является здесь, что последнее вводит ограничение на размер бонусов и других видов вознаграждений членов правлений, потерявших нравственные ориентиры. К счастью, есть в истории менеджмента и другие примеры. Когда Ли Якокка приступил, в свое время, к спасению терпящей катастрофу компании «Крайслер», он начал внедрять режим экономии с самого себя, установив временно жалованье президента автогиганта в размере 1 долл. А уже потом обратился за помощью в Белый дом и конгресс США.

5. Немаловажный элемент организационной культуры — сформировавшееся отношение к праву исполнителей на ошибку, степень наказания и поощрения при положительном и отрицательном исходах: *«не грешишь, кто в земле лежит»; «и на старуху бывает проруха»; «и на Машку бывает промашка».* Если же таковое отсутствует, персонал обычно малоинициативен и старается переложить проблемы на вышестоящий уровень управления: *«свались только с ног, а за тычками дело не станет».*

6. Эффективные системы поощрения, действующие в организации; способствуют повышению индивидуальной результативности на каждом рабочем месте, а это в свою очередь ведет к прогрессу в достижении поставленных целей: *«какова псу кормля, такова его и ловля»; «захочешь добра — посыпь серебра».* Верно и обратное.

7. Разрабатывая и внедряя гиперсовременные и суперпродвинутые схемы стимулирования работников, не стоит совсем забывать даже в наше, сверхрациональное и абсолютно чуждое сентиментальности, время о таких способах вознаграждения, как выражение признательности, доброе участие, внимание, интерес к человеку: *«не дорог подарок, дорога любовь».* Но ни в коем случае руководителям нельзя кичиться своей заботой о подчиненных: *«дарят, так не корят»; «добро не лихо, бродит по миру тихо».*

8. Не противореча принципам справедливости в распределении материальных благ, необходимо дифференцировать персонал по степени результативности и тех последствий, которые могут наступить, если работники уволятся из организации. Соответственно особое внимание и преференции должны получать самые успешные. Требуется отказаться от «уравниловки», равномерного «размазывания масла по всему бутерброду»: *«от кого чают, того и величают».*

9. Мощнейшим демотивирующим фактором является скука — монитония, рутинные повторяющиеся операции, не имеющие с точки зрения исполнителя особого смысла: *«боже мой, боже, всякий день то же».* Искусство управления заключается в том, чтобы менеджер смог создать атмосферу новизны, творчества, удовольствия

от деятельности, может быть даже некую интригу. Немногие способны превратить работу в увлекательную игру, любимый досуг: *«мешай дело с бездельем, проживи-вещь с весельем»*.

10. Используемые стимулы должны быть значимыми и создавать непреодолимую тягу к их получению. В противном случае деятельность либо будет имитироваться, либо вообще оттягиваться под различными предлогами: *«с чистоты не воскреснешь, с погани не треснешь»; «хочется рыбку съесть, да не хочется в воду лезть»*. Эти обстоятельства требуют немедленного отражения в размере вознаграждения: *«кто ветром служит, тому дымом платят»*.

11. Является ненормальной ситуация «приватизации» достигнутой общими усилиями победы, когда «пожинает плоды» ее только узкий круг лиц (собственники, топ-менеджмент). Свою частичку вознаграждения должен получить каждый внесший свой вклад в успех (премирование, механизмы участия в прибылях и др.): *«делатель после забот и труда по закону достоин вкусить от плода»*.

4. Контроль

Универсальным инструментом, позволяющим оценивать оптимальность траектории движения организации к цели, выявлять возможные отклонения от этого пути, снова «возвращаться на верную дорогу», является контроль. Именно в этом заключается его смысл, даже философия, а не в том, чтобы просто следить за всем и вся. У этого краеугольного института управления очень много аспектов: когда? кто? сколько? как? и др. Ответы на все эти вопросы не носят универсальный, раз и навсегда заданный характер. Вместе с тем можно говорить об определенных наблюдениях, выводах, сделанных народом.

Во-первых, необходимость закладывать контроль как *обязательный элемент* управления в любой процесс деятельности. «Авось», «небось» и «как-нибудь» никогда не обеспечат даже удовлетворительного уровня качества. Не стоит уповать на то, что «кривая вывезет». При таком подходе неудача, серьезный сбой почти гарантированы: *«не доглядишь оком, так заплатишь боком»*. Поэтому не стоит их ждать: *«пока гром не грянет, мужик не перекрестится»; «метил в ворону, а попал в корову»; «русский мужик задним умом крепок»*.

Во-вторых, в рамках подготовительной работы следует внимательно изучить весь процесс и спроектировать его *максимально открытым*, доступным нескольким работникам, которые лишены различного рода «лазеек» и соблазнов. Если есть возможность не искушать исполнителя бесконтрольностью и безнаказанностью, то целесообразнее этого не делать: *«грех сладок, а человек падок»; «кот из дому — мыши в пляс»; «муж в дверь, а жена в Тверь»; «чужим добром подносить ведром»*.

В-третьих, обеспечение *оптимального сочетания самоконтроля исполнителя и контроля* со стороны руководителя: *«не все с верою, ино и с мерою»; «не верь брату родному, а верь своему глазу кривому»; «не верь чужим речам, а верь своим очам»*. В идеале нужно стремиться к доминированию первого. Однако в рамках ситуационного подхода требуется оценить степень зрелости исполнителя: *«верю только зверю, собаке, да ежу, а прочему погожусь»*. Если его квалификация, мотивированность, ответственность высоки, то делегирование этой управленческой функции не только желательно, но и необходимо: *«не верь коню в холе, а жене в воле»*. Если же эти параметры находятся на низком уровне, отказ от контроля чреват потерями: *«портной Данила, что не шьет, то гнило»; «послали Филиппа по липу, а он ольху волочет»; «метил в ворону, а угодил в корову»; «родился Никита нам на волокиту»*.

В-четвертых, требуется очень тщательное, *объективное расследование* обстоятельств какого-либо происшествия, конфликта, прежде чем назвать, тем более публично, виновного: *«признание — половина исправления»; «виноват, да повинен, Богу не противен»; «кайся, да опять за то же не принимайся»*. К сожалению,

очень часто факты подменяются эмоциями, доказательства — подозрениями: *«наш Филат всегда виноват»*. Лежащие на поверхности симптомы зачастую не отражают истинных причин, глубинных механизмов: *«не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел»*; *«угорела барыня в нетопленной горнице»*. Справедливее в случае сомнения не наказывать никого, чем наказывать невиновного: *«на Ивана слава, а виноват-то Савва»*; *«на черта только слава, а монах поросенка съел»*.

В-пятых, *достижение цели* — логическое завершение процесса контроля: *«ко-нец — делу венец»*. При этом, скорее всего, часть исполнителей применяла какие-либо «фирменные», собственные методы работы, возможно, пока официально не одобренные, но эффективные: *«у всякого Мирона свои приемы»*. Контроль в данном случае должен послужить тиражированию опыта передовиков в другие подразделения организации. Но ни в коем случае нельзя карать победителей только за то, что они шли к цели собственным, оригинальным путем, нешаблонно: *«ступай Варвара на расправу»*.

В-шестых, контроль опирается на *персональную ответственность* за порученный участок работы. Ее размывание недопустимо, ибо коллективная ответственность — это безответственность: *«у семи нянек дитя без глазу»*. Другое дело, что делегирование полномочий, партисипативное управление, партнерство способствуют повышению сознательности исполнителей, росту самодисциплины, чувства принадлежности, корпоративного духа. Но не более того.

В-седьмых, как это обстоятельство ни печально, всегда объективно существует в организации *«группа риска»*, требующая особого отношения и более тщательного наблюдения. Жесткий контроль по отношению к таким исполнителям является эффективной профилактической мерой, ибо гуманность, к сожалению, понимается подобным контингентом как слабость руководителя: *«упрямая овца волку корысть»*; *«весь бы прост, да привязан хвост»*; *«дали мне шлык, а я в подворотню шмыг»*. Совершенно другой вопрос, как эти люди вообще попали в организацию и почему они до сих пор в ней.

И наконец, в-восьмых, ключевой проблемой контроля является *масштаб допустимых отклонений*. Его сужение ведет к излишней расточительности и *«стрельбе из пушек по воробьям»*. Неоправданное же расширение, говоря словами баснописца И. А. Крылова, можно охарактеризовать как «слона-то я и не приметил». Поэтому является искусством способность определить пограничные состояния, при выявлении которых требуется «бить тревогу» и применять заранее прописанные антикризисные меры: *«что несладко, то и неладно»*.

5. Управленческие решения

Принятие решений служит важнейшей характеристикой процесса управления. При этом данная деятельность носит, по сути, монопольный характер, так как является исключительно прерогативой руководителей различного уровня. Управление построено на точном балансировании прав и ответственности, ибо своевременное принятие эффективных решений — обязанность начальника; но с него и персональный спрос за выбор способа действия либо уклонение, пассивность. Решение не является одномоментным актом. Ему предшествуют такие этапы, как диагностика ситуации, выявление проблем, формулирование критериев выбора, определение вариантов и их оценка относительно ограничений. И только в заключении — собственно выбор лучшей альтернативы. Далее, обязательно требуется реализовать на практике принятые решения, чтобы не было так, что они только «остались на бумаге». Таким образом, мы имеем дело с целым комплексом процедур и условий, регламентирующих этот процесс. Не случайно в народе большое количество пословиц посвящено этой теме. Их цель — помочь принять верное решение.

1. То обстоятельство, что руководитель самостоятельно принимает решение, совсем не означает отстранения от этого процесса подчиненных: *«одна голова хорошо, а две лучше»*. Более того, принятые келейно, без обсуждения с исполнителями, решения, как правило, «принимают в штыки», саботируют. Зато личное участие в выработке решения мотивирует с большим энтузиазмом участвовать в его реализации. Но не всякого члена организации можно и нужно привлекать как советчика: *«дал совет Аверкий, да все исковеркал»*; *«как черта ни крести, а он все кричит прости»*; *«не мечи-те бисер перед свиньями, да не попрут его ногами»*; *«дураков учить, что мертвого лечить»*; *«заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет»*. Это могут быть люди, обладающие специальными знаниями и опытом, разделяющие цели компании, с уважением относящиеся к руководителю: *«кто добрых людей слушает, тот слаще кушает»*. Но «не стоит заикливаться» на испытанных соратниках, искусственно суживая их круг: *«не только людей, что Фома да Фаддей»*.

2. Всякое решение неминуемо сопряжено с неопределенностью: *«никто не знает: ни кот, ни кошка, ни поп Ерошка»*. Это означает, что всегда существует риск различных по масштабу потерь: *«не знала баба горя, купила баба порося»*. Не стоит по этой причине затягивать окончательный выбор: *«смелость города берет»*; *«волков бояться — в лес не ходить»*. Но неуместна и другая крайность — поспешность, лихачество, безрассудство: *«поспешишь — людей насмешишь»*; *«не поглядев в святцы, да бух в колокол»*; *«или грудь в крестах, или голова в кустах»*; *«или пан, или пропал»*. Просто требуется проявлять разумные осмотрительность, расчет, выдержку: *«не зная броду, не лезь в воду»*; *«семь раз отмерь, один раз отрежь»*. Или положиться на традиции и «по проторенной дорожке идти»: *«тех же щей, да по-жиже влей»*.

3. При всей предпочтительности в идеале консенсусных решений, в реальной практике управления все гораздо сложнее. И подобное единодушие скорее является исключением, чем правилом. Слишком разнонаправленный характер имеют интересы основных действующих лиц (владельцев, руководства, рядовых работников). Априори поэтому любое решение ущемляет чьи-либо потребности, не отвечает каким-либо ожиданиям. Зачастую, принимая жесткие, непопулярные решения, руководитель рискует оказаться не только в меньшинстве, но и в одиночестве. Но умение сказать «нет» является важнейшим качеством менеджера: *«у нас всякого нета припасено с лета»*. В этой ситуации от него требуются четкое осознание собственной правоты, понятная аргументация, забота о перспективах, жертвование малым для сохранения большего: *«лес по дереву не тужит»*; *«снявши голову, по волосам не плачут»*.

4. Важную роль в реализации принятых решений играют используемые методы и средства. Они должны быть не только уместными, но и наиболее эффективными в сложившихся обстоятельствах: *«за комаром не с топором»*. Довольно распространенной является в этом контексте ситуация неумеренного оптимизма, шапкозакидательских настроений. Руководителю требуется «остудить горячие головы», «не дать вместе с водой выплеснуть из ванны ребенка», сохранив одновременно дух энтузиазма, созидания, веры в успех: *«не давай повадки, чтобы не было оглядки»*.

5. Одна из особенностей управленческого труда — его разделение, следствием чего является повышение производительности. В частности, оно носит форму горизонтальной специализации. Применительно к деятельности менеджеров это привело к появлению функциональных руководителей. Последние принимают решения, относящиеся исключительно к сфере компетенций: *«чужой ворох ворошить, только глаза порошить»*. Другой стороной медали в условиях узкой специализации является появление местничества и одностороннего, отраслевого взгляда на проблему. Бороться с этим призваны вышестоящие линейные руководители посредством инкорпорации и мобилизации всех на достижение единой цели организации.

6. Существенным моментом в практике разработки управленческих решений является прогнозирование его последствий — как ближних, так и отдаленных; как позитивных, так и негативных. Вдвойне это актуально применительно к так называемым кадровым решениям, связанным, в частности, с повышением в должности: *«хорош тот, кто поит да кормит, а и тот не худ, кто хлеб-соль помнит»*.

7. Учет фактора времени также важен в принятии эффективных решений в менеджменте. С его течением ситуация может кардинально изменяться. Однако времени присуще свойство необратимости: *«дважды в одну и ту же реку не войдешь»; «мертвых с погоста не носят»*. Прошлое можно только анализировать, но ничего изменить в нем нам не дано. Руководителю полезно извлекать уроки из минувших событий как основы для будущих успехов, но никак не ностальгировать по «старым добрым временам». Это уместнее делать на пенсии при написании мемуаров.

6. Коммуникации

Предметом управленческого труда является информация. Получение релевантных, или нужных, соответствующих решаемой задаче сведений (а не *«в огороде бузина, а в Киеве дядька»*), не такая простая проблема, как может показаться на первый взгляд, учитывая факторы времени, достоверности, стоимости и др. В этой связи бесценным источником полезной информации для руководителя являются подчиненные, коллеги, потребители. Ее получение происходит в процессе делового общения.

Подчиненные играют особую роль среди источников информации. Потенциально их знания, навыки, деловой опыт способны принести неоценимую пользу при решении сложнейших задач. Однако они не всегда спешат поделиться таковыми. Предпосылками доверия со стороны исполнителей являются порядочность менеджера, осуществляемая «политика открытых дверей», умение руководителя слушать, поощрение за вносимые идеи и предложения. Можно также говорить в позитивном смысле о благоприятном коммуникационном климате в организации или подразделении. Попробуем очертить круг практических рекомендаций, позволяющих сформировать подобную атмосферу открытости, развитости не только нисходящих, но и восходящих, и горизонтальных коммуникаций.

1. Не всякий исполнитель в силу различных причин (недостаток квалификации, отсутствие мотивации, недоверие руководителю) может стать для начальника источником полезной информации: *«ты — как бы ближе к делу, а он — про козу белу»; «с тобой говорить, что солнышко мешком ловить»; «твердит, что сорока Якова, одно про всякого»*. Относиться к этой ситуации менеджеру необходимо спокойно, как к данности: *«наговорил Егор с гору, да все не в пору»*. Ибо крайне вредны попытки «заигрывать» с персоналом, показное панибратство, желание продемонстрировать отсутствие дистанции. Это скорее приведет к отчуждению ранее лояльных сотрудников, выступавших в том числе и в роли советников. Тем более бережно стоит относиться к данному контингенту, дорожить его доверием, искать наиболее простые и эффективные каналы коммуникаций с ним: *«умный не обо всем говорит, что знает, а дурак не все знает, о чем говорит»*.

2. Следует отдавать предпочтение, по возможности, индивидуальному формату общения, а не коллективному (за исключением специальных процедур типа «мозгового штурма» и мер по сплочению команды, а также поощрения персонала): *«у всякого Павла своя правда»*. Во-первых, член коллектива, зачастую не без оснований, опасается мести, агрессии и других санкций от неформальной группы за разглашение каких-либо сведений, свидетельствующих, в частности, о групповом эгоизме: *«одна овечка опаршивает и цело стадо оплешивет»*. И отсюда стремление говорить только о себе, но не оценивать деятельность других и группы в целом: *«всякий Яков про себя вякай»; «всякий Филат на свой лад»*. Руководителю необходимо бороться с

подобной практикой: *«хлеб-соль ешь, а правду режь»*. Во-вторых, имеет место феномен конформизма, или соглашательства, в силу давления (подчас латентного) коллективного авторитета всей группы или ее отдельных лидеров на сотрудника, имеющего индивидуальную точку зрения: *«люди ложь, и я тоже»*; *«как люди, так и Маша крива»*. Наконец, в-третьих, межличностное общение идеальным образом подходит для критики деятельности подчиненных, которая никогда не воспринимается последними как благо: *«правда глаза колет, правда глаза дерет»*.

3. Руководитель обязан, хотя бы в силу имеющейся элементарной психологической подготовки, различать невербальные сигналы неискренности собеседника, его стремления исказить факты: *«всяк крестится, да не всяк молится»*; *«на словах медок, а на сердце ледок»*. Поэтому, наряду с собственно речевой составляющей, следует внимательно анализировать контекст (позу, интонацию, выражение лица, направленность взгляда и др.): *«видно по Фоме, что тужит по куме»*. Только комплексное восприятие способно уберечь менеджера от скороспелых выводов и незрелых суждений: *«с горя да с печали сравнились шея с плечами»*; *«и нашим, и вашим за копейку спляшем»*; *«и богу молится, и с чертями водится»*; *«не заслонишь солнце рукавицей, не убьешь правду небылицей»*. Безусловно, определенная зрелость приходит с опытом, но следует поостеречься учиться на собственных ошибках.

4. Требуется умение подразделять информацию на конфиденциальную и общедоступную. Одинаково неприемлемы обе крайности — как «голодный информационный паек», так и чрезмерная открытость, отсутствие эффективных фильтров: *«ешь пироги с грибами, а язык держи за зубами»*; *«бойся вышнего, не говори лишнего»*; *«доброе молчанье лучше худого ворчанья»*. Чтобы избежать подобных перекосов, стоит заранее продумать элементы информационной политики и PR, определить субъектов информирования применительно как для внутренней, так и для внешней среды, разработать перечень конфиденциальных сведений: *«про старые дрожжи не поминай дважды»*.

5. Неформальные коммуникации являются неизбежным шлейфом официального общения. Другое дело, что их объем в условиях строжайшего дозирования информации может быть избыточным. Кроме того, это служит серьезным сигналом неблагополучного положения вещей в сфере управления в целом: наличия кланов, непрозрачных решений, «подковерной борьбы», протекционизма и пр. Вместе с тем, признавая бесцельность борьбы со слухами как таковыми вообще, стоит (принимая во внимание большую популярность и высокую скорость распространения) использовать иногда их на практике. Ярким примером является привлечение склонных к такого рода общению сотрудников по принципу «между нами говоря»: *«свинья борову, а боров всему городу»*.

6. Умение образно, доступно и убедительно говорить является лишь одной (хотя, безусловно, очень важной) сферой коммуникативной компетентности менеджеров. И большинство из них прилагают большие усилия, чтобы овладеть в совершенстве данным результативным инструментом воздействия на подчиненных. А вот о другом таком средстве, как навык эффективного слушания, многие, к сожалению, забывают: *«хотя и не плотник, а слушать охотник»*. Но ведь именно сведения, которые можно «получить из первых рук», отражающие точку зрения исполнителя или их группы, представляют особую ценность при выработке вариантов действий, определении возможных сценариев развития событий. Надо только научиться их услышать, перестав говорить самому: *«кто говорит, тот сеет; кто слушает, тот собирает»*.

7. Руководителю должно быть обязательно присуще умение быстро понять суть дела, что называется «схватить на лету». Здесь речь идет о восприятии чужого мнения, альтернативной точки зрения. Верно и обратное. При донесении своих мыслей

до подчиненных менеджер должен быть кратким, лаконичным, не «растекаться мыслью по древу». Персонал очень не любит многословных, велеречивых начальников. Излагать надо сжато и только самую суть. Иначе у подчиненных возникает чувство раздражения из-за напрасно потерянного времени. Требуется учиться выделять в каждой информации ключевые символы, квинтэссенцию и именно ее доносить до слушателей, не злоупотребляя их вниманием: *«отзвонил и с колокольни долой»; «поклон — дай вон».*

7. Лидерство

Особенно ответственная роль отводится руководителям. Принимая судьбоносные стратегические решения, управляя зачастую многотысячными транснациональными компаниями, они по определению не могут ограничиться исключительно функциями формального начальника, администратора. Только использование дополнительного личностного ресурса в виде обаяния, примера для подражания, непосредственности и открытости способно вызвать отклик у подчиненных, повысить их энтузиазм для достижения организационных целей: *«куда дворяне, туда и миряне».*

Словом, речь идет о феномене лидерства. Проблематика эта уже на протяжении нескольких последних десятилетий доминирует в науке и практике менеджмента. Как свидетельствует статистика, тема лидерства занимает в публикациях почетное третье место после пищи и секса соответственно. Параллельно разрабатываются и другие сопряженные с ней концепции, в частности, управление талантами. Практически аксиомой является идея о том, что если лидерский потенциал не «выращивается» в рамках одной организации, то он уж точно раскрывается после относительно длительного периода работы в ней.

Тема личности вожака, атамана, головы занимает огромное место в народном творчестве. Примечательно, что наряду с формулированием позитивных, вызывающих симпатию, качеств и достоинств (того, что «любо»), в фольклоре одновременно присутствует описание ненужных, вредных и нелепых черт, подходящих старшему, *«как корове седло».* Выделим важнейшие, узловые рекомендации и советы, содержащиеся в пословицах и поговорках и относящиеся к сфере лидерства.

1. Существенную роль в подготовке руководителя играет накопление практического опыта управления конкретным объектом: *«будет именье, будет и уменье».* Приветствуется развитие карьеры в родных местах: *«где родился, там и пригодился»; «за морем веселье — да чужое, а у нас горе — да свое».* Но полностью не исключается вариант учения и вдалеке от них: *«чужая сторона прибавит ума».* При этом опыт может быть не обязательно позитивным, но и отрицательным: *«ошибся, что ушибся, а вперед наука»; «что мучит, то и учит»; «быль молодцу не укор».* Однако отсутствие профессиональных знаний «ставит крест» на карьере менеджера: *«если голова пуста, то голове ума не придадут места».* Резко отрицательно и отношение к людям, которые по воле случая смогли «оказаться у руля»: *«из хама не сделаешь пана»; «доселе Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал»; «нашего Обросима невесть куда забросило»; «залетела ворона в царские хоромы»; «из грязи да в князи»; «со свиным рылом да в калашный ряд»; «прежде Мокей был лакей, а ныне у самого Мокея два лакея»; «сохрани бог от воров и пожаров да от нашего брата, как выйдет в бары».*

2. Любая организация объективно нуждается в руководстве единоначальника: *«два медведя в одной берлоге не уживутся».* И если должность эта по каким-либо причинам оказывается вакантной, обязательно найдется лицо, претендующее ее занять: *«была бы булава — будет и голова».* Но в делах подобных требуется определенная скромность и осмотрительность: *«на службу не напрашивайся, от службы не отпрашивайся»; «залезши в круг не по плечу, не будешь рад и калачу».* Однако

предпочтительней все же руководитель — выходец из местной среды: *«всяк кулик на своем болоте велик»*.

3. В концепции харизматического лидерства предпринята попытка описать некоторые осязаемые параметры лидера, в частности: внушительный рост, физическая привлекательность и др. Однако, по-видимому, подобная корреляция не всегда имеет место: *«велик телом, да мал делом»*; *«драчливый петух жирен не бывает»*; *«не в том сила, что лошадь сива, а в том, чтобы воду возила»*.

4. Важнейшим индикатором оценки деятельности лидера являются не красивые слова и обещания, а реальные дела: *«брехать, малый, не пахать»*; *«хвастать — не косить, спина не заболит»*; *«видна птица по полету»*; *«молодец против овец, а против молодца и сам овца»*. Причем величине масштаба личности руководителя прямо соответствует и масштаб свершений. Поэтому вполне может быть уместна и ирония: *«великий на малые дела»*.

5. Категорически неприемлемо в деятельности руководителя расхождение между словом и делом: *«не спеши языком, торопись делом»*; *«давши слово держись, а не давши крепишься»*; *«иной по две обедни слушает и по две души кушает»*.

6. Функция мотивации является основной в работе менеджера. Преобладать в ней должно положительное подкрепление его действий при активном пресечении славословий в свой адрес: *«своего спасибо не жалеи, а чужого и ждать не смей»*; *«хвали рожь в стогу, а барины в гробу»*. Вместе с тем руководителю должно быть присуще умение не только анализировать деятельность подчиненных (а при необходимости проявлять и недовольство ее итогами), но и критически относиться к собственным результатам, помня следующее: *«рыба тухнет с головы»*; *«ахал бы, дядя, на себя глядя»*; *«чужие грехи пред очами, а свои за плечами»*. Здоровая самокритика, без мазохизма, всегда способствует росту авторитета менеджера: *«лучшие от добрых хулу терпеть, нежели от злых хвалу иметь»*.

7. Влиятельную силу во все времена представляло ближайшее окружение руководителя. Характерно при этом, что последнее могло проводить политику, прямо противоположную линии босса, имея некие собственные взгляды и частные интересы: *«жалует царь, да не жалует псарь»*. Наличие подобных фактов обязано сподвигнуть руководителя на серьезную «кадровую зачистку» штата помощников, чтобы оставшимся и новичкам дальше не повадно было. «Доступ к телу» — не повод проявлять нелояльность и затевать «подковерные игры» и интриги.

8. Приоритет перед другими личностными качествами отдается воле, укрощению гнева, самодисциплине руководителя, умению «держаться в руках»: *«кто не умеет повиноваться, тот не умеет повелевать»*; *«не суйся в волки с собачьим хвостом»*; *«не ищи мудрости, ищи краткости»*; *«молись, а злых дел берегись»*; *«кто свой гнев одолевает, тот успешнее бывает»*. Одновременно ценятся великодушные, честность, скромность, отсутствие «звездной болезни»: *«что было прошло, поминай грешно»*; *«жестокый нрав не будет прав»*; *«всяку ложь к себе приложь»*; *«из-за куста и ворона востра»*; *«скупому душа дешевле гроша»*; *«дай бог тому честь, кто умеет ее снести»*; *«тому и почет огромный, кто скромный»*; *«напала на кошку спесь, не хочет и с печки слезть»*; *«гордым быть, глупым слыть»*; *«на грош амуниции, на рубль амбиции»*; *«самолуб никому не люб»*; *«ищей горшок, да сам большой»*. Требуются также известные гибкость, ловкость, актерские дарования, даже изворотливость: *«начальнику нужны и волчий рот, и лисий хвост»*; *«ты, брат, за дугу, а я уж в телеге сижу»*.

9. Красной нитью проходит мысль об особой личной ответственности руководителя за принятые им решения, неприемлемости попыток «спрятаться за спину» подчиненных, свалить на них груз ошибок и поражений: *«первый в совете, первый в ответе»*; *«нога споткнется, а голове достанется»*; *«худая матка всякому дому»*.

смятка»; «легче стадом ходить, чем стадо водить». Нельзя в руководстве видеть только источник необъятных прав, неограниченной власти и получения удовольствий: *«начальнику — первая чарка и первая палка»; «к желающему власти придут сласти, потом страсти, да в том ему и пропасти»; «у победы сто матерей, а поражение всегда сирота».*

10. Очень диалектично соотношение субъекта и объекта управления. С одной стороны, личность руководителя накладывает неповторимый отпечаток на возглавляемый им коллектив: *«каков поп, таков и приход».* С другой же, имеет место обратное влияние, и колорит управляемой системы запечатлевается в характере деятельности менеджера, его личности: *«в худом городе и Фома дворянин»; «сойдет для сельской местности».*

11. Наиболее рискованным, а вместе с тем и эффективным ресурсом руководителя является его репутация: *«кушанье познается по вкусу, а святость по искусу».* Кроме приятного морального реноме репутация имеет и вполне определенную рыночную стоимость. Отсюда стремление менеджеров любой ценой «сохранить лицо» и соблюсти «честь мундира». Репутационный капитал накапливается десятилетиями, а может быть девальвирован практически мгновенно. Восстановлению же он поддается с огромными издержками, усилиями. Впрочем, результат не может быть гарантирован пока помнят о фактах недостойного поведения: *«черного кобеля не отмоешь добела».*

8. Эффективность управления

Всякая деятельность, в том числе и управленческая, должна иметь смысл. В этом контексте в качестве побудительной причины выступает конечный результат. Именно к его достижению направлены индивидуальные или коллективные усилия. Работа не ради работы, а для осязаемых будущих благ. Особенно это наглядно проявляется в труде хлебороба: подготовка семян, посев, уход и только потом, на финише, уборка урожая.

Применительно к менеджменту интегральной характеристикой эффективности выступает управляемость как свойство системы управления добиваться поставленных целей. Вместе с тем подобный подход не исключает использования и локальных показателей результативности. В качестве таковых могут выступать: экономическая эффективность как превышение доходов над затратами; качество товаров или услуг; гибкость системы управления как способность быстро менять конфигурацию; организационная адаптивность, или приспособляемость, к изменениям внешней среды; социальный локус, рассматриваемый как приоритетная ориентация компании на человеческие, экологические, благотворительные и другие ценности.

Народное творчество не могло оставить без внимания столь важную тему. Крестьянская сметка, находчивость, юмор в расчетах, прогнозах и сегодня способны оказать помощь управленцу при оценке эффективности различных проектов. Наиболее востребованной представляется форма советов.

1. События нельзя ни в коем случае «пускать на самотек», снижать уровень контроля, отвлекаться на посторонние предметы, ибо это немедленно отразится на результатах: *«зачитаешься — в кармане не досчитаешься», «печалиться — хвост замочалится»; «ели, пили, веселились, подсчитали — прослезились»; «гром гремит не из тучи, а из навозной кучи».*

2. Мониторинг рынка, изучение его конъюнктуры позволяют выявлять наиболее рентабельные сегменты, предвидеть падение и активизацию покупательского спроса и реагировать, увеличивая или соответственно снижая объемы производства: *«дорого яичко к Христову дню»; «за морем телушка — полушка, да рубль перевоз»; «ехать за семь верст киселя хлебать»; «золотой ящик купи, да медный грош положи».*

3. Не всегда весомый результат является следствием одной-двух крупных операций или сделок. Чаще, как в японских кружках качества, высокий конечный результат достигается за счет бесчисленного количества относительно мелких транзакций, обладающих кумулятивным эффектом. Особенно это актуально для развитого и высококонкурентного рынка: *«пушинка к пушинке — и выйдет перинка»; «дай за поросенка грош, посади в рожь, он и будет хорош».*

4. Важную роль в современном бизнесе играет оптимальное соотношение центров прибыли и центров затрат, или говоря другими словами, «зарабатывающих» и «потребляющих» подразделений. То же относится к роли в организации фронт- и бэкофисов, т.е. отделов, непосредственно взаимодействующих с клиентами, и вспомогательных, сервисных отделов: *«один с сошкой, а семеро с ложкой».*

5. Рано давать высокую оценку конечному результату только на основе первых обнадеживающих промежуточных итогов. Подобный оптимизм не имеет под собой абсолютно никаких оснований: *«ночная кукушка денную перекуковала»; «хвали сено в стогу»; «дело без конца, что кобыла без хвоста»; «не говори гоп, пока не перепрыгнул»; «цыплят по осени считают»; «крестил поп Иваном, да прозвал народ болваном»; «не те деньги, что у бабушки, а что в пазушке»; «вечер покажет, каков был день».*

6. На итоговые, конечные результаты влияет много как внутренних, так и внешних факторов. Одинаково ошибочно как все «сваливать» на собственные нерасторопность и халатность, так и на невезение, неблагоприятные внешние обстоятельства. Обычно причины носят смешанный характер: *«если бы не бог, кто бы нам помог?»; «неча на зеркало пенять, коли рожа крива»; «сама себя баба бьет, коли нечисто жнет».*

7. Важную роль в обеспечении эффективности играет продуманная политика взаимоотношений с кредиторами и дебиторами: *«я его выручил, а он меня выучил».* Правило «золотой середины» действует и тут: крайности в виде излишней доверчивости и маниакальной подозрительности равно не приемлемы: *«пиши долг на забор: забор упадет и долг пропадет»; «пиши долг на двери, а получать будешь в Твери»; «коли нет души, на чем хочешь пиши».*

8. В современных условиях кредитование является мощным фактором поддержки деловой активности, реализации инновационных и инвестиционных проектов: *«нет дома муки, так попроси у Луки».* Однако высокая «закредитованность» бизнеса, в условиях турбулентности внешней среды, несет чрезмерные риски невозврата основного долга, несвоевременной уплаты процентов. Поэтому доктрина опоры на собственные силы, создание резервов, обеспечение высокой ликвидности как никогда актуальны: *«живем в трудах, в грехах, но на своих ногах»; «как потопашь, так и полопашь»; «каково руки скроят, таково спинка изнасит».* Разумеется, речь не идет о некой самоизоляции в духе идей чучхе.

9. Распространенным стереотипом является суждение априори о более высокой эффективности деятельности молодых сотрудников по сравнению с более зрелыми. В отраслях, где применяется физический труд, это скорее верно, чем нет. В сфере же интеллектуальной деятельности (аудит, консалтинг, педагогика и др.) такое суждение, пожалуй, ошибочно. К тому же следует, наряду с собственно физиологическим возрастом, учитывать и социальный: *«стар — да петух, молод — да протух»; «старый конь борозды не испортит»; «старый ворон не каркнет мимо».* Но ничего нельзя возводить в абсолют: *«вырос, а ума не вынес».*

Эпилог

Вот и закончилась Ваша, уважаемый читатель, краткая экскурсия в мир русского фольклора. Я искренне надеюсь, что она не будет последней, и Вы будете и дальше

искать любую возможность обогатить свой словарный запас за счет народных пословиц и поговорок. Крайне важно это именно для руководителя, поскольку они делают речь сочной, колоритной, доходчивой. Но, пожалуй, более важно то обстоятельство, что подлинно народный язык, нерафинированный, незасоренный заимствованиями, прежде всего англоязычными, позволяет кардинально изменить мышление, ибо «вначале было слово». Кстати, вспомним, как президент США Р. Рейган высоко ценил русские поговорки.

Подоспевший к нам якобы с Запада кризис не является исключительно финансовым, как некоторые это пытаются представить. Это кризис олигархически-воровского капитализма. Это кризис тех ценностей потребительства и стяжательства, которые ныне захватили наше общество, и прежде всего молодежь. Только возвращение к народным истокам, нравственное очищение способны вывести нашу страну на широкую дорогу социального прогресса и общественного благосостояния. И здесь роль национального по духу менеджмента нельзя умалить.

Так как же это — управлять по-русски?!

Во-первых — по совести, справедливо; народ наш издревле известен своим правосудием. Особенно это касается распределения доходов и привилегий.

Во-вторых — не отвергая чувство юмора, ибо меткое словцо испокон веков ценилось в России. А где смех, там и удал молодецкая.

В-третьих — опираясь на мнение людей. Совет с ними, особенно со старейшинами, — важный источник конкретных, а не абстрактных знаний.

В-четвертых — находясь в гуще людей. Быть ближе к массам, не отгораживаясь от них охраной и «мигалками».

В-пятых — бережно относясь к ресурсам, прежде всего природным. Надо изживать психологию временщиков и помнить о том, что мы должны оставить своим детям и внукам.

В-шестых — помня о духовном смысле жизни. Личное благосостояние никогда не являлось на Руси ценностью.

И наконец, в-седьмых — чувствуя ответственность перед людьми. Владение и распоряжение собственностью не должны порождать безнаказанность, чванство и презрение к людям труда.

Только на таких началах и совместными усилиями мы способны навести порядок в собственном доме. И большое подспорье нам в этом — родной язык.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЦИИ

Леонид Ханбеков
(г. Москва)

СВОЙ ВЗГЛЯД
(Первое впечатление)

Думаю, помпезное телешоу «Выбери имя России» (2009), когда среди наиболее почитаемых в народе имен долгое время оставался Сталин, вызвало новый интерес столичных писателей-документалистов к этой исторической фигуре. Станислав Рыбас, Бенедикт Сарнов, Сергей Семанов...

Туляк Алексей Яшин, скажем так, припозднился со своим «Катехизисом идеалиста»*. Но, представляется мне, одиозный сарновский опус «Сталин и писатели» при всей натужной рекламе заранее запрограммирован на университетских филологов. Зацикленные на именах, успешно забытых современной литературной порослью, они напрасно педалируют интерес к ним, связывая с личностью вождя. Увы, не будь этого «соприкосновения», о них и им, мистификаторам литературных судеб, и вспомнить-то было бы нечего.

Перегруженный широко известными и многократно препарированными отечественными и западными биографами рыбасовский труд, нет никакого сомнения, попадет, если не попал еще, в руки историков-талмудистов, тех, кто с разной степенью успеха ищет себя в изданиях его Биографического института и среди соискателей премии этого института. Исполать им!

Острополемичен, как всегда, Сергей Семанов. Из года в год едва ли не каждой своей работой он вызывает споры, дискуссии, столкновение мнений.

Но наибольший интерес, пусть и не сразу, не с первого захода, убежден, вызовет роман Алексея Яшина «Катехизис идеалиста» (Тула, библиотека журнала «Приокские зори», 2010) — роман-размышление, роман-исповедь. И вот почему: Яшин попытался в своем романе не говорить за Сталина, не описывать вождя с той или иной степенью достоверности или явного художественного вымысла, а предоставить слово ему самому.

И о толковании большевиками и меньшевиками теории Маркса об успешности перехода к социализму только в результате мировой революции, и о победе его, социализма, в отдельно взятой стране или группе стран; и об отношении к НЭПу; и о

* Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2010. — 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны; и о всех перипетиях с попыткой империализма задушить республику Советов экономически; и о партийном строительстве; и о войне; и о соратниках, на которых, оказалось, невозможно оставить страну...

Смело? Но это исповедь не перед заезжими или доморощенными писаками, видевшими в нем, Сталине, властелина одной шестой планеты, вождя, решавшего судьбы народов и государств, а перед собой, человеком, прожившим большую и трудную жизнь, состарившимся и размышляющим: а во имя чего все, что было свершено? А кому можно вручить страну?

А, скажем, совершенно неожиданные размышления вождя об истинном зле, которое обрушили на послереволюционную Россию, будущий СССР, троцкисты во главе с Лейбой?

Не знаю, «додумывает» романист за своего героя или открывает нам, неучам и лентяям, доподлинный факт, но он, этот факт, — в характере героя, в логике его умозаключений, сопоставлений, действий.

«Куда ни кинь взгляд в истории — нынешней, прошлой и даже будущей, — всюду натыкаешься на сплетенные Иудушкой научьи сети, — размышляет его Сталин в одну из ночей, лежа в недомогании на даче. — Вот и с русскими философами, особенно космистами. Ведь именно он, паскуда, уговорил уже больного и не совсем понимающего в реалиях политической жизни Ильича организовать «философский паролод». Грех некоторый на мне, не до философов было, текучка заела, тоже согласился тогда. Дескать, попутчиков малонадежных с возу — кобыле легче.

А вот еще в конце тридцатых и в конце сороковых все чаще стал вспоминать о том паролоде. Ведь если двое из оставшихся в стране, да и то не из «громких» имен, так сказать, младшего поколения, — Циолковский и Вернадский — так много нам пользы принесли? Да-да, практической и научной пользы, не пустопорожнего разглазгольствования. Константин Эдуардович, будь он в двадцатые-тридцатые помоложе и не потеряй слух, да отбрось свою провинциальную скромность, будь настойчивее, боевитее, так опередил бы самого Вернера фон Брауна. И не немцы бы Лондон и Ковентри своими «фау» забрасывали, а мы — Берлин, Гамбург и Киль. (...)

...Не вышли Иудушка из страны цвет нашей философской, общественной, естественнонаучной мысли, так сейчас бы не пришлось содержать на повышенном жалованье эту орду бездельников, карьеристов и — подозреваю — скрытых троцкистов, угодливых, лицемерных, держащих кукиш в кармане. Презент, Деборин, Берг... По-фински прямолинейный Куусинен, хотя Отто Вильгельмович и хороший человек.

А наши философы, останься они в СССР, презирая в душе троцкистских выкормышей и дельцов от общественной и иной науки, составили бы здоровую, патристическую альтернативу марксизму. Не враждующую, — а как это у западников говорят? — конструктивную альтернативу. В конце концов и наш кондовый марксизм ума бы набрался у наших философов, и они бы «подтянулись» к диалектике. В итоге к сегодняшнему дню мы бы впервые в истории России-СССР имели бы философскую, естественно-философскую научно-практическую школу мирового уровня. Конечно, марксизм-ленинизм — самое передовое учение на планете, но... несколько однобокое.»

И вот это категорическое: «Уважаю работающих, мыслящих и не лебезящих перед властью людей».

Эту черту вождя в беседах со мной подчеркивал маршал Конев. Слышал я ее и из других уст — людей, кто не раз беседовал с вождем.

Порой трудно отличить, где заканчиваются размышления автора о текущем неостановимом времени, политической или экономической, военной и житейской ситуации, и начинается «мозговая атака» самого героя в связи с каким-то общественным явлением или событием в СССР, в Европе, в Америке, в связи с обнародованием про-

граммы того или иного правительства или установки его лидера, но это всегда продолжение «катехизиса идеалиста», который подобно капитану огромного лайнера вел страну через рифы неведомого, ориентируясь на свет ему одному ведомого маяка.

«Сложно сейчас фантазировать на тему: каким образом свершится в двадцать первом — двадцать втором веках этот всеобщий переход к единому мировому социальному государству,— размышляет герой романа.— Но вот как произойдет (не дай бог!) контрреволюция в СССР, как страна на достаточно длительное время уподобится Франции Луи-Филиппа после Ватерлоо — здесь ломать голову нечего.

Да и противники наши не скрывают методов разрушения СССР: не раз и не два перечитывал декларативные доктрину Алена Даллеса и директиву Совета национальной безопасности США. Хм-м, Лаврентий очень гордился: эти тексты сорок пятого и сорок восьмого года легли ему на стол еще до того, как с ними ознакомилось руководство США и сам президент. Умеем, если захотим, а хотим мы многого, — но все исключительно на благо страны.

Самое ужасное, или паскудное, скорее, состоит в том, что без железной руки, врагов, в том числе потенциальных, карающей, но преданных людей привечающей, к власти в стране подберется всякий сброд, который и упустит эту власть, прямо в руки врагу ее отдаст за понюшку махорки. Да им поможет это сделать и возвращенная врагом легальная агентура; она как плесневый грибок мигом наплодится.

Но главную роль, увы, сыграет сам наш народ. Даже не сам народ, а опосредованно через него вмиг возрожденный, доселе глубоко нами упрямый, но возрожденный предателями при власти биологический атавизм — инстинкт частнособственничества. Против биологического инстинкта сложно устоять, если ему злонамеренно дают полную свободу. И он захлестнет всю страну с такой ужасающей быстротой и размахом, так заполнит души и головы до этого бескорыстных бывших советских людей, что даже насквозь торгашеский, частнособственнический Запад... да и Восток с ужасом и отвращением будет взирать на трагедию духа и воли 1/6 части земной суши».

Размышления героя и автора звучат в унисон, они порой абсолютно сливаются в своей лексической и эмоциональной окраске, в самом течении и аргументировании мысли.

Ну и кому от этого плохо?

«Науки юношей питают...» Жаль, что нынешнее педагогическое и библиотечное сословие очень быстро освоило закон рынка и подчинилось нахрапу рекламы. Очень не уверен в том, что, познакомясь первыми, как должно, оно станет рекомендовать подрастающему поколению, стремительно разучивающемуся читать и переходящему на интернет-общение, хотя бы попробовать осмыслить что-то из нашей недавней истории, когда мы в массе своей гордились своей страной и ее созидательной поступью, а не прикидывали, как бы поскорее улизнуть на Запад.

Алексей Третьяков
(г. Тула)

КОМПЛЕКС ВИНЫ И АУТОПСИХОАНАЛИЗ ХУДОЖНИКА. ПРИМЕР НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА

Термин «бессознательное» (подсознательное, надсознательное...) введен был в широкую практику Фрейдом и его школой. Но суть, как понятно, не в терминологии, ибо явление неосознаваемой памяти замечено и осознано давно, едва ли не с тех пор, как человек стал догадываться о сложном характере своих чувствований. Общеизвестное и общепонятное фразеологическое выражение «засесть в печенке» и есть более ранний терминологический инвариант понятия бессознательного. Из истории русской литературы можно привести очень известный и весьма иллюстративный пример, показывающий как порой долго по времени и душевно болезненно происходит процесс вытеснения, своего рода аутопсихоаналитический сеанс длительностью почти в жизнь, причем вытеснение совершается через художественное самовыражение. Речь пойдет о много нашумевшей в начале 60-х годов прошлого века истории, случившейся с молодым еще тогда знаменитым писателем Николаем Семеновичем Лесковым, и повлекшая за собою несколько десятилетий негативного к нему отношению русской литературной общественности и едва не погубивший его талант непризнанием и ostracismом. История эта обстоятельно рассказана в воспоминаниях сына писателя.

28 мая 1862 года в Петербурге, в праздник «духова дня» при невыясненных обстоятельствах* загорелись два крупнейших рынка: Апраксин и Щукин дворы, пожар угрожает всей центральной части города. По доброму русскому обычаю, еще не потушив пожаров, уличные толки начинают доискиваться поджигателей, склоняясь что-де это поляки, либо «те, что в мягких шляпах, очках, да пледах ходят», то есть студенты, нигилисты.

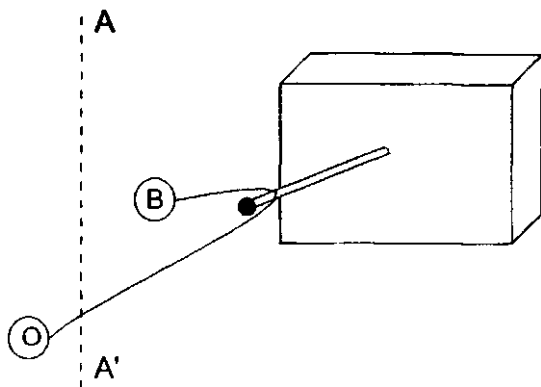
Непонятно почему, но солидная «Северная пчела» поручила написать передовицу по столь шекотливому делу молодому, горячему на слова и догадки Лескову. Передовица же получилась столь ожесточенной в своих обвинениях «политических демагогов» (читай: передовой интеллигенции, студенчества, нигилистов, вообще всех лиц с демократическим уклоном мышления), что даже Александр II впал в гнев и написал, прочитав газету: «Не следовало пропускать...».

Очень скоро, если не тотчас же, Лесков понял всю непоправимость случившегося, свою горячность и невыдержанность, черты характера, много попортившие ему в жизни. «Личные *«терзательства»* Лескова были беспредельны. Они *«засели»* у него *«в печенках»* на всю жизнь. Он положительно трепетал всегда при воспоминании о них. Это была незаживляемая, неослабно кровоточащая рана. Она была тем больнее, чем упорно почиталась им незаслуженной».

Перед нами пример глубоко засевшего в подсознании чувства вины и одновременно с этим — чувства несправедливости по отношению к нему. Причем это именно тот случай, когда полярные чувства вины и обиды, относящиеся к одному и тому же фактическому событию в жизни, стократ усиливают процесс торможения при по-

* Вполне понятно, что это была одна из махинаций, распространенных в купеческой среде.

пытках вытеснения. Действительно, как пишет сын писателя, слишком часто Лескову напоминали об этом, слишком часто он сам вспоминал, каждый раз при этом включалась активная память и мышление, но вытеснения не происходило. Такой случай трудности полного вытеснения полярных однофактных ассоциаций лучше всего иллюстрируется мимеографической моделью.

Представим, что на гвоздь, вбитый в стену, перекинута бечевка, к концам которой прикреплены два шарика: «В» и «О», длина нити такова, что за некую линию AA' можно вытянуть только один шарик, второй при этом всегда будет за линией. Если предположить, что пространство вправо от AA' есть область подсознательного, влево от AA' — активного сознания, В и О, соответственно комплексы однофактовой вины и обиды, а гвоздь в стене фиксация однофактовости, то получим модель описанного выше механизма возвратного вытеснения. В такой ситуации в процессе накопления числа циклов возвратного вытеснения энергетическая база подсознательной памяти соответственно уменьшается и в конце концов становится столь незначительно малой, что практически может считаться вытесненной. На модели это иллюстрируется растяжением постоянно и долгое время напряженной нити до состояния, когда оба шарика могут одновременно быть вытянутыми на линию AA'! (не исключен и случай полного вытягивания — обрыв нити, например, в результате сильного психического шока).

Два фактора, воздействуя одновременно, приближают момент почти полного вытеснения: психоаналитические откровения и время.

В случае с Лесковым психоаналитические откровения приняли весьма эффективную форму: творческое самовыражение. Действительно, уже через 20 лет после «поджигательной» передовой он пишет очерк «Обнищеванцы», где ничто не предвещает, ни сюжетом, ни тактической направленностью, что *«рассказ коснется в своем развитии уже хорошо забытых событий. Но Лескову забыть их не по силам. Может быть, и не без натяжки, не упускается случай осветить — был ли поджог, кого больше всех он обездолил и чьим интересам отвечал»*.

Ну, а время? Ведь говорят, что время лучшее лекарство для больной воспоминаниями памяти. Так оно и есть. В случаях же более простых психических травм (одна обида или одна вина, и пр.) одно лишь время может привести к полному вытеснению. Каждый это знает по себе, когда и огромное горе, и сильная обида, и гнев через сколько-то или вообще забывались, или вспоминались вполне равнодушно... и не снились зловещие сны на эти темы, тем самым доказывая, что вытеснение свершилось.

КРАЕВЕДЕНИЕ: ТОПОНИМИКА С «ТУЛЬСКИМИ КОРНЯМИ»

Николай Макаров
(г. Тула)

ИМЕНА ТУЛЯКОВ НА КАРТЕ МИРА

Русские географы-первооткрыватели внесли большой вклад в познание поверхности земного шара. Они исследовали не только территорию нашей Родины, но открыли человечеству Монголию, Тибет, Западный Китай, западное тихоокеанское побережье Северной Америки, неизвестные части Новой Гвинеи, часть внутренней Африки и внутренней Южной Америки, многочисленные острова в Тихом и Северном Ледовитом океанах и первыми увидели берега Антарктиды.

Маленькая толика открытых островов, заливов, хребтов и так далее названа именами первооткрывателей, названа или самими первооткрывателями, или их последователями.

На суд читателя представлены краткие биографии наших земляков-первопроходцев, чьи имена увековечены в различных географических названиях на карте мира.

КРЕМЕР Борис Александрович

Родился 18.03.1908 в городе Щекино Тульской губернии — умер 13.01.1976 в Москве. Полярник.

Из семьи учителей. Рано осиротел, работал подсобным рабочим на шахтах и заводах.

С 1932 года — метеоролог. После двухлетней зимовки на архипелаге Северная Земля (1935—1937) выдвинулся в число ведущих полярников и руководил полярными станциями на Земле Франца-Иосифа, Северной Земле, Чукотке, Таймыре (мыс Челюскин) и др.

После 1950 года — в аппарате Главсевморпути. Автор многочисленных статей по истории исследования Арктики.

Имя Кремера присвоено мысу на одном из островов архипелага Северная Земля.

Жена Кремера Наталья Валентиновна, выполняя завещание мужа, в августе 1976 года на самолете ледовой разведки доставила на Северную Землю урну с прахом Бориса Александровича.

На доске, прикрепленной к глыбе серого порфирового гранита выгравирована

надпись о том, что здесь, на Северной Земле, покоится исследователь Арктики почетный полярник Борис Александрович Кремер, родившийся 18 марта 1908 года и скончавшийся 13 января 1976 года. А чуть ниже — еще одна короткая строчка, вобравшая в себя целую человеческую жизнь: «БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ!».

ЛАПТЕВ Дмитрий Яковлевич

Родился в 1701 году — умер в 1767 году. Русский мореплаватель, вице-адмирал (1762).

В 1718 году начал службу в российском военноморском флоте. В 1721 году служил на кораблях «Святая Екатерина» и «Москва». С 1725 по 1730 год командовал шнявкой «Фаворитка», фрегатом «Святой Яков», пакетботом «Флигель-де-Фам». В 1730 году участвовал в строительстве причалов Кронштадтской военной гавани. В 1732 году служил на фрегате «Россия». С 1736 по 1742 год руководил одним из северных отрядов Великой Северной экспедиции.

Командуя ботом «Иркутск», в 1738 году спустился из Якутска по Лене и достиг устья Индигирки. Когда море замерзло, судно пришлось оставить и перебраться на зимовку в селение «Русское жило», в 150 километрах вверх по реке, где Лаптев описал реку Хрому. В 1740 году он получил предписание продолжать описание берега, и, если возможно, обойти водой Якутский нос. Он определил положение реки Колымы, но у Каменного мыса льды заставили экспедицию вернуться и зимовать у Нижне-Колымска. Летом 1741 года Лаптев сделал еще две безуспешные попытки пройти морем далее на восток. Летом 1742 года произвел первую опись реки Анадырь.

С 1742 по 1762 год служил на Балтийском флоте. С 1745 по 1750 год — советник в Экспедиции над верфями и строениями. С 1750 года командовал кораблями «Иоанн Златоуст 1», «Святой Николай» и «Иоанн Златоуст 2». С 1757 года командовал Кронштадтской эскадрой.

Именем Дмитрия Лаптева назван пролив между материком и Новосибирскими островами.

ЛАПТЕВ Харитон Прокофьевич

Родился в 1700 году — умер в 1763 году. Русский мореплаватель, капитан 1-го ранга.

В 1737 году назначен в Большую Северную экспедицию, описавшую и снявшую впервые берег Северного Ледовитого океана от Белого моря до реки Колымы. В 1739 году Лаптев производя опись берега, зазимовал в Хатангской губе. В 1740 году он отправился далее на запад, но льдами раздавило судно, и экспедиции пришлось по льду добираться до берега в прошлогоднее зимовье. Ввиду неудачных попыток обогнуть морем Таймырский полуостров, Лаптев решил описать его берега

сухим путем, передвигаясь на собаках. Для этого были снаряжены три экспедиции; сам Лаптев описал часть берега от устья реки Таймыры к востоку и западу. В 1742 году ездил еще раз в устье Таймыры, но за недостатком провианта вернулся в Туруханск и оттуда с отчетом уехал в Санкт-Петербург.

На полуострове Таймыр именем Харитона Лаптева названы берег и мыс. Именем братьев Лаптевых названо море в Северном Ледовитом океане.

ПРОНЧИЩЕВ Василий Васильевич

Родился в 1702 году — умер 29.08.1736 в районе устья реки Оленек, Якутия. Флота лейтенант, полярный мореплаватель, участник Великой Северной экспедиции 18-го века.

Из калужско-тульских дворян. Родовые имения его отца находились в селе Богимово (в 12 километрах от Алексина, ныне Калужской области), в деревнях Крутое, Кобылино, Липяги (недалеко от Ефремова). Окончил Московскую навигацонную школу (1718) и Морскую академию в Санкт-Петербурге (1724). В 1733 году включен в состав 2-й Камчатской экспедиции В.Беринга и назначен командиром отряда, которому поручалось

пройти на дубель-шлюпе «Якутск» из Якутска в устье Енисея, обогнуть неведомый тогда Таймыр, нанести берега на карту, изучить условия плавания (глубины, ледовитость, течения, ветры и т. д.). Вместе с Прончищевым в экспедицию отправилась его вторая жена Мария Федоровна. В 1735—36 годах отряд Прончищева обследовал и нанес на карту нижнее течение Лены до устья, а после зимовки в устье реки Оленек — восточный берег Таймыра, открытые острова Преображения, Петра, Павла, Андрея, Фаддея и другие. По возвращении к Оленекскому заливу из-за невозможности организовать зимовку, Прончищев, а через две недели и его жена скончались. Похоронены на мысе Тумуль в устье реки Оленек.

Именем В. Прончищева названы берег, мыс и озеро на Таймыре, горный кряж между реками Оленек и Анабар. В Якутске сооружен памятник супругам. Их имена носят морские суда.

ПРОНЧИЩЕВА (урожд. Кондырева) Мария Федоровна

Родилась в 1713 году в селе Березово Алексинского уезда (ныне Тульской области — умерла 12.09.1736 в районе устья реки Оленек, Якутия. Первая полярная путешественница, участница Великой Северной экспедиции 18-го века.

Из алексинских дворян. Детство и юность провела в Березове и Кронштадте, где служил ее отец. После смерти первой жены Татьяны Федоровны Прончищев женился на Марии Федоровне сестре Татьяны.

В 1735—36 годах Мария приняла участие в плавании дубель-шлюпа «Якутск» к берегам Таймыра. Шлюпом

командовал В. В. Прончищев. Умерла в экспедиции вскоре после мужа.

Именем Марии Прончищевой названа бухта на восточном побережье полуострова Таймыр, открытой в 1739 году Х.Лаптевым и получившей название во время Экспедиции Северного Ледовитого океана 1910—15 годов.

СКУРАТОВ Алексей Иванович

Родился в 1709 году — дата смерти неизвестна. Полярный мореплаватель, участник Великой Северной экспедиции 18 века.

Из тульских дворян, владевших селом Журавино Чернского уезда (ныне Скуратово Чернского района Тульской области). По окончании Морской академии был оставлен в ней преподавателем. Совершенствовался в науках во Франции. В 1735 году направлен в Архангельск командиром бота, входившего в архангельский отряд Великой Северной экспедиции. Отряду поручалось пройти со съемкой в устье Оби вокруг полуострова Ямал. Задача была выполнена за

2 года, с одной зимовкой в пути. Обратный путь также занял 2 года. Результатом плавания стала карта западной части Северного Ледовитого океана, составленная Скуратовым. После экспедиции служил на Балтийском флоте.

В 1752 году вышел в отставку капитаном 2-го ранга, после чего жил в селе Журавино, где на свои средства построил церковь

Именем Скуратова назван мыс на северном берегу Ямала. Его имя неоднократно присваивалось морским судам.

ЧЕЛЮСКИН Семен Иванович

Родился в 1707 году — умер в ноябре 1764 года в селе Мишина Поляна Белевского уезда (ныне Арсеньевского района Тульской области). Полярный исследователь, мореплаватель и землепроходец, участник Великой Северной экспедиции 18 века.

Из тульско-калужских дворян. Родовое имение — село Мишина Поляна. По окончании Московской навигацонной школы служил на кораблях Балтийского флота. В 1733 году назначен в Якутск штурманом дубель-шлюпа «Якутск» Великой Северной экспедиции. Участвовал в плаваниях к берегам Таймыра под командованием В. В. Прончищева, а после его смерти —

Х. П. Лаптева. После гибели судна в 1740 году вел съемку Таймыра по суши во главе санной партии. 9.05.1742 первым достиг северной оконечности Евразии и нанес на карту мыс, названный впоследствии его именем. После окончания экспедиции служил на кораблях Балтийского флота.

В 1756 году вышел в отставку капитаном 3-го ранга. Последние годы жизни провел в селе Мишина Поляна.

Именем Челюскина назван мыс северной оконечности Азии, на полуострове Таймыр; остров в Таймырском заливе и остров в Карском море, в устье реки Пясины. Именем первопроходца неоднократно назывались морские суда, в том числе ледокольный пароход «Челюскин», погибший во льдах Арктики в 1934 году.

ЧИРИКОВ Алексей Ильич

Родился 13.12.1703 — умер в 1748 году в Москве. Русский мореплаватель, первооткрыватель Северо-Западной Америки, капитан-командор.

Из тульских дворян. Родовое имение — село Аверкиевское Тульского уезда. В 1722 году окончил Морскую академию и оставлен в ней преподавателем. В конце 1724 года назначен Петром I заместителем Беринга в 1-ю Камчатскую экспедицию. В 1728—29 годах совершил вместе с Берингом плавание на боте «Св. Гавриил» для поиска пролива между Азией и Америкой. В 1733 году вновь направлен на Тихий океан заместителем Беринга во 2-ой Камчатской экспедиции и командиром

пакетбота «Св. Павел». В плавании 1741 года суда «Св. Петр» Беринга и «Св. Павел» Чирикова потеряли друг друга в тумане и вели поиск берегов Америки самостоятельно. 15.07.1741 «Св. Павел» Чирикова первым достиг берега Америки и прошел вдоль берегов более 400 километров. На обратном пути к Камчатке Чириков открыл ряд островов из группы Алеутских. Летом 1742 года отправился на поиски судна Беринга, но не нашел его (остатки команды «Св. Петра» вернулись на Камчатку после зимовки на острове, названным именем Беринга). По окончании экспедиции Чириков выполнил большую работу по обработке ее материалов и созданию карт.

Именем Чирикова названы остров около Аляски (открытый в 1941 году В. Берингом, знаменитым русским мореплавателем 18-го века, и названный английским путешественником Г. Ванкувером); мыс и мели у входа в Тауйскую губу в Охотском море; мыс на побережье Анадырского залива (открытый и названный в 1828 году Ф. П. Литке (знаменитый кругосветный и арктический мореплаватель 19-го века, один из основателей и вице-президент Русского Географического общества, президент Академии наук); мыс на архипелаге Александра и подводная гряда в Тихом океане; мыс на острове Атту в системе Алеутских островов (открытый А. И. Чириковым в 1942 году); гора на архипелаге Шпицберген.

Именем Чирикова неоднократно назывались морские суда.

Вячеслав Горчаков

(г. Тула)

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ ТУЛЬСКИХ КОРНЕЙ

Горчаков Вячеслав Владимирович, родился в 1951 году в Туле. Окончил Тульский политехнический институт (1973), аспирантуру Московского инженерно-строительного института (1978), Школу управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1990). Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств (2009). В профессиональной деятельности прошел путь от инженера-конструктора до директора архитектурно-проектного объединения. Для конструкторской и проектной работы в наибольшей степени характерна творческая переработка и взаимная увязка огромных массивов разнородной информации, очистка ее от «информационного мусора», получение нового качества, нацеленного на материальное воплощение. Этот опыт и энциклопедические знания стали основой исследовательских и просветительских достижений В. В. Горчакова. Он умеет блестяще излагать факты и мысли максимально лаконично и доступно для целей усвоения, генерации новых идей и принятия эффективных решений. Он квалифицированно редактирует тексты, переводит научные и бюрократические премудрости на доступный русский язык. Его отношение к информации как к бесценному капиталу, к объекту коллекционирования и к источнику вдохновения неизменно приводит к аргументированным результатам. Его информационные коллекции последовательно превращаются в базы данных по историческому наследию, по загадкам науки, по конфликтологии, наноэнергетике и пр. Автор многочисленных работ и публикаций. Участник международных конгрессов. В последнее время успешно работает в своем домашнем «офисе» над решением прикладных проблем фундаментальной информологии на стыках естественных наук. Готовит к печати второе дополненное издание монографии по древнейшей истории тульской земли.*

Версии происхождения имени города Тула

Укромность северных земель вятичей нашла свое отражение в названии одного из древнейших городов — Тулы, притулившегося на речке Тулица в тульских лесных засеках. По одной из версий название города произошло от имени реки Тулица. Эта река и ее приток Синетулица сохранились до настоящего времени в междуречье Оки и Упы. В древнерусском языке есть слово «тулиться» в значениях скрываться, делаться незаметным.

По другой версии названия Тула и Тулица могут происходить от легендарной страны «Тулия» и являться отголосками древнейшей наследственной памяти индоевропейцев о скрытом месте пребывания родовых реликвий предков. В сочетании с

* Подробности см. на сайте of1997.yandex.ru.

располагавшимся поблизости Дедославлем (вечевая столица вятичей) эта версия кажется достойной внимания и исследований.

Третья, авторская, версия происхождения названий тульских рек и имени современного города может быть связана с именем древнего племени «атулов (аотулов)», упомянутого древним германским историком Иорданом в списке племен, воевавших с готами на землях современной Центральной России в середине IV века*.

Эта версия вполне имеет право на существование, если учесть, что на месте современной Тулы люди живут более восьми тысяч лет. Шестым тысячелетием до нашей эры датировано древнейшее поселение «Упа-4». Это открытие было сделано экспедицией Т. В. Наумовой в 1994 году.

Связь Тулы с мировой историей и мифологией

В античной мифологии описан материк Гиперборея — прародина всего человечества. Одна из его оконечностей называлась Тулой и Тулией. Тула (в латинском языке Tule) — в древности, сказочная страна, расположенная на северных островах. А на Кольском полуострове до сих пор есть большая река Тулома, впадающая в Кольский залив Баренцева моря. Возможно, именно эти совпадения подсказывают место расположения легендарной Гипербореи.

Гиперборея — место рождения некоторых греческих богов (Аполлон и Артемида — дети Зевса от его первой жены титаниды и гиперборейки Лето). Древние авторы утверждали, что Аполлон Гиперборейский периодически посещал свою родину — Гиперборею на лебединой колеснице. А гиперборейцы часто приезжали в Элладу с дарами Аполлону.

Налицо косвенное свидетельство того, что легендарный северный народ гиперборей, потоками переселяясь в теплые края при катастрофическом изменении климата, мог проходить по нашим землям одним из потоков и дать имя скрытому и заветному месту, на котором потом и возник город Тула.

Интересная легенда может получиться, если связать тульскую речку Олень с именем Олен, которое носил первый греческий жрец храма Аполлона в Дельфах, уроженец Гипербореи. Таким образом дополнится сочинение античного историка II века н.э. Павсания, автора знаменитого труда «Описание Эллады». Кстати, Дельфийские Игры — это Всемирная Культурная Олимпиада.

В первой части «Фауста» Гете есть баллада «Тульский король». В точном соответствии с немецким оригиналом так перевел Афанасий Фет. Но в его переводе это не издавалось с конца XIX века. А в десятке других переводов баллада называется «Фульский король». Это несправедливо.

Известно также, что в 48 списках жизнеописаний Кирилла и Мефодия, упоминается встреча в Хазарском каганате будущего отца кириллицы с язычниками — древопоклонниками, названными там «тульским народом».

Информационная наследственность

Древнерусский и современный русский язык сохранили достаточно большое количество слов, имеющих общие корни с именем города Тулы. Коллекцию таких слов можно назвать *туликой*. Таким образом, возникает термин ТУЛИКА как свод понятий, названий и имен, включающих в себя звукосочетание «тул».

Втулка — деталь с отверстием для вложения в него другой детали.

Ситула (лат. *situla*) — металлический, обычно бронзовый сосуд в форме ведра, иногда богато украшенный. Характерен для культур раннего железного века.

Титул (от лат. *titulus*) — надпись, почетное звание.

* Шамбаров В. Е. Русь: дорога из глубин тысячелетий. М: Эксмо: Алгоритм, 2009, с. 223.

Тул — вместилище стрел, колчан.

Тулий — (лат. Thulium), Tm, химический элемент, относится к лантаноидам. Название от греч. Thule — Туле.

Тулит — минерал, редкой ярко-розовой красоты ювелирный и поделочный камень. В его химическом составе есть соединения кальция, кремния и алюминия, а также множество редкоземельных элементов. Впервые был найден в Норвегии. Латинское название получил от имени легендарной северной страны Туле. Кроме Норвегии промышленные месторождения тулита есть в соседних странах, а также в Швейцарии, Бразилии, Зимбабве, Танзании, в США и в Австралии.

Тулить — выгибать, делать по желанию вогнутость или выпуклость;

Тулия — трубка у наконечника копья для насаживания на черенок (а также у вил, грабель и лопат);

Туловище — средняя часть тела с изгибами форм во всех направлениях;

Тулумбаз — небольшой бубен;

Тулумбас — музыкальный инструмент, а также удар в голову;

Тулуп — защищающая от холода повседневная шуба без талии;

Тулупан — птица;

Тульник — изготовитель стрел;

Тулья — защищающая голову верхушка головного убора;

Стул — место для удобного сидения.

Постулат (лат. postulatum) — требуемое, необходимое, основополагаемое.

Это может быть еще одним доказательством существования явления информационной наследственности у народа через его исторический язык.

Однако, достоинство и патриотизм миротворцев многократно возрастают от дополнительной информации мирового масштаба.

Особенно интересна коллекция этнических названий и понятий с корнем «тул».

Картули — грузинский народный парный танец. Известен также под названием лезгинка. Картулярии (от лат. charta — грамота) — сборники копий грамот, которыми в средневековой Западной Европе в VII—XIV веках юридически оформлялись земельные дарения, преимущественно в пользу церкви.

Мутул (лат. mutulus) — плоский наклонный выступ под выносной плитой карниза в дорическом ордере.

Портулак (Portulaca) — семейство сочных растений. Свыше 100 видов, в тропиках и субтропиках.

Рутулы — древний коренной народ I тысячелетия до н. э., южные соседи этрусков. На их землях был построен Рим.

Рутульцы — народ в современном Дагестане и Азербайджане, 20 тыс. чел. (1992). Язык — рутульский.

Сфатул цэрий (Совет края) — орган государственной власти Бессарабии (Кишинев) в 1917—1918 гг. Провозгласил присоединение Бессарабии к Румынии.

Тула — столица империи индейцев-тольтеков в Центральной Америке.

Туле — археологическая культура эскимосов (X—XVII вв.) на берегах Берингова пролива, в Канаде и Гренландии.

Туле (Фуле) (Thule) — согласно античным географам, остров и легендарная страна в шести днях плавания к северу от Британии. С легкой руки греческого астронома и мореплавателя Пифея с трехсотого года до н.э. в течение 1500 лет название Туле присутствовало на всех северных картах мира.

Тулия — совет родовой знати в Хеттском царстве (XVIII — XII века до н.э.). Хетты сохраняли многие обычаи своих индоевропейских предков — собрание свободных (панкус) и совет родовой знати (тулия), которые осуществляли важнейшие государственные функции и существенно ограничивали царскую власть.

Тулия — легендарная страна, остров и большой город на нем с тем же названием, часть Гипербореи. Источник — древний арабский философ Аль-Кинди.

Тулу — народ в Индии, главным образом на западе шт. Тамилнад. 1,9 млн. человек (1992). Язык дравидийской семьи. Верующие — индуисты.

Тулуниды — династия в Египте в 868-905 годах. Основатель — наместник Аббасидов в Египте Ахмед ибн Тулун. Одержали ряд побед над византийцами. В 878 г. тулуниды себе подчинили Сирию. При тулунидах Египет стал фактически независимым от Аббасидов.

По всему миру можно найти географические названия с родной для туляков фонемой «тул».

Города и населенные пункты: Тула (в Кении, Мексике, Северной Америке и во Франции), Тулак (Афганистан), Тулансинго (Мексика), Тулгеш (Румыния), Тулгэн-Хайран (Монголия), Тулепле (Кот-де-Ивуар), Тулиара (Мадагаскар), Тулишкув (Польша), Тулия (США), Тулуа (Колумбия), Туле (западное побережье Гренландии), Тулон (Франция), Тулунгагунг — (о. Ява), Тулуза (Франция), Тулун (Иран), Тулча (Румыния), Туль (Франция, Узбекистан), Тульговичи (Белоруссия), Тулькан (Эквадор), Тулькарм — (Палестина), Тульчин (Украина).

Реки: Тула (Россия, Западная Сибирь), Тулангбаванг — (о. Суматра), Тулва (Пермский край), Тули (Зимбабве), Тулома (Россия, Кольский п-ов), Тулон (север Канады), Тулша (Ярославская область).

Озера: Туларе (Калифорния, США).

Горы: Туларе (Калифорния, США), Тулвинская возвышенность (Пермский край), Тулу-Уолель (Эфиопия).

В России несметное количество созвучных населенных пунктов: Тулень (Красноярский край), Тулун и Тулюшка (Иркутская область), Тулянский (Орловская область), Тульчино (Московская область), Туличево и Тулуговщина (Брянская область), Тулучеевка и Тулучеево (Воронежская область), Тулово (Тверская область); Тулаи, Тулино, Тулубьево, Тульцево (Псковская область), Тулебля и Тулитово (Новгородская область); Тулгуба, Тулокса, Тулос, Тулосозеро (Карелия), Тулома (Мурманская область); Тулма, Тулубьево (Архангельская область); Тулага, Тулажка (Нижегородская область); две Тулиновки (Тамбовская область); Тульское, Туляны (Липецкая область); Тулянка (Белгородская область), Тульский (Краснодарский край), Тулайково и Тульский (Саратовская область), Тулыба (Пензенская область), Тулпан, Тулумбасы (Пермский край); Тула, Тулинский (Новосибирская область); Тулуяс (Кемеровская область), Тулата (Алтайский край), Тулдун (Бурятия); Тулутай, Тулхутуй (Читинская область); Тулуна, Тулагы-Кильдем (Якутия); Тулинское, Тулучи (Хабаровский край); Тулизма (Дагестан).

Есть и известные личные имена, ласкающие слух туляков:

Катулл (Catullus) Гай Валерий (ок.87 — ок.54 до н. э.) — римский поэт.

Лентулов Аристарх Васильевич (1882—1943) — российский живописец.

Матулис Юозас Юозович (1899—1993) — литовский физикохимик, академик, Герой Социалистического Труда (1965). Основные труды по фотохимии, электрохимии, электроосаждению металлов.

Марк Туллий Цицерон (106—43 до н.э.) — римский политический деятель.

Сервий Туллий (Servius Tullius) — шестой царь Древнего Рима в 578—534/533 до н. э.

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (II—III вв. н.э.) — карфагенский богослов и философ эпохи римских императоров Септимия Севера и Каракаллы.

Тула (наст. фамилия Тулаходжаев) Тураб (1918—1990) — узбекский писатель, народный писатель Узбекистана.

Тулайков Николай Максимович (1875—1938) — российский агроном и почвовед, академик АН СССР (1932).

Туле (Toulet) Поль-Жан (1867—1920) — французский поэт.

Тулебаев Мукан Тулебаевич (1913—60) — казахский композитор, народный артист СССР.

Тулегенова Бибигуль Ахметовна (р. 1929) — казахская певица (лирико-колоратурное сопрано), народная артистка СССР (1967).

Тулеев Аман-гельды Молдагазыевич (Аман Гумирович) — российский государственный деятель. Губернатор Кемеровской области.

Тулепбаев Байдабек Ахмедович (р. 1921) — казахский историк, академик АН Казахстана (1975), член-корреспондент РАН (1991; член-корреспондент АН СССР с 1981). Труды по истории аграрных отношений в Средней Азии и Казахстане.

Туликов Серафим Сергеевич (р. 1914) — российский композитор, народный артист СССР (1984).

Тулл Гостилий (лат. Tullus Hostilius) — третий из легендарных царей Древнего Рима, в период правления которого Рим вел захватнические войны. Согласно легенде, прогневавший богов Тулл Гостилий был убит молнией.

Тулсидас (ок. 1532—1624), индийский поэт.

Тулуз-Лотрек (Toulouse-Lautrec) Анри (1864—1901) — французский график и живописец.

Тулика в древних языках

Санскрит содержит несколько слов, интересных для коллекции тулики*.

tul — взвешивать, обдумывать, сравнивать, выбирать.

tulana — поднятие, взвешивание.

tula — вес, весы, равновесие, равенство, сходство.

tulima — весомый.

tulya — соблюдающий равновесие, справедливый, однородный, равнозначный, соответствующий, равный по происхождению и положению.

Смысл этих слов очень близок. *Взвешивая, обдумывая и сравнивая* наши предки могли *выбрать* уникальное место, где можно обрести *равновесие, справедливость и равенство*.

Это место могло быть названо Тулой.

В латинском языке** есть слово tullium, означающее дом с колодцем, т.е. место, способное выдержать осаду.

mutulus — ракушка, убежище.

patulus — отпертый, широкий, обширный.

petulans — придиричивый, резвый, задорный, дерзкий, нахальный.

petulantia — резвость, шалость, задор, дерзость, наглость, нахальство.

petulcus — бодливый.

potulentus — годный для питья.

quantulus — малый.

Rutuli — рутулы, племя в древней Лации с главным городом Ardea.

testula — черепок для голосования у древних афинян.

titulus — надпись, титул, слава, честь, значение, блеск.

tullius — источник, фонтан.

Смысл этих слов может стать напоминанием тулякам об их исторической родине

* Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2005. (страница 245).

** Петрученко О. Латинско-Русский словарь. 1914 г.

как убежище для своих, открытым и вместительным для нуждающихся соплеменников, где можно быть задорным и резвым для своих, дерзким и бодливым для чужаков, где можно обрести честь и славу.

Современная иноязычная тулика

Современный английский язык содержит слова тулики, однозначно указывающие на истоки профессиональной деятельности тульского народа.

tool — орудие, инструмент, приспособление, резец, метод, обрабатывать, оснащать.

tool joint — замковое соединение.

tool of war — (воен.) боевое средство.

toolbar — (комп.) инструментальная панель.

tooled — обработанный.

toolman — инструментальщик.

tooltip — (комп.) подсказка.

stool — табурет, отросток, пускать побеги.

stool layer — отпрыск.

stool retention — (мед.) запор, задержка.

stooling — стеблевание, пускание побегов.

tula — скань (вид ювелирной техники из витых проволок от древнерусского скать-свивать).

tula — тульский.

tule — камыш.

tulip — тюльпан.

tulle — тюль, сеть, кружево.

tulum — кисломолочный продукт.

stulm — штольня.

stultify — сводить на нет.

Думается, что это далеко не полный список слов, имен, названий и понятий, в которых присутствует звукосочетание «тул». Но и такое их изобилие позволяет российским и зарубежным исследователям предполагать глубокую древность этого корня и считать его одним из самых распространенных следов древнейшего общего языка предков.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

— Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);

— Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);

— Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);

— Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);

— Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);

— Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);

— Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);

— Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);

— Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть, журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, СПб и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию (Учредитель ООО «Издательство «Неграфия»).

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

В четвертом квартале 2010 — начале первого квартала 2011 года в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2010, №№ 5—10; 2011, №№ 1—3.

2. *Созвучье слов живых*: Антология современной поэзии. Т. 5.— М.: «Московский Парнас», 29.— 287 с.— Содержатся избранные стихи Николая Алешина, Александра Демидова, Геннадия Дулепова, Ольги Никитиной, Анатолия Полетаева, Василия Чернышева, Светланы Шиманской, Ларисы Яшиной.

Примечание: многотомное издание современной поэзии осуществляется совместно Академией российской литературы (президент Владимир Мирнев — член редколлегии «ПЗ») и Независимым литературным агентством «Московский Парнас» (гендиректор Леонид Ханбеков — член редколлегии «ПЗ»). Многие из авторов антологии регулярно публикуются в «ПЗ»).

3. *Кристалл*. Литературно-художественный альманах / Гл. редактор Ирина Пархоменко — член редколлегии «ПЗ».— Плавск: ОАО «Щекинская типография», 2010.— 8 с., №№ 11, 12.

4. *Истоки*: Межрегиональный литературно-художественный журнал (Нижний Ингаш, Красноярский край).— 2010, №№ 1, 2.

5. *+DA TOP 20* Almanac* Best Russian Poets* (ТОП 20. Лучшие поэты России и мира; на русск. яз.; Сост. Р. М. Ягудин). Изд-во «Plus DA Publishers, New York».— 2010.— № 7—9.— 241 с.

6. *Харчиков Александр*. Бегство из рая: роман, повести, рассказы.— Тула: Гриф и К, 2009.— 432 с.

7. *Каширин Олег, Харлашкин Виктор*. Операция «Версаль»: дилогия.— Тула: Гриф и К, 2010.— 268 с.

8. *Фильчакова В. П.* Вкус жизни: Поэтически сборник.— Киев: б/у изд-ва, 2008.— 120 с.

9. *Емельянов О. В.* Управлять по-русски, или управленческие максимы в национальном фольклоре.— М.: Экономика, 2010.— 75 с.

10. *Авдеева Л. Е.* Озера памяти: Стихи.— М.: ИПЦ «Маска», 2010.— 72 с.

11. *Авдеева Л. Е.* Путь к свободе.— М.: Изд-во «Гуманитарий» АГИ, 25.— 84 с. (Историко-философская поэма, посвященная имаму Рухолла Аль-Мусви Аль-Хомейни исламской революции Ираке; на русском и персидском (фарси) языках).

12. *Прохоров С. Т.* Мой посох: Новые стихи. Избранное. Проза. Переписка.— Красноярск: Изд-во «Истоки», 2009.— 387 с.

13. *Майорова Марина (мать Иоанна), Майорова Татьяна*. Дитя Серебряного века: Сб. стихов.— Тула: риф и К, 2009.— 180 с.

14. *Иван-озеро*: Сб. произв. Тульских писателей / Сост. В. Ф. Паомов.— Тула: Гриф и К, 2010.— 488 с. (Книга издана к 50-летию Тульской писательской организации Союза писателей России. В ней представлены все тульские авторы и члены редколлегии «Приокских зорь»).

15. *Симанкин А. Ф., Алтунина Л. Д.* Эдуард Соколов — динамика вузовских перемен.— М.: б/у изд-ва, 2010. 212 с., ил. (Вышедшая к 80-летию Тульского государственного университета и посвящена научной и организационной деятельности Эдуарда Михайловича Соколова, свыше четверти века возглавлявшего университет, в том числе в самые трудные 90-е годы).

16. *Ракитин Д. Е.* Предатель: Три повести.— Новомосковск: Изд-во РХТУ им. Д. И. Менделеева (филиал), 2010.— 200 с.

17. *Свешиников О. П.* Ветер, вектор на всем белом свете: Роман-поэма.— Тула: Гриф и К, 2010.— 387 с.

18. *Медведев И. П.* Тревожные струны души: Стихотворения.— Красноярск: Изд-во «Буква С», 2010.— 192 с.

19. *Полынин Сергей*. Жить.— Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010.— 36 с.

20. *Полынин Сергей*. Сто и одна ночь.— Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010.— 108 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» в IV кв. 2010 — начале I кв. 2011 года вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2010.— 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Книга издана к 130-летию со дня рождения И. В. Сталина (Джугашвили).

2. *Лебедев Сергей*. Попрошу у Бога строчку: Стихи.— Тольятти: ОАО «КуйбышевАзот», 2011.— 167 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Агibalова И. Л.* Памяти листы: Стихи.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2010.— 80 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Сапожников В. Г.* Пронзительная осень: Стихи / Худож. оформление Ярослава Стечкина.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2010.— 24 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *Пархоменко И. В.* Ветер в крылья: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010 — 84 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Каширин Олег, Харлашкин Виктор*. Операция «Версаль»: дилогия.— Тула: Гриф и К, Гриф и К, 2010.— 268 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

7. *Сиянов А. И.* Заветное: Книга стихов.— Тула: Гриф и К, 2010.— 268 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

8. *Маркин Г. Н.* В напрасных поисках истины: Рассказы.— Щекино: АО «Щекинская типография», 2010.— 133 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также лите-

раторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2010-го года объявлены в настоящем номере «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2011-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

В преддверии 180-летия со дня рождения Николая Лескова объявлены лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» в 2010 году. Ими стали прозаик Илья Луданов (Узловая), поэт Евгений Елисеев (Новомосковск), литературовед Наум Ципис (Бремен), публицист Николай Макаров (Тула).

(«Литературная газета», 15—21.12.2010 г., № 51(6305))

Исполнилось 5 лет со дня создания Тульской писательской организации СП России. Торжественные мероприятия состоялись в Каминном зале Дома творческой интеллигенции Тулы. Свыше 20 лет организацию возглавляет известный русский поэт Виктор Пахомов. Активным членом организации является старейшая писательница России Наталия Парыгина, стоявшая у истоков ее создания

(«Литературная газета», 15—21.12.2010 г., № 51(6305))

В Тульской областной универсальной научной библиотеке открылась экспозиция «Высоцкий в самиздате», приуроченная к 73-й годовщине со дня рождения поэта, барда и актера.

(«Литературная газета», 2—8.02.2011 г., № 4(6309))

Жюри литературной премии «Ясная Поляна» начинает прием работ. Номинировать их могут литературные журналы, российские издательства, профильные издания, творческие союзы, лауреаты прошлогодних премий и члены жюри. Номинаторы должны прислать заявки на участие в премии до 15 апреля 2011 года. Подробности на сайте: http://www.yasnayapolyna.ru/Litpremia/index_03.htm.

(«Литературная газета», 2—8.02.2011 г., № 4(6309))

В тульской художественной галерее «Ясная Поляна» открылась выставка «Федор Достоевский и Лев Толстой». В экспозиции представлены мемориальные предметы,

редкие фотографии, книги из личных библиотек двух великих писателей, жизненные пути которых так и не пересеклись.

(«Литературная газета», 26.01—1.02.2011 г., № 2—3(6308))

Общественную палату Тульской области возглавил директор музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» праправнук великого писателя Владимир Толстой.

(«Литературная газета», 26.01—1.02.2011 г., № 2—3(6308))

В газете «Тульская правда» № 04(663) от 26.01.2011 г. опубликован отзыв — на полную полосу — нашего постоянного автора, полковника в отставке Николая Дронова на многотомный мемуарный роман нашего же автора Марка Дубинского «Наследники «бога войны». Вышли первые два тома в серии «Библиотека журнала «Приокские зори».

В газете «Тульская правда» № 39(647) от 6.10.2010 г. опубликован — на полную полосу — очерк нашего автора Ольги Бугримовой «Приокские зори» — журнал будущего. Литературное представление».

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

18 ноября 2010 года исполнилось 50 лет со дня создания Тульской писательской организации Союза писателей СССР (ныне РФ). Соответствующие материалы мы поместили в «ПЗ» № 4, 2010; см. также литературную страницу газеты «Тульская правда» № 48(656) от 8.12.2010 г. Редколлегия «Приокских зорь», половина членов которой состоит в Тульской писательской организации, присоединяется к многочисленным поздравлениям. В частности, поздравительные телеграммы в адрес Тульской писательской организации прислали авторы «Приокских зорь»: Людмила Авдеева (Москва), Сергей Прохоров — главный редактор журнал «Истоки» (Красноярский край), член Союза писателей России и Белоруссии Анна Лео, Тамара Булевич (Красноярск), Наум Ципис (Бремен, Германия), Игорь Лукьянов (Борисоглебск), группа писателей из Братска: Владимир Корнилов, Василий Скробот, Иннокентий Медведев, Анатолий Лисица, Геннадий Обухов, Максим Орлов, Анатолий Казаков, Николай Полехин; Борис Кобринский (Москва), Сергей Гора (Линкольн, Калифорния, США).

Прислали поздравления и многие другие постоянные авторы и читатели «Приокских зорь».

Очень теплое, дружеское поздравление получено от Нины Михайловны Лариной — директора ЗАО «Гриф и К», в котором печатают свои книги многие члены редколлегии и авторы нашего журнала.

Свои поздравления прислали или лично приветствовали представители тульских областной и городской думы, Союз писателей России. От губернатора Тульской области получено поздравление на имя Виктора Пахомова, почти двадцать лет возглавляющего Тульскую писательскую организацию:

Уважаемый Виктор Федорович!

Сердечно поздравляю Вас и весь коллектив регионального отделения Союза писателей России со знаменательным событием в жизни Тульской области — 50-летием организации!

Долгие годы она объединяет талантливых поэтов и прозаиков, сохраняет, развивает и обогащает лучшие традиции русской литературы и отечественной словесности. Региональное отделение «Союза писателей России», обращаясь к актуальным проблемам общественной жизни, последовательно отстаивая идеи духовно-

го возрождения и нравственного совершенствования людей, содействует укреплению патриотических основ.

Сегодня этот творческий союз — одна из заметных структур гражданского общества в Тульской области. Реализуя важные и интересные социальные и гуманитарные проекты, он активно участвует в культурной жизни региона.

Тульская региональная организация Союза писателей России создавалась и развивается благодаря истинным энтузиастам своего дела, талантливым людям с незаурядными организаторскими способностями, имеющим заслуженный авторитет не только в литературных кругах.

Всегда на человеке пишущем, обладающем возможностью напрямую обратиться к аудитории читателей, лежит особая ответственность за сохранение нашего достояния, нашего великого и прекрасного национального сокровища — русского слова. Им умело пользуются авторы и в индивидуальных изданиях, и в выпусках журналов «Приокские зори», газеты «Тульский литератор», коллективных сборниках писателей «Иван-озеро».

Тульская земля всегда исконно имеет богатейшее литературное наследие, которым мы особенно гордимся. Каждый из вас сохраняет в своем сердце его частичку и вносит свой вклад в культурное богатство региона на благо будущих поколений и нашего Отечества.

Желаю Вам, уважаемый Виктор Федорович, и всему писательскому составу регионального отделения здоровья, долголетия, вдохновения и творческих удач!

Губернатор Тульской области В. Д. Дудка

Редколлегия «Приокских зорь» поздравляет всех своих авторов, отмечающих день своего рождения (для воцерковленных — и именины) в январе — марте. Мы очень признательны Вам — помните, Вы — те немногие, что продолжают следовать традициям и духу великой русской и советской литературы. Творчества Вам и доступных жизненных радостей!

Поздравляем зам. главного редактора журнала по сибирским регионам Тамару Булевич: по решению Войскового круга Сибирского казачьего войска она награждена очень редкой, почетной медалью «Женщине-казачке».

Поздравляем нашего главного редактора Алексея Афанасьевича Яшина с избранием его членом Правления Академии российской литературы. Одновременно ему присвоено академическое звание «Заслуженный деятель науки и образования» — за достижения в биофизической науке и в подготовке научных кадров.

Межрегиональный литературно-художественный журнал «ИСТОКИ» В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Нижний Ингаш — восточная окраина огромного Красноярского края. Когда-то этот район был знаменит лесоповалом с множеством лагерных учреждений, Всесоюзными Решетинским Канифольным и Тинским ремонтно-механическим заводами, да краевой психиатрической больницей.

Сегодня об этом регионе больше говорят, как о малой родине всемирно известного художника — сибирского Матиса Андрея Поздеева, писателя Николая Устиновича... а с некоторых пор межрегионального литературно-художественного журнала «Истоки».

Созданный в 2006 году журналистом, поэтом Сергеем Прохоровым на основе двух литературных объединений: «Парнас» (п. Нижний Ингаш) и «Родничок»

(г. Иланский), он перешагнул границы этих районов. Сегодня «Истоки» читают в Курагино, Минусинске, Железногорске, Енисейске, Ужуре, Красноярске, Норильске... И не только в крае. Получил прописку журнал и во многих других регионах России. На востоке: в Братске, Иркутске, Алдане, Хабаровске, Ангарске, Владивостоке, на западе: в Томске, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Москве, Санкт-Петербурге, в Ростовской области. Несколько номеров шагнули за рубеж: Казахстан, Украину, Белоруссию, Германию, Финляндию...

На IV-й ярмарке книжной культуры в г. Красноярске журнал «Истоки» был отмечен как интересный и перспективный проект среди современных литературных изданий.

За 4 года в журнале выступило около двухсот авторов. Журнал получил оценку в московской прессе: «Российский Писатель», «Патриот», в нижегородском журнале «Вертикаль». Среди рецензеров журнала такие известные в писательском мире люди, как русский писатель, лауреат международных премий, член Международного Сообщества Писательских Союзов, почетный профессор Московского университета им. Шолохова Олег Николаевич Шестинский, знаменитый российский писатель-классик Валентин Григорьевич Распутин, писатель-публицист Валерий Викторович Сдобняков...

«...Считаю эту инициативу (издание в провинции литературно-художественного журнала) не только хорошей, но необходимой: приходит в память и возвращаться к родным истокам только таким образом и можно». Из письма В. Г. Распутина редактору журнала «Истоки» С. Прохорову.

«...А ваш журнал, как бы он ни был молод и в чем-то еще несовершенен, знаковое событие: что глубинная Россия мыслит, ищет, что она добрее и чище, чем столицы, что она принесет Родине духовное спасение...» Из письма О. Н. Шестинского редактору С. Т. Прохорову.

«...Успехов тебе и твоим «Истокам». Доброе дело ты делаешь на нашей грешной земле. Молодец! Твой А. Чмыхало. 9. 8. 2010 года. Красноярск». Из письма писателя Анатолия Чмыхало редактору журнала «Истоки» Сергею Прохорову:

Тепло отозвался о провинциальном журнале литературный критик Валентин Курбатов, оценив статью кандидата филологических наук Антонины Пантелеевой о Викторе Астафьеве: «Нам бы вернуться к его высоте», ставшей вступительной статьей в вышедшей недавно книге о писателе «Река жизни Виктора Астафьева». Привлек внимание журнал «Истоки» семью Беловых: писателя Василия Ивановича Белова и его супругу Ольгу Сергеевну. Вот письмо из Вологды:

Уважаемый Сергей Тимофеевич! Спасибо Вам за патриотический журнал «Истоки». В нем такие разнообразные, интересные и очень нужные людям публикации. Дай Бог Вам здоровья, сил и удачи в этом благородном деле!

Будьте благополучны! Творческих Вам успехов.

С уважением, Василий Иванович и Ольга Сергеевна Беловы.

Среди авторов журнала лауреат Нобелевской премии, польская писательница Вислава Шимборская, поэт Михаил Андреев, чьи песни звучат по всей России, поэты-красноярцы Николай Еремин, Анатолий Третьяков; Владимир Корнилов — лауреат Международной премии

«Звезда полей 2010» из Братска и много других не менее популярных поэтов и прозаиков. А рядом с ними творчество молодых авторов, открывающих для себя и для читателя мир литературы и искусства.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

С удовольствием и радостью познакомился со вторым выпуском литературно-художественного альманаха «Наука с музами дружит», который прислал мне мой друг журналист и писатель Сергей Львович Щеглов (Норильский).

Издание, осуществляемое Тульским государственным университетом, одним из самых замечательных в России, свидетельствует об особенной стати этого учебного заведения и культурного центра,— его гуманитарной направленности, неразрывно связанной с научной работой. Именно эта связь выражена в заглавии альманаха.

Глубоко сочувствую деятельности главного редактора и составителя альманаха — писателя и ученого Алексея Афанасьевича Яшина, который является также издателем и главным редактором великолепного журнала «Приокские зори», одного из заметных периодических литературно-художественных и публицистических изданий новой России. Вспоминаю, как в 1956—57 годах студент Тульского политехнического института, из которого впоследствии вырос теперешний государственный университет, я был инициатором и составителем двух литературно-художественных сборников. Издать их типографским способом тогда не удалось, они остались в машинописных экземплярах. И вот теперь, полвека спустя, мечта молодых энтузиастов осуществляется в Тульском государственном университете благодаря усилиям таких людей, как А. А. Яшин и его соратники. От всей души желаю успешного продолжения этого славного дела!

*Владимир Лазарев, Моунтэн Вью, Калифорния, США
Ноябрь, 2010*

Здравствуйте, уважаемый Алексей Афанасьевич!

18 ноября отправила поздравительную телеграмму в связи с пятидесятилетием служения традициям великой русской литературы в Тульскую писательскую организацию на имя В. Ф. Пахомова. Поздравляю с юбилеем организации лично Вас и весь коллектив и авторов «Приокских зорь».

Выполнила ваше «здание» и передала журнал № 3 для Александры Николаевны Пахмутовой. Произошло это тоже 18 ноября в концертной студии радио «Орфей», где, в рамках ежегодного фестиваля «Московская осень» состоялась запись восьмой симфонии Андрея Яковлевича Эшпа, у которого уходящий год юбилейный. Среди приглашенных был Олег Борисович Галахов, председатель правления Московского отделения Союза композиторов. Журнал непосредственно Пахмутовой передаст его секретарь Мария. А в конверт с журналом и Вашим письмом я вложила записку с просьбой А. П. по возможности сообщить Вам о получении и впечатлении. Публикацией заинтересовались заслуженная артистка, скрипачка Леонора Дмитрико, пианистка, профессор консерватории Татьяна Рубина. (Я была приглашена на запись, так как А. Я. Эшпаю понравилась моя книга «Озера Памяти», в которой есть стихи, написанные после испытанного «потрясения» от патриотической симфонии «Переход Суворова через Альпы», звучавшей на его юбилее в зале Чайковского). О. Б. Галахов выступил с очень эмоциональной речью не только о легендарной музыке Эшпа, но и о «времени перепутья», на котором оказалось нынешнее искусство.

...Небольшой комментарий к моей стихотворной книге (на русском и фарси) «Путь к свободе». Работая в Иране в годы революции и ирано-иракской войны мы с мужем были очевидцами исторического возвращения имама Хомейни в Тегеран после 15-летней ссылки и потом видели его и слушали «в живую», о чем я писала в «Записках очевидца» и многих научных статьях. «Политическое завещание» имама,

можно сказать, моя настольная книга. Многие «жизненные премудрости» стали эпиграфами книги-поэмы «Путь к Свободе», посвященной судьбе имама с рождения до смерти, революционным событиям, иранским женщинам, молодежи и т.д. В октябрьскую поездку в Иран была приятно удивлена, что переведенные на фарси эта моя книга и вторая «Источник мудрости» есть в Национальной библиотеке Тегерана и других организациях, изучающих Россию и страны СНГ. Сейчас тоже работаю над материалами по поездке, так как было много интереснейших встреч и масса впечатлений. Надо было видеть, как встречали Ахмадинежада в провинции Ардебиле, где он был раньше губернатором. А его поездка в Ливан была по грандиозности сравнима с встречей имама Хомейни в аэропорту в 1979 г. Все улицы ранним утром, на рассвете заполнены были людьми с цветами, транспарантами, с радостью неподдельной пели, выкрикивали лозунги. Ахмадинежад даже не скрывал слез. Нам бы такое единение народа. Много можно рассказать, но дорожу Вашим временем.

Ваш автор Людмила Авдеева (Москва)

Президент Исламской Республики Иран Махмуд АХМАДИНЕЖАД.
Рис. Геннадия Животова (Газета «Завтра», № 2(895), 2011)

Уважаемая редакция «Приокских зорь»!

Примите нашу искреннюю признательность за Ваше внимание к музею Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», за интересные материалы, который Вы любезно передали в дар музею.

Среди них особую ценность для нас представляют материалы о педагогической деятельности Л. Н. Толстого, для которого школа была «поэтическим, прелестным делом». Актуально звучат в наше время статьи Г. И. Баланюк — «Проблема прочности знаний в дидактических взглядах Л. Н. Толстого» в сборнике «Л. Н. Толстой как педагог» (Тула, 1969), «Лев Толстой и советская школа», «Прочность знаний и место первичного закрепления знаний в процессе обучения», посвященные проблемам обучения детей и изучения произведений Л. Н. Толстого в школе, их эстетическом и познавательном воздействии на учащихся. Образ Г. И. Баланюк, личности яркой, незаурядной, человека увлеченного, педагога-новатора, «педагога милостью божьей» раскрывается в публикации «Пора воздать должное» О. Н. Бугримовой.

Мы благодарим Вас за статью В. Бондаренко «Почему ушел Толстой?», где автор делится с читателями размышлениями по поводу книги П. Басинского «Лев Толстой. Бегство из рая», изданной в 2010 г. и посвященной 100-летию Ухода и Памяти Л. Н. Толстого.

Наряду с толстовскими материалами фонды нашей научной библиотеки пополняются, благодаря Вам, журналами по литературному краеведению: очередным выпус-

ком журнала «Приокские зори» (№ 3, 201 г.) и литературно-художественным альманахом «Наука с музами дружит». Отрадно, что на страницах журнала «Приокские зори» представлен широкий спектр литераторов Тулы и области, литераторов России. Привлекает внимание рубрика «Литературоведение, литературная критика, рецензии», с публикациями о Доме творчества, связанном с именами В. Ф. Руднева, В. В. Вересаева, Г. Н. Каминского, о деятельности Академии Российской литературы. Несомненный интерес также представляет альманах «Наука с музами дружит», где опубликованы произведения профессиональных и самодеятельных авторов.

Спасибо Вам огромное за Ваш благородный труд, за прекрасную возможность общения с Вами! Желаем Вам, Алексей Афанасьевич и Марина Григорьевна, здоровья и благополучия, творческих успехов и всего самого доброго!

С уважением, научн. сотр. Музея-усадьбы «Ясная Поляна» И. А. Бочарова

Здравствуйте, уважаемый Алексей Афанасьевич

Вчера, 11 ноября, получил «Приокские зори» №3. Юбилейный номер вполне получился: талантливая проза (по-моему, ни одного промаха) и хорошая поэзия. А повесть-поэма Елисеева — не только его, но и редакционный подвиг. Подозреваю, что «контрольный пакет» в решении этой публикации был все же у Вас. В «одиночном же разряде», в жанре рассказа одна удача за другой. Ваша же «Подводная лодка» доставила мне истинное удовольствие. Не в письме детализировать, но возьму на себя смелость и скажу: в том, что это несомненная удача, сомневаться не приходится. Лег на душу по близкой моей теме рассказ Ирины Кедровой. Ее княжна Предслава — талантливая притча с живыми героями. Повторюсь: проза вся высокой пробы. Колонка главного редактора, по-моему, проблемна, информативна, аналитична и, что понравилось, очень личностна.

Не стану говорить о других рубриках: пока еще не все прочел. Да и цель этого письма не рецензионная — краткий, в силу письма же, отзыв по первочтению.

Спасибо, что поместили «Мадонну» в такую высокую компанию. Диплом (третья страница обложки) нам с ней понравился. Поздравляю редакцию, редколлегию и Вас с таким номером. А невидимые миру слезы — зачтутся в ноосфере Вернадского. Здоровья Вам и добра.

Ваш Наум Ципис, Бремен, Германия

Уважаемая редакция «Приокских зорь»!

Посылаю Вам вышедшую в январе книгу своих стихотворений.

Долго размышлял и все-таки взял на себя смелость поставить на сборник логотип «Библиотека журнала «Приокские зори». Сомнения были в том, что могу ли я с качеством своих работ претендовать на установку данного логотипа. Так что извините за смелость. Выпуская книгу самиздатом, приходится быть и редактором и корректором. Но я старался и думаю, что получилось не совсем плохо. В аннотации к сборнику постарался указать все причины и следствия.

*С уважением и пожеланием творческих успехов,
Лебедев Сергей, Тольятти*

Уважаемая редакция «Приокских зорь»!

Недавно только вернулся из Крыма (Украина), с международного фестиваля — и не с пустыми руками. Можете меня поздравить — на Втором международном литературном фестивале «Славянские традиции-2010» меня наградили несколькими дипломами:

1. Дипломом лауреата международного фестиваля «Славянские традиции-2010».
2. Дипломом Всеукраинского Конгресса литераторов.
3. Международным дипломом зрительских симпатий фестиваля «Славянские традиции-2010» — (3-е место).
4. Международным дипломом в номинации «стихоборье» — (3-е место).

А главными моими достижениями на этом престижном фестивале, в котором принимали участие представители — поэты и прозаики из 13 стран ближнего и дальнего зарубежья,— были две международные литературные премии, которые вручили мне — это премия Всеукраинского Конгресса литераторов им. Юрия Каплана и вторая, очень престижная международная премия — это литературная премия им. Владимира Даля. На фестивале удостоились этой премии лишь мы с Владимиром Андреевичем Костровым — председателем жюри. А из участников наградили только одного меня.

Вот с такими радостными вестями я приехал домой, в родной Братск, и делюсь этой безмерной радостью теперь, Алексей Афанасьевич, с Вами и с читателями Вашего замечательного журнала «Приокские зори».

До свидания. С глубоким к Вам уважением и благодарностью за доброе отношение к моему творчеству,

Владимир Корнилов, 14 сентября 2010 г., г. Братск

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 25.03.2011
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-диск с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

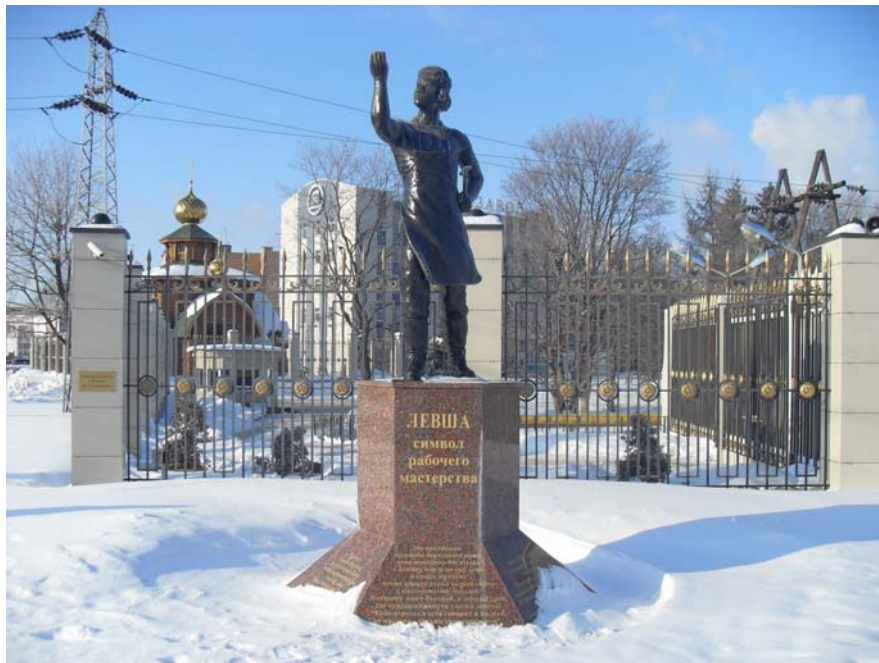
Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

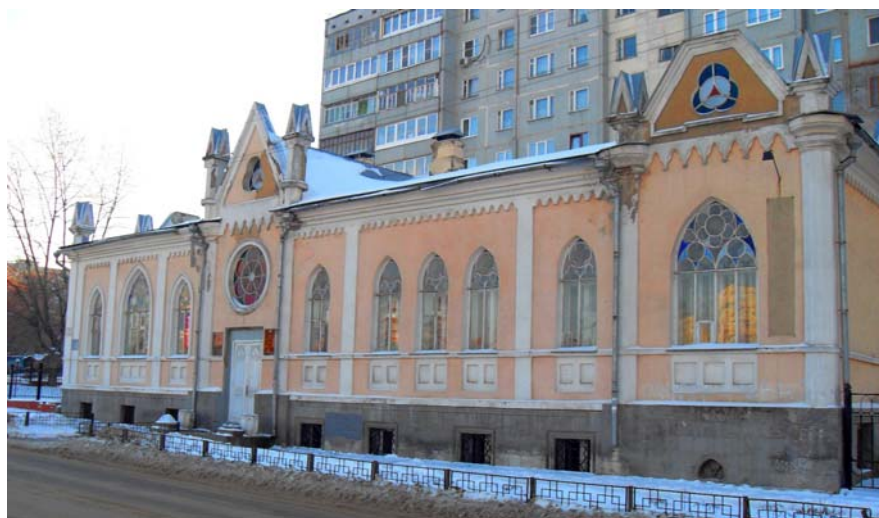
С признательностью — редколлегия журнала

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА ТУЛЫ

(фото Геннадия Маркина)

Памятник легендарному лесковскому Левше на правом, высоком, берегу реки Упы на фоне Тульского машиностроительного завода («Нового оружейного», как его называют в Туле), построенного в 1916 году для выпуска пулеметов «Максим». Слева — в фото не вошел — знаменитый ТФЗ, основанный Петром Первым.

Бывший купеческий особняк на улице Каминского, ныне Дом творчества, где располагается Тульская писательская организация Союза писателей России. В Туле это здание называют «Домом Каминского» по имени Григория Каминского, государственного и политического деятеля, жившего в этом доме в 20-х годах.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

Илья Игоревич Луданов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за рассказы «Путь» («ПЗ» № 1, 2010) и «Ясный день» («ПЗ» № 4, 2010). Журналист на телевидении, заочно учится в Литературном институте им. А. М. Горького. Живет в городе Узловой.

Евгений Иванович Елисеев — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за повесть-поэму «Музыкант» («ПЗ» № 3, 2010). Ландшафтный лесовод, экономист и преподаватель. Служил на Северном флоте на крейсере «Железняков». Живет в городе Новомосковске.

Николай Алексеевич Макаров — в жанре публицистики, включая историко-политическую. Удостоен звания лауреата за цикл публикаций в «ПЗ» №№ 1—4, 2010. Гвардии майор медицинской службы в отставке. Писатель, краевед, военный историк. Живет в городе Туле.

Наум Эфроимович Ципис — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за очерки-эссе «Сны на русском языке» («ПЗ» № 1, 2010) и «Прогулки с Мадонной», «Возвращение Мадонны» («ПЗ» № 3, 2010). Учитель, журналист, писатель. Жил и работал на Украине, в России и Белоруссии. Сейчас живет в городе Бремене, Германия.